

ЗАПИСКИ ИИМК РАН

• 2018 •

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

No. 19

St. Petersburg
2018

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

№ 19

Санкт-Петербург
2018

ББК 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2018. № 19. 206 с.

ISSN 2310-6557

Transactions of the Institute for the History of Material Culture. St. Petersburg: IHMC RAS, 2018. No. 19. 206 p.

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (гл. редактор), В. А. Алёшкин, С. В. Белецкий, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель гл. редактора), А. К. Очередной

Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, M. Yu. Vakhtina, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), A. K. Otcherednoi

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, В. Я. Стёганцева, Е. В. Новгородских

Publishing group: L. B. Kircho, V. Ya. Stegantseva, E. V. Novgorodskikh

В № 19 «Записок ИИМК РАН» представлены научные работы, отражающие новейшие открытия и исследования в области археологии и древней истории. Раздел «Статьи» открывает серия работ С. Н. Астахова, П. Е. Нехорошева и А. К. Каспарова по проблемам палеолита Сибири. Л. Б. Вишняцкий на материалах неолита западной части Евразии приводит аргументы в пользу гипотезы об учащении и ужесточении вооруженных конфликтов по мере становления и развития производящего хозяйства. В статье Л. Б. Кирчо прослежены истоки контактов Южного Туркменистана и Южного Таджикистана в эпоху бронзы. Д. Г. Савинов и В. В. Бобров публикуют эталонный памятник андроновской культуры. В еще одной статье Д. Г. Савинов сформулировал гипотезу образования скифо-сибирского культурного пространства. М. Т. Кашуба обосновывает конвергентное появление ранних фибул Кавказа. В обширной работе А. Лухтанаса и О. В. Полякова развенчивается гипотеза о миграциях западнобалтского племени галиндов в Западную Европу. В статье Е. Н. Носова и Н. В. Хвощинской на широком историческом фоне прослежена судьба княжеского храма начала XI в. на Рюриковом городище под Новгородом. Изучению Старой Ладogi посвящены работы А. Н. Кирпичникова, В. А. Лапшина, Н. В. Григорьевой и П. А. Миляева. А. И. Сакса реконструирует историю застройки одного из участков Выборга на протяжении XV — начала XVIII вв. В разделе «Рецензии» проведен подробный разбор двухтомной публикации материалов уникального древнерусского некрополя X — начала XI в. на территории Пскова.

Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музейщикам, студентам исторических факультетов вузов.

The papers included in the 19th issue of the “Transactions of IHMC RAS” reflect recent discoveries and advances in archaeology and ancient history. The section of Research Papers opens with a series of works by S. N. Astakhov, P. E. Nehoroshev and A. K. Kasparov devoted to the problems of the Paleolithic of Siberia. L. B. Vishnyatsky uses the materials from the Neolithic of Western Eurasia to argue in favor of the hypothesis which links the increase in frequency and scale of armed conflicts with the formation and development of producing economy. The paper by L. B. Kircho traces the beginnings of contacts between South Turkmenistan and South Tajikistan in the Bronze Age. D. G. Savinov and V. V. Bobrov describe an important site of the Andronovo culture. In another paper, D. G. Savinov presents his hypothesis of the formation of the Scythian-Siberian cultural space. M. T. Kashuba makes the case for convergent appearance of the earliest fibulae in the Caucasus. The extensive paper by A. Luchtanas and O. V. Poljakov debunks the hypothesis that the West Baltic tribe of Galindans migrated to the west of Europe. E. N. Nosov and N. V. Khvoshchinskaya elucidate the history of the princely Church of Annunciation built in the early XI c. at Rurik Gorodishche near Novgorod. The works by A. N. Kirpichnikov, V. A. Lapshin, N. V. Grigorieva and P. A. Milyaev deal with the study of Staraya Ladoga. A. I. Saksa reconstructs the building history of a homestead in Vyborg during the XV — early XVIII c. The section of Reviews contains a detailed analysis of the two-volume publication of materials from the unique Old Russian necropolis of the X — early XI c. in the city of Pskov.

The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>С. Н. Астахов, П. Е. Нехорошев.</i> Новые находки палеолита в Туве	7
<i>С. Н. Астахов.</i> Шурфы-шахты для добычи каменного сырья в палеолите на Титовской Сопке	13
<i>А. К. Каспаров, П. Е. Нехорошев.</i> К вопросу о возрасте и типе верхнепалеолитических памятников Берёзовский разрез 1 и 2	20
<i>Л. Б. Вишняцкий.</i> Наконечники в костях. База данных для позднего каменного века западной Евразии	36
<i>Л. Б. Кирчо.</i> Путь на восток (контакты Южного Туркменистана и Южного Таджикистана в III тыс. до н. э.)	56
<i>Д. Г. Савинов, В. В. Бобров.</i> Эталонный памятник андроновской культуры в Кемеровской области	70
<i>М. Т. Каишуба.</i> Ранние фибулы Кавказа в работах Ю. Н. Воронова	80
<i>Д. Г. Савинов.</i> К теории образования скифо-сибирского культурного пространства	91
<i>И. Ю. Шауб.</i> О ритуальной функции веретена из погребения «царицы» в кургане Куль-Оба	103
<i>А. Лухтанас, О. В. Поляков.</i> Галинды на просторах Европы — археологическая, историческая, лингвистическая реальность или вымысел?	112
<i>Е. Н. Носов, Н. В. Хвоцинская.</i> Древний ров Рюрикова городища и судьба княжеского храма Благовещения 1103 г.	137
<i>А. Н. Кирпичников, В. А. Лапшин, Н. В. Григорьева.</i> Об одном типе построек раннесредневековой Ладogi	148
<i>В. А. Лапшин, П. А. Миляев.</i> Новые исследования на Варяжской улице в Старой Ладoge	157
<i>С. В. Белецкий.</i> Граффито из собора Юрьева монастыря близ Новгорода	165
<i>А. И. Сакса.</i> Выборг, строительная история межевого участка у дома 8 по ул. Выборгская	173

РЕЦЕНЗИИ

<i>Е. Н. Носов, Н. В. Хвоцинская.</i> Открытия погребальных памятников на территории г. Пскова (на пороге археологической сенсации)	191
---	-----

AD MEMORIA

<i>С. В. Красниенко.</i> Памяти Э. Б. Вадецкой (1936–2018)	202
Список сокращений	204

CONTENS

RESEARCH PAPERS

<i>S. N. Astakhov, P. E. Nehoroshev.</i> New discoveries of Paleolithic sites in Tuva	7
<i>S. N. Astakhov.</i> Paleolithic stone quarry mines on Titovskaya Sopka	13
<i>A. K. Kasparov, P. E. Nehoroshev.</i> On the age and type of the Upper Paleolithic sites Berezovskiy razrez 1 and Berezovskiy razrez 2	20
<i>L. B. Vishnyatsky.</i> Projectiles in bones. A database for the Late Stone Age of Western Eurasia	36
<i>L. B. Kircho.</i> Road to the east (contacts between South Turkmenistan and South Tajikistan in the III millennium BC)	56
<i>D. G. Savinov, V. V. Bobrov.</i> Reference site of the Andronovo culture in the Kemerovo oblast	70
<i>M. T. Kashuba.</i> Early Caucasian fibulae in Yu. N. Voronov's works	80
<i>D. G. Savinov.</i> Towards the theory of formation of the Scythian-Siberian cultural space.....	91
<i>I. Yu. Schaub.</i> On the ritual function of the spindle from the “Queen” burial in the Kul-Oba barrow	103
<i>A. Luchtanas, O. V. Poljakov.</i> Galindans on the expanses of Europe — archaeological, historical, linguistic reality or fiction?	112
<i>E. N. Nosov, N. V. Khvoshchinskaya.</i> Ancient ditch of Ryurik Gorodishche and the destiny of the princely Church of Annunciation built in 1103	137
<i>A. N. Kirpichnikov, V. A. Lapshin, N. V. Grigorieva.</i> About one type of buildings in Early Medieval Ladoga	148
<i>V. A. Lapshin, P. A. Milyaev.</i> New research on Varyazhskaya street in Staraya Ladoga	157
<i>S. V. Beletsky.</i> Graffito from the Cathedral of the Yuriev monastery near Novgorod	165
<i>A. I. Saks.</i> Vyborg: the construction history of a boundary area near building No. 8 on Vyborgskaya street	173

BOOK REVIEWS

<i>E. N. Nosov, N. V. Khvoshchinskaya.</i> Discoveries of burial sites on the territory of Pskov (on the threshold of an archaeological sensation)	191
--	-----

AD MEMORIA

<i>S. V. Krasnienko.</i> To the memory of E. B. Vadetskaya (1936–2018)	202
List on abbreviations	204

СТАТЬИ

НОВЫЕ НАХОДКИ ПАЛЕОЛИТА В ТУВЕ¹

С. Н. АСТАХОВ, П. Е. НЕХОРОШЕВ²

Ключевые слова: методика поиска палеолитических памятников, средний палеолит, Тува, местонахождение Ээрбек 1, «Долина Царей».

В 2012 г. палеолитическая группа Тувинской экспедиции ИИМК РАН провела обследование землеотвода в Кызыльском и Пий-Хемском р-нах Тувы по трассе строящейся железной дороги Кызыл–Курагино на участке от границы Красноярского края до будущей железнодорожной станции Кызыл-пассажирский (рис. 1). В нижнем течении р. Ээрбек обнаружено местонахождение каменных изделий палеолитического облика. Судя по технике изготовления и типам найденных орудий (рис. 2, 1–7), это местонахождение, получившее наименование Ээрбек 1, может относиться к эпохе древнее 50 000 л. н. Обследование участка землеотвода в «Долине Царей» позволяет предположить обнаружение каменных изделий на предгорных шлейфах Куртушибинского хребта.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-19-7-12

В 2012 г. палеолитическая группа Тувинской экспедиции ИИМК РАН провела предварительное обследование землеотвода в Кызыльском и Пий-Хемском районах Тувы по трассе строящейся железной дороги Кызыл–Курагино на участке от границы Красноярского края до железнодорожной станции Кызыл-пассажирский, расположение которой запланировано на правом берегу Верхнего Енисея, в 500–600 м ниже по течению от автомобильного моста (рис. 1).

Специальных поисков памятников каменного века на этом участке трассы ранее не проводилось, хотя в 2010 г. профессор кафедры археологии и этнографии Гуманитарного института Новосибирского ГУ Л. В. Лбова, при посещении Тувинской экспедиции, нашла некоторое количество каменных изделий (личное сообщение).

Рельеф Тувы представляет собой чередование котловин, вытянутых преимущественно в широтном направлении и разделенных горными хребтами. Кызыльский и Пий-Хемский районы находятся в Турано-Уюкской и Центрально-Тувинской

¹ Исследование проведено по программе ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0012 «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде».

² С. Н. Астахов и П. Е. Нехорошев — Отдел палеолита, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

Рис. 1. Обследование по трассе строящейся железной дороги Кызыл–Курагино: *a* — местонахождение Эербек 1; *b* — находки отдельных каменных изделий; *v* — курганы; *z* — трасса обследования. Врезка: участок нижнего течения р. Эербек

Fig. 1. Prospecting works along the proposed railway Kyzyl–Kuragino: *a* — Eerbek 1 site; *b* — finds of isolated stone artifacts; *v* — barrows; *z* — exploration route. Inlet: lower reaches of the Eerbek river

котловинах. Проектируемая трасса железной дороги пересекает Турано-Уюкскую котловину с севера на юг и далее проходит по долине р. Эербек.

Методика поиска археологических объектов в Туве определяется не только общепринятыми в археологии методическими правилами и приемами, но и спецификой ландшафтов этого региона. Территория Тувы, географически принадлежащая к северной окраине Внутренней Азии, входит в зону полупустынных и степных ландшафтов с преобладанием активной денудации, разрушающей рыхлые отложения или сдерживающей их накопление на поверхности террас, плато, предгорных

шлейфов и иных форм рельефа. В результате культурные остатки различных эпох каменного века, освобожденные от отложений, вмещавших их изначально, оказываются переотложенными или спроецированными на современную дневную поверхность. Это своеобразные памятники, состоящие только из комплексов каменных артефактов, в некоторых случаях разновременных, лежащих на дневной поверхности (Астахов 1998: 109).

Долины рек в своей нижней части обычно не покрыты лесом, а только редкой травянистой растительностью, иногда кустарничками караганы (разновидность акации). Поиск сводился к определению перспективных мест для стоянок или стоянок-мастерских (обычно прируслового типа или у выходов сырья) путем реконструкции различных элементов древнего ландшафта и последующего тщательного обследования дневных поверхностей. Особое внимание было уделено различным участкам склонов и промоин. Такая методика проведения разведок отработывалась одним из авторов (С. Н. Астахов) в Туве с 1965 г. Аналогичный метод разведок использовали в Монголии сотрудники экспедиций А. П. Окладникова и А. П. Дервянко. Основное различие в типах памятников Монголии и Тувы состоит в масштабах: тувинские памятники не столь велики по площадям и по насыщенности артефактами. Следует отметить, что палеолитические памятники в Туве вряд ли следует называть местонахождениями — это стоянки с поверхностным залеганием культурных остатков. Условия их первоначального залегания, несомненно, претерпевали изменения — материалы сползали по склонам, иногда смешивались с более поздними комплексами и в настоящее время планиграфически не всегда соответствуют своему исходному положению.

Информация, которую можно извлечь при анализе таких памятников, ущербна, но есть и весомое преимущество — это возможность быстро изучить обширные территории и получить материалы без трудоемких раскопок (Астахов 2008: 29). Основной недостаток таких сборов состоит в том, что корреляция комплексов и создание относительной хронологии возможны, в основном, при использовании только типологического анализа и геоморфологических данных с неизбежными в таких случаях неопределенностями и пробелами.

После предварительного обзора полосы землеотвода для трассы железной дороги в долине р. Ээрбек и в Турано-Уюкской котловине (рис. 1), шириной 100–150 м, обозначенной на всем протяжении вешками, для поиска памятников палеолита с применением отработанной за многие годы и оправдавшей себя методики был выбран участок нижнего течения реки от пруда до строящейся железнодорожной станции Ээрбек-товарный протяженностью около 9 км.

Примерно в 12 км выше по течению от места впадения р. Ээрбек в Верхний Енисей или в 3 км ниже пруда на правом борту долины были собраны достоверные каменные изделия палеолитического типа. Этот пункт, названный Ээрбек 1, локализуется в 40 м к востоку от подошвы 40-метровой правобережной террасы. Координаты центральной части пункта: N 51° 43' 47,40"; E 94° 11' 30,75"³.

Каменные изделия собраны на поверхности террасы высотой 12–14 м над руслом реки. Терраса сложена маломощным суглинком, залегающим под тонкой

³ К сожалению, в первой публикации (Астахов 2018: 173) координаты памятника указаны неточно.

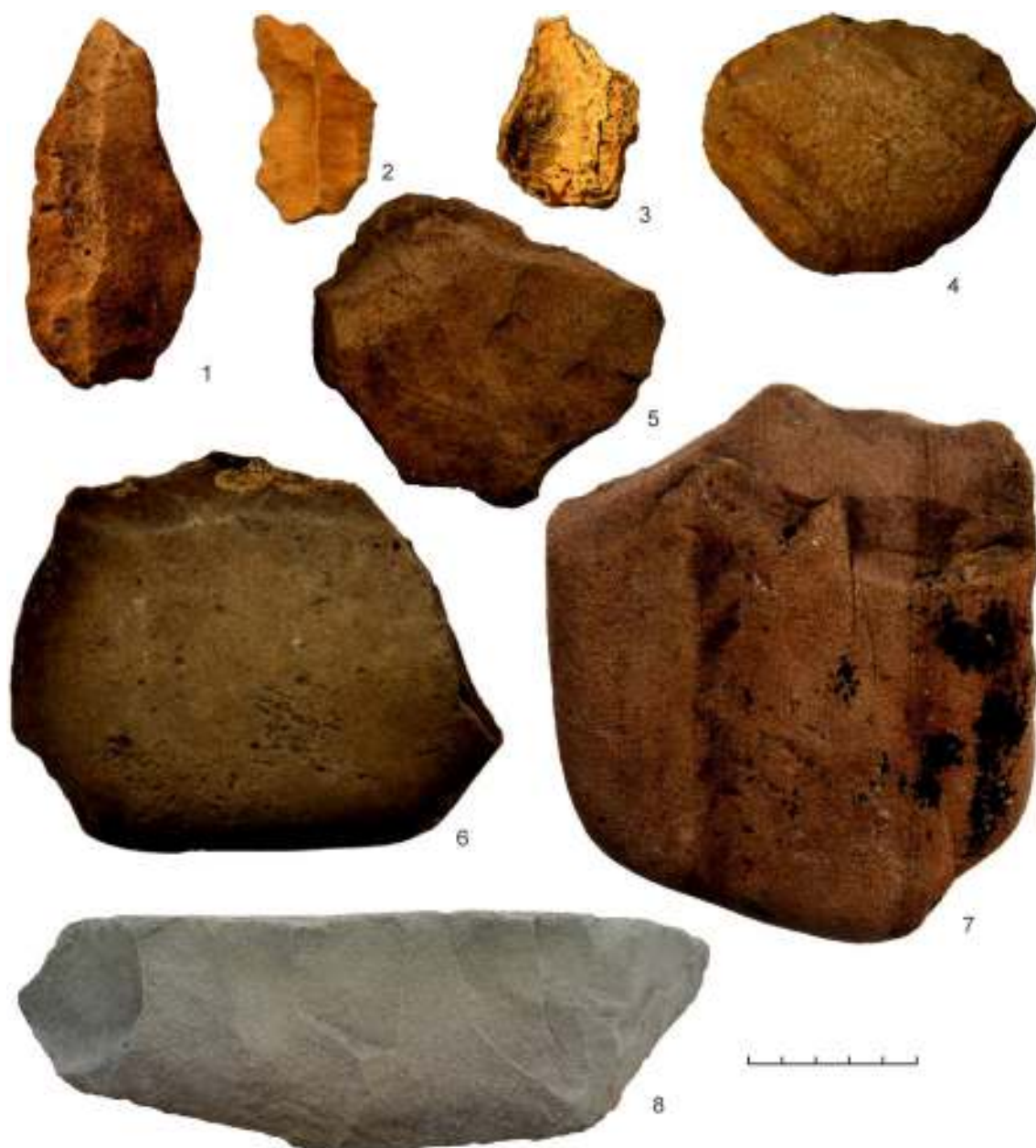

Рис. 2. Каменные изделия: 1-7 — пункт Эербек 1 (1 — унифас; 2 — отщеп; 3 — леваллуазский отщеп с ретушью; 4 — скребло на гальке; 5 — скол; 6 — чоппер; 7 — чоппер с носиком); 8 — нуклеус (отдельная находка)

Fig. 2. Stone artifacts: Eerbek 1 (1-7) (1 — uniface; 2 — flake; 3 — retouched Levallois flake; 4 — sidescraper on a pebble; 5 — spall; 6 — chopper; 7 — nosed chopper); 8 — core (isolated find)

современной почвой, при этом основное тело террасы состоит из галечника с валунами. Поверхность террасы сравнительно ровная и имеет заметный уклон к реке. Травянистая растительность редкая, есть открытые участки, что и позволило без раскопок собрать небольшую коллекцию изделий. Площадь распространения находок составила примерно 150 × 60 м; изделия встречались редко, не образуя скоплений. Всего найдено 12 предметов: 5 чопперов (рис. 2, 6, 7), унифас (рис. 2, 1),

чоппинг, скребло на гальке (рис. 2, 4), нуклеус, леваллуазский отщеп с ретушью (рис. 2, 3), отщеп (рис. 2, 2) и скол (рис. 2, 5).

Несмотря на немногочисленность находок, входящих в обнаруженный комплекс, техника изготовления и типы орудий позволяют датировать его временем по крайней мере древнее 50 000 л. н. Определить культурную принадлежность находок пока трудно, но есть отличия от саглыньских и торгалыкских леваллуа-мустьерских комплексов: в Ээрбек 1 много чопперов, что сближает его с каа-хемскими памятниками. Для более обоснованного вывода потребуются дополнительные разведки этого участка долины.

В ходе обследования долины р. Ээрбек также были сделаны отдельные находки (рис. 1, 1). На второй (?) надпойменной террасе в 1200 м к юго-востоку от пруда (N 51° 44' 39,23"; E 94° 11' 14,76") было обнаружено нуклевидное изделие (рис. 2, 8). В 2 км к югу от пункта Ээрбек 1 также с поверхности второй (?) надпойменной террасы подняты два отщепы (N 51° 42' 31,84"; E 94° 11' 40,43"), а еще один отщеп (N 51° 41' 52,42"; E 94° 11' 22,71") найден в распадке, в 500–600 м от правого берега реки.

При предварительном осмотре участка трассы в Турано-Уюкской котловине (рис. 1), протяженностью около 22 км (от Белых озер до Куртушибинского хребта, точнее до входа будущей железной дороги в туннель со стороны Тувы) каменных изделий обнаружено не было. Однако в этом регионе известны случайные находки каменных изделий палеолитического облика. Так, по информации, полученной от ст. науч. сотр. Государственного Эрмитажа К. В. Чугунова (личное сообщение), в насыпях курганов, в частности, кургана Ченгетей сотрудниками его экспедиции были найдены леваллуазский нуклеус и серия отщепов, что позволяет предполагать наличие среднепалеолитических памятников в «Долине Царей» (центральная и западная части Турано-Уюкской котловины). Не исключено, что аналогичные находки будут сделаны и на предгорных шлейфах, а также при будущих земляных работах во время строительства железнодорожной ветки.

Таким образом, даже обследование узкой полосы землеотвода трассы строящейся в Туве железной дороги продемонстрировало не только наличие памятников эпохи палеолита в долине нижнего течения р. Ээрбек, то есть севернее известных ранее аналогичных объектов (Астахов 2009; 2011; Деревянко и др. 1999), но и перспективы их дальнейших поисков в Кызыльском и Пий-Хемском р-нах.

Литература

Астахов 1998 — Астахов С. Н. Палеолит Тувы (некоторые итоги) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Материалы всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию А. Д. Грача. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 109–114.

Астахов 2008 — Астахов С. Н. Палеолитические памятники Тувы. СПб.: Нестор-История, 2008. 178 с.

Астахов 2009 — Астахов С. Н. Древний каменный век Республики Тыва (итоги изучения и перспективы исследования) // Нурзат У. Б. (сост.). Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и использование: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Кызыл, 9–10 сентября 2009 г. Кызыл: Коммерческий центр образования «Аныяк», 2009. Ч. 1. С. 34–39.

Астахов 2011 — *Астахов С. Н.* Палеолит Республики Тыва (история исследования — вопросы хронологии — структура) // Зозуля И. В. (отв. ред.), Ермоленко Л. П., Кемпинский Э. В. (ред.). Материалы и исследования по отечественной и зарубежной истории к 70-летию д-ра ист. наук, проф. А. А. Кудрявцева. Ставрополь: Изд-во Ставропольского ГУ, 2011. С. 64–70.

Астахов 2018 — *Астахов С. Н.* Исследования палеолита в Тыве в 1999–2012 гг. // ЗИИМК. 2018. № 18. С. 171–174.

Деревянко и др. 1999 — *Деревянко А. П., Астахов С. Н., Петрин В. Т., Зенин А. Н., Гладышев С. А., Катцуя О., Кудрявцев В. И.* Исследования палеолитических памятников в Тыве // Деревянко А. П., Молодин В. И. (отв. ред.). Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VII Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, декабрь 1999 г. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1999. Т. 5. С. 89–93.

NEW DISCOVERIES OF PALEOLITHIC SITES IN TUVA

S. N. ASTAKHOV, P. E. NEHOROSHEV

Keywords: *methodology of searching for Paleolithic sites, Middle Paleolithic, Tuva, Eerbek 1 site, the “Valley of the Tsars”.*

In 2012 the Paleolithic Group of the Tuva Expedition of IHMC RAS conducted prospecting works in the Kyzyl and Piy-Khem districts of Tuva along the proposed railway Kyzyl–Kuragino (Fig. 1). A surface occurrence of stone artifacts of Paleolithic aspect was found in the lower reaches of the Eerbek river. Judging by the technological and typological criteria (Fig. 2, 1–7), this site, designated as Eerbek 1, can be older than 50 kyr. The results of explorations in the “Valley of the Tsars” give grounds to hope for the discovery of new sites in the foothills of the Kurtashibinsky ridge.

ШУРФЫ-ШАХТЫ ДЛЯ ДОБЫЧИ КАМЕННОГО СЫРЬЯ В ПАЛЕОЛИТЕ НА ТИТОВСКОЙ СОПКЕ¹

С. Н. АСТАХОВ²

Ключевые слова: *Забайкалье, петроархеология, Титовская Сопка, палеолит, каменное сырье, шурфы-шахты, стратовулкан*

В 1959 г. А. П. Окладников обнаружил в Забайкалье на окраине Читы палеолитическую мастерскую по добыче и первичной обработке кристаллических сланцев, туфов и других горных пород, пригодных для изготовления орудий. А. П. Окладников и В. Е. Ларичев продолжили работы в 1961 г. Отложения на памятнике состояли из пяти слоев суглинков, содержавших обломки камня, гальку, отщепы и нуклеусы. Они вскрывались до глубины 2,5 м. Кроме того, были выявлены своеобразные ямы, спущенные из второго слоя, названные ямами-шахтами или шурфами-шахтами, предположительно служившие для добывания сырья. В 1962 г. А. П. Окладников поручил мне произвести дополнительные раскопки, которые подтвердили наличие еще одной шахты, опущенной до пятого слоя, ниже которого залежали массивные блоки каменного сырья. Многочисленные отходы расщепления и редкие орудия могут относиться к концу среднего палеолита, а в основном — к позднему палеолиту.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-19-13-19

Исследования по палеолиту в Забайкалье в последние годы приобретают комплексный характер (Лбова 2000). Это касается и такого относительно нового раздела нашей науки как петроархеология (Мороз, Юргенсон 2017). Особое значение в данном аспекте приобретает изучение древних вулканов как источников каменного сырья, использовавшегося древним человеком (Мороз, Юргенсон 2016). Описываемая в данной статье Титовская Сопка является именно таким стратовулканом, и публикация результатов работ, проведенных на ее склонах в середине прошлого века, приобретает актуальность.

Открытие памятника связано с работами А. П. Окладникова в Чите в 1950 г., когда на Титовской Сопке он нашел несколько участков выхода на поверхность

¹ Исследование проведено по программе ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0012 «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде».

² Отдел палеолита, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

каменных изделий, преимущественно сколов и отщепов. В 1959 г. А. П. Окладников вместе с В. Е. Ларичевым произвел раскопки на одном из склонов, а затем, в 1961 г., более обширные исследования и открыл следы ям-шахт (или шурфов-шахт), служивших для добычи каменного сырья (андезита, аргиллита, кремнистого сланца и базальта, из которых сложено ядро вулкана). Максимальные размеры ям-шахт: глубина — до 1,8 м и ширина — менее 1 м.

Я был тогда аспирантом А. П. Окладникова, работал у него ранее в экспедиции (раскопки стоянки Федяево на Ангаре), и мне было поручено продолжение исследований в Забайкалье, в том числе на Титовской Сопке, с целью поиска и изучения ям-шахт. Шахты для добычи кремня были хорошо известны в археологии неолита, но на Титовской Сопке были открыты ямы-шахты более древнего времени. Эти объекты заслуживали особого внимания, тем более что в нижних частях ям и на их дне наблюдались углистые или сажистые прослойки (устное сообщение А. П. Окладникова).

Титовская Сопка является выступом горной цепи хр. Черского, древним стратовулканом. Она возвышается над долинами рек Ингоды и Читинки на высоту до 320 м. Сопка протянулась с востока на запад и полого опускается к г. Чита, расположенному от нее к северу и северо-востоку.

С юго-востока склоны сопки круты и местами обрывисты, а на юго-западе она отделена небольшой плоской впадиной от хр. Черского. Река Ингода прорезает хребет и протекает вдоль юго-восточной части сопки. Титовская Сопка граничит с линией Ингодинского тектонического разлома, в результате чего в массиве пород образовались трещины, позднее ставшие глубокими ущельями, заполненными рыхлыми отложениями (преимущественно склоновыми и элювиально-делювиальными). При тектонических движениях в разломы частично вылилась базальтовая магма, которая метаморфизовала аргиллиты, слагающие основную массу вулкана. Данное обстоятельство объясняет пестроту петрографического состава пород, встречающихся в обнажениях Титовской Сопки, — базальты, порфиоровые граниты, гнейсы, кристаллические сланцы, туфовые конгломераты.

Такое богатство пригодного для изготовления каменных орудий сырья привлекало древнего человека, оставившего выразительные следы своей деятельности.

Открытый А. П. Окладниковым памятник расположен на юго-восточной части Титовской Сопки (рис. 1). Здесь в толще кристаллических пород прослеживалась широкая трещина, заполненная глинами и суглинками. В настоящее время данная структура выглядит как широкая лощина с террасированными склонами, частично прорезанными оврагом, выходящим к долине р. Ингода. Памятник приурочен к слабо выраженному террасовидному уступу на левом борту лощины.

А. П. Окладниковым в 1961 г. были заложены раскоп № 1 (кв. А-Б-1-9 с прирезкой на кв. В-Д-1-3) и раскоп № 2 (траншея), расположенные параллельно, поперек склона (рис. 2). Ниже даем сокращенное описание по рукописи полевого отчета:

«Сверху прослеживался дерновый слой толщиной 3–5 см, ниже которого залегал темно-серый гумусовый горизонт рыхлой комковатой структуры, насыщенный корнями растений. Изредка в слое встречалась мелкая щебенка. Общая мощность гумусного слоя составляла 20–28 см. Непосредственно под гумусом по всей площади раскопа прослежен щебенчатый слой. Щебенка в основном представляла собой остроугольные обломки андезитов-базальтов размерами от 15–20 до 4–8 см

Рис. 1. Титовская Сопка, на переднем плане — раскопы 1959, 1961 и 1962 гг., общий вид с ЮЗ
Fig. 1. Titovskaya Sopka. On the foreground — excavation areas of 1959, 1961 and 1962, general view from the southwest

и меньше. Основная часть щебенки залегала в нижней части темного гумусированного слоя и частично проникала в нижележащий слой красновато-бурой супеси.

Второй культурный горизонт поселения был связан с упомянутым выше слоем супеси красновато-бурого цвета, который представлял собой, возможно, почвенный горизонт В. Слой этот более мощный, чем предыдущий, до 20–35 см.

Третий культурный слой был связан с рыхлой мелкозернистой супесью светло-желтого цвета, почти лишенной щебенки, с обилием кротовин. В нижних по склону квадратах раскопа желтая супесь залегала неровно, мощность ее менялась. В некоторых местах слой желтой супеси подстилался прослойками беловато-серого известкового слоя (разрушенные известняковые блоки).

Четвертый культурный горизонт представляет собой слой желтого суглинка, густо насыщенного в верхней части щебенкой. Ниже культурного слоя с очагами (четвертого) залегает еще один горизонт находок, насыщенный каменными изделиями» (Астахов 1962: 3–4).

Таким образом, А. П. Окладниковым было выделено не четыре, а пять культурных горизонтов с многочисленным, но близким по облику инвентарем.

Наибольший интерес вызывали обнаруженные А. П. Окладниковым ямы, спущенные с уровня второго слоя. В связи с этим было решено попытаться углубить раскоп ниже уровня пятого слоя, чтобы узнать, что залегает в непосредственной близости от дна раскопа. Поэтому было решено ограничиться разбивкой небольшого

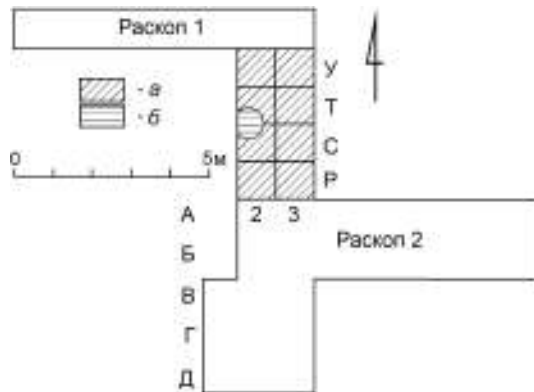

Рис. 2. Титовская Сопка, раскопы 1959, 1961 и 1962 гг., схематический план: а — раскоп 1962 г.; б — яма

Fig. 2. Titovskaya Sopka, schematic plan of 1959, 1961 and 1962 excavations: а — excavation of 1962; б — the pit

раскопа № 3 площадью 8 м², соединив раскопы № 1 и 2. Квадраты раскопа № 3 с юга на север, вверх по склону (начиная от раскопа № 2 А. П. Окладникова), были обозначены буквами Р, С, Т, У (рис. 2).

Поверхность склона в месте раскопа была задернована и поросла травой, среди которой были разбросаны обломки камней и галька. Непосредственно под плотным дерном мощностью 5–10 см были вскрыты остатки *первого культурного слоя*, представленного большим числом отщепов и нуклеусов, залегающих среди галек. Заполнение галечника представляло собой темно-серую, иногда почти черную супесь, книзу светлеющую и приобретающую коричневатый оттенок. Наибольшая мощность слоя достигала 30 см.

Находки *второго культурного слоя* (отщепы и нуклеусы) залежали в буроватой супеси с галькой. Мощность слоя достигала 25–30 см. При зачистке слоя на кв. С-2 и Т-2 было обнаружено темное пятно диаметром до 70 см. При дальнейшей расчистке и углублении пятно исчезало, но в западной стенке раскопа оно прослеживалось в виде углубления, заполненного щебнем и галькой.

Третий культурный слой был очень беден находками и выделен в самостоятельный слой по залеганию в желто-коричневом, неоднородном по окраске и составу суглинке с линзами коричнево-желтой и коричневой глины, а также включениями более светлой супеси. Мощность его доходила до 0,5 м. Слой был сильно карбонизирован, с отчетливыми следами псевдомицелия. Немногочисленные, покрытые известковой коркой отщепы и нуклеусы были найдены в основном в нижней части слоя. С уровня данного слоя в четвертый слой спущена небольшая яма диаметром около 30 см и глубиной до 35 см.

Четвертый культурный слой залегал в более светлом желтом суглинке мощностью от 20 до 40 см. Суглинок был заполнен щебнем и галькой, особенно обильной в верхней части.

В этом слое в раскопе № 1 А. П. Окладниковым были выявлены очаги, сложенные из камней и заполненные черной сажистой массой и углями. В раскопе № 3 подобных сооружений не оказалось, были встречены обычные для Титовской Сопки отщепы, крупные куски камня со сколами, заготовки и нуклеусы.

Ниже этого слоя выделялся *пятый культурный слой* мощностью 40 см. В раскопе № 1 он четко отделялся от четвертого слоя, так как залегал в желтовато-коричневом суглинке (почти глине) с небольшим количеством крупной гальки. В нашем раскопе № 3 границу между пятым и четвертым слоями провести было трудно, потому что цвет и заполнение суглинков были очень близки. Ниже пятого культурного слоя местами залежала бурая пластичная тяжелая глина, мощностью до 20 см, лишенная находок. Под этой глиной был вскрыт иссиня-черный плотный тяжелый суглинок, содержащий валуны андезита, туфов, базальтов и других пород, размерами до 80 см.

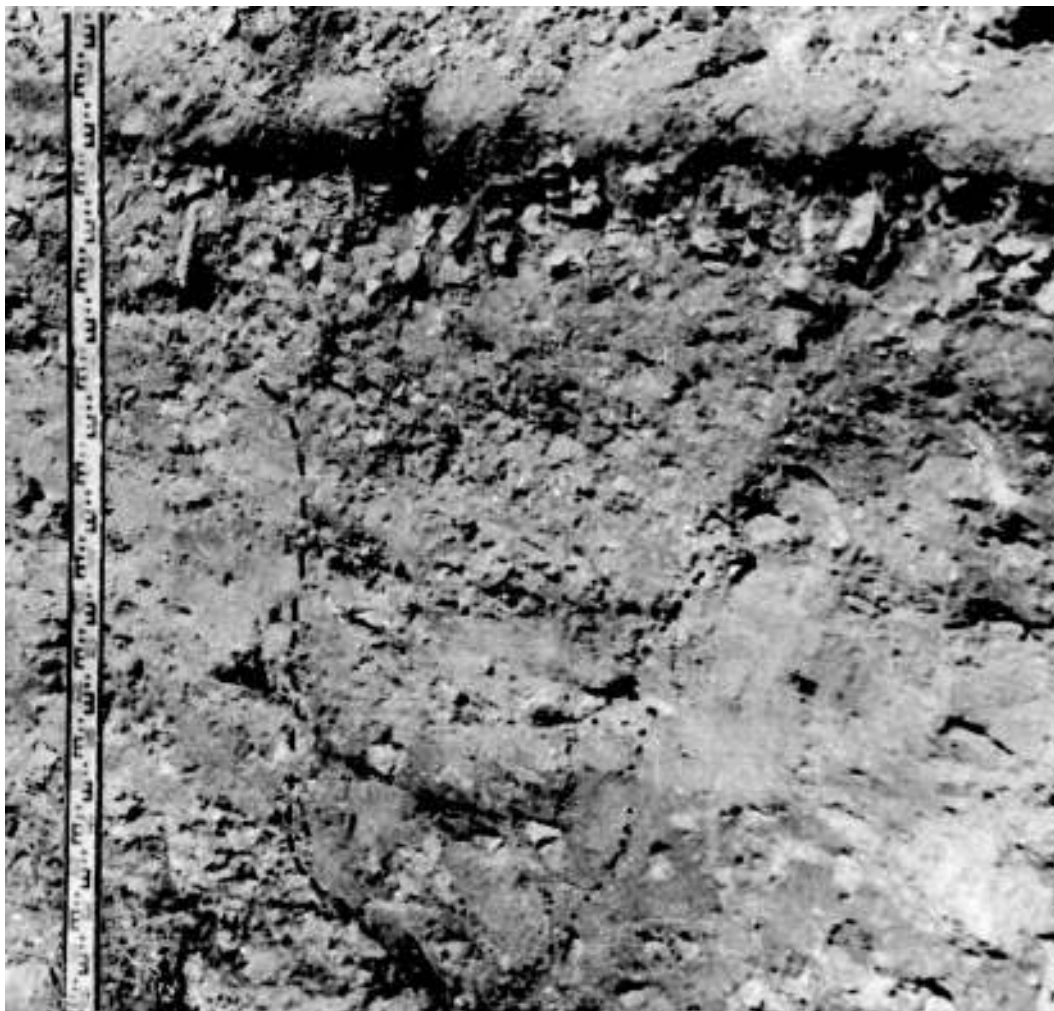

Рис. 3. Титовская Сопка, разрез ямы на квадратах С–Т-2, впущенной со 2-го горизонта, вид с В
Fig. 3. Titovskaya Sopka, pit in squares С–Т-2, dug from the level of horizon 2, view from the east

Во всех слоях раскопа № 3 были найдены лишь изделия из камня, костных остатков не встречено.

Каменный инвентарь всех слоев сходен. В поле, без детальной проработки материала, не удалось заметить различия между коллекциями разных слоев. Пока может быть дано лишь суммарное обобщенное описание коллекции (материалы хранятся в Новосибирске).

Для производства орудий древние обитатели использовали обломки и валуны кремнистого сланца, андезита и базальта, встречавшиеся в суглинке ниже четвертого слоя, где отдельные камни сохранялись во влажном состоянии, что существенно облегчало обработку. Среди найденных отходов производства много отщепов. Имеются крупные первичные снятия длиной до 10–15 см и шириной 5–10 см. Пластин очень мало. Встречаются немногочисленные реберчатые пластины.

Другую категорию каменных изделий представляют нуклеусы. Поскольку на месте проходили все стадии обработки камня, отщепы скалывались с любого подходящего куска породы, начиная с крупных отдельностей размерами до 50–80 см.

Чаще в качестве заготовок брали куски камня в форме бруска или толстой плитки средней величины. Ударную площадку таких нуклеусов не подрабатывали. Другая группа нуклеусов представлена крупными дисковидными ядрищами, иногда выпуклыми, переходящими в пирамидальные формы. Значительную группу составляют уплощенные односторонние нуклеусы (размерами до 10 см) с негативами нескольких крупных сколов, снятых с одной площадки. Площадки подправляли несколькими или, реже, одним сколом.

Многочисленна группа призматических и подпризматических нуклеусов, иногда приближающихся по форме к коническим. Площадка таких ядрищ подправлена одним или несколькими сколами. Высота нуклеусов — от 3 до 10–12 см. Хорошо представлены крупные клиновидные нуклеусы.

Среди находок почти не было законченных орудий, кроме нескольких скребел на отщепе. Имеются заготовки скребел и других орудий, а также несколько заготовок изделий в форме трех- или четырехгранных стержней, выполненных при помощи оббивки. Последние формы, встреченные в верхнем слое памятника, напоминают долотовидные орудия.

Этими видами изделий инвентарь памятника исчерпывается. В целом коллекции Титовской Сопки типичны для позднепалеолитических мастерских.

Особого внимания заслуживают остатки ям-шахт. В раскопе № 3, на кв. С–Т-2, была вскрыта яма, которая читалась на уровне второго слоя в виде округлого пятна размерами 70 × 80 см (рис. 2). При продолжении раскопок выяснилось, что яма, несколько сужаясь, доходила до пятого слоя. На дне ямы и на глубине 90 см были видны две черные гумусовые прослойки (рис. 3). Яма в нижней части была заполнена буро-коричневым суглинком. В средней и верхней частях заполнения ямы было много щебенки, здесь встречались отщепы и нуклеусы. По-видимому, яма была своеобразной «шахтой» для добывания валунов и кусков каменного сырья, в изобилии встречающихся в нижних слоях. Таким образом подтверждается высказанное А. П. Окладниковым предположение о целенаправленных рудокопных усилиях древних обитателей Титовской Сопки.

Вероятен позднепалеолитический возраст мастерской, но необходима проработка коллекций и дополнительные исследования. Различные режимы осадконакопления, выразившиеся в составе и характере отложений слоев, пока не могут быть увязаны с климатическими колебаниями. Вероятно, отложение пятого и четвертого слоев накапливались в эпоху холодного континентального климата, третьего — в умеренно влажных условиях, а второго и первого — вновь при более сухом режиме.

Помимо мастерской и открытых неподалеку пунктов с находками к северо-западу от основного памятника нами был обнаружен еще один памятник, расположенный в верховьях другого крупного лога, где на левом крутом склоне, обращенном к югу, видно несколько мысов. Коренные породы здесь представлены кремнистыми сланцами, выходящими на поверхность или прикрытыми тонким слоем гумуса. На втором мысу, считая от вершины лога, были встречены крупные отщепы, аналогичные находкам из основной мастерской. Отличие состояло в сильной патинизации поверхности найденных здесь отщепов, что могло зависеть как от небольшой глубины залегания предметов, так и их возможно более древнего возраста, ранее верхнего палеолита.

Литература

Астахов 1962 — *Астахов С. Н.* Отчет о работах в Читинской области в 1962 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 2732.

Лбова 2000 — *Лбова Л. В.* Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2000. 240 с.

Мороз, Юргенсон 2016 — *Мороз П. В., Юргенсон Г. А.* Применение минерального сырья в палеолите Забайкалья: культурная преемственность или технологическая необходимость? // *Stratum plus*. 2016. № 1. С. 65–76.

Мороз, Юргенсон 2017 — *Мороз П. В., Юргенсон Г. А.* Палеовулканы как источники минерального сырья в каменном веке Забайкалья // С. А. Васильев, В. Е. Щелинский (ред.). *Древний человек и камень: технология, форма, функция*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. С. 56–64.

PALEOLITHIC STONE QUARRY MINES ON TITOVSKAYA SOPKA

S. N. ASTAKHOV

Keywords: *Transbaikalia, petroarchaeology, Titovskaya Sopka, Paleolithic, stone raw material, shafts-mines, stratovolcano.*

In 1959 A. P. Okladnikov discovered in the outskirts of Chita a Paleolithic workshop for procurement and primary processing of crystalline schist, tuff and other rocks suitable for tool manufacturing. The works at the site were continued by A. P. Okladnikov and V. E. Larichev in 1961. The deposits of the site consisted of five layers of loam and contained stone fragments, pebbles, flakes and cores. The exposed thickness of the deposits was 2,5 m. In addition, there were found peculiar pits, dug from the level of layer 2. They were designated as pits-shafts or shafts-mines, which presumably served for raw material procurement. In 1962 A. P. Okladnikov entrusted me to conduct additional excavations, which confirmed the presence of one more shaft, which was sunk to the level of layer 5, underlain with massive blocks of stone raw material. Numerous flaking waste products and rare tools may date to the late Middle Paleolithic, but mainly to the Upper Paleolithic.

К ВОПРОСУ О ВОЗРАСТЕ И ТИПЕ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ БЕРЁЗОВСКИЙ РАЗРЕЗ 1 И 2¹

А. К. КАСПАРОВ², П. Е. НЕХОРОШЕВ³

Ключевые слова: *верхний палеолит, Западная Сибирь, афонтовская археологическая культура, тафономия, разделка добычи, индекс пищевой ценности, палеоклимат.*

Несмотря на достаточно длительную историю поисков и изучения, палеолит Западной Сибири представлен небольшим количеством памятников — известно около 20 верхнепалеолитических стоянок, причем, как правило, крайне бедных в археологическом отношении. Тем более интересным является обнаружение в 2002 г. двух новых памятников близких по инвентарю афонтовской культуре, показавших, однако, по радиоуглероду относительно ранний возраст в рамках верхнепалеолитической эпохи. Стоянки Берёзовский разрез 1 и 2, датированные по радиоуглероду древнее 23 тыс. л. н. и 34–35 тыс. л. н. соответственно, находятся в 16 км к северу от г. Шарыпово (Красноярский край) и располагаются в 400 м друг от друга. Культурные остатки эпохи верхнего палеолита залегают в переотложенном состоянии в слое погребенной почвы сартанского времени, сильно нарушенной мерзлотными процессами. В результате проведенных исследований получены коллекции, состоящие из каменных/костяных изделий и фаунистических материалов: Берёзовский разрез 1 — 555/4500 экз., Берёзовский разрез 2 — 772/5300 экз. Памятник Берёзовский разрез 1 представлял собой остатки кратковременной стоянки, располагавшейся в непосредственной близости от места разделки туш северного оленя (и в незначительной степени дикой лошади и бизона) после забоя животных палеолитическими охотниками, вероятно, в зоне зверового солонца. Памятник Берёзовский разрез 2 имел аналогичный характер, но с несколько иной хозяйственной направленностью промыслового характера — более значительна доля фаунистических остатков бизона в общем объеме археологических материалов. Предполагаемый возраст стоянок определяется с учетом

¹ Исследование проведено по программе ФНИ ГАН по темам государственной работы № 0184-2018-0004 «Исследование археологического материала Центральной России, Сибири, Северного Кавказа и Крыма эпохи бронзы, железа и средневековья естественно-научными методами: радиоуглеродное датирование, масс-спектрометрия, спектральный анализ химического состава артефактов, остеология» и № 0184-2018-0012 «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде».

² Лаборатория археологической технологии, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

³ Отдел палеолита, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

присутствия в фаунистических коллекциях классических обитателей заполярных тундровых ландшафтов периодом захоронения культурных остатков, относящемуся к сартанскому оледенению.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-19-20-35

Введение

Палеолит Западной Сибири, несмотря на достаточно длительную историю поисков и изучения, представлен небольшим количеством памятников — известно около 20 верхнепалеолитических стоянок (Деревянко и др. 2003: 7, рис. 1), причем, как правило, крайне бедных в археологическом отношении. Тем более интересным является обнаружение в 2002 г. двух новых стоянок, датировка которых радиоуглеродным методом продемонстрировала относительно ранние значения в рамках верхнепалеолитической эпохи (Нехорошев 2006; 2007а; 2007б; 2007в; 2008; 2012).

Стоянки Берёзовский разрез 1 (далее — БР 1) и Берёзовский разрез 2 (далее — БР 2) были выявлены сотрудником Шарыповского городского музея С. А. Краснолуцким. В 2003 г. памятники обследовал главный специалист Комитета по охране памятников администрации Красноярского края А. Ю. Тарасов (Тарасов 2003). В 2005–2006 гг. экспедицией ИИМК РАН были проведены охранные раскопки стоянок. Памятники находятся в Шарыповском р-не Красноярского края в 300 км к западу от Красноярска, в 16 км к северу от г. Шарыпово и локализованы на территории угольного разреза «Берёзовский 1», на верхнем вскрышном уступе северного борта, в 400 м один от другого. Стоянки расположены на водоразделе; минимальное удаление от ближайшего водотока — ручья Берёзовый составляет 2,5 км, то есть геоморфологическая ситуация совершенно нестандартная — обычной приуроченности к мысу или логу не наблюдается; также в настоящее время невозможно установить, к бассейну какого водотока они относятся. Современная поверхность, на которой расположены памятники, почти горизонтальная со слабым понижением к западу (около 1°).

Археологическая характеристика памятников

На стоянке БР 1 культурные остатки эпохи верхнего палеолита залегают на глубине 1,3–2,1 м от современной поверхности, а с учетом снятой при подготовке вскрышных работ современной почвы и подстилающего ее слоя примерно на глубине 2,2–3 м, по всей толще слоя б (погребенная почва) мощностью в раскопе 0,6–0,8 м с максимальной концентрацией в нижней части.

Коллекция насчитывает 541 экз. каменных предметов, изделий из кости и рога — 14 экз. и около 4500 фрагментов и целых костей. В слое также встречены редкие древесные угольки, осколки обожженных костей и крупинки охры бордового цвета.

Каменный инвентарь представлен отходами производства — сколами (425 экз.) и нуклеидными (19 экз.), манупортами и пр. (12 экз.), а также орудиями (85 экз.), показывающими достаточно специфический набор. Орудия часто изготовлены из слабоизотропных камней низкого качества крупнокристаллической структуры. Подавляющее большинство орудийного набора составляют долотовидные орудия (33 экз.); достаточно выразительными формами представлены ножи (8 экз.), имеется 6 скребков. Остальные орудия типологически невыразительны. Изделия из кости и рога включают роговые орудия с закругленным концом — 5 экз.,

фрагменты рогового наконечника (?) — 2 экз. и фрагменты рога и кости со следами обработки — 5 экз.

На стоянке БР 2 культурные остатки эпохи верхнего палеолита залежали на глубине 0,4–0,7 м от современной поверхности (с учетом снятой при подготовке вскрышных работ современной почвы и подстилающего ее слоя примерно на глубине 0,9–1,2 м), распределяясь по всей толще слоя 4 (погребенная почва) мощностью 0,3–0,6 м с максимальной концентрацией в нижней части.

Коллекция насчитывает 756 каменных предметов, 16 изделий из кости и рога и порядка 5300 фрагментов и целых костей. В слое также встречались крупинки охры красного и бордового цветов, древесные угольки, редкие осколки обожженных костей.

Каменный инвентарь представлен отходами производства — сколами (593 экз.) и нуклеидными (29 экз.), прочими предметами (18 экз.), а также орудиями (116 экз.). Как и на памятнике БР 1, каменные изделия изготовлены часто из слабоизотропных камней низкого качества крупнокристаллической структуры. Подавляющее большинство орудийного набора составляют долотовидные орудия (35 экз.); достаточно выразительными формами представлены ножи (4 экз.), скребки (11 экз.) и скребла (8 экз.). Остальные орудия типологически невыразительны. Изделия из кости и рога: роговое орудие с закругленным концом, фрагменты рога и кости со следами обработки — 15 экз.

Типологически коллекции стоянок БР 1 и БР 2 находят наиболее близкие соответствия в памятниках афонтовской культуры. Однако согласно радиоуглеродным датировкам эти стоянки значительно древнее. По костям животных в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН традиционным методом получено 7 дат (табл. 1).

Таблица 1

Результаты радиоуглеродного датирования стоянок Берёзовский разрез 1 и 2

№	Индекс лаборатории	Наименование стоянки	¹⁴ C дата ВР
1	Ле-7481	Берёзовский разрез 1	> 39 400
2	Ле-7482	Берёзовский разрез 1	36 100 ± 2500
3	Ле-7483	Берёзовский разрез 1	34 100 ± 6000
4	Ле-7484	Берёзовский разрез 1	32 500 ± 1200
5	Ле-7485	Берёзовский разрез 1	> 23 000
6	Ле-7457	Берёзовский разрез 2	35 000 ± 1000
7	Ле-7486	Берёзовский разрез 2	33 900 ± 2200

Датам в целом противоречит залегание культурных остатков в погребенной почве сартанского времени, деформированной криогенными процессами, а также фаунистический состав коллекций, в которых представлены кости обитателей заполярных тундровых ландшафтов.

Фаунистические коллекции памятников

Фаунистические остатки в комплексах позднепалеолитических стоянок БР 1 и БР 2 представлены, в основном, костями северного оленя. Видовой состав остатков представлен в табл. 2.

Таблица 2

Фаунистический состав остеологических коллекций стоянок Берёзовский разрез 1 и 2

Виды	Берёзовский разрез 1		Берёзовский разрез 2	
	Количество костей/ особей	%	Количество костей/ особей	%
Песец (<i>Alopex lagopus</i>)	2/1	0,1	13/2	1,3
Лиса (<i>Vulpes vulpes</i>)	–	–	1/1	0,1
Волк (<i>Canis lupus</i>)	–	–	2/1	0,2
Носорог шерстистый (<i>Coelodonta antiquitatis</i>)	–	–	5/1	0,5
Лошадь (<i>Equus sp.</i>)	11/1	0,5	14/2	1,4
Дикий баран (<i>Ovis cf. Ammon</i>)	–	–	3/1	0,3
Благородный олень (<i>Cervus elaphus</i>)	18/4	0,8	5/1	0,5
Лось (<i>Alces alces</i>)	2/1	0,1	–	–
Косуля (<i>Capreolus puigargus</i>)	1/1	0,1	3/1	0,3
Бизон (<i>Bison sp.</i>)	12/1	0,4	209/4	21,5
Северный олень (<i>Rangifer tarandus</i>)	2203/79	98,0	668/20	68,7
Собака или мелкий волк (<i>Canis sp.</i>)	–	–	3/1	0,3
Птицы (<i>Aves sp.</i>)	2	0,1	47	4,8
Итого:	2251	100	973	100

Среди других видов можно выделить остатки лошади, довольно мелкого бизона и благородного оленя. Эти копытные могли стать побочной добычей первобытных охотников. Костные остатки косули, которая появляется в регионе только в начале голоцена, вероятно, можно считать случайно попавшими в отложения.

В целом видовой состав материалов обоих памятников сходен — основным промысловым видом являлся северный олень. Тем не менее фаунистический состав обеих коллекций имеет и значительное количество различий, несмотря на то что оба памятника расположены в непосредственной близости друг от друга и даже, как предполагалось в начале раскопок, являлись различными площадями одной и той же большой стоянки.

Заметно, что на стоянке БР 2 значительно больше костей бизона, которые составляют здесь 21 %, тогда как на БР 1 их всего 0,4 %. Кроме того, в фауне БР 2 присутствует такой вид как шерстистый носорог, который на БР 1 не обнаружен. На БР 2 найдены остатки дикого барана, которого нет на стоянке БР 1. К тому же на БР 2 хорошо представлены остатки песка, в то время как на БР 1 остатки этого вида единичны.

Первобытный бизон, несомненно, являлся еще одним объектом охотничьей специализации обитателей стоянки БР 2. Это говорит о том, что, несмотря на значительную близость к БР 1, ее обитатели являлись носителями какой-то иной культуры, так как охота на бизона требует несколько иных охотничьих приемов, чем охота на оленя.

Большой процент остатков птиц (4,8 % на БР 2 против 0,1 % на БР 1) тоже говорит о несколько иной охотничьей и пищевой специализации обитателей стоянки БР 2. Охота на птиц — это совершенно особая отрасль охотничьей деятельности, которой владели обитатели стоянки БР 2. По определению научного сотрудника ЗИН РАН А. В. Пантелеева, здесь обнаружены остатки белой и тундряной куропаток (*Lagopus lagopus* и *Lagopus mutus*). Эти пернатые не являлись важной составляющей в пищевом рационе охотников и добывались ими в небольшом количестве, но, по-видимому, регулярно.

Анатомический состав коллекций костей бизона и северного оленя на стоянках почти не отличается. В обоих случаях виды представлены почти всеми костями скелета, преобладают остатки передней части туши. Кроме того, на стоянке БР 2 почти отсутствуют остатки рогов — вероятно, охотники бросали головы на месте забоя или во всяком случае от них отделяли тяжелые рога, перед тем как транспортировать добытого зверя на стоянку. Присутствие в материалах заметного количества зубов говорит о том, что сами головы, по крайней мере в ряде случаев, в жилища жителей памятника попадали⁴. По данным Л. Р. Бинфорда (Binford 1981), нунамиутские эскимосы часто используют сложенные в кучу рога северного оленя в качестве указателя места, где мясо добытых животных зарывается на зиму впрок. Нечто подобное могло практиковать и население стоянки БР 2.

Отсутствие рогов бизона может говорить о том, что охотники добывали некую короткорогую форму первобытного бизона, существовавшую, по мнению ряда специалистов, в финальном плейстоцене Сибири. Рога бизона вообще трудно отделить от черепа, и обломки рогов здесь мелки и немногочисленны. В пользу этой версии свидетельствует еще и то, что по немногим сохранившимся остаткам роговых стержней на стоянке БР 2 видно, что диаметр их был сравнительно невелик. Эта короткорогая форма первобытного бизона была описана как *Bison priscus mediator* (Hilzheimer 1918) или, несколько позже, как *Bison priscus deminutus* (Громова 1935). Находка этого подвида описывается, например, из бассейна Оби (Шпанский 1997). Возможно также, что эти рога просто принадлежали самкам, поскольку половой диморфизм, особенно в размерах рогов, у бизонов (как вымерших, так и современных) довольно велик, на что не раз обращалось внимание во многих палеофаунистических сводках (см., например: Васильев 2008: 37–38).

Вызывает удивление находка остатков (небольшая первая фаланга и запястная кость) какого-то некрупного псового хищника, не определенного до вида. Определять их как остатки собаки, учитывая примерный возраст отложений в 34 тыс. л. н., было бы слишком рискованно. Вероятнее всего, это остатки какого-то мелкого вида, например, красного волка *Canis alpinus*, который и сейчас изредка встречается в регионе. Животное было по размеру несколько меньше обычного волка, но заметно крупнее лисы. Можно предполагать также, что это остатки настоящей домашней собаки, попавшие в слой случайно из каких-то более поздних горизонтов. Однако это так и останется нашим предположением.

⁴ Жилища в слое, сильно нарушенном криогенными процессами, не выявлены. Однако относительно большое количество зубов позволяет предполагать их существование во время функционирования памятника.

Из-за сильной фрагментарности костей о *морфологии видов*, остатки которых присутствуют на стоянках, можно сказать крайне мало (лишь 51 % костей оказалась хоть как-то определим). Судя по предварительным наблюдениям, благородный олень был довольно крупным, хотя и меньше лося, остатки которого встречены на стоянке БР 1. Лось известен и из несколько более позднего комплекса Бирюсинских стоянок в районе г. Красноярска (Ауэрбах, Громов 1935).

Северный олень также был довольно крупным, размеры его костей находятся у верхнего предела изменчивости для современной популяции этого вида.

Систематическое положение и морфология лошади не определены — остатки ее немногочисленны и сильно разрушены. Зубов или хотя бы их достаточно больших фрагментов не найдено.

Небольшой размер бизонов, который по предварительным наблюдениям незначительно превосходил размеры современного крупного рогатого скота, очень интересен и требует особого изучения. Принадлежность этих остатков именно крупным полорогим сомнений не вызывает. К сожалению, сильная раздробленность костного материала не позволила провести достоверные морфометрические исследования.

Анализ особенностей состава фаунистических коллекций стоянок

При массовой добыче стадных копытных, которая происходит, как правило, в сезоны миграций, охотники зачастую разделявали добытых животных прямо на месте уоя, чтобы не тащить на становище целую тушу, некоторые части которой бесполезны в пищевом отношении. В таких ситуациях всегда бывает важно установить, оставлено ли данное костное скопление обитателями главной, жилой стоянки или это результат первичной разделки добычи во временном лагере. Основными аргументами, свидетельствующими в пользу того или другого варианта, являются, разумеется, археологические находки, планиграфия и стратиграфия памятника.

На стоянке БР 1 среди костей северного оленя обломки задней части туши составляют 56,8 %. Для сравнения, на стоянке о. Жохова в Заполярье, примерно синхронной предполагаемому времени существования БР 1 и тоже являвшейся стоянкой профессиональных охотников на северного оленя, остатки задней половины туши составляли всего 29,5 % (Pitulko, Kasparov 1996). На археологическом памятнике Олений Ручей, который, очевидно, являлся местом, где как раз и производилась первичная разделка добытых на охоте оленей (Питулько и др. 2003), остатки задней части туши составляли только 27,9 %. Олений Ручей находится в центральной части п-ова Таймыр и датирован примерно началом нашей эры.

Таким образом, количество остатков ценных в пищевом отношении анатомических частей на БР 1 чрезвычайно велико и показывает, что этот памятник являлся именно базовым лагерем, где мясо добытых животных могли употреблять в пищу. Археологические данные в целом свидетельствуют в пользу этого факта. В то же время остатки задней части туши имеют разную пищевую ценность. Поэтому следует обращать внимание на детальную анатомическую структуру костной коллекции, которая также бывает весьма различна в разделочном лагере и на основной стоянке или долговременном поселении. Во временном разделочном лагере остаются в основном остатки малосъедобных частей: концевые части конечностей, позвонки и ребра, с которых срезано мясо, в ряде случаев — рога и обломки черепа (Binford

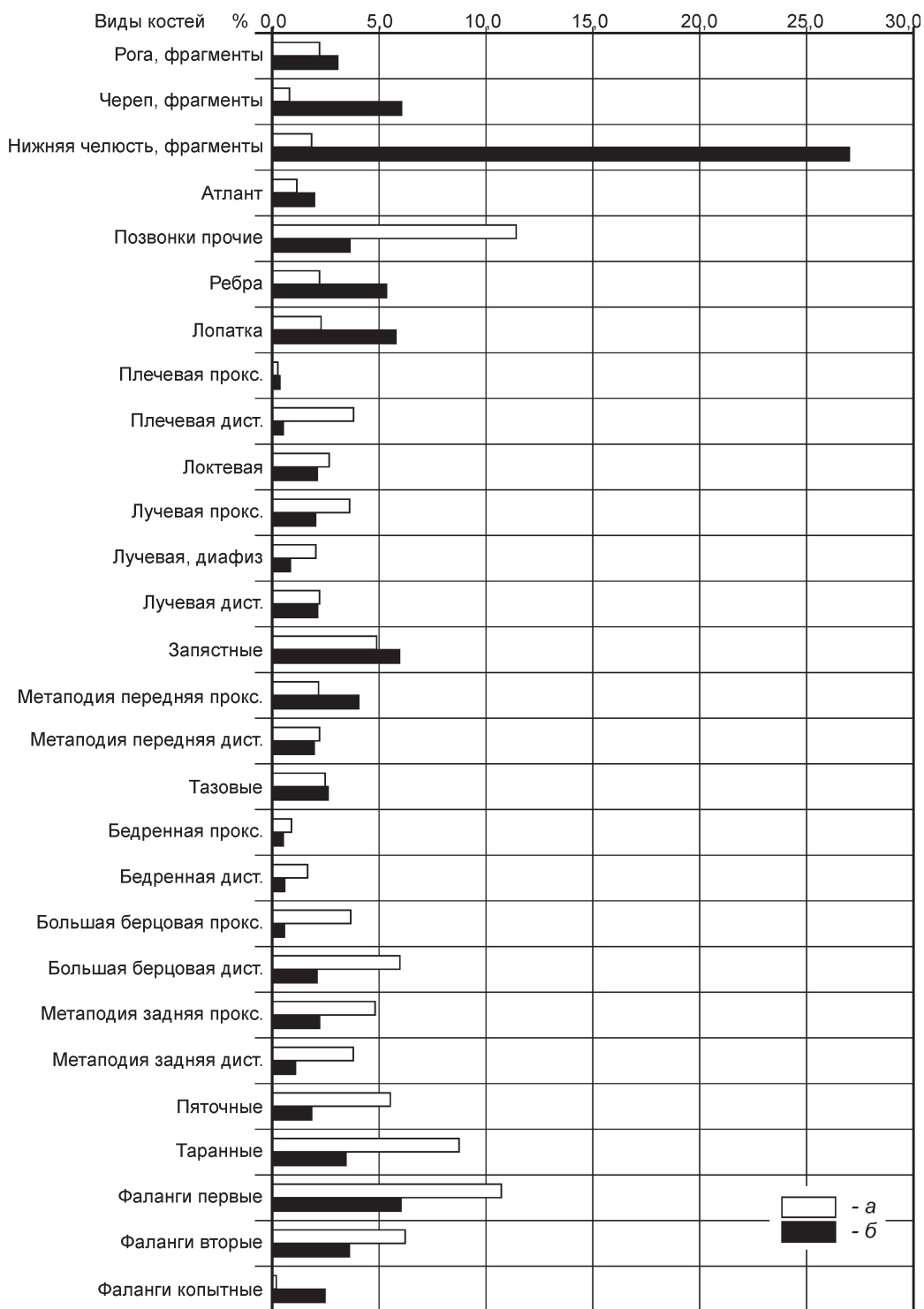

Рис. 1. Доля различных элементов скелета северного оленя на стоянках Берёзовский разрез 1 (а) и Олений Ручей (б)

Fig. 1. Percentage of different parts of reindeer skeletons at the sites of Berezovskiy razrez 1 (a) and Oleniy Ruchey (b)

1981). На поселении, где происходит потребление мясной пищи, костные остатки отражают наличие различных частей туши, ценных в пищевом отношении: это, как правило, остатки таза, бедра и голени, лопаточных частей. На поселениях действительно оказывается в целом больше костных фрагментов от задних поясов конечностей, так как эти части туш содержат больше мяса.

Однако в классическом разделочном лагере, каковым являлся, например, Олений Ручей, сильное превышение остатков передней части туши над задней происходит за счет большого количества фрагментов нижних челюстей, составлявших на этом памятнике 24 % от всех остатков северного оленя. Вероятно, охотники вырезали у добытых оленей языки, а уже ненужные нижние челюсти бросали на месте. В свою очередь, на Берёзовском разрезе 1 и 2 обнаружено очень мало обломков нижних челюстей. При сравнении анатомической структуры костных коллекций стоянок БР 1 и БР 2 и классического места забоя («kill site» англоязычных исследователей), каковым являлся Олений Ручей, видно, что, за исключением этого отличия, набор костных остатков на этих двух памятниках на удивление сходен. На БР 1 было найдено больше позвонков и обломков крупных трубчатых костей задних конечностей — бедра и большой берцовой (рис. 1). В фаунистической коллекции этого памятника намного больше заплюсневых костей и фаланг, чем в Оленьем Ручье. На «kill site» выше процент обломков черепа и рогов и в два раза больше ребер и лопаток. На БР 1 больше ценных в пищевом отношении дистальных частей плеча. Процент же костей предплечья, запястья, пясти, таза почти идентичен. Далее, процент обломков трубчатых костей задних конечностей, пяточных и таранных, как уже говорилось, на БР 1 заметно выше, но здесь больше и фаланг, которые в обычных условиях в пищу не употребляются.

В разделочном лагере остаются, в основном, фрагменты рогов, обломки черепов и челюстей, ребра с позвонками, фаланги и копыта, поскольку после разделки от туши добытого оленя остается только позвоночный столб, с которого срезано мясо, ребра и обломки краниальной области, остающиеся после удаления языка и мозга. На БР 1 мы видим похожую картину. Здесь достаточно велик процент позвонков, фаланг, дистальных фрагментов метаподий и других несъедобных частей. Однако здесь же имеются и обломки вполне пищевых фрагментов в заметно большем количестве, чем это характерно для стоянок типа «kill site». Все это делает коллекцию остатков северного оленя с Берёзовского разреза 1 довольно своеобразной. Она отражает некое «смешанное» назначение исследуемого памятника.

Исследование анатомической структуры по методу уже упоминавшегося Л. Р. Бинфорда вносит дополнительный аспект в наше понимание ситуации на памятниках Берёзовского разреза. Бинфордом были разработаны специальные «генеральные утилизационные индексы пищевой ценности» (GUI — General Utility Index) для каждого участка скелета северного оленя, отражающие количества мяса, жира и костного мозга, которые находятся на данном участке туши (Binford 1978). Впоследствии Д. Меткалфом и К. Т. Джонсом (Metcalfе, Jones 1988) эти индексы были уточнены и названы «модифицированными утилизационными индексами» (MGUI). Эти индексы сейчас и используются в археозоологической практике.

Как уже говорилось выше, Л. Р. Бинфорд, наблюдая жизнь современных аляскинских эскимосов, отметил, что в ситуации разделочного лагеря на месте остаются в основном части туши, имеющие невысокую пищевую ценность, поскольку

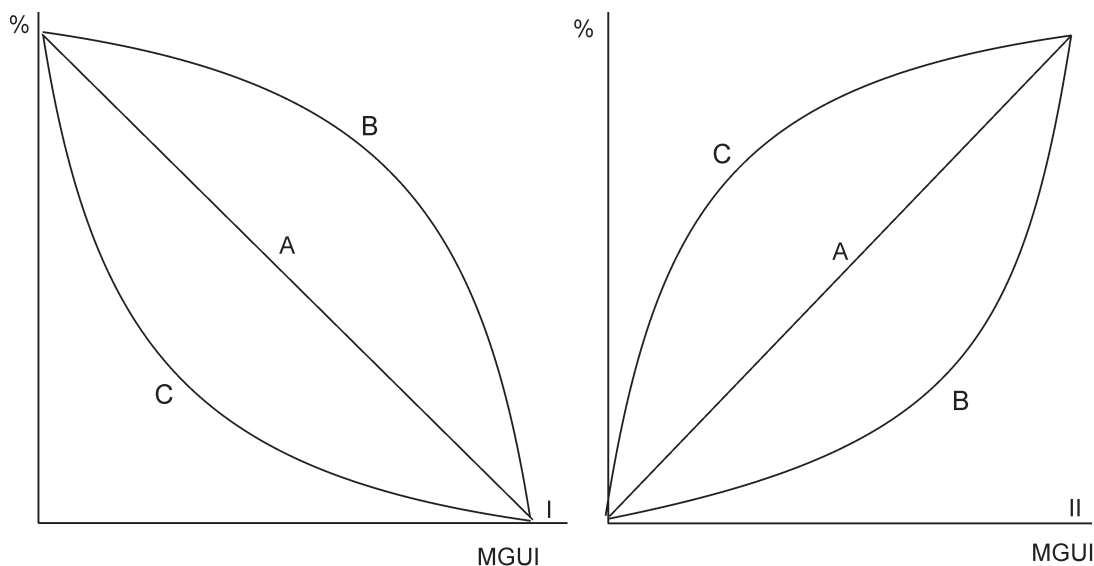

Рис. 2. Стратегии отбора частей туши с различной пищевой ценностью во временном разделочном лагере (I) и на постоянно обитаемой жилой стоянке (II) (по: Metcalfe, Jones 1988). Расшифровку A, B, C см. в тексте

Fig. 2. Strategies of selection of carcass parts with different nutritional value at a temporary butchering camp (I) and a permanent occupation site (II) (after Metcalfe, Jones 1988). Legend for A, B, C see in the text

вполне съедобные части транспортируются на основное стойбище. И наоборот, на жилой стоянке в наборе костных фрагментов богатые мясом части встречаются в большем количестве, чем несъедобные отходы разделки.

Таким образом, если мы построим график, где на оси ординат будут отражены проценты определенных скелетных фрагментов в материале, а на оси абсцисс индексы их пищевой ценности, то в идеале это будет прямая линия, идущая в случае временного и постоянного лагерей в разных направлениях (рис. 2, линия A). Однако в реальной действительности охотники, забирая или оставляя ту или иную часть туши, могут руководствоваться в основном двумя разными критериями отбора. Это или абсолютный вес мяса, когда в постоянный лагерь забирают практически все, что можно съесть, — так называемая «весовая стратегия», или вкусовые качества мяса, когда от туши добытого оленя отрезают лишь самые деликатесные части, а остальное бросают на месте, — так называемая «стратегия гурманов». Обе эти стратегии также можно отразить графически, но уже в виде кривых. То есть в одном случае доля той части туши, которая имеет заметный MGUI, исчезает из разделочного лагеря, и, соответственно, в пределах разделочного лагеря ее доля среди находок падает (рис. 2, линия C). В другом случае в разделочном лагере падает процент только частей туши с очень высоким MGUI, а на поселении, соответственно, возрастает только доля этих деликатесных остатков, а доля остальных частей туши остается низкой (рис. 2, линия B). Нами была предпринята попытка построить такие же графики для костных остатков северного оленя на стоянках БР 1 и БР 2 (рис. 3). Процентная доля различных частей оленьей туши и соответствующий ей индекс пищевой ценности, согласно схеме Л. Р. Бинфорда, для памятников БР 1 и БР 2 представлены в таблицах 3 и 4.

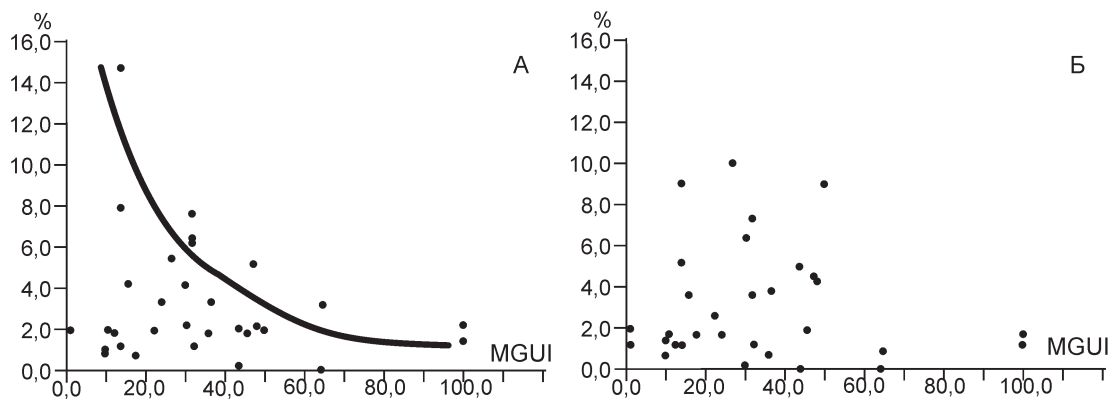

Рис. 3. Частота встречаемости частей туши оленя с различной пищевой ценностью на стоянках Берёзовский разрез 1 (А) и Берёзовский разрез 2 (Б)

Fig. 3. Frequency of deer carcass parts of different nutritional value at the sites of Berezovskiy razrez 1 (A) and Berezovskiy razrez 2 (Б)

В графической форме это выглядит следующим образом (рис. 3). Точки на графике для стоянки БР 1 (рис. 3А) располагаются несколько хаотично, однако видно, что в целом они примерно соответствуют ситуации для временного разделочного лагеря, когда охотники руководствуются весовой стратегией при отборе частей, отправляемых на поселение (рис. 2, линия С). Эта гипотетическая кривая обозначена на графике для большей наглядности. На рис. 3Б представлена ситуация на стоянке БР 2. Здесь точки располагаются в поле графика еще более бессистемно, однако все равно заметно, что процент остатков с низкой пищевой ценностью высок, а с мало-мальски высокой — крайне низок. Это тоже может наводить на мысли о временном разделочном лагере и весовой стратегии отбора фрагментов туш.

Заключение

В целом полученные данные показывают, что стоянки БР 1 и БР 2, скорее всего, оставлены разными племенами охотников, хотя, возможно, временная разница между ними невелика. Стоянки были, вероятно, постоянно обитаемыми жилыми лагерями, а анатомическая структура остатков, характерная для разделочного лагеря, обусловлена, скорее всего, тем, что туши добытых оленей разделялись в пределах какой-то периферийной зоны, где были оставлены несъедобные субпродукты. Такая ситуация, например, имела место на мезолитической стоянке Замостье на р. Дубне под Москвой, где разделка добытых лосей, очевидно, проводилась на окраинах зоны обитания (Каспаров 2001). Напомним, что и вполне ценные в пищевом отношении части тоже присутствуют в материалах из БР 1 и БР 2 в достаточном количестве. Этим и обуславливается то, что точки на графиках расположены все-таки довольно хаотично, лишь в целом соответствуя графической ситуации для места разделки.

Возможно, эти стоянки могли периодически использоваться и как временный разделочный лагерь, и как место для жизни. Отсутствие следов древних водотоков вблизи стоянки может говорить о том, что она была обитаема, например, в зимнее время, когда источником воды мог являться выпавший снег.

Таблица 3

Стоянка Берёзовский разрез 1, соотношение между различными частями скелета северного оленя

Наименование костей	Количество фрагментов	%	MGUI
Обломки рогов	33	1,96	1,02
Обломки черепа	12	0,71	17,5
Обломки нижней челюсти	37	2,20	30,3
Атлант	17	1,01	9,8
Эпистрофей	14	0,83	9,8
Шейные позвонки	30	1,78	35,7
Грудные позвонки	30	1,78	45,5
Поясничные позвонки	20	1,19	32,1
Обломки ребер	33	1,96	49,8
Обломки лопатки	34	2,02	43,5
Обломки проксимальных частей плечевой	3	0,18	43,5
Обломки дистальных частей плечевой	56	3,33	36,5
Обломки проксимальных частей предплечья	91	5,41	26,6
Обломки дистальных частей предплечья	33	1,96	22,2
Мелкие кости запястья	71	4,22	15,5
Обломки проксимальных частей 1-й метаподии	31	1,84	12,2
Обломки дистальных частей 1-й метаподии	33	1,96	10,5
Обломки таза	36	2,14	47,9
Обломки проксимальных частей бедра	37	2,20	100
Обломки дистальных частей бедра	24	1,43	100
Обломки проксимальных частей большой берцовой	53	3,15	64,7
Обломки дистальных частей большой берцовой	87	5,18	47,1
Мелкие кости заплюсны	104	6,19	31,7
Таранная кость	128	7,61	31,7
Пяточная кость	108	6,42	31,7
Обломки проксимальных частей задней метаподии	70	4,16	29,9
Обломки дистальных частей задней метаподии	56	3,33	23,9
1-я фаланга	247	14,69	13,7
2-я фаланга	133	7,91	13,7
Копытная фаланга	20	1,19	13,7
Всего:	1681	100	

Таблица 4

**Стоянка Берёзовский разрез 2, соотношение между различными частями
скелета северного оленя**

Наименование костей	Количество фрагментов	%	MGUI
Обломки рогов	5	1,2	1,02
Обломки черепа	7	1,7	17,5
Обломки нижней челюсти	27	6,4	30,3
Атлант	6	1,4	9,8
Эпистрофей	3	0,7	9,8
Шейные позвонки	3	0,7	35,7
Грудные позвонки	8	1,9	45,5
Поясничные позвонки	5	1,2	32,1
Обломки ребер	38	9,0	49,8
Обломки лопатки	21	5,0	43,5
Обломки проксимальных частей плечевой	0	0,0	43,5
Обломки дистальных частей плечевой	16	3,8	36,5
Обломки проксимальных частей предплечья	42	10,0	26,6
Обломки дистальных частей предплечья	11	2,6	22,2
Мелкие кости запястья	15	3,6	15,5
Обломки проксимальных частей 1-й метаподии	5	1,2	12,2
Обломки дистальных частей 1-й метаподии	7	1,7	10,5
Обломки таза	18	4,3	47,9
Обломки проксимальных частей бедра	7	1,7	100
Обломки дистальных частей бедра	5	1,2	100
Обломки проксимальных частей большой берцовой	4	0,9	64,7
Обломки дистальных частей большой берцовой	19	4,5	47,1
Мелкие кости заплюсны	15	3,6	31,7
Таранная кость	31	7,3	31,7
Пяточная кость	31	7,3	31,7
Обломки проксимальных частей задней метаподии	1	0,2	29,9
Обломки дистальных частей задней метаподии	7	1,7	23,9
1-я фаланга	38	9,0	13,7
2-я фаланга	22	5,2	13,7
Копытная фаланга	5	1,2	13,7
Всего:	422	100	

Общая ландшафтно-климатическая ситуация в районе памятника на момент его существования была, скорее всего, достаточно суровой. Помимо огромного количества костей северного оленя, как наиболее многочисленного вида, обитавшего на окружающих территориях, об этом говорит еще и присутствие в коллекциях костей белой тундряной куропатки и песка — этих классических обитателей заполярных тундровых ландшафтов.

Низкие требования к качеству сырья и специфический орудийный состав также свидетельствуют о кратковременности пребывания палеолитических охотников, хотя посещения, возможно, были неоднократными и повторялись на протяжении длительного времени.

Чем привлекал данный участок местности палеолитических охотников в качестве пункта забоя животных, сказать трудно. Может быть, здесь существовал удобный рельеф и специфическая растительность, способствовавшие удачной охоте. Однако осмотр борта угольного разреза на протяжении 1 км к западу и востоку от памятников (протяженность северного борта разреза составляет 4 км) не выявил каких-то особенностей погребенного рельефа и водных потоков. Слой, содержащий культурные остатки, залегает горизонтально без видимых значительных нарушений эрозионными процессами, то есть поблизости не фиксируется нарушений рельефа того времени в виде погребенных оврагов и балок и каких-то небольших водоемов и водотоков типа озер, болот и ручьев.

Вероятно, здесь мог существовать так называемый «зверовой солонец» — место с повышенным содержанием в грунте различных солей, минералов и микроэлементов. На такое предположение наталкивает сильная насыщенность слоя, вмещающего культурные остатки, карбонатами, гидроокислами железа и марганца. Животные, приходя на подобное место для поедания насыщенного минералами грунта, представляют собой достаточно легкий объект охоты из засады.

Памятники типа «место забоя» обычно представляют собой скелетные остатки одного-двух животных, рядом с которыми обнаруживается не более десятка каменных орудий (в случае забоя мамонта орудий может быть и больше, как на стоянках Шикаевка II и Томской). При этом локализация места забоя в рельефе местности могла быть совершенно случайной. В данном же случае неоднократно использовалось одно и то же место, что подтверждает предположение о существовании зверового солонца.

Подобные зверовые солонцы представляют собой верхнепалеолитические памятники Шестаково, расположенный в Кемеровской обл. примерно в 160 км к западу (Зенин 2002; Деревянко и др. 2003) от стоянок БР 1–2, и Волчья Грива, находящийся в 200 км к западу от Новосибирска. Аналогичный характер памятников предполагается и для стоянок Шикаевка II и Томской. На памятниках Шестаково и Волчья Грива образование мощных костеносных горизонтов связывается с естественной гибелью животных в зоне зверовых солонцов, так как присутствуют все кости скелета. На стоянках БР 1–2, напротив, фаунистические остатки образовались в результате охотничьей деятельности человека, о чем свидетельствует отсутствие полного набора костей скелета. Зверовые солонцы, куда приходят различные животные и поедают насыщенный минералами грунт, не являются характерным признаком только палеолитической эпохи и существуют в настоящее время. Один из таких солонцов находится в 30 км от памятника Шестаково (Там же).

Выводы

Таким образом, с учетом специфического состава фаунистического материала можно предположить, что памятник БР 1 представляет собой остатки кратковременной стоянки, нарушенной криогенными процессами и располагавшейся в непосредственной близости от места разделки туш северного оленя (а также, в незначительной степени, дикой лошади и бизона) после забоя животных палеолитическими охотниками, вероятно, в зоне зверового солонца. Само место забоя находилось, может быть, и непосредственно здесь же — вряд ли туши целиком перетаскивались на какое-то расстояние для их последующей разделки. На памятнике производилось их расчленение с целью отделения мясных частей и частей, пригодных для изготовления охотничьего вооружения, то есть рогов, из которых, судя по находке в 2003 г. рогового острия, изготавливали наконечники копий. Охотникам необходимо было быстро расчленить убитое животное, для чего подходил осколок практически любого камня, отделить и расчленить рога долотовидными орудиями, грубо обработать снятые шкуры скребками. Памятник БР 2 имеет аналогичный характер, но, возможно, с несколько иной хозяйственной направленностью промыслового характера — более значительна доля фаунистических остатков бизона в общем объеме археологических материалов. После забоя животных и расчленения туш местá разделки оставлялись, а добыча уносилась на долговременные стоянки типа Берёзового ручья 1 и 2 (Васильев 1996: 178; Вишняцкий 1984; 1987; Вишняцкий и др. 1986; Курочкин, Мелентьев 1982; Лисицын 2000: 81–84; Поляков 1991).

Предполагаемый возраст памятников определяется, скорее всего, с учетом присутствия в фаунистических коллекциях классических обитателей заполярных тундровых ландшафтов, все-таки периодом захоронения культурных остатков, относящемуся к сартанскому оледенению.

Литература

- Ауэрбах, Громов 1935 — *Ауэрбах Н. К., Громов В. И.* Материалы к изучению Бирюсинских стоянок близ Красноярска // Известия ГАИМК. 1935. № 118. С. 67–84.
- Васильев 1996 — *Васильев С. А.* Поздний палеолит верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. 223 с. (*Archaeologica Petropolitana*).
- Васильев 2008 — *Васильев С. К.* Бизоны (*Bison p. priscus* Vojanus, 1827) позднего плейстоцена Юго-Востока Западной Сибири // АЭАЕ. 2008. № 2 (34). С. 34–56.
- Вишняцкий 1984 — *Вишняцкий Л. Б.* Позднепалеолитическая стоянка Берёзовый ручей 1 // Дроздов Н. И. (отв. ред.) и др. Проблемы исследования каменного века Евразии (к 100-летию открытия палеолита на Енисее): ТД краевой конф. (12–18 сентября 1984 г.). Красноярск: [Б. и.], 1984. С. 99–102.
- Вишняцкий 1987 — *Вишняцкий Л. Б.* Костяные изделия с пазами из позднепалеолитической стоянки Берёзовый ручей 1 // СА. 1987. № 3. С. 202–203.
- Вишняцкий и др. 1986 — *Вишняцкий Л. Б., Курочкин Г. Н., Мелентьев А. Н., Лисицын Н. Ф.* Палеолитическая стоянка в Красноярском крае // КСИА. 1986. Вып. 188. С. 100–105.
- Громова 1935 — *Громова В. И.* Первобытный зубр (*Bison priscus* Vojanus) в СССР // Тр. ЗИН АН СССР. 1935. Т. 2, вып. 2/3. С. 77–205.

Деревянко и др. 2003 — Деревянко А. П., Молодин В. И., Зенин В. Н., Лецинский С. В., Мащенко Е. Н. Палеолитическое местонахождение Шестаково. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. 168 с.

Зенин 2002 — Зенин В. Н. Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины палеолитическим человеком // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 4 (12). С. 22–44.

Каспаров 2001 — Каспаров А. К. Некоторые данные об особенностях охоты на лося древних обитателей стоянки Замостье 2 // Манушина Т. Н., Вишневский В. И., Лозовский В. М., Лозовская О. В. (ред.). ММК «Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». Сергиев Посад: 1–5 июля 1997 г. Сергиев Посад: Подкова, 2001. С. 262–264.

Курочкин, Мелентьев 1982 — Курочкин Г. Н., Мелентьев А. Н. Открытие верхнего палеолита на территории КАТЭКа // Аксенов М. П. (ред.). Проблемы археологии и этнографии Сибири. Региональная конф. (Иркутск, 7–9 апреля 1982 г.). Иркутск: Изд-во Иркутского ГУ, 1982. С. 21–23.

Лисицын 2000 — Лисицын Н. Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб: Петербургское Востоковедение, 2000. 230 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. 4).

Нехорошев 2006 — Нехорошев П. Е. Новые верхнепалеолитические стоянки на юге Западной Сибири // ЗИИМК. 2006. № 1. С. 23–30.

Нехорошев 2007а — Нехорошев П. Е. Новый верхнепалеолитический памятник на юго-востоке Западной Сибири // Медведев Г. И. (отв. ред.). Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: Материалы всерос. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию со дня рождения М. М. Герасимова. Иркутск, 18–28 мая 2007 г. Иркутск: Оттиск, 2007. Т. 2. С. 49–56.

Нехорошев 2007б — Нехорошев П. Е. Новая верхнепалеолитическая стоянка на юге Западной Сибири — Берёзовский разрез 1 // Хаврин С. В. (ред.). Сб. науч. тр. в честь 60-летия А. В. Виноградова. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. С. 7–16.

Нехорошев 2007в — Нехорошев П. Е. Берёзовский разрез 1 — новый верхнепалеолитический памятник на юго-востоке Западной Сибири // Вестник антропологии. 2007. № 15, ч. 1. С. 148–151.

Нехорошев 2008 — Нехорошев П. Е. Новые памятники начала верхнего палеолита в западной Сибири // Деревянко А. П., Макаров Н. А. (отв. ред.). Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале 2008 г. М.: ИА РАН, 2008. Т. 1. С. 152–157.

Нехорошев 2012 — Нехорошев П. Е. Охранные раскопки верхнепалеолитического памятника Берёзовский разрез 1 // Гордин А. М., Иоаннисян О. М., Торшин Е. Н. (ред.). Проблемы охраны, исследования и реставрации памятников культуры. К 100-летию академика Д. С. Лихачёва: На основе материалов научно-практических конференций, состоявшихся 23–25 января 2006 г. и 24–27 апреля 2007 г. Архитектурно-археологический семинар. СПб.: Изд-во ГЭ, 2012. С. 215–224 (Тр. ГЭ. Т. 60).

Питулько и др. 2003 — Питулько В. В., Каспаров А. К., Анисимов М. А. Стоянка Олений Ручей в центральном Таймыре // Никольский П. А., Питулько В. В. (ред.). Естественная история Российской Восточной Арктики в плейстоцене и голоцене. М.: Геос, 2003. С. 50–70.

Поляков 1991 — Поляков А. С. Стоянка Берёзовый ручей II в зоне строительства КАТЭКа // Медведев Г. И. (отв. ред.) и др. Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. Иркутск: Изд-во Иркутского ГУ, 1991. С. 47–51.

Тарасов 2003 — Тарасов А. Ю. Отчет о проведении детального археологического обследования объектов культурного наследия (стоянок Берёзовский разрез-1, 2), находящихся

на территории верхнего вскрышного уступа Берёзовского разреза 1 (блок №2, профильная линия 32–34) в Шарыповском районе Красноярского края. Красноярск, 2003 // НОА ИА РАН.

Шпанский 1997 — Шпанский А. В. Находка остатков бизона в Томском Приобье // Бюллетень Московского общества испытателей природы. 1997. Т. 72, № 1. С. 46–52.

Binford 1978 — Binford L. R. *Nunamiut Ethnoarchaeology*. New York: Academic Press, 1978. 509 p.

Binford 1981 — Binford L. R. *Bones. Ancient men and modern myths*. New York: Academic Press, 1981. 320 p.

Hilzheimer 1918 — Hilzheimer M. Dritter Beitrage zur Kenntnis der Bisonten // Archiv Naturgeschichte. 1918. Abt. A 84 (6), S. 41–87.

Metcalf, Jones 1988 — Metcalf D., Jones K. T. A reconsideration of animal body-part utility indices // *American Antiquity*. 1988. Vol. 53, no. 3. P. 486–504.

Pitulko, Kasparov 1996 — Pitulko V. V., Kasparov A. K. Ancient arctic hunters: material culture and survival strategy // *Arctic Anthropology*. 1996. Vol. 33, no. 1. P. 1–36.

ON THE AGE AND TYPE OF THE UPPER PALEOLITHIC SITES BEREZOVSKIY RAZREZ 1 AND BEREZOVSKIY RAZREZ 2

A. K. KASPAROV, P. E. NEHOROSHEV

Keywords: *Upper Paleolithic, Western Siberia, Afontovo archaeological culture, taphonomy, game butchering, nutrition value index, paleoclimate.*

Despite a long enough history of research, the Paleolithic of West Siberia is represented by a relatively small number of sites. There are known now about twenty Upper Paleolithic sites, most of which are rather poor in archaeological material. All the more important, then, is the discovery in 2002 of two new sites designated as Berezovskiy razrez 1 and Berezovskiy razrez 2. Their inventory is similar to that of the Afontovo culture. Radiocarbon analysis of several bone samples from the cultural layers of these sites produced dates older than 23 000 and *ca.* 34 000 and 35 000 years, respectively, which should be considered a relatively early age within the framework of the Upper Paleolithic epoch. The sites are situated 16 km north of the town of Sharypovo (Krasnoyarsk region) at a distance of 400 m from one another. The redeposited Upper Paleolithic cultural remains are associated with a buried soil of the Sartan age, which was strongly disturbed by frost processes. The excavation of Berezovskiy razrez 1 yielded 555 stone and osseous artifacts and 4500 faunal remains, the excavation of Berezovskiy razrez 2 gave 772 stone and osseous artifacts and 5300 faunal remains. Berezovskiy razrez 1 was a short-term camp situated near the place where the carcasses of reindeer killed by Paleolithic hunters were butchered; probably in the vicinity of a salt lick. The site of Berezovskiy razrez 2 appears to have had a slightly different specialization, since its faunal collection shows a higher percentage of bison and bird bones. Given the presence in the two faunal collections of the species typical for transpolar tundra landscapes, both sites can be dated to the Sartan glaciation.

НАКОНЕЧНИКИ В КОСТЯХ. БАЗА ДАННЫХ ДЛЯ ПОЗДНЕГО КАМЕННОГО ВЕКА ЗАПАДНОЙ ЕВРАЗИИ¹

Л. Б. ВИШНЯЦКИЙ²

*Когда век неолита шел, войну жестокою я вел
за пищу, славу и звериный теплый мех³*

Редьярд Киплинг.

В неолитическом веке

Ключевые слова: *неолит, западная Евразия, наконечники в костях, вооруженное насилие, война.*

В статье представлена сводка находок человеческих костей с вонзившимися в них наконечниками с неолитических памятников западной части Евразии (Ближний Восток, Западная, Центральная и Северная Европа). Всего учтено 82 такие находки. Приводятся данные об их географическом распределении, а там, где это возможно, также о поле и возрасте жертв, характере, анатомической локализации и направлении нанесения ран. Анализ этих сведений позволяет сделать ряд предположений об особенностях вооруженных конфликтов в рассматриваемый период и о тактических приемах, к которым особенно часто прибегали воины неолита. Результаты сопоставления с аналогичными данными для предыдущих эпох (мезолит, поздний палеолит) могут свидетельствовать, по мнению автора, в пользу гипотезы об учащении и ужесточении вооруженных конфликтов по мере становления и развития производящего хозяйства.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-19-36-55

¹ Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде», проект «Отражение социальных предпосылок перехода к производящему хозяйству в памятниках материальной культуры» (руководитель О. Ю. Артёмов).

² Отдел палеолита, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

³ Предлагаемый здесь вариант перевода несколько ближе к оригиналу (In the Neolithic Age savage warfare did I wage / For food and fame and woolly horses' pelts), чем издавна знакомые русским читателям Киплинга версии М. Фромана (В те глухие времена шла упорная война / За еду, за славу и за теплый мех) и Р. Дубровкина (Воин каменного века, дикий предок человека / Знаю я, что значит удаль, кровь и страх), хотя в поэтическом отношении, безусловно, им уступает.

Введение

Основные археологические индикаторы существования вооруженного насилия и войны в бесписьменный период можно разделить на шесть основных групп: 1) человеческие кости со следами ран, нанесенных оружием, 2) батальные сцены в искусстве, 3) боевое оружие и доспехи, 4) укрепления, 5) массовые захоронения убитых, 6) погребения воинов. Находки, относящиеся к группам 2–6, появляются лишь в самом конце каменного века (Вишняцкий 2016), и только материалы группы 1 известны с раннего палеолита. Эти материалы, таким образом, единственный пока вид археолого-палеоантропологических источников, который дает возможность, во-первых, уверенно констатировать существование вооруженного насилия в донеолитическое время, а во-вторых, попытаться хотя бы очень приблизительно оценить его характер, интенсивность и динамику от эпохи к эпохе.

Среди костей со следами ран выделяется особая подгруппа, для которой связь с вооруженным насилием наиболее очевидна. Это кости с застрявшими в них каменными или сделанными из органических материалов наконечниками или их обломками. Если вмятина на черепе или, скажем, перелом ключицы могут быть следствием бытовых травм, то вонзившееся в тот же череп, или в ключицу, или в любую другую часть скелета кремневое острие в большинстве случаев трудно интерпретировать иначе как результат боевого столкновения. Для позднего палеолита и мезолита Старого Света описано около трех десятков таких находок, а для неолита и энеолита в несколько раз больше. В этой статье представлена сводка находок такого рода для неолита и энеолита западной части Евразии. Западная Евразия в данном случае выбрана не только потому, что здесь находок интересующего нас типа известно особенно много, но и потому, что, в отличие от ряда других регионов, неолит этой территории сравнительно однороден в экономическом плане. Главным критерием перехода к неолиту здесь считается не появление керамики, как это принято в европейской части России и в Сибири, а появление производящего хозяйства, что выводит за рамки рассматриваемой эпохи охотничье-собираательской культуры. Все местные неолитические культуры — это по определению культуры ранних земледельцев и скотоводов. Следовательно, сравнение данных для неолита западной Евразии с данными для более раннего времени (мезолита, позднего палеолита) может способствовать решению вопроса о том, сопутствовали ли переходу к производящей экономике какие-либо изменения в характере вооруженного насилия.

Материалы и методы

Работа целиком построена на литературных данных. Материалом для нее послужили публикации по неолиту Ближнего Востока и Европы, содержащие сведения о человеческих скелетных остатках и выявленных на них патологиях. Среди последних особое внимание обращалось на проникающие поражения костной ткани острыми предметами, но учету подлежали лишь те случаи, когда сами эти предметы или их фрагменты остались на месте, прочно засев в кости. Для каждого такого случая производился поиск и сбор сведений — часто отрывочных и разбросанных по разным публикациям — о поле и возрасте жертвы, о характере оружия, которым была нанесена рана, о ее локализации, вероятной кинематике удара и наличии или отсутствии следов заживления (регенерации костной ткани). Все эти данные заносились в таблицу для последующей статистической обработки и сопоставления с данными по иным эпохам и/или регионам.

Результаты

Полученные результаты представлены в таблице. В ней учтено 82 случая обнаружения на неолитических и энеолитических памятниках западной Евразии человеческих костей с вонзившимися в них наконечниками. Это пусть, вероятно, и не исчерпывающая, но все же наиболее полная из существующих сводок данных такого рода. Собственно, если не считать известную работу Ж. Кордые (Cordier 1990), для своего времени очень полезную, но успевшую сильно устареть, то все иные попытки свести воедино информацию о наконечниках в костях людей конца каменного века носили узкорегionalный характер, замыкаясь на территориях отдельных стран (прежде всего Франции и Испании) или сравнительно небольших регионов (см., например: Guilaine, Zammit 2005: 241–249; Mercadal, Agustí 2006; Camarero, Arevalo-Muñoz 2015).

В публикуемую таблицу не включены находки, для которых есть основания предполагать посмертное происхождение повреждений (например, в результате тафономических процессов или ритуальных манипуляций с костями), а также те случаи, достоверность которых вызывает сомнения в силу противоречивости представленной в публикациях информации. К первой группе относятся, в частности, череп с застрявшим в одном из его фрагментов обломком пластины, обнаруженный на поселении Айн Газаль в Иордании (Rollefson 2010: 63, но см.: Kuijt, Goring-Morris 2002: 422), аналогичная находка из каирна Избистер в Шотландии (Lawrence 2012: 308, 338), плечевая кость из Чаталхёюка в Турции, в головке которой, глубоко в губчатой массе, засели две костяные щепки (Molleson et al. 2005). Вторая группа включает утерянную бедренную кость с якобы застрявшим в ее суставной головке кремневым наконечником из грота Лас Каскарас в Испании (об этой кости в литературе есть лишь беглые и притом взаимно противоречивые упоминания), ряд находок сомнительного характера и возраста из Франции, а также скелет из могильника Звейниеки в Латвии с засевшим, как сообщает Ф. Загорскис, в одном из поясничных позвонков кремнем (Zagorskis 2004: 32). В последнем случае сомнения вызваны тем обстоятельством, что в статье Р. Янкаускаса, специально предпринявшего пересмотр антропологических материалов Звейниеки с целью выявления патологий, связанных с насилием, ни о чем подобном не говорится, но, напротив, делается вывод об отсутствии явных свидетельств боевого травматизма (Jankauskas 2012: 48).

Из сводки исключены также отдельные встречающиеся в литературе ошибки, порожденные эффектом «испорченного телефона», когда одни авторы со ссылкой на других пишут про тот или иной памятник (Немрик 9 в Ираке, Абу Хурейра в Сирии, Серро де ла Кабеса в Испании и т. д.), что там будто бы выявлены кости с воткнувшимися в них наконечниками оружия, но при обращении к первоисточникам выясняется, что речь на самом деле идет о наконечниках, находящихся не в костях, а среди костей. В каких-то случаях такие вещи могли попасть в могилы в телах погребенных, в других же они просто входили в состав сопроводительного инвентаря и после разложения мягких тканей оказались, например, в грудной клетке или тазу. Определить, когда имело место первое, а когда второе, обычно невозможно. Так или иначе, прямого отношения к основной теме этой работы такие находки не имеют и далее здесь не рассматриваются.

Таблица

**Находки человеческих костей с застрявшими в них наконечниками оружия
на неолитических и энеолитических памятниках западной Евразии**

Памятник, регион	Период, культура	Пол и возраст*	Локализация и характер раны**	Источник
Ближний Восток				
Поселение Гвайр (Ghwair) I, Иордания	PPNB	♀ пожилая	Каменный наконечник в челюсти	Simmons, Najjar 2006: 90
Могильник Актопраклик (Aktopraklik), Турция	Поздний неолит	♂ 30–35 л.	Каменный наконечник; вошел сверху в перед- нюю часть 3-го пояс- ничного позвонка (-)	Alpaslan- Roodenberg 2011
Пиренейский полуостров				
Могильник Ками де Кан Грау (Cami de San Grau), Испания	Средний– поздний неолит	♂ взрослый	Кончик каменного наконечника в левой дуге 7-го (по другим данным 9-го) грудного позвонка (+)	Campillo 2011: 4
Пещера Лапо до Бу- гьо (Lapo do Bugio), Португалия	Поздний неолит	Пол не определен, взрослый	Каменный наконечник; вошел сзади во 2-й шейный позвонок (-)	Silva, Marques 2010
Могильник Бобила Мадурелл (Bòbila Madurell), Испания	То же	♂ взрослый	Кончик каменного наконечника; вошел спереди снизу в 12-й грудной позвонок (-)	Campillo et al. 1993
Грот Сан Хуан (San Juan ante Portam Latinam), Испания	Финальный неолит — ранний энеолит	Пол не определен, взрослый	Каменный наконечник; вошел сзади в правую седалищную кость (+)	Vegas et al. 2012
Там же	То же	♂ 21–40 л.	Каменный наконечник; вошел спереди в 1-й поясничный позвонок (-)	Ibid.
Там же	То же	♂ 41–60 л.	Каменный наконечник; вошел сзади сверху глубоко в подздош- ный гребень (-)	Ibid.
Там же	То же	♂ 12–20 л.	Фрагмент каменного наконечника; вошел сзади между ребер (-)	Ibid.
Там же	То же	♂ 41–60 л.	Каменный наконечник; вошел сзади в левую лопатку (-)	Ibid.

Продолжение таблицы

Памятник, регион	Период, культура	Пол и возраст*	Локализация и характер раны**	Источник
Там же	То же	♂ 21–40 л.	Каменный наконечник; вошел сзади в затылок (+)	Ibid.
Там же	То же	♂ 21–40 л.	Каменный наконечник; вошел спереди глубоко в 8-й грудной позвонок (-)	Ibid.
Там же	То же	♂ 41–60 л.	Каменный наконечник; вошел спереди в диафиз правой лучевой кости (+)	Ibid.
Там же	То же	Пол не определен, взрослый	Фрагмент каменного наконечника; вошел сзади в верхний грудной позвонок (+)	Ibid.
Там же	То же	♂ 21–40 л.	Каменный наконечник; вошел сзади в левую седалищную кость (+)	Ibid.
Гипогей Лонгар (Longar), Испания	То же	♂ молодой	Каменный наконечник; вошел спереди в ребро	Armendariz et al. 1994
Там же	То же	♂ молодой	Каменный наконечник в пазухе верхней челюсти (-)	Ibid.
Там же	То же	—	Каменный наконечник в грудном позвонке (-)	Ibid.
Там же	То же	♂ взрослый	Обломок каменного наконечника в правой плечевой кости (-)	Ibid.
Грот Лас Юрдинас (Las Yurdinas) 2, Испания	Ранний энеолит	Пол не определен, взрослый	Каменный наконечник в правой локтевой кости (+)	Fernández-Crespo 2017
Грот Ла Пенья (La Peña de Marañón), Испания	То же	♂ взрослый	Каменный наконечник в клиновидной кости правой стопы	Fernández-Crespo 2016
Западная, Центральная и Южная Франция				
Могильник Поншаро (Pontcharaud), Франция	Ранний/средний неолит	—	Каменный наконечник в позвоночнике	Beyneix 2012: 210; Guilaine, Zammit 2005: 128, 242

Продолжение таблицы

Памятник, регион	Период, культура	Пол и возраст*	Локализация и характер раны**	Источник
Поселение Вильнёв-Толозан (Villeneuve-Tolosane), Франция	Средний неолит	♂ взрослый	Каменный наконечник; вошел в нижнюю часть позвоночного столба (-)	Beuñeix 1997: 150; 2012: 210
Поселение Сент-Антуан (Sainte-Antoine) II, Франция	Средний неолит, шассейская культура	Пол не определен, 15–19 л.	Каменный наконечник; вошел сзади справа между 2-м и 3-м поясничными позвонками (-)	Michel et al. 2014: 554, 556
Могильник Шатейор (Châtelliers-du-Vieil-Auzay), Франция	Поздний неолит	♂ 20 л.	Каменный наконечник; вошел спереди в 4-й поясничный позвонок (-)	Cordier 1990: 465; Guilaïne, Zammit 2005: 129
Могильник Бертолен (Bertholène), Франция	Поздний неолит — энеолит, культура трей	—	Каменный наконечник в позвонке	Cordier 1990: 465; Guilaïne, Zammit 2005: 243
Дольмен Пуешкам (Puechcamp), Франция	Энеолит, культура трей	—	Каменный наконечник в левой пястной кости (+)	Guilaïne, Zammit 2005: 244
Погребение № 3 в карстовой воронке Морей (Mauray), Франция	То же	20–25 л., пол не определен	Каменный наконечник; вошел спереди в корпус 5-го поясничного позвонка (-)	Zammit 1991
Грот Сот де ла Лавонь (Sot de la Lavogne), Франция	То же	—	Каменный наконечник; вошел сзади справа в корпус 10-го грудного позвонка	Fages, Courtaud 2004
Дольмен Превенкьер (Prévinquières), Франция	То же	—	Каменный наконечник в бедренной кости под суставной головкой	Guilaïne, Zammit 2005: 138
Оссуарий Па-де-Жулье (Pas-de-Joulié), Франция	То же	—	Острие медного лезвия кинжала; вошло сзади сверху между остистыми отростками 1-го поясничного позвонка***	Guilaïne, Zammit 2005: 136–137, 243; Vaquer, Remicourt 2012: 254, 256; Needham et al. 2017: 75

Продолжение таблицы

Памятник, регион	Период, культура	Пол и возраст*	Локализация и характер раны**	Источник
Оссуарий в гроте I Трей (Treilles), Франция	То же	Пол не определен, взрослый	Фрагмент каменного наконечника; вошел сверху в дистальный конец левой лучевой кости (+)	Dias-Meirinho 2011: 559–563
Там же	То же	Пол не определен, взрослый	Микрообломки каменного наконечника (?) в проксимальной части левой локтевой кости (+)	Dias-Meirinho 2011: 571–573
Оссуарий Арагон (Aragon), Франция	То же	—	Каменный наконечник в поясничном позвонке (–)	Prunières 1883: 827; Guilaine, Zammit 2005: 245
Грот Ле Каир (Les Caïres), Франция	Энеолит, поздняя фаза культуры трей (?)	—	Каменный наконечник в дистальной части левой лучевой кости	Cordier 1990: 467; Guilaine, Zammit 2005: 245
Дольмен Фон-Риаль (Font-Rial), Франция	То же	—	Каменный наконечник в нижней части передней стенки правой большой берцовой кости (+)	Baudrimont 1875; Cordier 1990: 468
Оссуарий Сент-Еними (Sainte-Énimie), Франция	То же	—	Каменный наконечник; вошел справа сзади в корпус 2-го грудного позвонка (–)	Baudouin 1928; Cordier 1990: 467
Оссуарий Ле Гаш (Les Gâches), Франция	Энеолит, финальная фаза культуры трей	—	Острие каменного кинжала в проксимальной части правой большеберцовой кости (+)	Cordier 1990: 469; Guilaine, Zammit 2005: 245
Оссуарий Бом-Шод (Beaumes-Chaudes), Франция	То же	—	Каменный наконечник; вошел спереди в верхнюю часть правой подвздошной кости (+)	Prunières 1883: 825–826
Там же	То же	—	Каменный наконечник; вошел слева глубоко в поясничный позвонок (+)	Prunières 1883: 826
Там же	То же	—	Каменный наконечник; вошел слева в поясничный позвонок (–)	Prunières 1883: 827

Продолжение таблицы

Памятник, регион	Период, культура	Пол и возраст*	Локализация и характер раны**	Источник
Там же	То же	—	Каменный наконечник в верхней части правой подвздошной кости	Prunières 1883: 828
Там же	То же	—	Фрагмент каменного наконечника в верхней части наружной стороны подвздошной кости (+)	Prunières 1883: 829
Там же	То же	—	Каменный наконечник; вошел спереди глубоко в верхний эпифиз правой большеберцовой кости (+)	Prunières 1883: 829–830
Оссуарий Шмен-де-Фер (Chemin-de-Fer), Франция	Энеолит, культура фонбуис	—	Каменный наконечник в крестце (+)	Guilaine, Zammit 2005: 245
Грот Лав (Grotte de la Lave), Франция	Энеолит	—	Острие каменного наконечника; вошло сзади в крестец (+)	Cordier 1990: 468
Там же	То же	—	Обломок каменного наконечника; вошел сзади в диафиз левой бедренной кости (+)	Ibid.
Там же	То же	—	Два кремневых осколка в диафизе левой плечевой кости (+)	Ibid.
Гипогей Ла Кастелле (La Castellet), Франция	То же	—	Каменный наконечник; вошел справа в корпус 1-го поясничного позвонка (-)	Cordier 1990: 466; Guilaine, Zammit 2005: 138, 244
Оссуарий Рек де лос Бальмос (Rec de los Balmos), Франция	То же	♂	Каменный наконечник; вошел сзади в локтевую кость (+)	Cordier 1990: 466; Guilaine, Zammit 2005: 246
Грот 1 де Каскад (des Cascades), Франция	То же	—	Каменный наконечник; вошел сверху в среднюю часть правой большой берцовой кости (+)	Baldet 1965: 665; Guilaine, Zammit 2005: 131, 245
Там же	То же	—	Каменный наконечник; вошел спереди сверху в плюсневую кость (+)	Ibid.

Продолжение таблицы

Памятник, регион	Период, культура	Пол и возраст*	Локализация и характер раны**	Источник
Гипогей Грот (Les Grottes) или Роэкс (Roaix), Франция	То же	Пол не определен, подросток	Каменный наконечник в крестце (по другим данным в подвздошной кости) (–)	Cordier 1990: 467; Guilaine, Zammit 2005: 148, 244
Там же	То же	—	Каменный наконечник в пястной кости	Cordier 1990: 467
Там же	То же	—	Каменный наконечник в позвонке	Guilaine, Zammit 2005: 148, 244
Грот Турасс (Tourasse), Франция	Энеолит, культура колоколовидных кубков (?)	—	Каменный наконечник; вошел спереди в корпус 2-го поясничного позвонка (–)	Cartailhac 1896: 313–314; Cordier 1990: 468; Guilaine, Zammit 2005: 133, 138
Тумулус (курганная гробница) Жандарм (Gendarme), Франция	Энеолит, культура колоколовидных кубков	—	Фрагмент каменного наконечника в передней стенке бедра (–)	Courtin 1974: 266, 310; Guilaine, Zammit 2005: 132, 246
Грот Геменос (Géménos), Франция	Энеолит	—	Каменный наконечник; вошел спереди в верхнюю часть левой большой берцовой кости	Cordier 1990: 466
Пещерный могильник Терревэн (Terrevaine), Франция	Поздний энеолит	—	Каменный наконечник; вошел спереди в 3-й поясничный позвонок (–)	Courtin 1974: 236; Cordier 1990: 466; Guilaine, Zammit 2005: 245
Дольмен Омед (Aumède), Франция	То же	—	Каменный наконечник; вошел слева в 11-й грудной позвонок (–)	Cordier 1990: 465; Guilaine, Zammit 2005: 245
Там же	То же	—	Каменный наконечник в нижней части правой берцовой кости	Ibid.

Продолжение таблицы

Памятник, регион	Период, культура	Пол и возраст*	Локализация и характер раны**	Источник
Северо-запад континентальной Европы				
Могильник Энайм-Суффельвээрсайм (Hoenheim-Souffelwersheim), Эльзас, Франция	Ранний неолит, культура линейно-ленточной керамики	♂ взрослый	Каменный наконечник в левом колене (+)	Beuñeix 2012: 210
Могильник Катзеннайм (Quatzenheim), Эльзас, Франция	То же	♂ взрослый	Каменный наконечник в правой подвздошной кости (+)	Beuñeix 2012: 210
Могильник Мюлуз (Mulhouse-Est), Эльзас, Франция	То же	♂ 15–20 л.	Фрагмент каменного наконечника между двух ребер у правого плеча (–)	Jeunesse et al. 2014
Гипогей Разе (Razet), Франция	Поздний неолит, культура Сена-Уаза-Марна	♂ молодой	Каменная пластина; вошла сбоку в поясничный позвонок	Baye 1880: 290–291; Cordier 1990: 466; Guilaine, Zammit 2005: 135, 242
Гипогей Пьер Мишелот (Pierre Michelot), Франция	То же	—	Каменный наконечник; вошел спереди слева в корпус поясничного позвонка (–)	Baye 1880: 255; Cordier 1990: 469; Guilaine, Zammit 2005: 242
Гипогей II в Виллевенаре (Villévenard), Франция	То же	—	Каменная пластина; вошла спереди в корпус поясничного позвонка (–)	Baye 1880: 291–292; Cordier 1990: 469; Guilaine, Zammit 2005: 135, 242
Гипогей в Уа (Oyes), Франция	Поздний неолит, культура Сена-Уаза-Марна (?)	♂ взрослый	Обломок каменного наконечника; вошел сзади в левую плечевую кость под суставной головкой (+)	Baye 1880: 283–284
Пещера Тру Розет (Trou Rosette), Бельгия	Поздний неолит, культура Сена-Уаза-Марна	Пол не определен, взрослый	Обломок каменного наконечника; вошел сзади в левую подвздошную кость (+)	Polet et al. 1995, 1996

Продолжение таблицы

Памятник, регион	Период, культура	Пол и возраст*	Локализация и характер раны**	Источник
Центральная Европа				
Ронделла Фрибритц (Friebritz-Süd), Австрия	Средний неолит, лендзельская культура	— взрослый	Каменная трапеция; вошла сзади между двумя поясничными позвонками (-)	Neugebauer- Maresch et al. 2002: 215, 221
Могильник Нидербёза (Niederbösa), Тюрингия, Германия	Средний неолит, вальтерниенбургская культура	♂ взрослый	Каменный наконечник; вошел спереди в проксимальный сустав правой плечевой кости (+)	Feustel, Ullrich 1964–1965: 118, 119, 195–197
Могильник в Эулау (Eulau), Германия	Поздний неолит, культура шнуровой керамики	♀ 25–35 л.	Каменный наконечник; вошел спереди слева в корпус 4-го пояснично- го позвонка (-)	Haak et al. 2008; Meyer et al. 2009
Могильник Бавенштедт (Bavenstedt), Германия	Поздний неолит, культура одиночных погребений	♂ 35–40 л.	Каменный наконечник; вошел сзади справа между 8-м и 9-м груд- ными позвонками (-)	Schutzkowski et al. 1996
Британские острова				
Каирн (каменный курган) Таллок (Tulloch of Assery B), Шотландия	Поздний неолит	Пол не определен, взрослый	Острие каменного наконечника; вошло сзади сверху в нижний грудной позвонок (-)	Corcoran 1966
Курган Эскот (Ascott under Wychland), Англия	То же	♂ молодой	Фрагмент каменного наконечника в 3-м поясничном позвонке (-)	Knüsel 2007
Курган Уэйлэндс Смити (Wayland's Smithy) 1, Англия	То же	♂ взрослый	Острие каменного наконечника; вошло спереди в правую под- вздошную кость (-)	Whittle et al. 2007
Длинный ка- ирн Пениуирлод (Penywyrlod), Уэльс	То же	Пол не определен, взрослый	Острие каменного на- конечника в ребре (-)	Wysocki, Whittle 2000
Дольмен Пулнэбро- ун (Poul nabrone), Ирландия	То же	♂	Острие каменного на- конечника в тазовой кости	Lynch, Ó Donnabhain 1994
Групповое погребение в Фенгейте (Fengate), Англия	То же	♂ 25–30 л.	Каменный наконечник; зажат между 8-м и 9-м ребрами	Pryor 1976; Mercer 1999: 149

Окончание таблицы

Памятник, регион	Период, культура	Пол и возраст*	Локализация и характер раны**	Источник
Скандинавия				
Торфяник Порсмосе (Porsmose), Дания	Поздний неолит, культура одиночных погребений	♂ 35–40 л.	Костяной наконечник в носовой кости; вошел сверху	Bennike 1999: 29
Там же	То же	Тот же индивид	Костяной наконечник в груди; вошел сверху (-)	Ibid.
Погребение в каменной цисте в Гьеррильде (Gjerrild), Дания	То же	♂ 20–30 л.	Каменный наконечник; вошел спереди сверху в грудину, пробив ее (-)	Iversen 2016: 79–80

* Пустые ячейки в этой колонке означают отсутствие данных.

** В скобках отмечено наличие (+) или отсутствие (-) признаков заживления раны, то есть регенерации костной ткани. Отсутствие таких признаков означает, что рана либо была смертельной, либо была получена примерно одновременно с другим ранением, которое привело к быстрой смерти.

*** Разные авторы по-разному определяют локализацию и характер этой раны. Ж. Гилен и Ж. Заммит связывают ее с 3-м шейным позвонком и считают смертельной (Guilaine, Zammit 2005: 243), тогда как С. Нидхэм с соавторами пишут о поясничном позвонке и ремоделировании костной ткани (Needham et al. 2017: 75). К. Камареро и Э. Аревало-Муньос идентифицируют позвонки как 1-й поясничный, а рану как смертельную (Camarero, Arevalo-Muñoz 2015: 21). Судя по опубликованным фотографиям, острие засело в 1-м поясничном позвонке.

Обсуждение

Географическое и стадияльное распределение находок. Ближний Восток — 2 (ранний неолит — 1, поздний неолит/энеолит — 1), Пиренейский п-ов — 19 (ранний/средний неолит — 1, поздний неолит/энеолит — 18), Южная Франция — 40 (ранний/средний неолит — 3, поздний неолит/энеолит — 37), северо-запад континентальной Европы — 8 (ранний/средний неолит — 3, поздний неолит — 5), Британские о-ва — 6 (поздний неолит — 6), Центральная Европа — 4 (ранний/средний неолит — 2, поздний неолит — 2)⁴, Скандинавия — 3 (поздний неолит — 3). Находки, относящиеся к первой половине рассматриваемой эпохи (ранний/средний неолит), малочисленны (их всего 10) и распространены в пространстве более или менее равномерно. Находки, относящиеся к позднему неолиту и энеолиту, напротив, довольно многочисленны (72) и концентрируются в основном на юго-западе Европы (55 из 72), где они известны с конца XIX в. (Baudrimont 1875; Baye 1880: 251–293; Prunières 1883). Обращает на себя внимание полное отсутствие таких находок на Апеннинском п-ове и на Балканах. Этому обстоятельству пока трудно найти сколько-нибудь удовлетворительное объяснение.

⁴ К числу центральноевропейских находок можно добавить еще энеолитическую мумию так называемого Эци (Этци, Отци), обнаруженную на севере Италии близ границы с Австрией. Здесь, правда, каменный наконечник стрелы, пущенной сзади снизу, засел не в кости, а в мягких тканях между левой лопаткой и 2-м ребром (Gostner, Egarter Vigl 2002).

Характер оружия. Почти все из вонзившихся в кости орудий сделаны из камня (79 из 82), преимущественно из кремня. В основном это, несомненно, наконечники стрел. Среди них особенно часто встречаются поперечнолезвийные и черешковые формы, а также характерные для культуры трей изделия типа *en sapin* — «елочка» (для экономии места информация о типах наконечников в публикуемую здесь таблицу не включена). Костяных наконечников только два, причем оба они найдены в костях одного и того же человека. Есть также острие кинжала из меди. Интересно, что среди наконечников, найденных в костях мезолитических и позднепалеолитических обитателей западной Евразии (включая Восточную Европу), изделия из органических материалов составляют более трети: 8 из 22 (см.: Вишняцкий 2014: табл. 1; приведенные цифры взяты из неопубликованного обновленного варианта этой сводки). В то же время в костях плейстоценовых животных из этого региона они встречаются столь же редко (2 из 50), как в костях неолитических людей (Pöllath et al. 2018: Appendix; см. также: Вишняцкий 2014: табл. 2).

Демографическая структура выборки. Пол определен в 35 случаях: 33 костяка мужских (94,3 %) и лишь два — женских (5,7 %). Примерный возраст определен в 45 случаях: взрослых (старше 20 лет) — 37, подростков (12–20 лет) — 8, детей младше 12 лет нет. Эти цифры заметно отличаются от тех, что приводятся в работах, посвященных изучению черепных ран, нанесенных тупым (дубинки, камни) либо острым массивным (топоры) оружием. Хотя в обоих случаях среди жертв преобладают взрослые и индивиды мужского пола, травмы от камней, палиц и топоров (вмятины, проломы) встречаются на женских черепках сравнительно чаще, чем раны от стрел. Из 25 черепов с такими травмами, выявленных в неолите юга Британии, 16 определены как мужские и 9 (36 %) как женские (Schulting, Wysocki 2005), из 25 ближневосточных черепов с аналогичными повреждениями, относящихся к докерамическому и позднему неолиту, тоже 16 определены как мужские и 9 (36 %) как женские (Glencross, Voz 2013), а среди 52 неолитических черепов с вмятинами и проломами, происходящих из южных районов Дании и Швеции, оказалось 37 мужских и 15 (29 %) женских (Fibiger et al. 2013). При этом во всех трех выборках число заживших ран значительно превышает число ран перимортальных, тогда как в случае с острыми проникающими ранениями от стрел и иного оружия (дротики, кинжалы), зафиксированными в таблице, соотношение противоположное: с признаками заживления — 28 (44 %), без признаков заживления — 36 (56 %). Все эти различия, вероятно, объясняются тем, что раны от стрел и дротиков — это по большей части раны, полученные в битвах, при нападениях из засад и в ходе иных боевых столкновений (отсюда их почти стопроцентная приуроченность к мужским скелетам⁵ и частый летальный характер), тогда как часть травм, нанесенных камнями и дубинками, может быть результатом бытовых конфликтов внутри общины, насилия в семье, а то и просто случайности.

⁵ Есть интересные данные, собранные в конце прошлого века врачами, работавшими в регионах, где лук и стрелы все еще использовались как боевое оружие. Среди 90 пациентов с ранами от стрел, лечившимися в 1987 г. в двух больницах провинции Саутерн-Хайлендс в Новой Гвинее, было всего 4 женщины (Van Gurp et al. 1990: 184), а среди 73 пациентов с такими же ранами, прошедшими за десять лет (с 1989 по 1999 г.) через клинику университета Майдугури в Северо-Восточной Нигерии, женщин не было вообще (Madziga 2003). В обоих случаях, правда, уровень смертности был очень низким (4,1 % и 4,4 %, соответственно), что может объясняться как успехами современной медицины, так и тем, что люди с особенно тяжелыми ранами не добрались до больниц.

Направление атаки. Для 51 из учтенных в таблице находок есть информация о том, с какой стороны прилетела стрела или откуда был нанесен удар. В 23 случаях острия вошли в тело жертв спереди (три из них спереди сверху, одно спереди снизу), в 20 — сзади (три из них сзади сверху), в 5 — сбоку, а еще о трех сообщается только, что стрела была пущена сверху, без указания стороны. Таким образом, общее число ран, нанесенных сзади и сбоку, превышает число тех, что были получены при противостоянии лицом к лицу. Если к этому добавить, что и Эци тоже стреляли в спину и что в 9 случаях наконечники вошли в тело жертв сверху (будучи, видимо, пущенными с деревьев), то можно предположить, что большая часть ран в анализируемой выборке была нанесена из засады и/или в ходе преследования убегающего неприятеля. Это предположение хорошо согласуется с этнографическими данными о характере вооруженных столкновений у охотников-собирателей и примитивных земледельцев. Нападение из засады было у них одним из наиболее часто применявшихся тактических приемов.

Анатомическое распределение и степень тяжести ран. За вычетом трех позвонков, для которых не указана принадлежность к тому или иному отделу позвоночного столба, все остальные пораженные кости (79) идентифицированы достаточно определенно. Анатомическое распределение ранений таково: голова и шея — 5 (две перимортальные раны, одна зажившая, для двух сведений нет), руки — 13 (1, 10, 2), грудная область — 18 (13, 2, 3), живот и поясничная область — 19 (16, 1, 2), таз — 13 (3, 8, 2), ноги — 11 (1, 6, 4). Эти цифры находят ряд весьма близких соответствий в данных о характере ранений стрелами, полученных солдатами армии США в индейских войнах XIX в. По подсчетам одного из американских военных врачей того времени, из 154 учтенных им ран 30, то есть 19,5 %, были нанесены в область груди, а 34 (22,1 %) — в абдоминальную область, причем смертность во втором случае составила около 90 % (Bill 1882, по: Mays et al. 1994 и Milner 2005). В нашей неолитической выборке на грудную область приходится 22,8 % всех ран, на живот и поясничную область — 24 %, а смертность в последнем случае составляет 94 %. Правда, индейские стрелы чаще всего поражали руки врагов — 29,8 % всех попаданий (Ibid.) против 16,5 % в нашей выборке — но это различие, скорее всего, объясняется просто тем, что неолитические воины, когда могли, извлекали наконечники стрел из своих рук сами, не дожидаясь врачебной помощи.

Наконечники в костях и «неолитическая революция». Могут ли представленные данные пролить какой-то свет на проблему исторической динамики вооруженного насилия и, в частности, на вопрос об изменениях в его характере и интенсивности после перехода к производящему хозяйству? Сами по себе, очевидно, нет, поскольку увеличение в несколько раз числа костей с ранами в неолите по сравнению с мезолитом и поздним палеолитом легко объяснить тем, что и общее количество человеческих скелетных остатков, происходящих с неолитических памятников, тоже намного больше того, что найдено на памятниках предыдущих эпох. Гораздо показательней может быть соотношение числа костей людей с засевшими в них наконечниками с числом таких же костей животных, точнее, его изменение от эпохи к эпохе. Для среднего и раннего верхнего палеолита (до граветтского времени включительно) западной Евразии это соотношение составляет 0 к 8, для позднего палеолита и мезолита 22 к 42 (из этих 42 находок более половины происходит с территории Дании и смежных с ней районов Германии), а для неолита — 82 к 9 (данные по костям животных взяты из работы Pöllath et al. 2018). Конечно,

малочисленность находок наконечников в костях животных в неолите западной Евразии может быть связана с уменьшением роли охоты по мере развития производящей экономики, но ведь самих-то наконечников при этом становится почему-то не меньше, а больше. О том, что уменьшению количества костей диких животных среди фаунистических остатков сопутствует не уменьшение, а увеличение количества и разнообразия наконечников, писали исследователи неолита многих регионов (см., например: Mercer 1999: 148; Jiménez, Sánchez Romero 2005: 188–191). Можно предположить, что и это противоречие, и отмеченная огромная разница в числе находок наконечников в костях «в пользу» людей объясняются одним и тем же обстоятельством: учащением и ужесточением вооруженных конфликтов по мере становления и развития производящего хозяйства. Неслучайно именно с конца неолита в культуре — и материальной, и духовной — явно стали выделяться сферы, ориентированные на обслуживание войны, что отразилось в строительстве (укрепленные поселения), ремеслах (появление специализированного боевого оружия и доспехов), ритуальной практике (погребения воинов) и искусстве (батальные сцены, изображения воинов с соответствующей их занятию атрибутикой на каменных стелах).

Заключение

По подсчетам Дж. Милнера, основанным на историко-медицинских данных по индейским войнам XIX в., только одна из трех стрел, попавших в тело человека, задевает кости (Milner 2005: 150). Проникает же в кости и застревает в них, вероятно, лишь небольшая часть из этой трети стрел (особенно, если они оснащены не металлическими, как у индейцев XIX в., а каменными или костяными наконечниками), и совсем уж немногие из них сохраняются в таком состоянии на момент обнаружения древних скелетов археологами. Поэтому неудивительно, что материалы, подобные рассмотренным в этой статье, представляют собой большую редкость. Тем не менее они известны сейчас и за пределами западной Евразии. Скелетные остатки людей неолитического времени с застрявшими в них наконечниками были найдены в Сибири (Рохлин 1965: 62–64; Мамонова, Базалийский 1991: табл. 10; Базалийский, Савельев 2008: 17; Lieverse et al. 2017), в Китае (Underhill 1989), а также на ряде хронологически близких евразийскому неолиту памятниках каменного века Африки (Robbins, Lynch 1978) и Америки (например: Dickel et al. 1988: 169; Chatters 2000). На этом фоне кажется очень странным полное отсутствие таких находок в Восточной Европе, где они описаны пока только для мезолита (Даниленко 1955; Телегин 1961). Вероятно, по мере пересмотра старых остеологических коллекций и накопления новых материалов эта лакуна будет постепенно заполняться, хотя, если старая гипотеза, согласно которой интенсификация вооруженных конфликтов в неолите была обусловлена развитием производящего хозяйства, верна, то для охотничье-собирательских неолитических культур центра и севера Восточной Европы вряд ли стоит ожидать кардинального изменения наблюдаемой сейчас картины.

Литература

Базалийский, Савельев 2008 — Базалийский В. И., Савельев Н. А. Могильник эпохи раннего неолита Локомотив (особенности ритуала захоронений) // Известия лаборатории древних технологий. 2008. № 6. С. 7–27.

Вишняцкий 2014 — *Вишняцкий Л. Б.* Вооруженное насилие в палеолите // *Stratum plus*. 2014. № 1. С. 311–332.

Вишняцкий 2016 — *Вишняцкий Л. Б.* Война до истории // *Человек*. 2016. № 6. С. 59–74.

Даниленко 1955 — *Даниленко В. Н.* Волошский эпилеолитический могильник // *СЭ*. 1955. № 3. С. 56–61.

Мамонова, Базалийский 1991 — *Мамонова Н. Н., Базалийский В. И.* Могильник «Локомотив». Некоторые биологические и демографические особенности населения китайской культуры (по материалам раскопок 1980–1984 годов) // *Медведев Г. И.* (ред.). Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. Иркутск: Изд-во Иркутского ГУ, 1991. С. 93–109.

Рохлин 1965 — *Рохлин Д. Г.* Болезни древних людей. М.; Л.: Наука, 1965. 303 с.

Телегін 1961 — *Телегін Д. Я.* Василівський третій некрополь в Надпоріжжі // *Археологія*. 1961. № 13. С. 3–19.

Alpaslan-Roodenberg 2011 — *Alpaslan-Roodenberg S.* Homicide at Aktopraklik, a prehistoric village at Turkey // *Near Eastern Archaeology*. 2011. Vol. 74. P. 60–61.

Armendariz et al. 1994 — *Armendariz J., Irigarai S., Etxeberria F.* New evidence of prehistoric arrow wounds in the Iberian Peninsula // *IJO*. 1994. Vol. 4. P. 215–222.

Baldet 1965 — *Baldet P.* Paléopathologie de la grotte I des Cascades (Commune de Creissels, Aveyron) // *BSPF*. 1965. T. 62. P. 664–666.

Baudouin — *Baudouin M.* Flèche en silex incluse dans une vertèbre humaine // *La Nature*. 1928. No. 2785. P. 451.

Baudrimont 1875 — *Baudrimont E.* Exostose du tibia produite par une pointe de flèche // *Matériaux pour l'histoire primitive et naturelle de l'homme*. 1875. T. 10. P. 278–281.

Baye 1880 — *Baye J. de.* L'Archéologie préhistorique. Paris: Ernest Leroux, 1880. 417 p.

Bennike 1999 — *Bennike P.* The Early Neolithic Danish bog finds: a strange group of people! // *Coles B., Coles J., Jorgensen M. S.* (eds.). *Bog Bodies, Sacred Sites and Wetland Archaeology*. Exeter: Wetland Archaeology Research Project, 1999. P. 27–32.

Beyneix 1997 — *Beyneix A.* Les sépultures chasséennes du sud de la France // *Zephyrus*. 1997. Vol. 50. P. 125–178.

Beyneix 2012 — *Beyneix A.* Neolithic violence in France : an overview // *Schulting R. J., Fibiger L.* (eds.). *Sticks, Stones and Broken Bones: Neolithic Violence in a European Perspective*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 207–222.

Bill 1882 — *Bill J. H.* Sabre and bayonet wounds; arrow wounds // *Ashhurst J.* (ed.). *International Encyclopedia of Surgery: A Systematic Treatise on the Theory and Practice of Surgery By Authors of Various Nations*. New York: William Wood & Co, 1882. Vol. 2. P. 101–117.

Camarero, Arevalo-Muñoz 2015 — *Camarero C., Arevalo-Muñoz E.* lechazos y hachazos: marcadores de violencia durante el Neolítico y Calcolítico en Francia y la Península Ibérica. *Arkeogazte*. 2015. No 5. P. 1–24.

Campillo 2011 — *Campillo D.* Paleopatología de las lesiones violentas anteriores al descubrimiento de la pólvora // *Medicina & Historia*. 2011. Vol. 1. P. 1–16.

Campillo et al. 1993 — *Campillo D., Mercadal O., Blanch R.-M.* A mortal wound caused by a flint arrowhead in individual MF-18 of the Neolithic period exhumed at Sant Quirze del Valles // *IJO*. 1993. Vol. 3. P. 145–150.

Cartailhac 1896 — *Cartailhac E.* Quelques faits nouveaux du Préhistorique ancien des Pyrénées // *L'Anthropologie*. 1896. Vol. 7. P. 309–18.

Chatters 2000 — *Chatters J. C.* The Recovery and First Analysis of an Early Holocene Human // *American Antiquity*. 2000. Vol. 65. P. 291–316.

Corcoran 1966 — *Corcoran J. X. W. P.* Excavation of three chambered cairns at Loch Calder, Caithness // *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*. 1966. Vol. 98. P. 1–75.

Cordier 1990 — *Cordier G.* Blessures préhistoriques animales et humaines avec armes ou projectiles conservés // *BSPF*. 1990. T. 87. P. 462–482.

Courtin 1974 — *Courtin J.* Le Néolithique de la Provence. Paris: Société préhistorique française, 1974. 359 p. (Mémoires de la Société préhistorique française. T. 11).

Dias-Meirinho 2011 — *Dias-Meirinho M.-H.* Des armes et des hommes: l'archerie à la transition néolithique-âge du bronze en Europe occidentale. Thèse de doctorat en archéologie et préhistoire. Université Toulouse le Mirail — Toulouse II, 2011. 692 p.

Dickel et al. 1988 — *Dickel D. N., Aker C. G., Baron B. K., Doran G. H.* An orbital floor and ulna fracture from the Early Archaic of Florida // *Journal of Paleopathology*. 1988. Vol. 2. P. 165–170.

Fages, Courtaud 2004 — *Fages G., Courtaud P.* Montbrun — Abri sépulcral du Sot de la Lavogne // *Archéologie de la France — Informations*. 2004. <http://journals.openedition.org/adlfi/11900>

Fernández-Crespo 2016 — *Fernández-Crespo T.* An arrowhead injury in a Late Neolithic/Early Chalcolithic human cuneiform from the Rockshelter of La Peña de Marañón (Navarre, Spain) // *IJO*. 2016. Vol. 26. P. 1024–1033.

Fernández-Crespo 2017 — *Fernández-Crespo T.* New evidence of Early Chalcolithic interpersonal violence in the Middle Ebro Valley (Spain): Two arrowhead injuries from the Swallet of Las Yurdinas II // *IJO*. 2017. Vol. 27. P. 76–85.

Feustel, Ullrich 1964–1965 — *Feustel R., Ullrich H.* Totenhütten der Neolithischen Walter-nienburger Gruppe // *Alt-Thüringen*. 1964–1965. Bd 7. S. 105–202.

Fibiger et al. 2013 — *Fibiger L., Ahlström T., Bennike P., Schulting R. J.* Patterns of violence-related skull trauma in Neolithic Southern Scandinavia // *American Journal of Physical Anthropology*. 2013. Vol. 150. P. 190–202.

Glencross, Boz 2013 — *Glencross B., Boz B.* Representing violence in Anatolia and the Near East during the transition to agriculture. Readings from contextualized human skeletal remains // *Knüsel C., Smith M. (eds.)*. *The Routledge Handbook of the Bioarchaeology of Human Conflict*. London; New York: Routledge, 2013. P. 90–108.

Gostner, Egarter Vigl 2002 — *Gostner P., Egarter Vigl E.* INSIGHT: Report of radiological-forensic findings on the Iceman // *Journal of Archaeological Science*. 2002. Vol. 29. P. 323–326.

Guilaine, Zammit 2005 — *Guilaine J., Zammit J.* The Origins of War. Violence in Prehistory. Malden: Blackwell, 2005. 282 p.

Haak et al. 2008 — *Haak W., Brandt G., de Jong H. N., Meyer C., Ganslmeier R., Heyd V., Hawkesworth C., Pike A. W. G., Meller H., Alt K. W.* Ancient DNA, Strontium isotopes, and osteological analyses shed light on social and kinship organization of the Later Stone Age // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2008. Vol. 105. P. 18226–18231.

Iversen 2016 — *Iversen R.* Arrowheads as indicators of interpersonal violence and group identity among the Neolithic Pitted Ware hunters of southwestern Scandinavia // *JAA*. 2016. Vol. 44. P. 69–86.

Jankauskas 2012 — *Jankauskas R.* Violence in the Stone Age from an eastern Baltic perspective // *Schulting R. J., Fibiger L. (eds.)*. *Sticks, Stones and Broken Bones: Neolithic Violence in a European Perspective*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 35–50.

Jeunesse et al. 2014 — *Jeunesse C., Barrand H., Denaire A., Chenal F.* Unusual funeral practices and violence in Early Neolithic Central Europe: new discoveries at the Mulhouse-Est

Linearbandkeramik // *Antiquity*. 2014. Vol. 88 (342). Project gallery: <https://www.antiquity.ac.uk/projgall/jeunesse342>

Jiménez, Sánchez Romero 2005 — *Jiménez G. A., Sánchez Romero M.* The origins of warfare: later prehistory in southeastern Iberia // Pearson M. P., Thorpe I. J. N. (eds.). *Warfare, Violence and Slavery in Prehistory: Proceedings of a Prehistoric Society Conference at Sheffield University*. Oxford: Archaeopress, 2005. P. 181–194 (BAR IS. 1374).

Knüsel 2007 — *Knüsel C.* Projectile trauma // Benson D., Whittle A. W. R., Barclay A. (eds.). *Building Memories: The Neolithic Cotswold Long Barrow at Ascott-under-Wychwood, Oxfordshire*. Oxford: Oxbow Books, 2007. P. 218–220.

Kuijt, Goring-Morris 2002 — *Kuijt I., Goring-Morris N.* Foraging, farming, and social complexity in Pre-Pottery Neolithic of the Southern Levant: A review and synthesis // *Journal of World Prehistory*. 2002. Vol. 16. P. 361–440.

Lawrence 2012 — *Lawrence D. M.* Orkney's first farmers. Reconstructing biographies from osteological analysis to gain insights into life and society in a Neolithic community on the edge of Atlantic Europe: Unpublished Ph. D. dissertation. University of Bradford, 2012. Vol. 1. 340 p.

Lieverse et al. 2017 — *Lieverse A. R., Cooper D. M. L., Bazaliiskii V. I.* Penetrating spinal injury: An extraordinary case of survival in Early Neolithic Siberia // *IJO*. 2017. Vol. 27. P. 508–514.

Lynch, Ó Donnabhain 1994 — *Lynch A., Ó Donnabhain B.* Poul nabrone portal tomb // *The Other Clare*. 1994. Vol. 18. P. 5–7.

Madziga 2003 — *Madziga A. G.* Arrow injuries in North East Nigeria // *West African Journal of Medicine*. 2003. Vol. 22. P. 106–109.

Mays et al. 1994 — *Mays B., Parfitt A., Hershman M. J.* Treatment of arrow wounds by nineteenth century USA army surgeons // *Journal of the Royal Society of Medicine*. 1994. Vol. 87. P. 102–103.

McMahon et al. 2011 — *McMahon A., Soltysiak A., Weber J.* Late Chalcolithic mass graves at Tell Brak, Syria, and violent conflict during the growth of early city-states // *JFA*. 2011. Vol. 36. P. 201–220.

Mercadal, Agusti 2006 — *Mercadal O., Agusti B.* Comportaments agressius a la prehistòria recent. La desmitificació del bon salvatge? // *Cypsela: revista de prehistòria i protohistòria*. 2006. Núm. 16. P. 37–49.

Mercer 1999 — *Mercer R. J.* The origins of warfare on the British isles // Carman J., Harding A. (eds.). *Ancient War*. Phoenix Mill: Sutton Publishing, 1999. P. 143–156.

Meyer et al. 2009 — *Meyer C., Brandt G., Haak W., Ganslmeier R. A., Meller H., Alt K. W.* The Eulau eulogy: Bioarchaeological interpretation of lethal violence in Corded Ware multiple burials from Saxony-Anhalt, Germany // *JAA*. 2009. Vol. 28. P. 412–423.

Michel et al. 2014 — *Michel J., Sendra B., Moque J.* Les sépultures chasséennes en contexte d'habitat de plein air du site de Saint-Antoine II à Saint-Aunès (Hérault) // Sénépart I., Léandri F., Cauliez J., Perrin T., Thirault E. (dir.). *Chronologie de la Préhistoire récente dans le Sud de la France. Acquis 1992–2012. Actualité de la recherche*. Toulouse: Archives d'Écologie Préhistorique, 2014. P. 549–567.

Milner 2005 — *Milner G.R.* Nineteenth-Century arrow wounds and perceptions of prehistoric warfare // *American Antiquity*. 2005. Vol. 70. P. 144–156.

Molleson et al. 2005 — *Molleson T., Andrews P., Boz B.* Reconstruction of the Neolithic people of Çatalhöyük // Hodder I. (ed.). *Inhabiting Çatalhöyük: Reports from 1995–99 Seasons by the Member of Çatalhöyük Teams*. London: Short Run Press, 2005. P. 279–300.

Needham et al. 2017 — *Needham S., Kenny J., Cole G., Montgomery J., Jay M., Davis M., Marshall P.* Death by combat at the dawn of the Bronze Age? Profiling the dagger accompanied burial from Racton, West Sussex // *The Antiquaries Journal*. 2017. Vol. 97. P. 65–117.

Neugebauer-Maresch et al. 2002 — *Neugebauer-Maresch C., Neugebauer J.-W., Grossschmidt K., Ulrike R., Seemann R.* Die Gräbergruppe vom Beginn der Bemaltkeramik im Zentrum der Kreisgrabenanlage Friebritz-Süd, Niederösterreich // *Preistoria Alpina*. 2002. Vol. 37. P. 187–253.

Polet et al. 1995 — *Polet C., Dutour O., Orban R., Jadin I., Louryan S.* Note sur un Néolithique mosan blessé par une pointe de flèche // *Notae Praehistoricae*. 1995. No. 15. P. 105–111.

Polet et al. 1996 — *Polet C., Dutour O., Orban R., Jadin I., Louryan S.* A healed wound caused by a flint arrowhead in a Neolithic human innominate from the Trou Rosette (Furfooz, Belgium) // *IJO*. 1996. Vol. 6. P. 414–420.

Pöllath et al. 2018 — *Pöllath N., Dietrich O., Notroff J., Clare L., Dietrich L., Köksal-Schmidt Ç., Schmidt K., Peters J.* Almost a chest hit: An aurochs humerus with hunting lesion from Göbekli Tepe, southeastern Turkey, and its implications // *Quaternary International*. 2018. Vol. 495. P. 30–48.

Prunières 1883 — *Prunières M.* Blessures et fractures graves régulièrement guéries sur des os humains de l'époque préhistorique // *Compte-rendu de la 11e session de l'Association française pour l'Avancement des Sciences*. 1883. P. 824–834.

Pryor 1976 — *Pryor F.* A Neolithic burial from Fengate, Peterborough // *Antiquity*. 1976. Vol. 50. P. 232–33.

Robbins, Lynch 1978 — *Robbins L. H., Lynch B. M.* New evidence on the use of microliths from the Lake Turkana Basin, East Africa // *Current Anthropology*. 1978. Vol. 19. P. 619–620.

Rollefson 2010 — *Rollefson G.* Violence in Eden: Comments on Bar-Yosef's Neolithic warfare hypothesis // *Neo-Lithics*. 2010. No. 1. P. 62–65.

Schulting, Wysocki 2005 — *Schulting R. J., Wysocki M.* "In this chambered tumulus were found cleft skulls ...": an assessment of the evidence for cranial trauma in the British Neolithic // *Proceedings of the Prehistoric Society*. 2005. Vol. 71. P. 107–138.

Schutkowski et al. 1996 — *Schutkowski H., Schultz M., Holzgraeffe M.* Fatal wounds in a Late Neolithic double inhumation — a probable case of meningitis following trauma // *IJO*. 1996. Vol. 6. P. 179–184.

Silva, Marques 2010 — *Silva A. M., Marques R.* An arrowhead injury in a Neolithic human axis from the natural cave of Lapa do Bugio (Sesimbra, Portugal) // *Anthropological Science*. 2010. Vol. 118. P. 185–189.

Simmons, Najjar 2006 — *Simmons A.H., Najjar M.* Ghwair I: A small, complex Neolithic community in Southern Jordan // *JFA*. 2006. Vol. 31. P. 77–95.

Underhill 1989 — *Underhill A.* Warfare during the Chinese Neolithic period: A review of the evidence // *Tkaczuk D. C., Vivian B. C. (eds.) Conflict: Current Archaeological Perspectives*. Calgary: Archaeological Association of the University of Calgary, 1989. P. 229–237.

Van Gurp et al. 1990 — *Van Gurp G., Hutchinson T. J., Alto W. A.* Arrow wound management in Papua New Guinea // *The Journal of Trauma*. 1990. Vol. 30. P. 183–188.

Vaquer, Remicourt 2012 — *Vaquer J., Remicourt M.* Les poignards en cuivre et les poignards en silex dans les dotations funéraires chalcolithiques du midi de la France // *Sohn M., Vaquer J. (dir.) Sépultures collectives et mobiliers funéraires de la fin du Néolithique en Europe occidentale*. Toulouse: Archives d'Écologie Préhistorique, 2012. P. 239–271.

Vegas et al. 2012 — *Vegas J. I., Armendariz Á., Etxeberria F., Soledad Fernández M., Herrasti L.* Prehistoric violence in Northern Spain: San Juan ante Portam Latinam // *Schulting R. J., Fibiger L. (eds.) Sticks, Stones and Broken Bones: Neolithic Violence in a European Perspective*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 265–302.

Whittle et al. 2007 — *Whittle A., Bayliss A., Wysocki M.* Once in a lifetime: the date of the Wayland's Smithy long barrow // *Cambridge Archaeological Journal*. 2007. Vol. 17, suppl. 1. P. 103–121.

Wysocki, Whittle 2000 — *Wysocki M., Whittle A.* Diversity, lifestyles and rites: new biological and archaeological evidence from British Earlier Neolithic mortuary assemblages // *Antiquity*. 2000. Vol. 74. P. 591–601.

Zagorskis 2004 — *Zagorskis F.* Zvejnieki (northern Latvia) Stone Age Cemetery. Oxford: Archaeopress, 2004. 147 p. (BAR IS. 1292).

Zammit 1991 — *Zammit J.* Lésion traumatique osseuse par pointe de flèche en silex. Étude paléopathologique et intégration // *Bulletin du Musée d'anthropologie et de préhistoire de Monaco*. 1991. T. 34. P. 97–107.

PROJECTILES IN BONES. A DATABASE FOR THE LATE STONE AGE OF WESTERN EURASIA

L. VISHNYATSKY

Keywords: *Neolithic, western Eurasia, projectiles in bones, armed violence, warfare.*

The paper brings together the available information about finds of human bones with embedded projectiles from the Neolithic sites of western Eurasia (the Near East, western, central and northern Europe). The resultant database includes 82 finds of the kind. It contains data about their geographical distribution, the victims' age and sex, the character, anatomical localization and kinematics of wounds. The analysis of this dataset allows making some suggestions regarding the character and tactics of armed conflicts in the Neolithic of western Eurasia. The comparison with the evidence available for the previous epochs (Mesolithic, Late Paleolithic) may, in the author's opinion, testify in favor of the hypothesis which links the increase of frequency and scale of armed conflicts with the formation and development of producing economy.

ПУТЬ НА ВОСТОК (КОНТАКТЫ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА И ЮЖНОГО ТАДЖИКИСТАНА В III ТЫС. ДО Н. Э.)¹

Л. Б. КИРЧО²

Ключевые слова: *поздний энеолит, эпоха бронзы, Южный Туркменистан, Северный Афганистан, Южный Таджикистан, могильник Фархор, комплекс погребального инвентаря.*

Изучение и оперативная публикация материалов захоронений, обнаруженных на террасах р. Сурхоб (Кызылсу) при ее впадении в р. Пяндж (Южный Таджикистан) и объединенных в могильник Фархор, является наиболее ярким открытием в археологии эпохи бронзы Средней Азии 2010-х гг. На основе первичного анализа погребальных сооружений и инвентаря, а также широкого круга аналогий в материалах памятников юга Средней Азии, Ирана и Афганистана авторы раскопок датировали Фархор серединой — второй половиной III тыс. до н. э. Могильник в целом отнесен к кругу памятников формирующегося Бактрийско-Маргианского археологического комплекса или цивилизации Окса, а отдельные погребения — к наиболее ранним проявлениям вахшской культуры Таджикистана. В то же время комплексы инвентаря большой группы погребений Фархора находят свои прототипы в материалах памятников Южного Туркменистана периода позднего энеолита — начала периода ранней бронзы (время Намазга III — раннего Намазга IV, около 3150–2700 гг. до н. э.). Эти аналогии, южнотуркменистанские истоки орнаментации некоторых серебряных сосудов так называемого фуллолского клада (Северный Афганистан) и появление изделий из лазурита на памятниках северной подгорной зоны Копетдага в конце периода среднего энеолита (времени позднего Намазга II, около 3300-х гг. до н. э.) позволяют предполагать существование древнейшего торгово-обменного пути на восток уже в последних веках IV тыс. до н. э. Этот путь шел через поселение близ г. Серахс вверх по течению р. Теджен (Герируд), истоки которой находятся в горах Северо-Восточного Афганистана, где расположены месторождения лазурита, или вдоль северных склонов невысоких хребтов на севере Афганистана. Материалы Фархора показывают, что в последней трети III — начале II тыс. до н. э., а вероятно, и ранее здесь находилась удобная переправа через р. Пяндж, открывающая дорогу к горным минеральным богатствам Таджикистана.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-19-56-69

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0010 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

² Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

Введение

Изучение и оперативная публикация материалов захоронений, обнаруженных на окраине г. Фархор (Пархар) Хатлонской обл. Республики Таджикистан, является наиболее ярким открытием в археологии эпохи бронзы Средней Азии 2010-х гг. Исследованные погребения³, объединенные авторами раскопок в могильник Фархор, располагались на высоких террасах р. Сурхоб (Кызылсу) при ее впадении в р. Пяндж (подробнее см.: Бобомуллоев 2017; Виноградова, Кутимов 2018: 25–38) (рис. 1). На основе первичного анализа погребальных сооружений и инвентаря, а также широкого круга аналогий в материалах памятников юга Средней Азии, Ирана и Афганистана авторы раскопок датировали Фархор серединой — второй половиной III тыс. до н. э. и отнесли его к кругу памятников формирующегося Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (или цивилизации Окса), а отдельные погребения — к наиболее ранним проявлениям степной вахшской культуры Таджикистана (Виноградова, Кутимов 2018: 89–108).

В то же время значительная часть инвентаря и обряд ряда погребений Фархора находит близкие соответствия в материалах древнеземледельческих поселений Южного Туркменистана.

Погребения Фархора и материалы периодов позднего энеолита — ранней бронзы Южного Туркменистана

Общая характеристика погребений и инвентаря Фархора (табл. 1, 2) показывает, что среди них представлены захоронения нескольких культурно-хронологических групп. Согласно большой глубине залегания захоронений (от 1,4 м до 2,5 м от современной поверхности) погребальные сооружения реконструируются как подземные с вертикальной входной ямой и вырытой сбоку от нее погребальной камерой, иногда именуемой подбоем или катакомбой⁴. В двух случаях (погр. 3 и 16 — захоронения детей на глубине около 1 м) предполагается, что погребальные сооружения представляли собой грунтовые ямы.

Среди погребений преобладают индивидуальные захоронения взрослых, но представлены также двойные погребения: парное (одновременное?) захоронение мужчины и женщины (погр. 11), последовательное захоронение двух женщин (погр. 12) и одновременные захоронения двух детей (погр. 3 и 6). Интересно, что во всех этих случаях умершие были положены лицом друг к другу. Единственное захоронение трех взрослых (погр. 33) ограблено и сильно разрушено⁵. Во всех сохранившихся индивидуальных и двойных погребениях покойные были уложены на бок с согнутыми в разной степени руками и ногами⁶.

³ В 2013–2017 гг. раскопано 50 погребений (Виноградова, Кутимов 2018: 27), из них опубликованы 25 захоронений с погребальным инвентарем (погр. № 1–19, 22, 29, 32–35).

⁴ В единственном точно зафиксированном случае прослежена закладка входного отверстия в камеру специальным пластом глины с примесью кусочков известняка (погр. 32 — Bobomulloev et al. 2017: 73, Fig. 22a). Напомним, что древнейшее в Южном Туркменистане двойное последовательное захоронение в подземной погребальной камере (погр. 626–627) на Алтын-депе относится к позднему этапу ранней бронзы (период Алтын 4 времени позднего Намазга IV) (Кирчо 2005а: 325, 331, 343, табл. XIX).

⁵ Точное количество погребенных, последовательность захоронения, ориентация и положение тел не определены.

⁶ Детальный анализ положения тел погребенных нами не проводился.

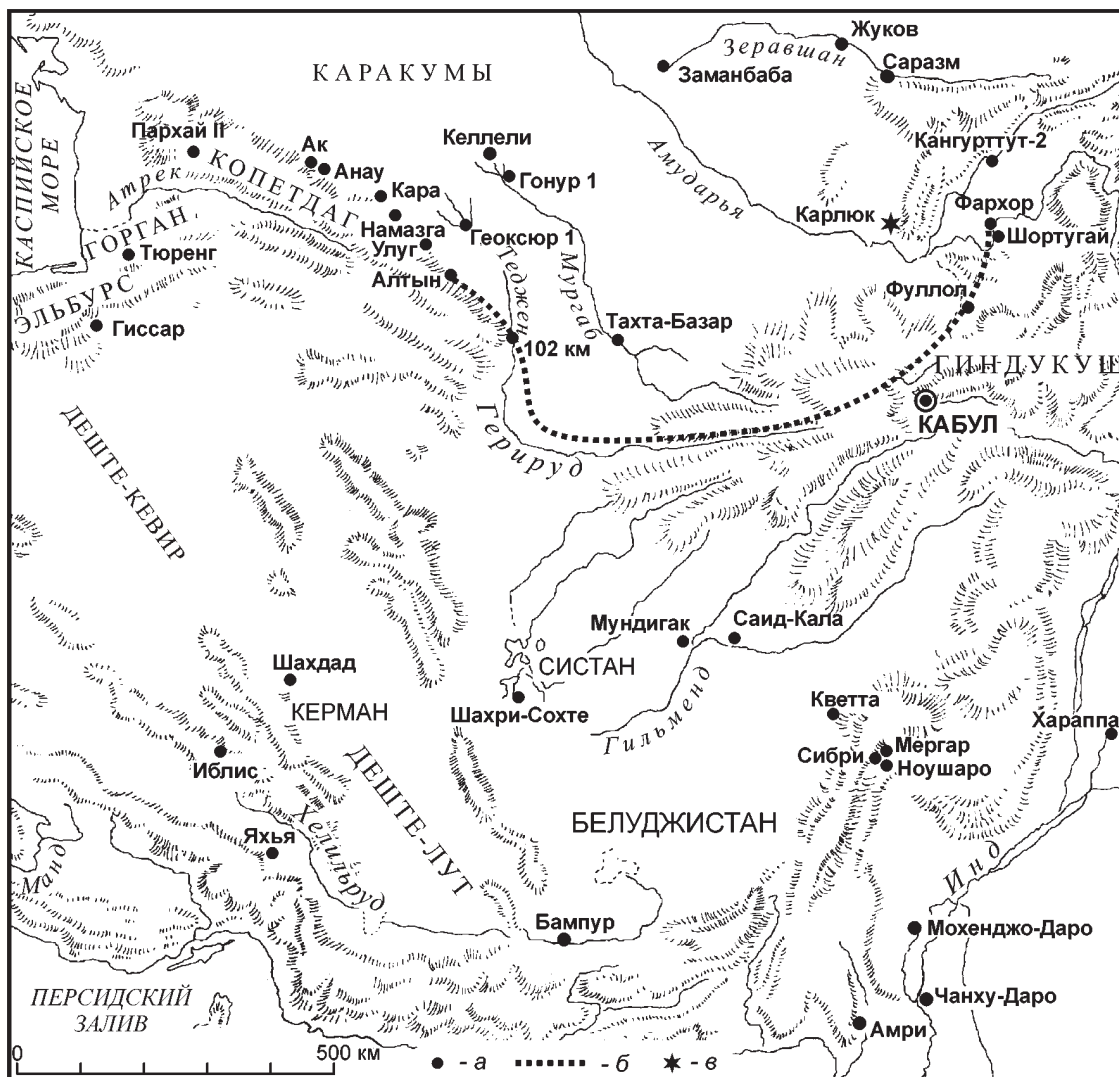

Рис. 1. Схематическая карта Средней Азии и Среднего Востока (по: Amiet 1986: 10–11, с дополнениями автора): *a* — памятники конца IV–III тыс. до н. э.; *b* — предположительные культурные связи; *v* — месторождение медового мраморного оникса

Fig. 1. Schematic map of Central Asia and Middle East (after Amiet 1986: 10–11, with modifications): *a* — sites of the late IV–III mil. BC; *b* — conjectural cultural connections; *v* — honey marble onyx deposit

Интерес представляют две особенности погребального инвентаря захоронений Фархора — большое количество украшений из бусин и бисера (преимущественно в захоронениях женщин и детей) и немногочисленность керамики — не более 1 сосуда (за исключением погр. 1, 2, 4, 7 и 32).

Общие аналогии инвентарю наиболее информативных в культурно-хронологическом отношении погребений Фархора приведены авторами (Бобомуллоев и др. 2015: 58–61; Виноградова, Кутимов 2018: 27–35; Bobomulloev et al. 2017: 74–84). В настоящей работе не рассматривается инвентарь погр. 1, 2, 4 и 7 с лепной или гончарной посудой с лощением в виде елочки или с вертикальным лощением, круглодонными и красноангобированными сосудами — керамикой,

Таблица 1

Могильник Фархор, Южный Таджикистан, основные характеристики захоронений

№ погр.	Погребальное сооружение	Количество погребенных	Пол и возраст	Ориентация	Положение тела
1	камера (?), гл. 2,5м	нет	нет	нет	кенотаф (?)
2	камера (?), гл. 2,5м	1	М. 50 л.	СВ	скорч., на пр. б.
3	яма, гл. 1 м	2	дети	ск. 1 — СЗ; ск. 2 — ?	ск. 1 — скорч., на пр. б.; ск. 2 — ?
4	камера, гл. 2,4 м, с входной ямой гл. 1,4 м	1	М. 20–25 л.	?	скорч., на пр. б.
5	камера (?), гл. 1,5 м	2	5–6 л.	ск.1 — ЮЗ; ск.2 — ЮЗ	ск. 1 — скорч., на пр. б.; ск. 2 — скорч., на лев. б.
6	камера (?), гл. 2,1 м	2	5–6 л.	ск. 1 — ВСВ; ск. 2 — ВСВ	ск. 1: — скорч., на лев. б.; ск. 2 — скорч., на пр. б.
7	камера (?), гл. 1,9 м	1	Ж. 16–18 л.	В	скорч., на лев. б.
8	камера (?), гл. 2 м	1	Ж. 18–20 л.	ЮЗ	скорч., на лев. б.
9	камера (?), гл. 2,1 м	1	Ж. 35–45 л.	СЗ	скорч., на пр. б.
10	камера (?), гл. 2 м	1	Ж. 25–35 л.	СЗ	скорч., на пр. б.
11	камера (?), гл. 2,5 м	2	ск. 1 — М. 25–35 л.; ск. 2 — Ж. 25–35 л.	СЗЗ	ск. 1 — скорч., на пр. б.; ск. 2 — сильно скорч., на лев. б.
12	камера (?), гл. 1,6 м.	2	ск. 1 — Ж. 25–35 л.; ск. 2 — Ж. 25–35 л.	ск. 1 — З; ск. 2 — СЗ	ск. 1 — скорч., на пр. б.; ск. 2 — скорч., на лев. б.
13	камера (?), гл. 2,1 м	1	не определены	ЮЗ	скорч., на пр. б.
14	камера (?), гл. 2 м	1	М. 20–30 л.	СЗ	скорч., на пр. б.
15	камера (?), гл. 1,8 м	1	не определены	?	ск. разрушен
16	яма (?), гл. 0,95 м	1	ребенок	ВСВ	на пр. б.
17	камера (?), гл. 2,5 м	1	Ж. 30–40 л.	СЗ	сильно скорч., на пр. б.
18	камера (?), гл. 2 м	1	Ж. 40–л.	З	скорч., на лев. б.
19	камера (?), гл. 2,4 м	1	М. 35–45 л.	ЮЗ	скорч., на пр. б.
22	камера (?), гл. 2,42 м	1	не определены	ЮЗ	скорч., на пр. б.
29	камера (?), гл. 1,55 м	1	ребенок	нет	нет
32	камера, гл. 2 м, с входной ямой гл. 1,7 м	1	Ж. 30–40 л.	З	скорч., на пр. б., лицом ко входу в камеру
33	камера (?), гл. 1,5 м	3	ск. 1 — М. 40–50 л.; ск. 2 — Ж. 30–40 л.; ск. 3 — Ж. 20–30 л.	?	?
34	камера (?), гл. 1,5 м	1	не определены	З	скорч., на лев. б.
35	камера (?), гл. 1,5 м	1	пол не определен, 20–30 л.	?	?

Таблица 2

**Могильник Фархор, Южный Таджикистан,
основные категории погребального инвентаря**

№ погребения	Металл					Камень и искусственный материал (?)*						Керамика и терракота			Прочее
	Космет. стержень	Зеркало	Серьга	Сосуд	Нож	Космет. сосуд	«Навершие»	Бусины и бисер	Пряслице или бусина-пряслице	Наконечник	«Жезл»	Сосуд	«Навершие»	Прямоугольный сосуд	
1	-	-	16.**	-	-	-	-	> 187	-	-	-	5	-	-	кости барана
2	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	4	-	-	ребро жив.
3	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1	-	-
4	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	2	-	-	1 галька
5	-	-	-	-	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-
6	-	-	-	-	-	-	1	~ 61	-	-	-	-	-	1	-
7	-	1	2 з.	-	-	-	-	3	-	-	-	3+1	-	-	2 куса лазурита
8	-	-	-	-	-	-	-	53	-	-	-	-	-	-	-
9	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-
10	-	-	-	-	-	-	-	48	-	-	-	-	-	-	-
11	-	-	-	-	-	-	-	191	1	1	-	-	-	-	-
12	-	-	-	-	1 ф.	-	-	14	-	1	-	1	-	-	кость барана
13	-	-	-	-	-	-	1	16	-	-	-	-	-	-	2 гальки
14	1	-	-	-	-	-	-	4	-	-	-	1	-	-	-
15	-	-	-	-	-	-	-	19	-	-	-	1	-	-	-
16	-	-	-	-	-	-	-	17	1	-	-	-	-	-	2 гальки
17	1	1	-	-	-	-	1	> 3	-	-	-	-	-	-	1 крупная галька
18	1	1	-	-	-	1	1	98+1 з.	-	-	-	1+1 ф.	-	-	-
19	1	-	-	-	1	1	2	> 7	-	1	1	-	-	-	-
22	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1 ф.	-	-	-
29	1	-	-	-	-	-	-	20	-	-	-	-	-	-	-
32	1 с.	-	-	2 с.	1	2	-	6	-	-	-	-	-	-	ребра барана, 209 мелких галек
33	-	-	-	-	-	-	-	3	-	-	-	1 р.	-	2	-
34	1	-	-	-	-	-	2	52	1	-	-	-	-	-	3 мелкие гальки
35	-	-	-	-	-	-	2	8	-	-	-	-	-	1	-

* В описании материала каменных изделий из беловатого (искусственного?) материала, особенно бусин и бисера, авторы раскопок использовали термины «паста», «гипс» или “plaster”.

** В таблице 2 использованы следующие сокращения: б. — бронза; з. — золото; р. — расписной; с. — серебро; ф. — фрагмент.

характеризующей культуру скотоводческого населения Таджикистана или земледельческие комплексы Средней Азии периода поздней бронзы (времени Намазга VI).

Остановимся на группе погребений, открытых на раскопах б и 6А (погр. 14, 17, 18, 19, 29, 32–34) в северной части современного кладбища, на значительном удалении (свыше 450 м к СВ) от раскопов 1–3 (Бобомуллоев и др. 2017: рис. 1), где исследовались погр. 1–8 (Бобомуллоев и др. 2015). Здесь в захоронениях как женщин, так и мужчин представлены многие элементы набора погребального инвентаря, характерного для культуры населения Южного Туркменистана эпохи позднего энеолита — ранней бронзы (времени Намазга III–IV, около 3150–2400 гг. до н. э.). Это так называемый женский косметический набор, в состав которого входили медные косметические стержни и зеркала, а также каменные туалетные сосуды.

Косметические стержни с утолщением на нижнем, рабочем конце, которым наносили краску на лицо (Кирчо 2005б: 405–406)⁷, представлены в погребениях Фархора изделиями двух типов: с плоскими навершиями в виде «лопаточки» и в виде «ступенчатого» креста или ромба (рис. 2, 19, 21–24). Стержни с завершением в виде «лопаточки», которая представляла собой просто слегка раскованную верхнюю часть изделия, появляются уже в начале периода позднего энеолита на Кара-депе (рис. 2, 4–6) в захоронениях мужчин (погр. 6, 17, 45 — Массон 1960: 409, 411, 414), а на Геоксюр 1 (рис. 2, 1–3) — в погребениях ребенка, мужчины и женщины («толос» А, погр. 4, «толос» Д, погр. 31 и 32 или 33 — Сарияниди 1965: 14–17). На Алтын-депе самый ранний такой стержень (рис. 2, 7) обнаружен в захоронении молодой женщины (погр. 296 — Кирчо 2005б: 419, рис. 3, 1) времени позднего Намазга III. Изделия этого типа продолжали бытовать на Алтын-депе в периоды ранней и средней бронзы, причем размер навершия постепенно увеличивался (рис. 2, 8б, 9, 12, 13). В. А. Алёкшин в специальном обзоре таких изделий включил в их число как стержни с несколько вытянутыми вверх навершиями, так и с навершиями, вытянутыми по горизонтали (Алёкшин 2010: рис. 1, 10, 12, 14, 15, 18, 19, 20, 22), древнейшим из которых является стержень из Мундигака периода IV,1 (рис. 2, 17). Я полагаю, что это изделия с навершиями разных типов, тем более что на примере стержня из Алтын-депе начала периода ранней бронзы хорошо видны различия в форме навершия до и после реставрации (рис. 2, 8а и 8б). Косметические стержни Фархора имеют довольно крупные навершия в виде «лопаточки» и близки к экземплярам Алтын-депе периода средней бронзы, а также к стержню из ограбленных погребений Северного Афганистана (рис. 2, 26).

Косметический стержень второго типа с плоским навершием в виде «ступенчатого» или «зубчатого» ромба из погр. 29 Фархора (захоронение ребенка; рис. 2, 24) имеет близкие параллели в инвентаре погр. 845 (захоронение женщины) и погр. 828 Алтын-депе начала периода ранней бронзы (около 2800/2700 гг. до н. э.) (рис. 2, 10 и 11)⁸. Синхронно им и изделие из Мундигака IV,1 (рис. 2, 16), а на Шахри-Сохте в иранском Систане единственный стержень с таким же навершием находился в погр. 1605 (захоронение женщины) периода II (рис. 2, 18 — Sajjadi 2003: 35, 78, 90,

⁷ В результате специальных анализов выяснилось, что основу краски составляли соли свинца (Vidale et al. 2016; Кирчо 2018).

⁸ Еще один обломанный стержень происходит с поверхности Алтын-депе (рис. 2, 15).

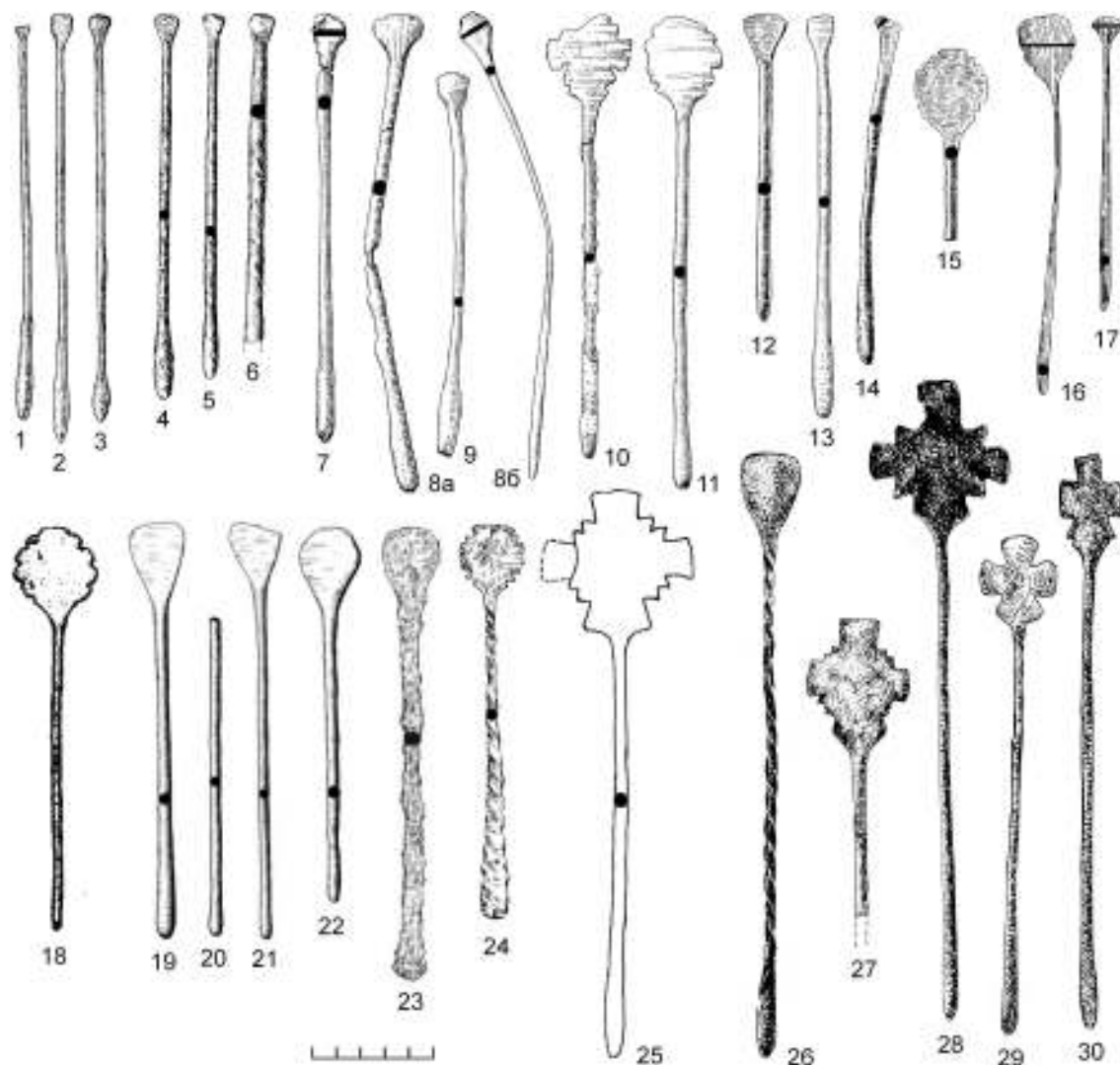

Рис. 2. Косметические стержни: 1–15 — Южный Туркменистан (1–7 — Геоксюр 1, Кара-депе и Алтын-депе периода позднего энеолита; 8–11 — Алтын-депе начала периода ранней бронзы; 12–15 — Алтын-депе периода средней бронзы); 16–17 — Южный Афганистан, Мундигак IV,1; 18 — Юго-Восточный Иран, Шахри-Сохте, период II; 19–25 — Южный Таджикистан, Фархор; 24–28 — Северный Афганистан, разграбленные погребения. 1–3 — по: Сарияниди 1965: рис. 11, 5, 17, 18; 4–6 — по: Массон 1960: табл. XV, 9–11; 7–15 — по: Кирчо 2001: рис. 6, 1, 4, 6, 8, 9; 7, 3, 4, 6, 16; 16, 17 — по: Casal 1961: vol. II, Fig. 149, 19, 20; 18 — по: Sajjadi 2003: Fig. 36, 4; 19–25 — по: Bobomulloev et al. 2017: Fig. 14, 1; 15, 2; 16, 4; 18, 5; 26, 1; 20, 1; 24A, 4); 26–30 — по: Pottier 1984: Fig. 23, 179, 172–175)

Fig. 2. Cosmetic sticks: 1–15 — South Turkmenistan (1–7 — Geoksyur 1, Kara-depe and Altyn-depe of the Late Eneolithic Period; 8–11 — Altyn-depe, the beginning of the Early Bronze Age; 12–15 — Altyn-depe, Middle Bronze Age; 16–17 — South Afghanistan, Mundigak IV,1; 18 — South-Eastern Iran, Shahr-i Sokhta, period II; 19–25 — South Tajikistan, Farhor; 26–30 — North Afghanistan, plundered burials. 1–3 — after Сарияниди 1965: Fig. 11, 5, 17, 18; 4–6 — after Массон 1960: Table XV, 9–11; 7–15 — after Кирчо 2001: Fig. 6, 1, 4, 6, 8, 9; 7, 3, 4, 6, 16; 16, 17 — after Casal 1961: vol. II, Fig. 149, 19, 20; 18 — after Sajjadi 2003: Fig. 36, 4; 19–25 — after Bobomulloev et al. 2017: Fig. 14, 1; 15, 2; 16, 4; 18, 5; 26, 1; 20, 1; 24A, 4); 26–30 — after Pottier 1984: Fig. 23, 179, 172–175)

Tabl. 7, Fig. 3b, type 4). Витой же стержень фархорского экземпляра ближе к уже упомянутому стержню из Северного Афганистана. Однако этот прием оформления рукояти представлен в Юго-Восточном Туркменистане (Муллали-депе) уже в среднем энеолите (период Намазга II; см.: Хлопин 1969: 15, табл. XIX, 13). Серебряный косметический стержень из погр. 32 Фархора (рис. 2, 25) — самый крупный и технологически наиболее сложный — ближайшие аналогии имеет в материалах погребений эпохи бронзы Северного Афганистана (рис. 2, 27–30).

Обнаруженные в погр. 17 и 18 Фархора *круглые*, несколько вогнутые *медные* (бронзовые?) *зеркала* без ручки (Bobomulloev et al. 2017: Fig. 15, 1; 18, 2) были широко распространены в древности. И на Фархоре, и на Алтын-депе периодов ранней и средней бронзы такие зеркала входили в инвентарь только женских захоронений. По своим размерам (диаметр около 6,5 см) зеркала Фархора наиболее близки зеркалу из погр. 736 Алтын-депе начала периода ранней бронзы (Кирчо 2001: рис. 11, 6).

Каменные косметические сосуды представлены на Фархоре изделиями двух категорий: 1) сосуды с крышками, служившие для смешивания сухого минерального вещества и органического связующего — приготовления косметики, и 2) сосуды для хранения и/или растирания сухого вещества (уже готовой краски?).

Два сосуда для приготовления косметической краски из погр. 18 и 19 (индивидуальные захоронения женщины и мужчины) однотипны по форме и орнаментации — это вытянутые вверх параллелепипеды, орнаментированные по всем боковым сторонам вертикальным рядом из трех углубленных мотивов в виде окружности с точкой в центре (Bobomulloev et al. 2017: Fig. 11, 5; 12, 1). Сосуд из погр. 19 чуть расширяется кверху. Крышки сосудов плоские, подквадратные, с отверстием небольшого диаметра в центре. Отверстие в крышке сосуда из погр. 19 дополнительно было прикрыто двумя небольшими округлыми крышечками (Ibid.: Fig. 12, 2, 3). К сожалению, материал, из которого изготовлены эти сосуды, точно не определен. В одном случае (погр. 18) материал описан как камень (Бобомуллоев и др. 2017: 46), а сосуд из погр. 19 в русском тексте назван гипсовым (Там же: 47), а в английском именуется “plaster” (Bobomulloev et al. 2017: 72). На опубликованных фотографиях предметов (Бобомуллоев 2017: 134 и 135) оба изделия выглядят изготовленными из однородного мелкозернистого беловатого (искусственного?) материала.

Ближайшая аналогия форме и орнаментации таких сосудов для приготовления краски представлена в инвентаре погр. 828 Алтын-депе начала периода ранней бронзы (Кирчо 2005б: рис. 4, 23), а на Шахри-Сохте в погр. 1900 периода I–II (захоронение женщины) находился подцилиндрический каменный «флакон» (по терминологии С. Саджади) с крышкой, украшенный таким же кружковым орнаментом (Sajjadi 2003: 81, 83, 85, Tabl. 8, Fig. 40, type 1). Идентичные мотивы, расположенные тремя горизонтальными рядами, покрывают всю боковую поверхность прямоугольного каменного блока из Суз периода II (IV тыс. до н. э.) и, по мнению П. Амье, имитировали мозаику из конусов (Amiet 1986: 55, ill. 12). Этот же мотив (кружок с точкой в центре) широко представлен в орнаментации расписной керамики типа Намазга III на Кара-депе, где обычно сочетается с профильными изображениями птиц и рассматривается как соляренный (Массон 1960: 305, табл. VIII, 24; XXII, 1, 12, 15, 20).

Два каменных сосуда второй категории (для хранения краски?)⁹ входили в инвентарь погр. 32 Фархора (захоронение мужчины). Материал, из которых изготовлены эти сосуды, описывается как оникс¹⁰ (Bobomulloev et al. 2017: Fig. 24A, 5; 24B, 10; Виноградова, Кутимов 2018: 30), однако на четкой цветной фотографии инвентаря (Виноградова, Кутимов 2018: рис. 8, 5 и 7) ясно видно, что сосуды изготовлены из однородного розоватого камня, скорее всего, из алебаstra (кристаллический гипс).

Подцилиндрический стакан с плоским, выступающим наружу подтреугольным краем венчика и несколько вогнутым, расширяющимся книзу туловом, имеет плоское устойчивое дно (Bobomulloev et al. 2017: Fig. 24A, 5). На Алтын-депе подцилиндрические стаканы, изготовленные из мраморовидного известняка (кальцита с прослоями доломита), появляются в начале периода ранней бронзы (Кирчо 2014: рис. 2, 1–5) и характерны для комплексов времени Намазга IV. Представлены они и в инвентаре захоронений на поселении Улуг-депе у Душака этого же времени (Bendezu-Sarmiento 2013: Fig. 9, D). Косметические сосуды из алебаstra, но других форм, появляются в Южном Туркменистане еще в позднем энеолите на Кара-депе, Геоксюр I и Алтын-депе (Массон 1960: табл. XVII, 6, 8, 9; Сарияниди 1965: рис. 11, 1; табл. XXVI, 15, 13; Кирчо 2005б: рис. 23)¹¹. В период ранней бронзы на Алтын-депе количество алебастровых сосудов постепенно уменьшается (Кирчо 2014: рис. 2, 9–15, 21–23, 32–36) и в период средней бронзы (время Намазга V) такие сосуды крайне редки. Сосуду из погр. 32 Фархора наиболее близок по форме бóльший из двух несообщающихся подцилиндрических стаканов, образующих двойной алебастровый сосуд из погр. 252 (захоронение женщины) на Алтын-депе начала позднего этапа средней бронзы (Кирчо 2005б: 404, рис. 23, 4).

Второй алебастровый (?) сосуд из погр. 32 Фархора невысокий, имеет крестовидную форму (или форму «ступенчатого» ромба — рис. 3, 2), для каменных сосудов ранее неизвестную. Однако в 2014 г. на Алтын-депе в горизонте 13 начала периода позднего энеолита геоксюрского времени (раннее Намазга III) найден обломок керамического сосуда такой же формы (рис. 3, 1).

Еще одна категория инвентаря, широко представленная в погребениях Фархора (погр. 3, 6, 13, 14. 17–19, 35), — это каменные «*навершия*». Они изготовлены почти исключительно из мраморовидного известняка, имеют округлую (сфероидную) форму и углубление, сделанное (судя по разрезам) коническим сверлом (Бобомуллоев и др. 2015: рис. 6А, 1; 7Б, 5; Bobomulloev et al. 2017: Fig. 14, 3; 15, 3; 16, 8; 18, 2, 2а; 27, 2а, 2б). В Южном Туркменистане изделия такой формы из глины и терракоты появляются уже в конце IV тыс. до н. э. —

⁹ Краска в таких сосудах аналогична по составу краске из сосудов для приготовления (смешивания) косметики (Vidale et al. 2016: 15, Fig. 3, 14; 10).

¹⁰ Вынуждена еще раз отметить, что это мраморовидная полосчатая порода, которая представляет собой карбонат кальция (см.: Кирчо 2018: сн. 3). Я использую термин «мраморовидный известняк» или «кальцит с прослоями доломита», а мраморным ониксом называю слоисто-натечную породу с широкими полупрозрачными желтоватыми («медовыми») прослойками (Кирчо 2014: 63). Этот камень предположительно происходит из Карлюкского месторождения в горах Кугитангау (рис. 1), а изделия из него появляются на Алтын-депе в конце периода ранней бронзы (Там же: 80–81, рис. 8). Из такого же камня изготовлены два косметических сосуда из погр. 4 и 5 могильника Кангуртут-2 (Виноградова, Кутимов 2018: рис. 16).

¹¹ На Алтын-депе периода позднего энеолита прослежена технология изготовления сосудов из алебаstra и локализованы места их производства (Кирчо и др. 2008: 161–164, рис. 28, 1–4, 6–10, 12–17, 19–23).

в начале периода позднего энеолита (см., например: Масон 1960: табл. XIV, 11; Кирчо 2017: рис. 2, 34)¹², а округлые, иногда чуть сплюснутые «навершия» из мраморовидного известняка входили в инвентарь захоронения ребенка (погр. 725) и погр. 828 и 845 на Алтын-депе конца периода позднего энеолита — начала ранней бронзы (Кирчо 2005б: рис. 3, 7; 4, 18, 19). Форма еще двух «наверший» из погр. 34 Фархора, изготовленных из искусственного материала (?), названного “plaster” (Bobomulloev et al. 2017: Fig. 26, 6a, 6b), аналогий не имеет.

Таким образом, комплексы инвентаря большой группы погребений Фархора находят свои прототипы в материалах памятников Южного Туркменистана периода позднего энеолита — начала периода ранней бронзы (времени Намазга III — раннего Намазга IV, около 3150–2700 гг. до н. э.).

Путь на восток

Представляется, что столь близкие соответствия в наборах погребального инвентаря конца IV — первых веков III тыс. до н. э. Южного Туркменистана и погребений эпохи бронзы Южного Таджикистана не могли носить случайный характер.

Эти соответствия, как и южнотуркменистанские истоки орнаментации некоторых серебряных сосудов так называемого фуллолского клада (Северный Афганистан) (рис. 4) и, в первую очередь, появление предметов из лазурита на памятниках северной подгорной зоны Копетдага и дельты р. Теджен, позволяют предполагать существование древнейшего торгового-обменного пути на восток уже в последних веках IV тыс. до н. э.

Изделия из лазурита на поселениях Южного Туркменистана появляются на позднем этапе периода среднего энеолита (времени позднего Намазга II, около 3300–3150-х гг. до н. э.). Это отдельные бусины и подвески на Северном холме Анау (Курбансахатов 1987: 91, рис. 44, 1; Массон 1962: 8, 22, табл. X, 3), 26 кольцевидных бусин и две пронизки в погр. 55 на Кара-депе (Массон 1960: 415, табл. IX, 3), а также бусины и подвески начала периода позднего энеолита с поверхности Геоксюр 1 (Сарианиди 1965: табл. III; 1968: рис. 1, 1–6, 8, 10, 13, 15–17).

Этот путь, скорее всего, проходил вверх по течению р. Теджен (Герируд), истоки которой находятся в горах Северо-Восточного Афганистана, где расположены месторождения лазурита. Именно на берегу р. Теджен близ г. Серахс находится самое южное поселение эпохи энеолита Южного Туркменистана — поселение на 102-м км автодороги Теджен–Серахс, где в 1956 г. проводил раскопки А. А. Марущенко и,

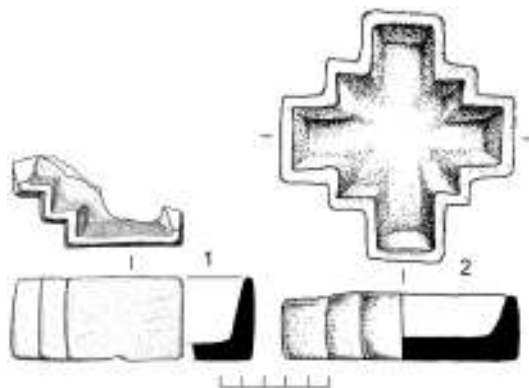

Рис. 3. Крестовидные сосуды: 1 — Алтын-депе, горизонт 13, керамика (по: Кирчо 2017: рис. 2, 21); 2 — Фархор, погр. 32, камень (по: Bobomulloev et al. 2017: Fig. 24B, 10)

Fig. 3. Cruciate vessels: 1 — Altyn-depe, horizon 13, clay (after Кирчо 2017: Fig. 2, 21); 2 — Farhor, burial 32, stone (after Bobomulloev et al. 2017: Fig. 24B, 10)

¹² Многочисленные образцы таких наверший из глины и терракоты на Алтын-депе см.: Кирчо и др. 2008: таблицы).

Рис. 4. Орнаментация серебряных сосудов Фуллолского «клада» (1, 2) и керамических сосудов: 3 — типа Кара 1Б; 4 и 5 — позднегеоксюрского (Алтын-депе) и раннегеоксюрского (Илгынлы-депе) типов. 1 — по: Tosi, Wardak 1972: Fig. 4a; 2 — по: Amiet 1986: 322, ill. 193, справа; 3 — по: Массон 1960: табл. XXX, 10; 4 — по: Кирчо и др. 2008: табл. 10Б, 17; 5 — по: Берёзкин, Соловьёва 1998: рис. 16, 2

Fig. 4. Decoration on vessels from the Fullol «hoard» (1, 2) and on ceramic vessels of Kara 1B type (3) and Late Geoksyur (Altyn-depe) and Early Geoksyur (Ilgynly-depe) types (4–5). 1 — after Tosi, Wardak 1972: Fig. 4a; 2 — after Amiet 1986: 322, ill. 193, on the right; 3 — after Массон 1960: Table XXX, 10; 4 — after Кирчо и др. 2008: Table 10Б, 17; 5 — after Берёзкин, Соловьёва 1998: Fig. 16, 2

мирования системы оазисов в древней Маргиане и, предположительно, в Бактрии). Одновременно активизируются и передвижения степных племен. Многокомпонентность погребального инвентаря Фархора¹³ и длительность существования

в частности, исследовал два погребения позднегеоксюрского времени (рис. 5). Эти работы упоминаются в литературе лишь в самом общем виде (Сарианиди 1965: 8), а само поселение уже в конце 1950-х гг. разрушалось рекой (Адыков, Массон 1960: 62).

К сожалению, никаких археологических обследований территории Северо-Западного Афганистана, долин верхних течений Герируда, Мургаба и Гильменда, как и северных предгорий невысоких хребтов на севере Афганистана, никогда не проводилось. В то же время огромное расстояние между Южным Туркменистаном и Бадахшаном заставляет предполагать наличие хотя бы небольших поселений на берегах этих рек или стекающих с гор речушек. Нам представляется, что именно в таких поселениях-оазисах могли долгое время сохраняться южнотуркменистанские традиции и стереотипы, нашедшие позднее свое отражение в инвентаре наиболее ранних погребений Северного Афганистана и ряда захоронений Фархора.

Заключение

В результате нарастающей аридизации климата в середине III тыс. до н. э. в Южном Туркменистане был одомашнен верблюд, изображения которого появляются на Алтын-депе и Тайчанак-депе в конце периода ранней бронзы (Кирчо 2009: рис. 5, 9; Щетенко 1968: рис. 11, 2). Использование верблюда в качестве вьючного и упряжного животного способствовало активизации культурных и торговых контактов населения древнеземледельческих центров Средней Азии и Среднего Востока с древними цивилизациями Переднего Востока и Древней Индии, а также освоению им новых территорий (начало формирования системы оазисов в древней Маргиане и, предположительно, в Бактрии).

¹³ В настоящей работе мы не рассматриваем ни проблему прямых аналогий с материалами культуры Заманбаба Узбекистана, ни широчайшее распространение (вплоть до Барабинской лесостепи

Рис. 5. Южный Туркменистан, Серахское поселение (поселение на 102 км дороги Теджен–Серахс), расписная керамика периода позднего энеолита

Fig. 5. South Turkmenistan, Serakhs settlement (settlement on the 102nd km of Tejen–Serakhs road), painted pottery of the Late Eneolithic period

практики захоронений в этом месте (от времени позднего Намазга IV до по крайней мере раннего Намазга VI включительно, около 2400–1900 гг. до н. э.) показывают, что здесь находилась удобная переправа через р. Пяндж, открывающая дорогу к минеральным горным богатствам Таджикистана.

Литература

Адыков, Массон 1960 — Адыков К. А., Массон В. М. Древности Теджен-Мургабского междуречья // Известия АН Туркменской ССР. Серия обществ. наук. 1960. № 2. С. 58–66.

Алёкшин 2010 — Алёкшин В. А. Металлические косметические стержни Алтын-депе с навершием в виде лопаточки // Алёкшин В. А. и др. (ред.). Древние культуры Евразии: ММНК, посвящ. 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. СПб.: Инфо-ол, 2010. С. 34–43.

Берёзкин, Соловьёва 1998 — Берёзкин Ю. Е., Соловьёва Н. Ф. Парадные помещения Илгынлы-депе (предварительная типология) // АВ. 1998. № 5. С. 86–123.

Бобомуллоев 2017 — Бобомуллоев С. (ред.-сост.). Материалы Фархорской археологической экспедиции. Душанбе, 2017. Вып. 1. 145 с.

Бобомуллоев и др. 2015 — Бобомуллоев С., Виноградова Н. М., Бобомуллоев Б. Раскопки могильника среднего бронзового века Фархор на юге Таджикистана // ЗИИМК. 2015. № 11. С. 47–66.

Бобомуллоев и др. 2017 — Бобомуллоев С., Виноградова Н. М., Бобомуллоев Б. Результаты исследований могильника Фархор — памятника эпохи средней бронзы на юге Таджикистана весной 2014 г. // Бобомуллоев С. (ред.-сост.). Материалы Фархорской археологической экспедиции. Душанбе, 2017. Вып. 1. С. 42–67.

Виноградова, Кутимов 2018 — Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г. Погребальные памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане (могильники Гелота и Дарнайчи). М.: Институт востоковедения РАН, 2018. 276 с.

Кирчо 2001 — Кирчо Л. Б. Металлические изделия Алтын-депе // Массон В. М., Кирчо Л. Б. (ред.). Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. СПб.: ИИМК РАН, 2001. С. 60–84 (Материалы ЮТАКЭ. Вып. 5).

Кирчо 2005a — Кирчо Л. Б. Общая характеристика погребений Алтын-депе // Массон В. М., Берёзкин Ю. Е. (ред.). Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней

в Западной Сибири) ряда типов бус из камня и искусственных материалов (?), ни уникальность форм керамических сосудов с широким плоским дном из погр. 18 и 22.

Азии (погребения Алтын-депе). СПб.: Нестор-История, 2005. Ч. 2, гл. 2. С. 324–346 (Тр. ИИМК РАН. Т. 16).

Кирчо 2005б — *Кирчо Л. Б.* Погребальный инвентарь Алтын-депе // Там же. Ч. 2, гл. 3. С. 347–421.

Кирчо 2009 — *Кирчо Л. Б.* Древнейший колесный транспорт на юге Средней Азии (новые материалы Алтын-депе) // АЭАЕ. 2009. № 1 (37). С. 25–33.

Кирчо 2014 — *Кирчо Л. Б.* Изделия из камня и источники сырья в период ранней бронзы (по материалам Алтын-депе, Южный Туркменистан) // Алёшкин В. А. (отв. ред.). Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти В. М. Массона. СПб.: ИИМК РАН, 2014. С. 62–85 (Тр. ИИМК РАН. Т. 42).

Кирчо 2017 — *Кирчо Л. Б.* К датировке геоксюрского комплекса (новые данные из Алтын-депе в Южной Туркмении) // ЗИИМК. 2017. № 16. С. 35–51.

Кирчо 2018 — *Кирчо Л. Б.* О функции так называемых каменных светильников эпохи бронзы на юге Центральной Азии и Среднем Востоке // ЗИИМК. 2018. № 18. С. 20–27.

Кирчо и др. 2008 — *Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф., Массон В. М.* Техничко-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. СПб.: Европейский Дом, 2008. 370 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. 28).

Массон 1960 — *Массон В. М.* Кара-депе у Артыка // Массон М. Е. (отв. ред.). Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960. Т. 10. С. 319–463.

Массон 1962 — *Массон В. М.* Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении. М.; Л.: Наука, 1962. 30 с., 20 табл. (САИ. Вып. Б3-8. Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. 2).

Сарианиди 1965 — *Сарианиди В. И.* Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. М.: Наука, 1965. 54 с., 27 табл. (САИ. Вып. Б3-8. Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. 4).

Сарианиди 1968 — *Сарианиди В. И.* О великом лазуритовом пути на Древнем Востоке // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 3–9.

Хлопин 1969 — *Хлопин И. Н.* Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении. Л.: Наука, 1969. 54 с., 26 табл. (САИ. Вып. Б3-8. Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. 3).

Щетенко 1968 — *Щетенко А. Я.* Раскопки поселения эпохи бронзы Тайчанак-депе // Массон В. М. (отв. ред.). Каракумские древности. Ашхабад: Ылым, 1968. Вып. 2. С. 18–29.

Amiet 1986 — *Amiet P.* L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. Paris: Editions de la Réunion des musées nationaux, 1986. 332 p. (Notes et documents des musées de France. 11).

Bendezu-Sarmiento 2013 — *Bendezu-Sarmiento J.* Archéologie funéraire et bio-antropologie à Ulug dépe et Dzharkutan. Age du bronze au Turkménistan et en Ouzbékistan // L'archéologie française en Asie Centrale. Paris; Bichkek; Kabul: De Boccard, 2013. P. 501–532 (Cahiers d'Asie Centrale. 21/22).

Bobomulloev et al. 2017 — *Bobomulloev S., Vinogradova N. M., Bobomulloev B.* (with contributions by *M. Teufer* and *G. Lombardo*). Preliminary results of research of the burial ground of Farkhor, the middle Bronze Age monument in the south of Tajikistan // Бобомуллоев С. (ред.-сост.). Материалы Фархорской археологической экспедиции. Душанбе, 2017. Вып. 1. С. 68–115.

Casal 1961 — *Casal J.-M.* Fouilles de Mundigak. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1961. Vol. 1–2. 260 p., 140 figs et 45 pl. (Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. T. 17).

Pottier 1984 — *Pottier M.-H.* Matériel funéraire de la Bactriane Méridionale de l'Age du Bronze. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations, 1984. 232 p.

Sajjadi 2003 — *Sajjadi S. M. S.* (with contributions by *Foruzanfar F., Shirazi R.* and *Baghestani S.*). Excavations at Shahr-i Sokhta. First preliminary report of the excavations of the graveyard 1997–2000 // *Iran*. 2003. Vol. 41. P. 21–97.

Tosi, Wardak 1972 — *Tosi M., Wardak R.* The Fullol Hoard: A new Find from Bronze Age Afghanistan // *East and West*. 1972. 22/1–2. P. 9–17.

Vidale et al. 2016 — *Vidale M., Salviulo G., Zorzi F., Mocchiutti I.* Cosmetics and cosmetology at Shahr-i Sokhta // *Iran*. 2016. Vol. 54.2. P. 1–24.

ROAD TO THE EAST (CONTACTS BETWEEN SOUTH TURKMENISTAN AND SOUTH TAJIKISTAN IN THE III MILLENNIUM BC)

L. B. KIRCHO

Keywords: *Late Neolithic, Bronze Age, South Turkmenistan, North Afghanistan, South Tajikistan, Farhor cemetery, burial goods.*

The study and prompt publication of the burial assemblages, found on the terraces of the Surkhob (Kyzylsu) river at its confluence with the Panj (South Tajikistan) and collectively referred to as Farhor cemetery, is probably the brightest discovery in the Middle Asian Bronze Age archaeology of the 2010's. Based on the preliminary analysis of burial goods and constructions, and on a wide range of analogies with materials from the south of Middle Asia, Iran and Afghanistan, the discoverers of Farhor have dated it to the middle — the second half of the III millennium BC. Taken as whole, the cemetery is thought to belong to the circle of sites of the emerging Bactria–Margiana Archaeological Complex, while single burials seem to represent the earliest manifestations of the Vakhsh archaeological culture. At the same time, the inventory of many of the Farhor burials finds prototypes in the Late Eneolithic and Early Bronze Age sites of South Turkmenistan (Namazga III — early Namazga IV time, *ca.* 3150–2700 BC). These analogies, as well as the South Turkmenistanian roots of ornamental patterns observed on some silver vessels from the so called Fullol hoard (North Afghanistan), and the appearance of lazuli artifacts at the northern foothills of Kopet Dag at the end of the Middle Eneolithic (late Namazga II time, *ca.* 3300's BC), suggest that the trade road to the east existed as early as the end of the IV millennium BC. This road appears to have gone through the settlement near Serakhs up along the Tejen (Gerirud) river. The sources of this river lie in the mountains of Northeastern Afghanistan, known for the presence of lazuli deposits. The materials of Farhor are indicative of the existence here in the last third of the III — the beginning of the II millennium BC, and probably earlier, of an accessible crossing over the Panj river, which was a gateway to Tajikistan with its mineral resources.

ЭТАЛОННЫЙ ПАМЯТНИК АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Д. Г. САВИНОВ¹, В. В. БОБРОВ²

Ключевые слова: андроновская культура, локальный вариант, могильник, погребения, состав инвентаря, вертикально установленные объекты, биритуализм, трупосожжение, керамика.

Андроновская эпоха — важнейшая в истории и культурогенезе скотоводческих племен восточных областей степной Евразии. На современном этапе исследования памятников середины II тыс. до н. э., или андроновской культурно-исторической общности, к числу приоритетных направлений принадлежат анализ их регионального своеобразия и изучение особенностей культурогенеза в отдельных ареалах расселения андроновских племен. Благодаря активным археологическим исследованиям на территории Кемеровской обл. здесь открыто и изучено достаточное количество подобных памятников. Одним из них является могильник Юрман I, включающий около 10 погребальных сооружений, три из которых были раскопаны и дали новые интересные материалы к пониманию андроновского культурного комплекса в целом. Зафиксированы глубокие могильные ямы, отмеченные слоем светлого грунта на поверхности (белый цвет — цвет зороастризма), обычай установки на перекрытии деревянных столбов, доходящих до уровня древней поверхности (средство коммуникации между миром живых и мертвых). Найдены бронзовый кинжал срубно-андоновского типа в одном из погребений (редчайший случай для этого времени) и в углу погребальной камеры — не один, а несколько сосудов. Отмечены особенности орнаментации керамики и пр. По всем этим показателям могильник Юрман I для кемеровского варианта андроновской культуры является эталонным.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-19-70-79

Особое место в отечественной археологии занимают андроновские древности, история изучения которых насчитывает около 90 лет. Повышенное внимание к ним объясняется целым рядом исследовательских проблем: обширность ареала расселения андроновских племен (степь и лесостепь Южного Урала, Средней Азии и Казахстана, Западной и Южной Сибири), исторические последствия, вызвавшие

¹ Кафедра археологии, Институт истории, СПбГУ, 190034, г. Санкт-Петербург, Россия.

² Кафедра археологии, Институт истории и международных отношений, Кемеровский ГУ, 650000, г. Кемерово, Россия.

появление андроновцев-скотоводов, особенно в восточных и северных районах их обитания, как и загадочность происхождения, вопросы этнической и лингвистической принадлежности, особенности историко-культурных процессов в период их появления на исторической арене.

По основополагающему вопросу о культурной атрибуции памятников прослеживается следующая эволюция представлений: от единой монолитной андроновской культуры (Теплоухов 1927; 1929) с локальными территориальными вариантами западным и восточным (Грязнов 1927) — к культуре с внутренними хронологическими этапами развития (Сальников 1951; 1967; Грязнов 1956: 14–25; Комарова 1962; Максименков 1978; Матющенко 1973; подробная библиография см.: Кузьмина 1988; Потёмкина 1985; Зданович 1988), и далее — к андроновской культурно-этнической общности с двумя самостоятельными алакульской и фёдоровской культурами (Стоколос 1972; Фёдорова-Давыдова 1973; Потёмкина 1985; Кузьмина 1975; 1985; Косарев 1965; 1981; Молодин 1985; Кирюшин 1985). Изучение андроновских древностей восточных районов ареала (Средний Енисей, Обь-Чулымское междуречье, Верхняя Обь) проходило в русле общей историографической тенденции, но со своими особенностями, которые определялись региональной спецификой памятников. В культурном и хронологическом отношении материалы восточных районов оставались и остаются более однородными (восточный вариант андроновской культуры, фёдоровский этап культуры, фёдоровская культура андроновской общности). В связи с этим один из авторов настоящей работы подверг сомнению правомерность выделения андроновской культурно-исторической общности и предположил возможность существования в ее ареале двух генетически разных культур: алакульской и андроновской (Бобров 1992б: 16).

На современном этапе исследования андроновской культуры восточных районов Западной Сибири среди важнейших в ее изучении является анализ локального своеобразия в погребальной практике и в характере орнамента керамики. При изучении имеющихся материалов с учетом социологической интерпретации погребальных комплексов сформировались две гипотезы: об относительно трансформированном облике андроновской культуры в равнинных лесостепных районах (Барабинская лесостепь, Томское Приобье — см.: Бобров, Михайлов 1989: 103) и о ее гомогенности в межгорных котловинах (Бобров 1992б: 35; Бобров, Михайлов 1989: 101–103). Проверка этих гипотез требует накопления качественно новых комплексов и, прежде всего, материалов из горных районов. При этом особо следует выделить изолированную таежными массивами и горными хребтами Кузнецкую котловину, которая была теснее связана с верхнеобской лесостепью, чем Чулымо-Енисейская и Сыда-Ербинская котловины. Новые материалы из этих районов имеют важное значение, одним из таких памятников является могильник Юрман I.

Могильник Юрман расположен на высоком ровном плато в 5 км к востоку от с. Каменка Промышленновского р-на Кемеровской обл. и состоит из двух частей: 1) группа больших курганов эпохи средневековья — всего 20 сооружений (Юрман II); 2) группа курганов андроновской культуры — всего 10–12 сооружений, часть из которых распахана (Юрман I). В 1993 г. на могильнике Юрман I выборочно были раскопаны три кургана (рис. 1–3).

До начала раскопок курганы представляли собой сильно уплощенные округлые земляные насыпи размерами 14 × 12 м (кург. 1), 12 × 10 м (кург. 2), 10 × 10 м (кург. 3)

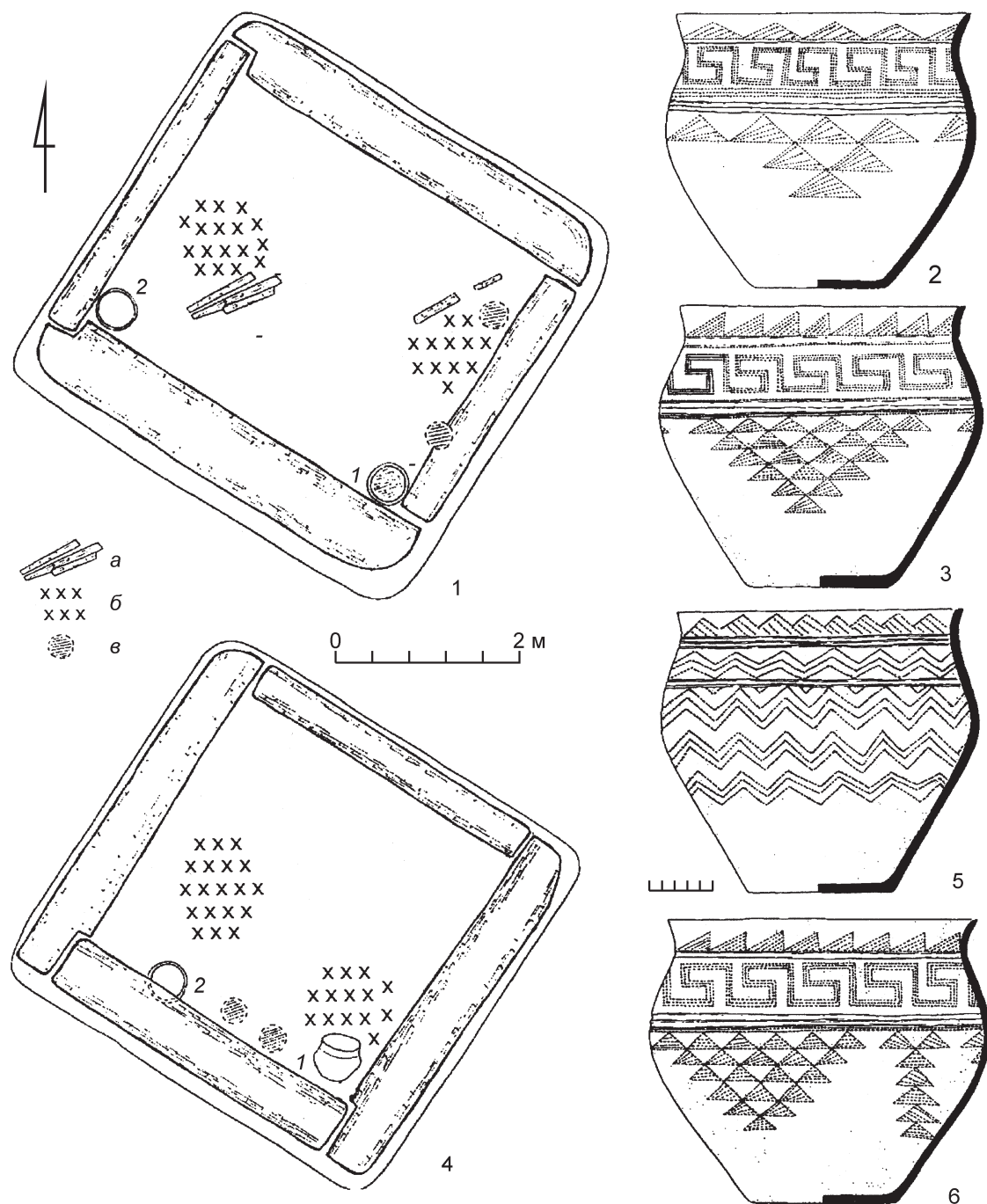

Рис. 1. Могильник Юрман I, кург. 1. 1-3 — мог. 1: 1 — план (1-2 — сосуды; а — доски; б — остатки сожжения; в — основания столбов); 2 — сосуд 1; 3 — сосуд 2. 4-6 — мог. 2: 4 — план (1-2 — сосуды, а-в — см. выше); 5 — сосуд 1; 6 — сосуд 2

Fig. 1. Yurman I cemetery, barrow 1. 1-3 — grave 1: 1 — plan (1-2 — vessels, а — wooden planks, б — remains of cremation, в — bases of posts); 2 — vessel 1; 3 — vessel 2. 4-6 — grave 2: 4 — plan (1-2 — vessels, а-в — see above); 5 — vessel 1; 6 — vessel 2

и высотой в среднем 0,5–0,6 м. На поверхности всех курганов не было видно следов ограбления; однако попытки подобного рода действий предпринимались, так как во всех бровках, наряду с валиками выброса материкового грунта, зафиксированы грабительские шахты, сходящие на «клин» в средней части заполнения могильных ям. Сами же погребения, расположенные глубже, остались непо потревоженными.

Могильные ямы по верху заложены материковым грунтом (светлоокрашенная песчанистая супесь) и четко выделялись на более темном фоне древней поверхности. Во всех случаях погребения располагались несколько асимметрично относительно центра земляных насыпей, что, скорее всего, объясняется их ветровой эрозией. Под насыпью кургана 1 находились два погребения, расположенных рядом по оси СЗ–ЮВ (мог. 1 и 2); под насыпями кург. 2 и 3 — по одному погребению. Могильные ямы имели квадратную форму со слегка округленными углами, их размеры варьировали от 2,4 × 2,4 м (кург. 1, мог. 1) до 2,8 × 2,8 м (кург. 2). Ямы ориентированы углами по сторонам света, глубина колеблется от 1,6 до 1,95 м. В придонной части могил оставлены материковые приступки шириной 0,25–0,3 м, на которые опирались перекрытия погребальных камер.

Внутри могильные сооружения представляли собой деревянные камеры в виде прямоугольных или почти квадратных составных рам из мощных лиственничных плах, размерами в среднем 2,2 (2,1) × 2,2 (2,3) м. Эти камеры также ориентированы углами по сторонам света. В кург. 1 и 3 внутримогильные конструкции были собраны следующим образом: продольные стенки рам, сделанные из широких плах или обработанных брусьев, толщиной до 40–50 см, снаружи имели округленные торцы, внутренние стороны которых были снабжены специальными плоскими выемками, куда вставлены концы более тонких поперечных плах (рис. 1, 1, 4; 3, 1). В кург. 2 рама имеет более простую конструкцию из четырех тонких бревен, положенных концами «впритык» друг к другу (рис. 2, 1). Все камеры перекрыты такими же плахами или обработанными досками, уложенными с интервалами в направлении ЮЗ–СВ. Эти плахи были покрыты сверху берестой. На некоторых из наиболее массивных плах, образующих раму, сделаны зарубы в виде 3–4 параллельных линий, вероятно, для разметки плах при доставке их к месту захоронения. Дно камер — грунтовое, с меловой подсыпкой.

В кург. 1 и 3 зафиксированы деревянные столбы диаметром 15–20 см, опиравшиеся нижним концом на перекрытие камер, а верхним, судя по сохранившимся остаткам, выходящие на уровень древней поверхности. В каждом из погребений в кург. 1 было установлено по два таких столба на расстоянии 0,20 и 0,55 м друг от друга, а в кург. 3 — один столб у северо-западной стенки могильной ямы (рис. 1, 1, 4; 3, 1).

Раскопанные курганы отличаются друг от друга обрядом погребения. В двух из них (кург. 1 и 3) обнаружены трупосожжения, причем кремация совершена на стороне. В каждом из погребений кург. 1 находился прах двух кремированных людей, а в кург. 3 — прах одного. В момент раскопок трупосожжения представляли собой овальные в плане (размерами 0,5 × 0,3 м) скопления мелких фрагментов кальцинированных костей, золы и угля, очевидно, первоначально помещенные в специально сделанные деревянные обкладки, от которых на дне камер сохранились деревянные плашки, ограничивающие место, куда были положены кремированные останки (рис. 1, 1, 4; 3, 1). Около всех трупосожжений в углах погребальных камер были поставлены глиняные сосуды, причем на одном из них (кург. 1, мог. 1) сохранилась

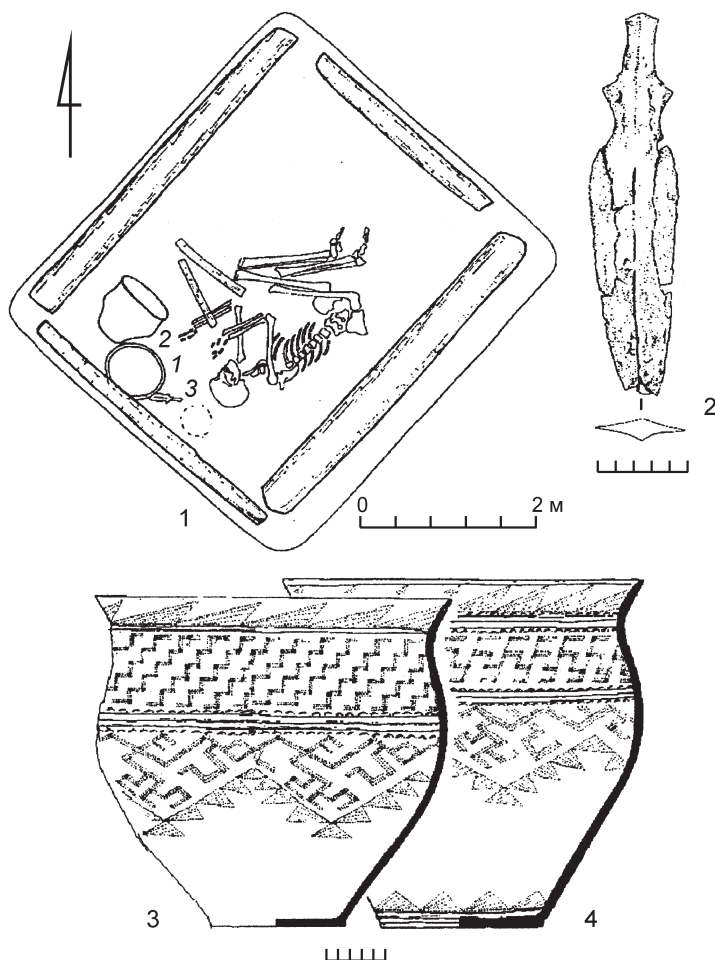

Рис. 2. Могильник Юрман I, кург. 2, мог. 1: 1 — план (1–2 — сосуды; 3 — бронзовый нож); 2 — нож; 3 — сосуд 2; 4 — сосуд 1

Fig. 2. Yurman I cemetery, barrow 2, grave 1: 1 — plan (1–2 — vessels; 3 — bronze knife); 2 — knife, 3 — vessel 2, 4 — vessel 1

круглая деревянная крышка (рис. 1, 1). В кург. 3, где обнаружено одно трупосожжение, помещенное между двумя деревянными плашками, найдено шесть сосудов: четыре и два, соответственно, в западном и северном углах погребальной камеры (рис. 3, 1).

В кург. 2 зафиксирована ингумация. Умерший мужчина (35–40 л.) — лежал в скорченном положении на левом боку, его ноги были сильно подогнуты, руки сложены перед «лицом», голова ориентирована на ЮЗ (рис. 2, 1). Фаланги пальцев рук и ног, а также кости предплечья скелета окрашены охрой. За головой погребенного и в западном углу камеры находились два больших глиняных сосуда. Под одним из них лежал бронзовый черешковый кинжал с листовидным клинком с продольной нервюрой и слегка намеченным перекрестием (рис. 2, 2). Здесь же и в северном углу камеры найдены ребра животного, костяные круглые бляшки и несколько мелких, практически несохранившихся деревянных предметов неизвестного назначения.

Основную часть погребального инвентаря из раскопанных курганов составляет керамика — это небольшая, но достаточно показательная серия, как с точки зрения общей культурной характеристики, так и специфики данного памятника.

Керамический комплекс включает 12 сосудов, среди которых четыре морфологически относятся к «классическим» андроновским горшкам, два — к банкам открытого типа с прямыми стенками, а остальные сосуды не отличаются четко выраженными признаками.

Горшки из кург. 2 выделяются большими размерами (высота их равна диаметру устья; сосуд № 1 — 31 см, сосуд № 2 — 30 см) и характером орнаментации, выполненной в «меандровом» стиле. Венчики орнаментированы заштрихованными косыми треугольниками, поле плечиков, отделенное каннелюрами, на одном сосуде заполнено соединенными фигурами в виде неполной «свастики» (рис. 2, 4), на другом — изображениями в виде «змейки» (рис. 2, 3). Тулово декорировано сложным меандровым узором, обрамленным зигзагообразной лентой из заштрихованных треугольников. Придонная часть сосудов украшена каннелюрами, в одном случае, кроме каннелюр, имеется цепочка заштрихованных равнобедренных треугольников (рис. 2, 4). Обряд трупоположения, наличие кинжала и пышность узора сосудов подчеркивают особый социальный статус погребенного в кург. 2.

В кург. 1 каждому погребенному было поставлено по одному сосуду одинакового размера, причем горшки в мог. 1 имели однотипный орнамент: заштрихованные треугольники по венчику, меандр по плечикам и гирлянды обращенных вершинами вверх треугольников по тулову (рис. 1, 2, 3). Эти узоры отличаются только формой треугольников в зоне венчика: на одном сосуде они косые, на другом — равнобедренные. Для последнего сосуда характерна более «небрежная» манера в исполнении орнамента и в обработке внутренней поверхности. Типологически близкий сосуд был обнаружен в мог. 2: косые треугольники на венчике, однотипный меандр на плечиках и пояс из гирлянд треугольников на тулове, причем в последнем случае схема узора была явно нарушена (рис. 1, 6). Другой сосуд из этой могилы украшен по венчику заштрихованными треугольниками, а по плечикам и тулову — четырьмя зигзагами из трех линий, выполненных гребенчатым штампом (рис. 1, 5). Идентичность типолого-морфологических признаков и размеров сосудов в двух могилах кург. 1 не только определяет их общую культурно-хронологическую принадлежность, но, вероятно, указывает на определенную социальную или кровнородственную близость погребенных.

Сосуды из кург. 3 более разнообразны как по форме, так и по характеру орнаментации. По высоте они образуют три пары. У первой пары (сосуды 1 и 5 — рис. 3, 2, 6) этот показатель такой же, как и у сосудов из кург. 1. На обоих сосудах венчик украшен широким поясом каннелюр. На одном из них орнаментальная композиция этим и ограничена, на другом она включает также пояс горизонтальной «елочки», выполненной гребенчатым и гладким штампами на тулове (рис. 3, 2). Вторая пара сосудов (№ 4 и № 6) представлена банками. На одной из них по краю и верхней части венчика нанесены оттиски гребенчатого штампа, ниже располагается пояс каннелюр и заключает композицию покрывающая все тулово сосуда горизонтальная «елочка» (рис. 3, 5). Второй сосуд украшен вертикальной «елочкой»; образованные ею треугольники в зоне венчика дополнены расположенными вертикально оттисками гребенчатого штампа (рис. 3, 7). Третья пара представляет самые низкие сосуды из этой могилы — гладкий горшок с отогнутым венчиком — сосуд № 2 (рис. 3, 3) и сосуд баночной формы со сложной орнаментальной композицией (сосуд 3).

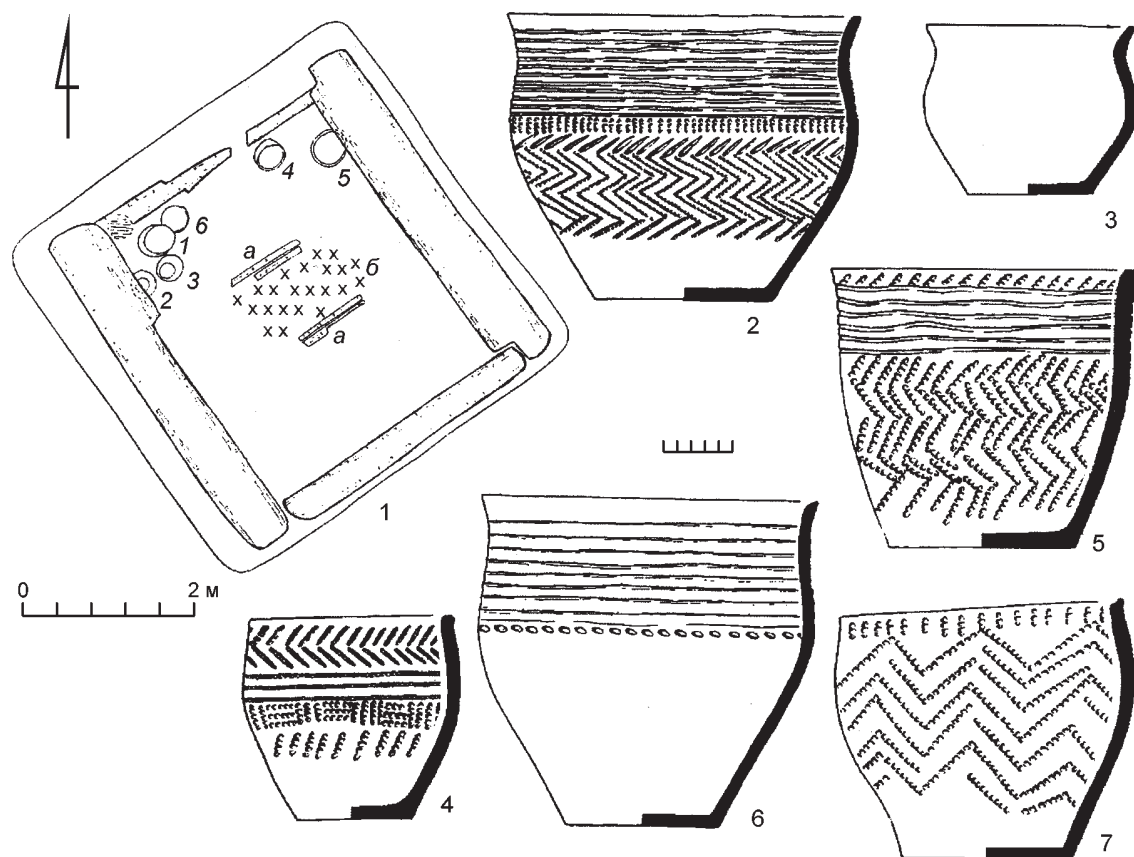

Рис. 3. Могильник Юрман I, кург. 3, мог. 1: 1 — план (1–6 — сосуды; а–в — см. рис. 1); 2–7 — сосуды 1–6

Fig. 3. Yurman I cemetery, barrow 3, grave 1: 1 — plan (1–6 — vessels; а–в — see Fig. 1); 2–7 — vessels 1–6

Она включает горизонтальную «елочку» в зоне венчика, бороздки, пояс из мотивов «паркетного» орнамента и ряд наклонных оттисков штампа (рис. 3, 4).

Для всех орнаментированных сосудов из кург. 3 характерно использование крупнозубчатого штампа, что, наряду с другими признаками (некоторая «небрежность» исполнения, нарушение схемы и границ поясов, орнаментированный край венчика, использование в композиции «паркетного» мотива), придает этой серии сосудов черты своеобразия, что, возможно, связано с инокультурными традициями. В этом отношении интересно, что некоторые признаки рассматриваемых сосудов напоминают баночную керамику из могильника «Стрелка» на севере Хакасии, орнаментация которой рассматривалась как отражение андроновского влияния на окуневскую культурную традицию в северных районах ее распространения (Савинов 1981: 114–115). Не исключено, что особенности керамики могильника Юрман I вообще были характерны для части андроновских племен, обитавших в смежных районах Минусинской и Кузнецкой котловин; однако данное предположение требует специального обоснования.

Из других предметов особого внимания заслуживает бронзовый кинжал из кург. 2. Случай находки кинжала в погребении андроновской культуры на юге Западной Сибири — явление исключительное. Кинжал из Юрмана I имеет плохую сохранность,

металл хрупкий, сильно метаморфизированный, что, возможно, объясняется пребыванием предмета в огне, хотя под курганом находилось труположение (рис. 2, 2). Скорее всего, можно предполагать ритуальное назначение этого кинжала, находящегося не на поясе, а положенного вместе с сосудами в головах погребенного.

Раскопанные погребальные сооружения могильника Юрман I, несмотря на характерный для похоронного обряда андроновской культуры «биритуализм», представляют явно одновременный комплекс. Памятники фёдоровского этапа (культуры) в Южной Сибири датируются XV–XIII вв. до н. э. Некоторые отличия между курганными комплексами связаны с тем, что узор посуды из кург. 3 отражает процесс «варваризации» культурной традиции, а особенности могильного сооружения, сопровождающий инвентарь, размеры горшков и характер орнаментальных композиций из кург. 2 определяют, по-видимому, социальный статус погребенного.

Анализ рассматриваемых материалов в системе известных андроновских погребальных комплексов Кузнецкой котловины позволяет отметить такие специфические черты курганов могильника Юрман I, как нахождение в углу погребальной камеры двух и более сосудов (кург. 2 и 3), помещение в могилу кинжала (кург. 2), случаи трансформации орнаментальных композиций (кург. 3).

Вместе с тем исследованные курганы характеризуются рядом признаков, свойственных и другим андроновским памятникам Кузнецкой котловины. Некоторые из них имеют распространение и в более широких пределах андроновского ареала, прежде всего в лесостепных районах. Одним из таких признаков является заполнение могильных ям материковым грунтом, в результате чего они выделяются как на уровне погребенной почвы, так и на уровне материка белым прямоугольным пятном (установлено, что лессовый и супесчанистый грунт в перекопанном виде в течение нескольких дней приобретает беловатый цвет и пылевидную структуру). Впервые на это обратил внимание один из авторов статьи В. В. Бобров при раскопках могильников андроновской культуры Титовского и Танай I. Во всех случаях такие погребения связаны с обрядом трупосожжения.

Другим специфическим признаком является конструкция внутримогильного сооружения в виде одно- или двухвенцовой рамы из бревен или бруса хвойных пород. При этом в Кузнецкой котловине принцип сооружения рам «в паз» связан только с погребениями по обряду кремации. Можно отметить также различия в характере покрытия. В могилах с кремированными погребенными покрытие сплошное и однородное по размерам плаха; в могилах с труположениями мощное покрытие располагается над головой погребенного, в ногах оно отсутствует или сделано из жердей и тонких досок. Отмеченные признаки можно рассматривать как дополнительные для андроновского «биритуализма».

Особого внимания заслуживает зафиксированная в Юрмане I практика установки на перекрытиях внутримогильных сооружений деревянных столбов, достигающих до уровня древней поверхности. Подобные столбы встречаются не только в погребениях Кузнецкой котловины (Бобров, Михайлов 1989), но и в захоронениях Среднего Енисея, где они известны наряду с каменными столбами (Рахимов 1968: 70–75; Максименков 1978: 42–44; Киселёв 1935: 206–210). Столбы в андроновских погребальных сооружениях по своему значению сопоставимы с другими видами вертикально установленных «знаков», в частности, оленными камнями и стелами предшествующей и последующей эпох (Бобров 1992а). В каждом погребении

со столбами отчетливо выявляется семантическая «связка» из трех компонентов: остатки сожжения — сосуд — вертикально установленный над ними столб или иной «знак» — «коммуникативная ось» для общения мертвых и живых?

Сделанные наблюдения по раскопкам могильника Юрман I, вероятно, получают новые подтверждения при дальнейших раскопках, но удивительная духовная культура андроновцев-индоиранцев просматривается и на этом этапе исследования памятника.

Литература

Бобров 1992а — *Бобров В. В.* К проблеме вертикально установленных объектов в погребениях эпохи бронзы Сибири и Казахстана // Массон В. М. (отв. ред.). Северная Евразия от древности до средневековья: Тезисы конф. к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб.: ИИМК РАН, 1992. С. 54–57 (АИ. Вып. 2).

Бобров 1992б — *Бобров В. В.* Кузнецко-Салаирская область в эпоху бронзы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1992. 40 с.

Бобров, Михайлов 1989 — *Бобров В. В., Михайлов Ю. И.* Памятники андроновской культуры в Обь-Чулымском междуречье // ИНИОН. № 38518 от 26.06.1989. Рукопись. 198 с.

Грязнов 1927 — *Грязнов М. П.* Погребения эпохи бронзы в Западном Казахстане // Руденко С. И. (ред.). Казаки. Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных Республик. Серия Казакстанская. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. Вып. 11. С. 172–221.

Грязнов 1956 — *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 160 с. (МИА. № 48).

Зданович 1988 — *Зданович Г. Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск: Изд-во Уральского ГУ, 1988. 184 с.

Кирюшин 1985 — *Кирюшин Ю. Ф.* Итоги и перспективы изучения памятников энеолита и бронзы Алтая // Васильевский Р. С. (отв. ред.). Проблемы древних культур Сибири: сб. науч. ст. Новосибирск: Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, 1985. С. 46–53.

Киселёв 1935 — *Киселёв С. В.* Андроновские памятники близ с. Усть-Ерба в Хакасии // СЭ. 1935. № 4–5. С. 206–210.

Комарова 1962 — *Комарова М. Н.* Относительная хронология памятников андроновской культуры // АСГЭ. 1962. Вып. 5. С. 50–75.

Косарев 1965 — *Косарев М. Ф.* О культурах андроновского времени в Западной Сибири // СА. 1965. № 2. С. 242–246.

Косарев 1981 — *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 282 с.

Кузьмина 1975 — *Кузьмина Е. Е.* О соотношении типов андроновских памятников (по материалам Кинзерского могильника) // Кожин П. М. и др. (отв. ред.). Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1975. С. 220–230.

Кузьмина 1985 — *Кузьмина Е. Е.* Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности // Информационный бюллетень Междунар. ассоциации по изучению культур Центральной Азии. 1985. Вып. 9. С. 23–33.

Кузьмина 1988 — *Кузьмина Е. Е.* Культурная и этническая атрибуция пастушеских племен Казахстана и Средней Азии в эпоху бронзы // ВДИ. 1988. № 2. С. 35–59.

Максименков 1978 — *Максименков Г. А.* Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. 190 с.

Матющенко 1973 — *Матющенко В. И.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Томск: Томский ГУ, 1973. Ч. 1. 184 с. (Из истории Сибири. Вып. 11).

- Молодин 1985 — *Молодин В. И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
- Потёмкина 1985 — *Потёмкина Т. М.* Бронзовый век лесостепного Притоболя. М.: Наука, 1985. 236 с.
- Рахимов 1968 — *Рахимов С.* Андроновская стоянка и могильник на р. Сыде (Красноярский край) // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 70–75.
- Савинов 1981 — *Савинов Д. Г.* Окуневские могилы на севере Хакасии // Троицкая Т. Н. (отв. ред.). Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск: Наука, 1981. С. 111–117.
- Сальников 1951 — *Сальников К. В.* Бронзовый век Южного Зауралья // Брюсов А. Я. (ред.). Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. М.: Наука, 1951. Т. 2. С. 94–151 (МИА. № 21).
- Сальников 1967 — *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.
- Стоколос 1972 — *Стоколос В. С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М.: Наука, 1972. 169 с.
- Теплоухов 1927 — *Теплоухов С. А.* Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. Л.: ГРМ, 1927. Т. 3, вып. 2. С. 57–112.
- Теплоухов 1929 — *Теплоухов С. А.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Л.: ГРМ, 1929. Т. 4, вып. 2. С. 41–62.
- Фёдорова-Давыдова 1973 — *Фёдорова-Давыдова Э. А.* К проблеме андроновской культуры // Смирнов А. Н. (отв. ред.). Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 133–152.

REFERENCE SITE OF THE ANDRONOVO CULTURE IN THE KEMEROVO OBLAST

D. G. SAVINOV, V. V. BOBROV

Keywords: *Andronovo culture, local variant, cemetery, burials, composition of burial goods, vertically set objects, biritualism, cremation, pottery.*

The Andronovo epoch was the most important one in the history and cultural development of the pastoralist tribes who inhabited the eastern part of Steppe Eurasia. At the present stage of research dealing with the sites of the Andronovo cultural-historical unity (middle of the 2nd millennium BC), the priority is given to the analysis of their regional peculiarities and to the study of specific traits of cultural histories in different parts of the Andronovo area. Due to intensive archaeological field works, a considerable number of Andronovo sites has been discovered and studied in the Kemerovo oblast. One of these is the cemetery of Yurman I, which includes about 10 burial constructions. Three of them were excavated and yielded new interesting materials contributing to our understanding of the Andronovo cultural complex as a whole. They are characterized by deep grave pits, the surface of which is marked with a layer of light colored earth (white color is the color of Zoroastrianism), and wooden posts reaching the level of ancient surface (a means of communication between the worlds of the living and the dead). One of the burials yielded a bronze dagger of the Srubnaya-Andronovo type (a unique find for the period in question) and several vessels found in the corner of the burial chamber. Worthy of note are specific traits seen in the ornamental pattern. All in all, the Yurman I cemetery can be considered a reference site for the Kemerovo variant of the Andronovo culture.

РАННИЕ ФИБУЛЫ КАВКАЗА В РАБОТАХ Ю. Н. ВОРОНОВА¹

М. Т. КАШУБА²

Ключевые слова: *Кавказ, поздний бронзовый век, ранний железный век, фибулы, Ю. Н. Воронов, классификация.*

Статья посвящена ранним фибулам Кавказа, где, по предварительным подсчетам, известно свыше 1000 экз. времени от конца II до середины I тыс. до н. э. На Кавказе широкое распространение получили простая дуговидная фибула и ее различные модификации. Большинство исследователей придерживается взглядов о внекавказском происхождении фибулы и/или идеи такой застежки. Современные датировки комплексов с ранними фибулами из Средиземноморья, Подунавья и Карпатского бассейна позволяют предполагать конвергентное их появление в разных регионах. В связи с этим классификационная схема Ю. Н. Воронова, как и предложенный им подход, когда кавказские экземпляры рассматриваются на широком фоне производства древнейших фибул в Греции, Эгейском мире и Италии, не теряют своей актуальности. Однако в свете современной хронологии время появления фибул на Кавказе относится к более раннему периоду, чем полагал Ю. Н. Воронов.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-19-80-90

Введение

Накопленные к настоящему времени археологические материалы позволяют уверенно относить Кавказ к регионам, где бытовали древнейшие застежки для жесткого крепления одежды, или фибулы. Предварительные подсчеты показывают, что на Кавказе известно *более 1000 ранних фибул* (имеются в виду бытовавшие примерно до IV в. до н. э. — см.: Sulava 2011; Кашуба 2016). Эти данные показывают важную роль Кавказа, древнее население которого носило одежду с использованием жестких застежек, как в Греции, Эгейском мире, Италии, на севере Балкан — регионах, где, собственно, появились древнейшие односоставные фибулы, названные «смычковыми фибулами» (см.: Teržan 1994: 445 ff., Abb. 82). На Кавказе широкое распространение получили простая дуговидная фибула и ее различные модификации, но наряду с ней известно и немало других застежек. Исследователи по-разному объясняют это новшество в одежде древнего населения Кавказа: большинство из них придерживается взглядов о внекавказском происхождении фибулы и/или идеи жесткого крепления несшитых частей костюма. Современные данные по хронологии

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00293а.

² Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

комплексов с ранними фибулами из Средиземноморья, Подунавья и Карпатского бассейна позволяют предположить конвергентное появление инновационной идеи о жестком закреплении распашной (несшитой) одежды, которая легла в основу фибулы как предмета (см.: Kašuba 2008: 208–209; Кашуба 2011: 64–65; 2016: 88–89; Pabst 2014: 83 ff.). Поэтому проблема происхождения кавказских фибул не теряет своей актуальности. Для решения этой проблемы важно оценить имеющиеся разработки по классификации и типологии ранних кавказских фибул (см.: Кашуба 2013: 174–180). Среди нескольких известных классификационных схем ранних кавказских фибул работы Ю. Н. Воронова занимают особое место.

Классификация кавказских дуговидных фибул Ю. Н. Воронова

В начале 1980-х гг. Ю. Н. Воронов опубликовал небольшую, но весьма емкую статью со своей классификацией дуговидных фибул Кавказа (Воронов 1983). Она впоследствии вошла в первый раздел «Восточное Причерноморье в эпоху раннего железа» защищенной им в 1985 г. докторской диссертации (Воронов 1984: 4–6; Материалы защиты... 2011: 206). Он разделил дуговидные кавказские фибулы (рис. 1–3) на три основных типа: «1) с гладкой или орнаментированной дужкой круглого сечения (рис. 1, 6–8); 2) с орнаментированной или гладкой дужкой круглого сечения, имеющей утолщения у перехода к пружине и приемнику (рис. 2, 8, 9), и 3) с витой дужкой (рис. 3, 6–8)» (Воронов 1983: 29–31, рис. 1–3). Для каждого выделенного типа фибул он рассмотрел прототипы, предложил эволюцию и датировки.

Будучи сторонником внекавказского происхождения застежек, в начало классификационных рядов для всех трех типов Ю. Н. Воронов поместил древнейшие фибулы заключительного этапа позднеэладского/позднеминойского периода эгейской хронологии из Греции, Эгеиды и Италии (рис. 1–3). Это было принципиально важно, так как развитие кавказской дуговидной фибулы было вписано в широкий контекст древнейшего фибульного производства Средиземноморья. Собственно, такого рода классификационные схемы были предложены впервые. Как было подчеркнуто в его диссертации: «автором впервые в отечественной практике проведен детальный анализ кавказских фибул на фоне южноевропейских и переднеазиатских аналогий» (Воронов 1984: 5; Материалы защиты... 2011: 206). Аналогии были рассмотрены им достаточно подробно и указаны ранние даты (XIII/XII и XI вв. до н. э.) эгейских образцов (Воронов 1983: 29 сл.). Однако фибулы Кавказа Ю. Н. Воронов датировал сравнительно поздним временем, не ранее VIII в. до н. э. Концептуально это было связано с представлениями о начале раннего железного века в Восточном Причерноморье, которые базировались на «короткой хронологии» многих ключевых памятников. «Короткая хронология» зачастую ведет к значительному омоложению комплексов — именно омоложенные даты и были предложены ученым как для времени появления фибул на Кавказе, так и для колхидско-кобанских древностей в целом (см.: Материалы защиты... 2011: 206–210).

Признавая фибулы важным элементом местной культуры, когда «уже первые исследователи кобанской культуры вопросы хронологии решали главным образом на основании этих фибул», Ю. Н. Воронов фактически вывел их из числа ранних хроноиндикаторов. Сделав сводку работ по фибулам Средиземноморья и Передней Азии, вышедших после основополагающего труда Хр. Блинкенберга (Blinkenberg 1926), Ю. Н. Воронов пришел к выводу, что «„субмикенские“ и кавказские

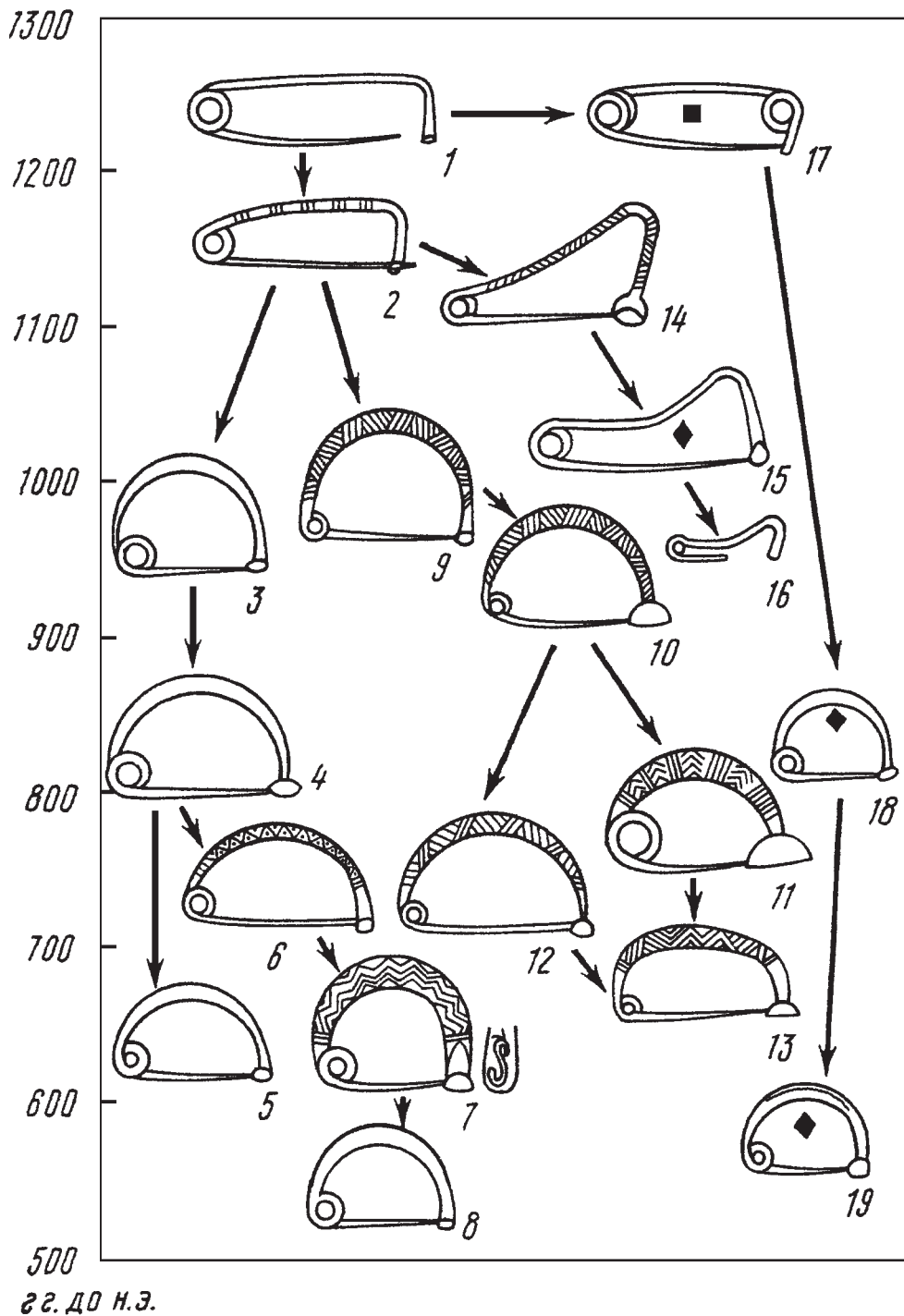

Рис. 1. Схема Ю. Н. Воронова «Эволюция фибул первого типа. 1, 3, 4, 18 — Греция; 2, 9–13, 14, 15 — Италия; 5 — Нимруд; 6–8, 19 — Кавказ» (по: Воронов 1983: рис. 1 — расшифровка подписи дана как в оригинале)

Fig. 1. Yu. N. Voronov's scheme "The evolution of fibulae of the first type. 1, 3, 4, 18 — Greece; 2, 9–13, 14, 15 — Italy; 5 — Nimrud; 6–8, 19 — Caucasus" (after Воронов 1983: Fig. 1 — figure captions are as in the cited source)

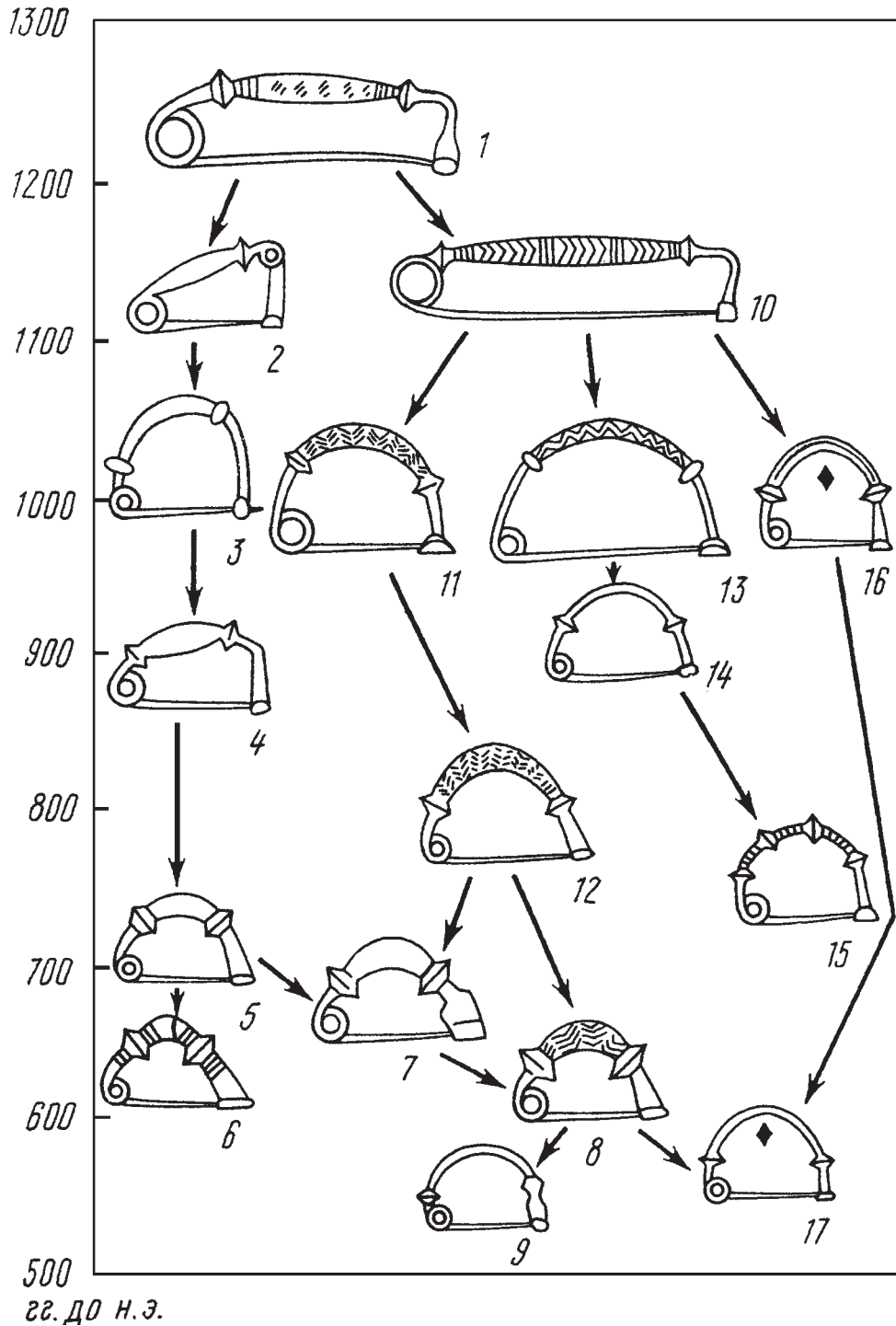

Рис. 2. Схема Ю. Н. Воронова «Эволюция фибул второго типа. 1–5, 16 — Греция; 6 — Богазкей; 7 — Урарту; 8, 9, 17 — Кавказ; 10, 11, 13–15 — Италия и Сицилия; 12 — Югославия» (по: Воронов 1983: рис. 2)

Fig. 2. Yu. N. Voronov's scheme "The evolution of fibulae of the second type. 1–5, 16 — Greece; 6 — Bogazkoey; 7 — Urtartu; 8, 9, 17 — Caucasus; 10, 11, 13–15 — Italy and Sicily; 12 — Yugoslavia" (after Воронов 1983: Fig. 2)

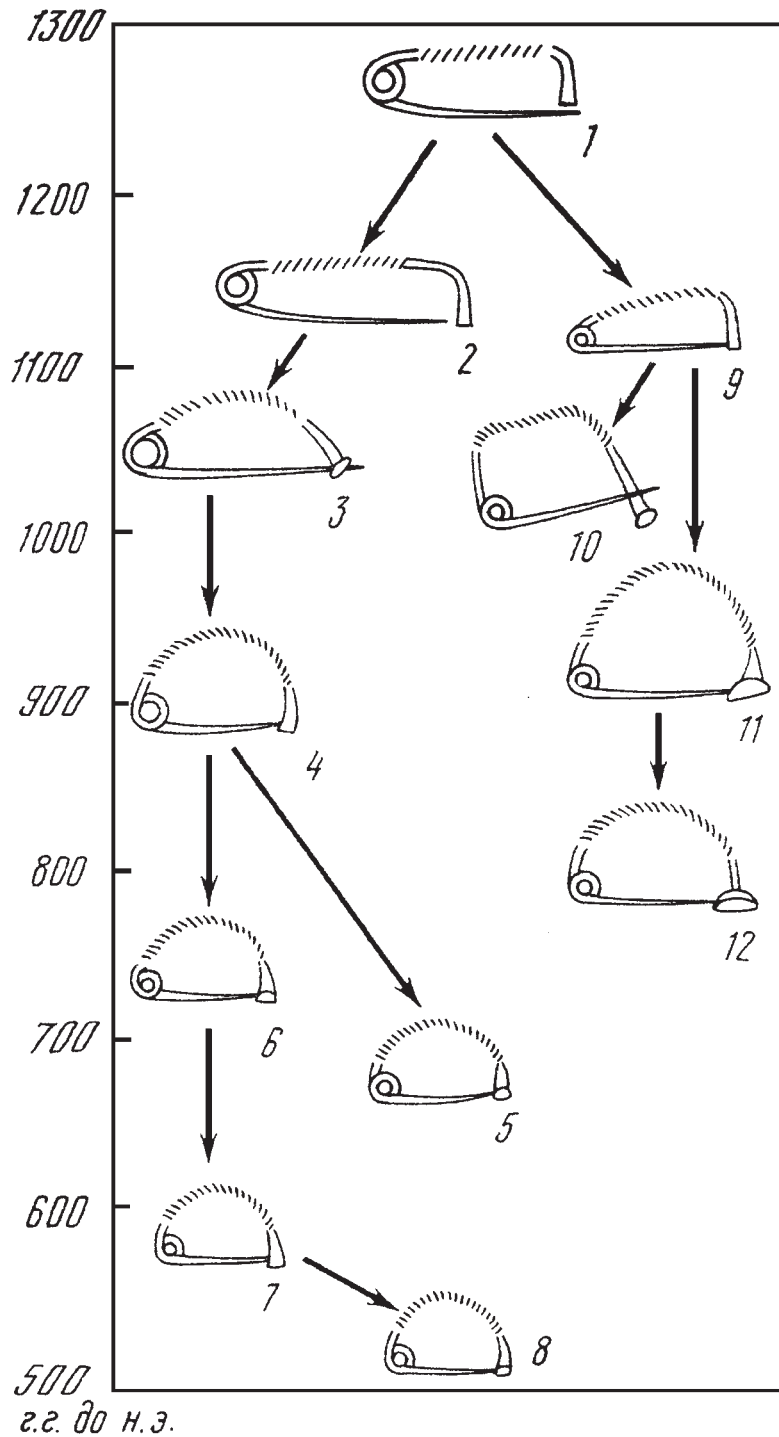

Рис. 3. Схема Ю. Н. Воронова «Эволюция фибул третьего типа. 1, 9–12 — Италия и Сицилия; 2–4 — Греция; 5 — Богазкей; 6–8 — Кавказ» (по: Воронов 1983: рис. 3)

Fig. 3. Yu. N. Voronov's scheme "The evolution of fibulae of the third type. 1, 9–12 — Italy and Sicily; 2–4 — Greece; 5 — Bogazkoy; 6–8 — Caucasus" (after Воронов 1983: Fig. 3)

фибулы — разные вещи, а все три основных типа кавказских фибул полностью соответствуют средиземноморским образцам IX–VIII вв. до нашей эры» (Материалы защиты... 2011: 277–278). Он считал, что «в генезисе кавказских дуговидных фибул основную роль сыграли европейские в первую очередь греческие и итальянские фибулы, образовавшие в VIII–VII вв. свой локальный северо-восточный вариант» (Воронов 1984: 5). Стоит отметить, что одним из важнейших путей проникновения фибул второго типа на Кавказ он посчитал Малую Азию, а там даты их появления, как указывал Ю. Н. Воронов, приходится на рубеж VIII–VII вв. до н. э. (Материалы защиты... 2011: 278). Исследователь «руководствовался не только данными европейских исследователей, но и подчеркнул в своей работе факт несоответствия ранних дат кавказских фибул дате покрывающего их узора, установленной Л. Н. Панцхава в рамках конца IX — начала VI вв. до нашей эры» (Там же). Соответственно, он пришел к выводу, что «эти фибулы не могут являться опорой для ранних датировок» (Там же).

Классификации Ю. Н. Воронова и современные представления (рис. 4, 5)

Анализируя существующие классификации дуговидных фибул Кавказа, А. Ю. Скаков (2008: 76) отнес типологическую схему Ю. Н. Воронова к одной из наиболее разработанных. Он поддержал предложенную им линию развития для фибул Тлийского могильника, отметив, что она в целом совпадает со схемой Б. В. Техова. За основу Ю. Н. Воронов принял характеристики дужек (или спинок) тлийских фибул: тонкая орнаментированная — утолщенная изогнутая в сочетании с широким орнаментированным приемником — тонкая неорнаментированная (Там же). Что касается хронологии, то А. Ю. Скаков справедливо заметил, что датировки фибул «основаны не на средиземноморских аналогиях, как это постулируется автором, а на представлениях самого Ю. Н. Воронова о хронологии Тли. Согласно Ю. Н. Воронову, фибулы проникают на Кавказ только в VIII в. до н. э. (Воронов 1983: 32), и именно этот постулат определяет все его последующие датировки» (Скаков 2008: 76).

Предложенную Ю. Н. Вороновым датировку ранних фибул на Кавказе в настоящее время поддерживает лишь приверженец поздних дат Н. Сулава. Она относит их появление в регионе к рубежу IX–VIII вв. до н. э., скорее к VIII в. до н. э., и указывает, что «среди содержащих фибулы кавказских комплексов ни один не может быть с уверенностью отнесен к рубежу II–I тысяч. до н. э.» (Сулава 2006: 97–98; 2012: 533; Sulava, 2011). Возражения против поздних датировок высказали А. Ю. Скаков (2008: 77) и автор статьи (Кашуба 2013: 177–178). В частности, мной было обращено внимание, что поздние даты (с разрывом в 150–200 лет) противоречат выводам самой Н. Сулава о морфологическом сходстве древнейших образцов кавказских фибул (типы I–II, по Сулава) с экземплярами из Эгейского мира и Южной Европы (Сулава 1999: 281; 2006: 98–100, 108–109).

Стоит отметить, что в начале 1980-х гг. в своих датировках ранних кавказских фибул Ю. Н. Воронов опирался на сравнительно хорошо тогда разработанную хронологию Эгеиды и материковой Греции. Найденные там ранние фибулы имели хронологический приоритет по сравнению со всеми подобными находками из других частей древней Европы. Да и комплексы с ранними фибулами из Подунавья и Карпатского бассейна датировались тогда моложе, чем средиземноморские. Это, безусловно, влияло на взгляды исследователей по вопросу происхождения

плаща/накидки и фибул для жесткого крепления распашной одежды наподобие древнегреческого пеплоса (см.: Teržan 1994: 445 ff.). Как известно, в те годы К. Кириан отстаивал исключительно греческое происхождение не только одеяния, но и фибул (Kilian 1985: 188 ff.), в свою очередь, В. Милойчич (Milojčić 1955: 162 ff.) и Б. Хэнзель (Hänsel 1980: 162) ратовали за «балкано-дунайское» происхождение. По современным данным ранние смычковые фибулы со спиральной спинкой в Подунавье и Карпатском бассейне датируются с XIII в. до н. э., то есть синхронно с экземплярами из Средиземноморья (см.: Pabst 2014: 83 ff.). Соответственно, ранние фибулы Средиземноморья *не имеют исключительного хронологического приоритета*, но остаются важными для синхронизации комплексов с ранними застежками из других областей древнего мира.

Современные данные по ранним кавказским фибулам не поддерживают поздние даты их появления на Кавказе, как это в свое время полагал Ю. Н. Воронов. Внутрикавказские параллели недавно рассмотрела В. И. Козенкова (2013: 60 сл.). Она удревнила датировки отдельных комплексов с дуговидными фибулами, в том числе погребение Тли-64 с фибулой первого типа, по Воронову, которое он относил к VIII — началу VII в. до н. э. (Воронов 1983: 29–30). Исследовательница пришла к выводу, что «ранний тип кобанских дуговидных фибул <...> появился <...> до рубежа II–I тысячелетий до н. э.» (Козенкова 2013: 62). О внекавказских параллелях речь пойдет ниже.

Что же остается из классификации и представлений Ю. Н. Воронова в современном изучении ранних кавказских фибул? Его классификация построена на ценных наблюдениях. Стоит отметить, что характер спинки (или дужки) — важный признак в построении типологии фибул, как это видно во многих классификациях по фибулам Средиземноморья, Балкан и древней Европы. На его основе исследователи выделяют локальные варианты (мастерские) и/или делают заключения по хронологии. Ю. Н. Воронов (1983: 32) также высказался об особом месте фибулы с прогнутой спинкой из Змейского поселения (рис. 1, 16). Он посчитал ее древнейшей из известных на Северном Кавказе, типологически не связанной с кавказскими фибулами и восходящей к сицилийским фибулам XII–X вв. до н. э.

Наиболее важен предложенный им подход, а именно рассмотрение кавказских (то есть региональных) экземпляров на широком фоне производства фибул в Греции, Эгеиде и Италии. Выстроенные Ю. Н. Вороновым типологические ряды не всегда убеждают, как это заметил А. Ю. Скаков (2008: 76), но по крайней мере они показывают общую картину распространения и развития древнейших фибул этого региона.

Именно в таком ключе — частное через общее — автор настоящей статьи проанализировал древнейшие смычковые фибулы из Северного Причерноморья, в том числе и фибулу из Змейского. Новая классификация была предложена для всех известных (опубликованных) простых смычковых фибул обширной территории —

Рис. 4. Межрегиональное сравнение простых односпиральных смычковых фибул (VBF I) юга Средней Европы, Южной и Юго-Восточной Европы, Северного Причерноморья и Северного Кавказа (по: Кашуба 2011: рис. 3)

Fig. 4. Interregional comparison of simple single-spiral bow fibulae (VBF I) from the south of Central Europe, South and Southeastern Europe, North Black Sea region, and North Caucasus (after Кашуба 2011: Fig. 3)

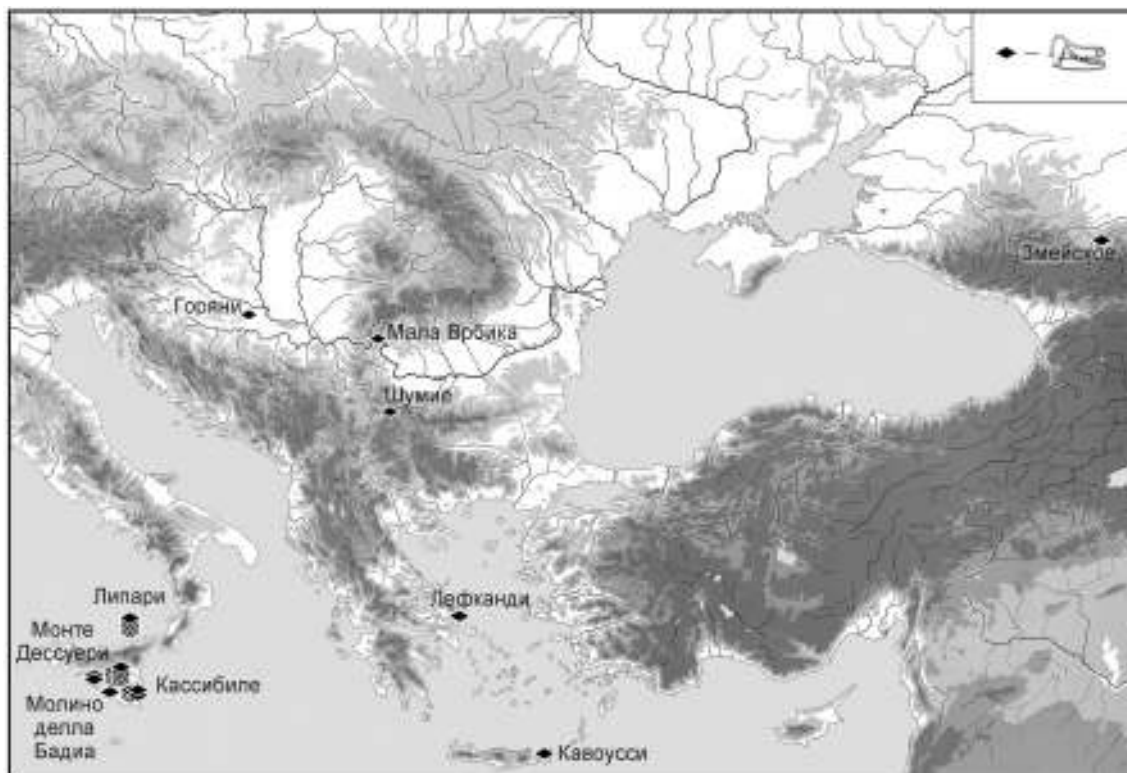

Рис. 5. Распространение простых односпиральных Smyчковых коленчатых фибул (типы VBF I.2.A и VBF I.2.B) на Сицилии, в Эгейском бассейне и на Северном Кавказе (фибулы — рис. 4) (по: Кашуба 2011: рис. 8)

Fig. 5. Distribution of simple single-spiral elbow-shaped bow fibulae (VBF I.2.A and VBF I.2.B) in Sicily, the Aegean basin and the North Caucasus (after Кашуба 2011: Fig. 8)

Средиземноморье, Балканы, юг Средней Европы, включая Черноморский бассейн. Согласно ей застежка из поселения Змейское относится к типу VBF I.2.A — Smyчковая односпиральная фибула с прогнутой спинкой (рис. 4). В Северном Причерноморье фибулы такой схемы отсутствовали, однако были обнаружены аналогии на востоке Сицилии и юге Италии (тип Панталича II), что позволило датировать фибулу из Змейского концом XI — не позднее X в. до н. э. (см.: Кашуба 2011: 64 сл., рис. 3; 8). Находка на том же Змейском поселении обломка второй фибулы (треугольная [?] с витой спинкой, тип VBF I.3.C) (Там же: рис. 1, 2б; 3) и картирование подобных находок в Средиземноморье свидетельствуют, что рассматриваемые фибулы (или одежда с ними) могли попасть на Северный Кавказ (рис. 5) морским путем из Средиземного в Черное море.

Здесь речь идет о внекавказских параллелях, согласно которым ранние фибулы на Кавказе датируются концом XI в. до н. э., а импортные фибулы попадали сюда еще в конце II тыс. до н. э. (см. также: Васильева, Кашуба 2017: 103–105). Если принимать такую дату, тогда находит объяснение морфологическое сходство древнейших кавказских фибул с образцами из Эгейского мира и Южной Европы. Принимая это во внимание, датировки ранних кавказских фибул не должны сильно запаздывать по сравнению с датами, принятыми для аналогичных ранних застежек Средиземноморья.

Можно заключить, что согласно современным данным время появления ранних фибул на Кавказе относится к более раннему периоду, чем полагал Ю. Н. Воронов. Однако в изучении ранних кавказских фибул не теряют своей важности сделанная им классификация, ценные наблюдения и, особенно, его подход, когда кавказские экземпляры рассматриваются на широком фоне производства древнейших фибул в Средиземноморье (Греции, Эгеиде, Италии).

Литература

Васильева, Кашуба 2017 — *Васильева Е. Е., Кашуба М. Т.* Разыскания по двум кавказским фибулам раннего железного века // ЗИИМК РАН. 2017. № 16. С. 92–110.

Воронов 1983 — *Воронов Ю. Н.* Кавказские дуговидные фибулы раннежелезной эпохи // КСИИМК. 1983. Вып. 176. С. 29–33.

Воронов 1984 — *Воронов Ю. Н.* Восточное Причерноморье в железном веке (Вопросы хронологии и интерпретации памятников VIII в. до н. э. — VIII в. н. э.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1984. 37 с.

Кашуба 2011 — *Кашуба М. Т.* Ранняя фибула из поселения кобанской культуры Змейское и северопонтийские смычковые фибулы XI–X вв. до н. э. // Мамаев Х. М. (отв. ред.). Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный; М.: ИА РАН; Институт гуманитарных исследований АН Чеченской Республики, 2011. С. 64–81.

Кашуба 2013 — *Кашуба М. Т.* Находки эгейских деталей костюма в Северо-Западном Причерноморье в свете проблемы происхождения фибул на Кавказе // Марченко И. И. (отв. ред.). Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: Материалы конф. Краснодар: НИИ археологии Кубанского ГУ; Экоинвест, 2013. С. 174–180.

Кашуба 2016 — *Кашуба М. Т.* Ранние фибулы Кавказа — исследования продолжаются // Багаев М. Х., Мамаев Х. М. (отв. ред.). Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа: XXIX Крупновские чтения: ММНК, Грозный, 18–21 апреля 2016 г. Грозный: Изд-во Чеченского ГУ, 2016. С. 88–89.

Козенкова 2013 — *Козенкова В. И.* Кобанская культура и окружающий мир (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде). М.: Таус, 2013. 252 с.

Материалы защиты... 2011 — Материалы защиты Ю. Н. Вороновым диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук (подготовлено к печати А. Ю. Скаковым и В. Н. Чхаидзе) // Скаков А. Ю. (отв. ред.). Проблемы археологии Кавказа (К 70-летию Ю. Н. Воронова): Сб. ММНК, посвящ. 70-летию Ю. Н. Воронова (10–11 мая 2011 г., г. Сухум). Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АН Абхазии, 2011. С. 202–298.

Скаков 2008 — *Скаков А.* Фибулы древней Колхиды: происхождение, типология, хронология // *Revista Arheologică*, sn. Chişinău, 2008. Vol. 4, nr. 2. С. 74–99.

Сулава 1999 — *Сулава Н.* Фибула a navicella, найденная на Черноморском побережье Грузии // Вахтина М. Ю. и др. (ред.). Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира: ММНК. Декабрь 1999. СПб.: Центр исследования и развития греческой культуры Причерноморья (Салоники, Греция) и др., 1999. С. 280–281.

Сулава 2006 — *Сулава Н.* Кавказские фибулы (типология, хронология, генезис): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 2006. 65 с. (на груз. и рус. яз.).

Сулава 2012 — Сулава Н. О. В поисках Медеи. Комментарии // Российский археологический ежегодник. 2012. № 2. С. 528–540.

Blinkenberg 1926 — *Blinkenberg Chr.* Fibules grecques et orientales [Lindiaka V]. København: Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab, 1926. 312 p. (Historisk-filologiske meddelelser. 13/1).

Hänsel 1980 — *Hänsel B.* Bespr. von K. Kilian, Fibeln in Thessalien von der mykenischen bis zur archaischen Zeit. PBF XIV, Bd 2. München, 1975. 233 S., 99 Taf. und von E. Sapouna-Sakellarakis, Die Fibeln der griechischen Inseln. PBF XIV, Bd 4. München, 1978. 150 S., 56 Taf. // PZ. 1980. Bd 55. S. 160–162.

Kašuba 2008 — *Kašuba M.* Die ältesten Fibeln im Nordpontus. Versuch einer Typologie der einfachen Violinbogenfibeln im südlichen Mittel-, Süd- und Südosteuropa // *Eurasia Antiqua*. Berlin, 2008. Bd 14. S. 193–231.

Kilian 1985 — *Kilian K.* Violinbogenfibeln und Blattbügelfibeln des griechischen Festlandes aus mykenischer Zeit // PZ. 1985. Bd 60. S. 145–203.

Milojčić 1955 — *Milojčić V.* Einge «mitteleuropäische» Fremdlinge auf Kreta // *Jahrb. RGZM*. 1955. Bd 2. S. 153–169.

Pabst 2014 — *Pabst S.* Der Beginn der Fibeltracht im Karpatenbecken und das Verhältnis der BzD/HaA1-Zeitlichen Hortfundhorizonte // Ložnjak Dizdar D., Dizdar M. (eds.). *The Beginning of the Late Age between the Eastern Alps and the Danube. Proceedings of the International conference in Osijek, October 20–22, 2011.* Zagreb: Institut za arheologiju, 2014. S. 83–99 (Zbornik institute za arheologiju. Kn. 1).

Sulava 2011 — *Sulava N.* The Caucasian Fibulae (Typology, chronology, genesis). Tbilisi: Georgian National Museum; Otar Lorkipanidze Centre of Archaeology, 2011. 341 p. (на груз. и англ. яз.).

Teržan 1994 — *Teržan B.* Fibel und Fibeltracht, D. Bronzezeit und ältere Eisenzeit im ö. Mitteleuropa, Beziehungen zum Mittelmeergebiet // Jankuhn H., Beck H. u. a. (Hrsg.). *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde.* Berlin u. a.: De Gruyter, 1994. Bd 8. S. 445–456.

EARLY CAUCASIAN FIBULAE IN YU. N. VORONOV'S WORKS

M. T. KASHUBA

Keywords: *Caucasus, Late Bronze Age, Early Iron Age, fibulae, Yu. N. Voronov, classification.*

The paper deals with the early Caucasian fibulae. According to preliminary counts, there are over 1000 fibulae dating from the time interval between the late 2nd and the middle 1st millennium BC. The simple arched fibula and its various modifications became widespread in the Caucasus. Most researchers adhere to the opinion that the fibula and/or the idea of fibula was of non-Caucasian origin. The available evidence on the chronology of Mediterranean, Danubian and Carpathian assemblages with early fibulae suggests their convergent appearance in different regions. In connection with this, both Yu. N. Voronov's classification scheme and his approach, according to which the Caucasian examples are considered against the background of early fibula production in Greece, Aegean world and Italy, do not lose their relevance. However, in the light of modern chronology the appearance of early fibulae in the Caucasus should be dated to an earlier period than it was thought by Yu. N. Voronov.

К ТЕОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ СКИФО-СИБИРСКОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Д. Г. САВИНОВ¹

Ключевые слова: скифская культура, происхождение, раннескифский культурный комплекс, хронология, предметы вооружения, снаряжение верхового коня, звериный стиль, культурный круг.

Проблема формирования скифо-сибирского культурного пространства до сих пор не имеет однозначного решения. В качестве одной из гипотез автор предлагает следующую реконструкцию. Происхождение раннескифского культурного комплекса связано с глубинными районами Центральной Азии и Северного Китая, где имеются типологические предшественники большинства составляющих его элементов. Распространение сложившегося раннескифского культурного комплекса рассматривается в русле теории «культурных кругов». Выделяются десять культурных кругов со своими процессами культурогенеза: три большие (центральноазиатский, казахстанский, причерноморский) и семь отраженные от них малые. При движении с востока на запад общий период их формирования охватывает 120–150 лет истории степной Евразии. Носителем основных элементов раннескифского культурного комплекса и, соответственно, знаменитой «скифской триады» (при сохранении местных особенностей антропологического типа, керамики, погребального обряда и прочее) были отряды вооруженных всадников, что обусловило существование ряда культур скифского типа, заполнивших единое скифо-сибирское культурное пространство.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-19-91-102

«Скифский мир», «скифо-сибирский мир», «скифо-сакский мир», «скифо-сибирское культурно-историческое единство» — общеизвестные понятия, определяющие удивительное культурно-историческое явление в истории древнего населения Евразии, положившее начало степной цивилизации. Несмотря на длительный период изучения, с познанием «скифского» культурогенеза связано еще много нерешенных вопросов. Важнейшие из них — определение истоков раннескифского культурного комплекса и особенности формирования скифо-сибирского культурного пространства, протянувшегося от западных провинций Китая до восточных отрогов Балкан. Историография «скифской» проблемы чрезвычайно обширна (исследования М. И. Артамонова, Б. Н. Гракова, Д. С. Раевского, И. В. Яценко, Н. Л. Членовой, М. П. Грязнова, Р. Б. Исмаилова, Л. Т. Яблонского, В. Р. Эрлиха, В. Ю. Мурзина,

¹ Кафедра археологии, Институт истории, СПбГУ, 190034, Санкт-Петербург, Россия.

А. И. Тереножкина, В. А. Ильинской, А. И. Мартынова, Г. Н. Курочкина и др.) и требует отдельного рассмотрения, что не входит в рамки настоящей работы.

Происхождение раннескифского культурного комплекса (далее — РСКК) обычно сводится к поискам истоков так называемой скифской триады, включающей определенные виды предметов вооружения (в первую очередь акинаки и характерные типы наконечников стрел); определенные формы предметов снаряжения верхового коня (в первую очередь удила со стремявидными окончаниями и стержневые псалии); изображения скифо-сибирского звериного стиля с присущими для его ранних образцов особенностями. Позже к ним добавились зеркала «с бортиком» и котлы «скифского типа». Однако общая картина от этого не изменилась: ни в одной культуре предшествующего времени типологических предшественников подобного рода изделий «в полном наборе» до сих пор не обнаружено.

Предложенные варианты решения данной проблемы можно рассматривать с моноцентрической и полицентрической точек зрения. Моноцентрических точек зрения (или теорий) две — переднеазиатская и центральноазиатская. Та и другая исходят из неясного указания Геродота о том, что скифы — это народ, который «пришел из Азии»; при этом какая именно часть Азии имеется в виду, не уточняется. Согласно переднеазиатской теории, во время пребывания на Ближнем Востоке (по данным письменных источников, с 684 г. до н. э. — первое появление на границах Урарту; до 585 г. до н. э. — изгнание из Малой Азии) скифы заимствовали из ближневосточной изобразительной традиции изображения животных, которые здесь (в надгробных барельефах, на печатях и предметах торевтики) давно были известны. После возвращения на родину, в Причерноморье, они приспособили воспринятые из переднеазиатского искусства зооморфные образы к своему степному образу жизни и «по-своему» мифологизировали их в соответствии с уже сложившимися представлениями. О переднеазиатских истоках других компонентов РСКК в данном случае речь не идет.

Согласно центральноазиатской теории, искусство звериного стиля зародилось в глубинах Центральной Азии в среде местных кочевых племен значительно раньше, чем их потомки оказались в Передней Азии. Это подтверждают материалы известных в настоящее время в Центральной Азии археологических памятников с их значительно более ранними датировками (вплоть до рубежа IX–VIII вв. до н. э.). Отсюда происходят и другие компоненты «скифской триады» (бронзовые акинаки и предметы снаряжения верхового коня), что делает эту теорию наиболее убедительной.

Согласно полицентрической теории, представляющей, пожалуй, в нашей литературе последний пример формационного взгляда на историю, появление РСКК было связано с эпохальными изменениями в обществе. А именно переходом к полукочевому скотоводству, вызвавшему коренную ломку всей системы социально-экономических отношений и всеобщую «милитаризацию», когда, по словам Ф. Энгельса, «каждый мужчина в племени был воином». В свою очередь, это обусловило создание новой идеологии, следствием чего стало появление героического эпоса и соответствующего эпохе звериного стиля с его культом силы (хищный зверь), сценами борьбы и терзания зверей и т. д. Происходило это, согласно полицентрической теории, повсеместно, в разных культурных областях и археологически неуловимо.

Ни одна из данных точек зрения не опровергает другую, так как строится на разных основаниях. Создается впечатление их параллельного движения к одной цели при разных отправных точках. Это объясняется тем, что феномен скифо-

сибирского звериного стиля (а именно о нем, в первую очередь, идет речь) — очень сложное и разновременное явление. Каждая из названных теорий, по сути, фиксирует определенный этап в истории его сложения: центральноазиатская — возникновения; переднеазиатская — оформления; полицентрическая — широкого распространения. В каждой из них есть свои сильные (позитивная аргументация) и слабые стороны, на которые хотелось бы обратить внимание.

Наиболее уязвима с этой точки зрения переднеазиатская теория. Во-первых, согласно ей «отрывается» вопрос о происхождении звериного стиля от двух других компонентов «скифской триады» (оружие и снаряжение верхового коня), не имеющих никакого отношения к Передней Азии. Во-вторых, здесь излишне жестко определена зависимость между событиями политической истории, связанными с периодом пребывания скифов в Передней Азии, и культурогенезом. А это отнюдь не одно и то же. Отсюда неоправданное омоложение начального этапа звериного стиля, что входит в явное противоречие с более ранними датировками по находкам в археологических комплексах, особенно при распространении на Восток.

Центральноазиатская теория снимает все эти противоречия (в самом раннем памятнике здесь — кургане Аржан-1 — уже представлены все компоненты сложившейся «скифской триады»), но именно в силу своих бесспорных доказательств отличается излишней декларативностью. Хотя как истоки всех компонентов РСКК, так и механизм трансляции их на столь далекие расстояния остаются окончательно не выясненными.

Полицентрическая теория как бы намеренно (и это ее наиболее слабое место) отказывается от решения данного вопроса. Так получилось, что практически одновременно в двух весьма удаленных друг от друга местах Великой степи — на севере Центральной Азии, в Туве (курган Аржан-1, раскопки 1971–1974 гг.) и на Дунае, в Болгарии (курган Белоградзец, раскопки 1972–1974 гг.) — были открыты два самых ранних элитных погребения кочевых «вождей». При совпадении основных категорий предметов сопроводительного инвентаря (оружие, конская упряжь) в самих типах изделий и характере их декорирования было очень мало общего; кроме того, в Белоградце, как и во всех других «киммерийских» древностях, вообще нет изображений звериного стиля. Пожалуй, единственное, что их объединяет, — это весьма специфические украшения конской узды, сделанные из поперечных спилов клыков кабана, возможно, форма наконечников стрел, но она вообще имела в это время всеобщее распространение.

Между тем каждое культурное явление имеет место своего исхода, дальнейшие условия формирования и распространения. Тем более, когда речь идет не об отдельных культурных элементах, а о взаимосвязанном сочетании их в одном культурном комплексе, каким является РСКК, скорее всего, имевшем не спонтанное, а исторически обусловленное появление. При этом следует иметь в виду два аспекта рассмотрения данной проблемы. Первый — четкое представление, о какой сфере культуры идет речь; второй — как и в каком направлении искомые компоненты РСКК распределяются хронологически, то есть время самой возможности передачи тех или иных культурных традиций.

Любая археологическая культура, начиная с эпохи поздней древности, состоит из трех основных составляющих ее блоков: хозяйственно-бытового, ранжированного и элитарного. Факторы их образования различны и лежат в разных сферах взаимоотношений человека, природы и общества: первый — в географической,

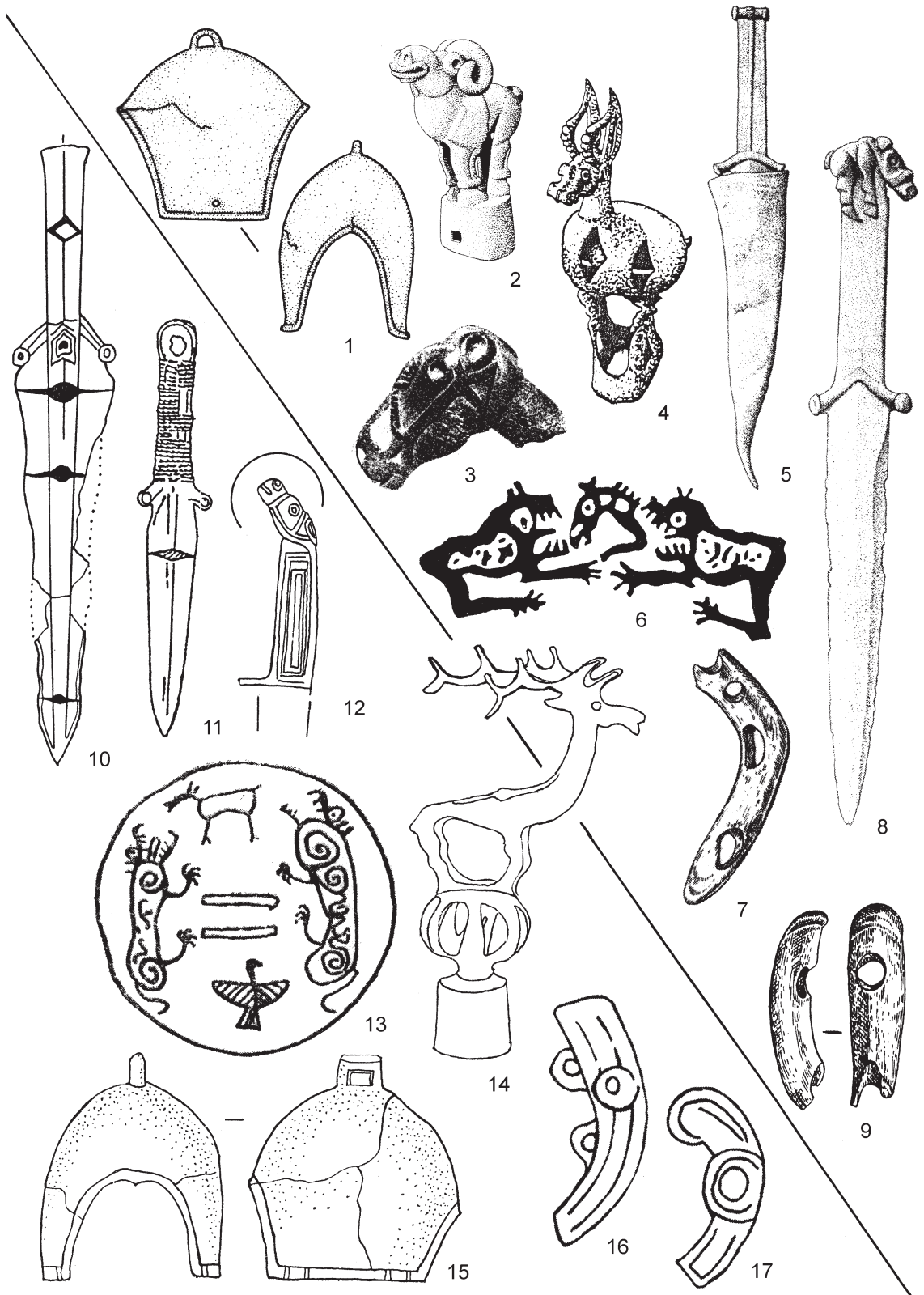
второй — в социальной, третий — в политической. Все компоненты РСКК (оружие, снаряжение верхового коня, звериный стиль и др.) относятся к ранжированному блоку культуры, то есть принадлежат классу людей, занимавших определенное социальное положение. Это атрибуты не этноса, не какой-то одной культурной традиции или эпохальной «моды», а профессиональные принадлежности конных воинов — завоевателей жизненного пространства.

Данное обстоятельство объясняет, почему до сих пор не удается найти непосредственных предшественников РСКК, исходя из обычных представлений о преемственности культурных комплексов. Никак не подтверждается и идея о существовании так называемого скрытого (еще не найденного или не выделенного) начального этапа раннескифского культурного комплекса. Скорее всего, такой предшествующей «протоскифской» культуры просто нет. Как будет показано ниже, РСКК, классическим выражением которого стала «скифская триада», сформировался на определенном историческом этапе из разных компонентов, каждый из которых имеет свой генезис. Значительную роль при этом, несомненно, сыграло соседство Древнекитайской цивилизации (в период сложения РСКК — эпоха Западного Чжоу). Некоторое представление об этом дает сравнительная таблица материалов РСКК и культуры чжоуского Китая (рис. 1).

Типологически самые ранние кинжалы-акинаки с перекрестием «усиками», типа найденных в кургане Аржан-1 (рис. 1, 5, 6), а также в виде случайных находок в Минусинской котловине и в Туве, воспроизводят форму китайских кинжалов эпохи Западного Чжоу, с такими же перекрестиями-«усиками», где они, в свою очередь, имели более глубокую древность (рис. 1, 10, 11). Самые ранние псалии с отверстиями, расположенными в разных плоскостях, появляются одновременно в трех не связанных друг с другом местах: костяные прямые — на юге Западной Сибири (ирменская культура); костяные изогнутые и коленчатые — в Южной Сибири, поздний этап карасукской культуры (рис. 1, 8, 9); бронзовые коленчатые — в Китае, эпоха Западного Чжоу (рис. 1, 16, 17). Учитывая, что освоение верхового коня, как и сложение всего скотоводческого комплекса, было связано с горно-степными

Рис. 1. Сравнительная таблица материалов раннескифского времени Центральной Азии и Южной Сибири (1–9) и чжоуского Китая, эпоха поздней бронзы (10–17): 1 — Монголия (по: Худяков, Эрдэнэ-Очир 2010); 2, 3, 5, 7 — Тува, Аржан-1 (по: Грязнов 1980); 4 — Прибайкалье, Корсуковский клад (по: Зуев, Исмагилов 1995); 6 — Монголия, Ушкийн-Увэр, олений камень (по: Волков 2002); 8, 9 — Хакасия, Торгажак (по: Савинов 1996); 10, 11 — китайские кинжалы с «усиками» (по: Комиссаров 1988); 12 — чжоуский нож с навершием-головкой лошади (по: Членова 1967); 13 — зеркало из Шаньцуньлина (по: Варёнов 1985); 14 — бронзовое навершие из Юлиньфу, провинция Шэньси (по: Ростовцев 1925); 15 — чжоуские шлемы «кубанского типа»; 16, 17 — бронзовые чжоуские псалии (15–17 — по: Комиссаров 1988)

Fig. 1. Comparative table of early Scythian materials from Central Asia and South Siberia (1–9), Zhou China, Bronze Age (10–17): 1 — Mongolia (after Худяков, Эрдэнэ-Очир 2010); 2, 3, 5, 7 — Tuva, Arzhan-1 (after Грязнов 1980); 4 — Baikal region, Korsukovo hoard (after Зуев, Исмагилов 1995); 6 — Mongolia, Ushkin Uver, deer stone (after Волков 2002); 8, 9 — Khakassia, Torgazhak (after Савинов 1996); 10, 11 — Chinese daggers with «barbs» (after Комиссаров 1988); 12 — Zhou knife with a finial in the form of a horse head (after Членова 1967); 13 — mirror from Shansongling (after: Варёнов 1985); 14 — bronze finial from Yulinfu, Shaanxi province (after Ростовцев 1925); 15 — Zhou helmets of the «Kuban type»; 16, 17 — Zhou cheek-pieces of bronze (15–17 — after Комиссаров 1988)

районами Центральной Азии, можно предполагать, что первичный очаг появления соответствующих приспособлений находился именно здесь. Отсюда происходило их дальнейшее распространение: от центральноазиатских к чжоуским, а не наоборот.

Репертуар образов раннего этапа звериного стиля, по-видимому, складывался из разных компонентов, из которых наиболее «узнаваемы» карасукский (зооморфные навершия ножей и кинжалов); сейминско-турбинский (произведения сейминской металлургии, в том числе художественно оформленные изделия, проникающие далеко на восток); условно китайский (чжоуский) — отдельные изображения стоящих животных, в том числе и на прорезных навершиях-втулках (рис. 1, 14), такие же, как на памятниках раннескифского времени (рис. 1, 2, 4) (подробнее об этом см.: Савинов 2017).

Можно привести аналогичные сопоставления и других элементов РСКК и археологических материалов эпохи Западного Чжоу. Так, чжоуские бронзовые шлемы с «петелькой» (рис. 1, 15) проникают далеко на запад, где уже получили (по находкам в Келермесских курганах) название шлемов «кубанского типа». На промежуточных территориях такие же шлемы найдены на Алтае, в Забайкалье, в Монголии (рис. 1, 1) и считаются одним из показательных индикаторов распространения элементов РСКК с востока на запад. Сцена жертвоприношения лошади с изображением двух хищников на зеркале из Шаньцуньлина (рис. 1, 13) повторяется на оленном камне из Ушкийн-Увэра, Монголия (рис. 1, 6). Изображение головки взнузданной лошади на навершии одного из ножей эпохи Западного Чжоу (рис. 1, 12) почти буквально соответствует резной головке взнузданной лошади (навершие псаля?) из кургана Аржан-1 (рис. 1, 3). Эти и другие возможные параллели ни в коем случае не означают происхождения РСКК из традиций Западного Чжоу, но являются важным свидетельством его формирования в тесном взаимодействии с культурным наследием Древнего Китая, наряду с другими инновациями, по-своему воспринятыми и переработанными в среде соседних кочевых племен.

Скорее всего, контаминация компонентов «скифской триады» и других составляющих РСКК, каждый из которых представлял особенно яркое и социально значимое явление в своей культуре, привела к единовременному (в археологическом значении этого слова) их симбиозу в виде ранжированного блока культуры, без какого-либо предшествующего генезиса в целом. Судя по масштабам курганов Аржан-1 и Аржан-2 (и всей «Долины Царей» — своего рода Герроса у подножия Западных Саян), к началу VIII в. до н. э. в глубинах Центральной Азии сложилось мощное объединение кочевых племен, культурно-знаковым выражением и эталоном которого стала «скифская триада».

В общих чертах можно представить и тот исторический контекст, с которого начался великий исход кочевников Центральной Азии, носителей «скифской триады», на запад. Согласно сведениям письменных источников, в 770 г. до н. э. под ударами кочевников, пришедших с северо-запада, пала династия Западного Чжоу. В источниках эти кочевники названы горными *жунами*. Государство Западного Чжоу было довольно «рыхлым» образованием, наподобие Хеттской державы, и пало под ударами сильного и хорошо организованного противника. Трудно сказать, откуда точно могли прийти эти кочевники, но вектор их движения указан достаточно определенно: с северо-запада, то есть со стороны Центральной Азии, где и открыты самые ранние памятники носителей «скифской триады». Аналогичным образом начиналась история всех будущих кочевых империй (хунну, древние тюрки,

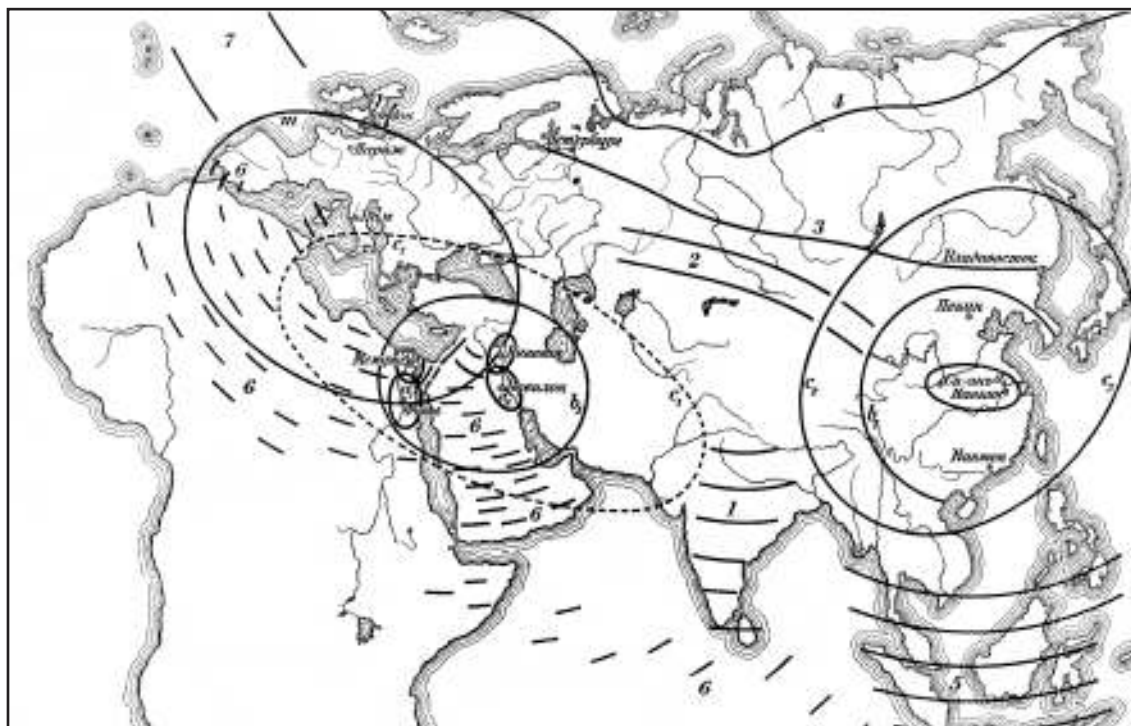

Рис. 2. Культурные круги Евразии эпохи цивилизаций (по: Богораз-Тан 1928: рис. 7)

Fig. 2. Eurasian cultural circles in the Epoch of Civilizations (after Богораз-Тан 1928: Fig. 7)

монголы): сначала для обеспечения прочного «тыла» — завоевание или нейтрализация Китая, затем широкая экспансия на запад.

По вопросу освоения скифо-сибирского культурного пространства существуют разные точки зрения. Однако вряд ли оно носило характер кратковременного — «кавалерийского» — похода, в результате которого скифы появились на северных рубежах Ассирии. Столь же маловероятна миграция крупных масс населения, поскольку развитие культур скифского типа в это же время на Востоке не прерывалось. Каждая культура скифского типа, образовавшаяся на этом культурном пространстве, сохраняла свой хозяйственно-бытовой облик, особенности антропологического типа, своеобразные формы керамики. Единый (или сходный) облик им придают, главным образом, компоненты «скифской триады», выходящие за ареалы отдельных археологических культур и создающие видимость «единства» скифо-сибирского мира. На самом деле это главным образом касается только блока ранжированной (воинской) субкультуры и, в меньшей степени, особенностей погребального обряда, охвативших столь обширные территории.

С методической точки зрения подобная динамика распространения единого в своей основе культурного комплекса более всего соответствует идеям диффузионизма, точнее — теории «культурных кругов» в ее историческом контексте. Согласно этой теории в каждом культурном круге имеются генерирующий центр и периферия; внутри более крупных кругов выделяются один или несколько более мелких кругов; на местах их наложения друг на друга образуются контактные зоны; общая последовательность образования культурных кругов отражает динамику стоящих за этим культурно-исторических процессов.

«Скифская триада», как и некоторые другие культурные элементы, могли распространяться подобным образом в определенном социальном слое, скорее всего, вместе с носителями РСКК на очень дальние расстояния. Побудительными мотивами такого распространения могли быть освоение новых пастбищ, война, последовательная смена центров социального доминирования (ставок), захват культурных ценностей, заимствование лучших форм оснащения армии и др. Вместе с отрядами этих конных воинов, естественно, распространялись свойственные им атрибуты и образы, которые затем воспроизводились в русле местных традиций. Этим объясняется как единообразие, так и удивительная вариативность всего предметного и образного мира культур скифского типа. Кочевое скотоводство со всеми реалиями такого образа жизни и общая подвижность населения создавали для этого наиболее благоприятные условия.

Для построения хотя бы приблизительной схемы культурных кругов освоения скифо-сибирского культурного пространства можно воспользоваться замечательной книгой В. Г. Богораза «Распространение культуры на Земле. Основы этногеографии» (изложение университетского курса 1927–1928 гг.) (Богораз-Тан 1928), в которой приведены карты подобного рода для разных исторических периодов и географических зон. Обращает на себя внимание, что на карте древних цивилизаций, где выделяются два основных культурных круга: античный (средиземноморский) и дальневосточный (китайский), — остается «незаполненным» разделяющее их степное пространство, то есть тогда еще не познанный «скифо-сибирский мир» (рис. 2).

Очерчивая круги со «скифской» культурной традицией в их исторической последовательности, можно представить их следующим образом. Всего на скифо-сибирском пространстве выделяются три больших культурных круга: центрально-азиатский (I), казахстанский (II) и причерноморский (III) (рис. 3). Эпицентром центральноазиатского культурного круга было Саяно-Алтае-Хангайское нагорье (1), производным от которого были три «малых» круга: восточнотуркестанский (1), Синьцзянский (2), енисейский, Минусинская котловина (3) и горноалтайский (4) с выходом в Восточный Казахстан (5). Отсюда следовал «выплеск» на Тянь-Шань. Восточно-казахстанский круг, в свою очередь, сливается с центральноказахстанским, тасмолинская культура (6), на западе граничащим с савроматским (7). На территории собственно Скифии (большой причерноморский круг) выделяются несколько «малых» кругов: самый ранний — северокавказский (8) и два относительно более поздних — степной (9) и лесостепной (10). От кавказского «плацдарма» происходит «выплеск» на юг, в сторону Передней Азии, образование круга (11). Из степной Скифии — «выплеск» на запад, на Балканы — образование скифо-фракийского круга (12). Таким образом, всего 12 культурных кругов, охватывающих всю территорию скифо-сибирского культурного пространства. Внутри каждого культурного круга и особенно в контактных зонах могли действовать свои механизмы передачи культурных ценностей, обеспечивающие в целом преемственность культурогенеза.

Какое время могло потребоваться для «заполнения» этого культурного пространства? Речь идет только о периоде скифской архаики (от Аржана-1 до Келермеса), то есть время сложения раннескифского культурного субстрата, на основе которого затем сложился ряд локальных археологических культур, имеющих более «длинную» хронологию. Традиционная датировка раннескифского времени — VII–VI вв. до н. э. — сейчас значительно углубилась (до первой половины VIII в. до н. э.) благодаря открытию ранних памятников со «скифской триадой» в восточном ареале

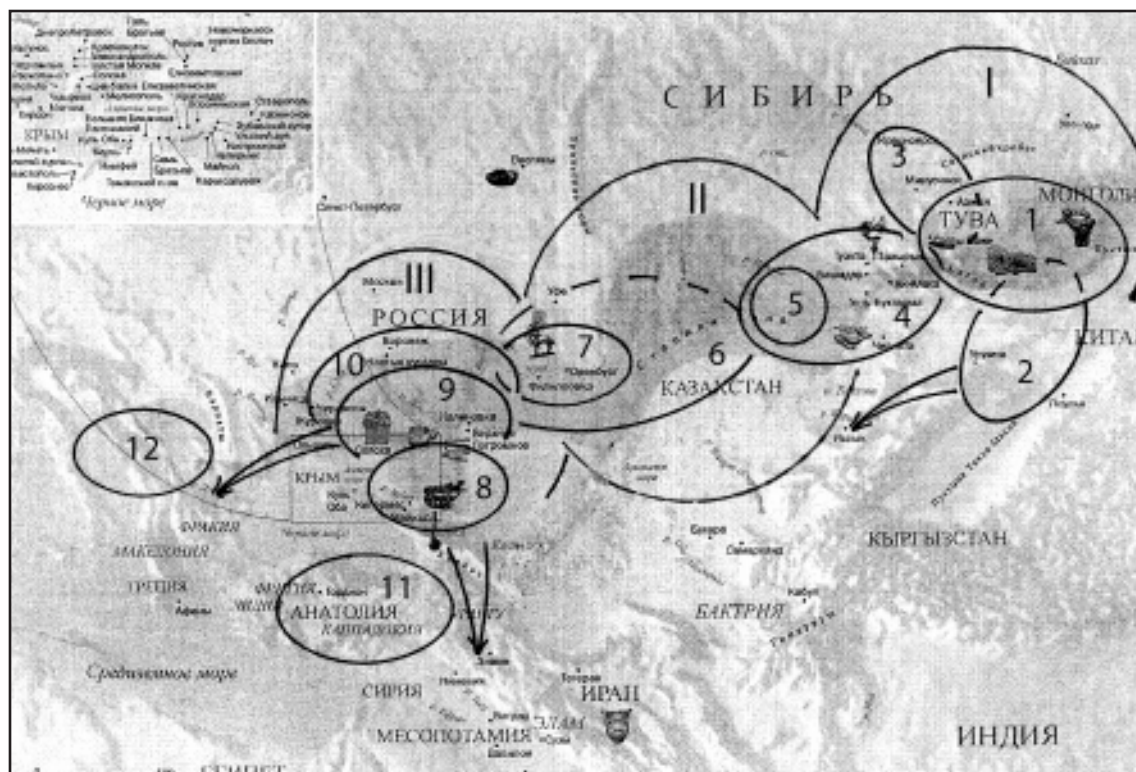

Рис. 3. Культурные круги раннескифского времени, отражающие распространение раннескифского культурного комплекса. Большие круги: I — центральноазиатский, II — казахстанский, III — причерноморский. «Малые» круги: 1 — алтае-саяно-хангайский; 2 — восточнотуркестанский; 3 — енисейский; 4 — горноалтайский; 5 — восточноказахстанский; 6 — центральноказахстанский; 7 — савроматский; 8 — северокавказский; 9 — скифский степной; 10 — скифский лесостепной; 11 — переднеазиатский; 12 — скифо-фракийский

Fig. 3. Cultural circles of the Early Scythian time, reflecting the spreading of the Early Scythian cultural complex. Big circles: I — Central Asian, II — Kazakhstan, III — Pontic. «Small» circles: 1 — Altay-Sayan-Khangai; 2 — East Turkestan; 3 — Yenisei; 4 — Mountain Altay; 5 — East Kazakhstan; 6 — Central Kazakhstan; 7 — Savromatian; 8 — North Caucasian; 9 — Steppe Scythian; 10 — Forest-steppe Scythian; 11 — West Asian; 12 — Scythian-Thracian

Евразийских степей. Используя при этом содержащиеся в письменных источниках даты основных исторических событий, можно представить хронологическое соотношение в этом процессе некоторых наиболее известных археологических памятников.

Опорными датами могут служить (здесь и далее по: Евразия в скифскую эпоху... 2005): на востоке — датировка кургана Аржан-1 в Туве, рубеж IX–VIII вв. до н. э., или 810–770 гг. до н. э.; на западе — датировка Келермесской группы курганов, третья четверть VII в. до н. э., или 660–640 гг. до н. э. (Галанина 1997). Последняя дата на одном хронологическом срезе соответствует времени сооружения кургана Аржан-2 — середина VII в. до н. э. Таким образом, общее время распространения РСКК составляет от 120 до 150 лет, то есть на памяти четырех-пяти поколений (с учетом «скользящей» хронологии по мере заполнения этого культурного пространства) (рис. 4). На этом пути располагается ряд других известных памятников

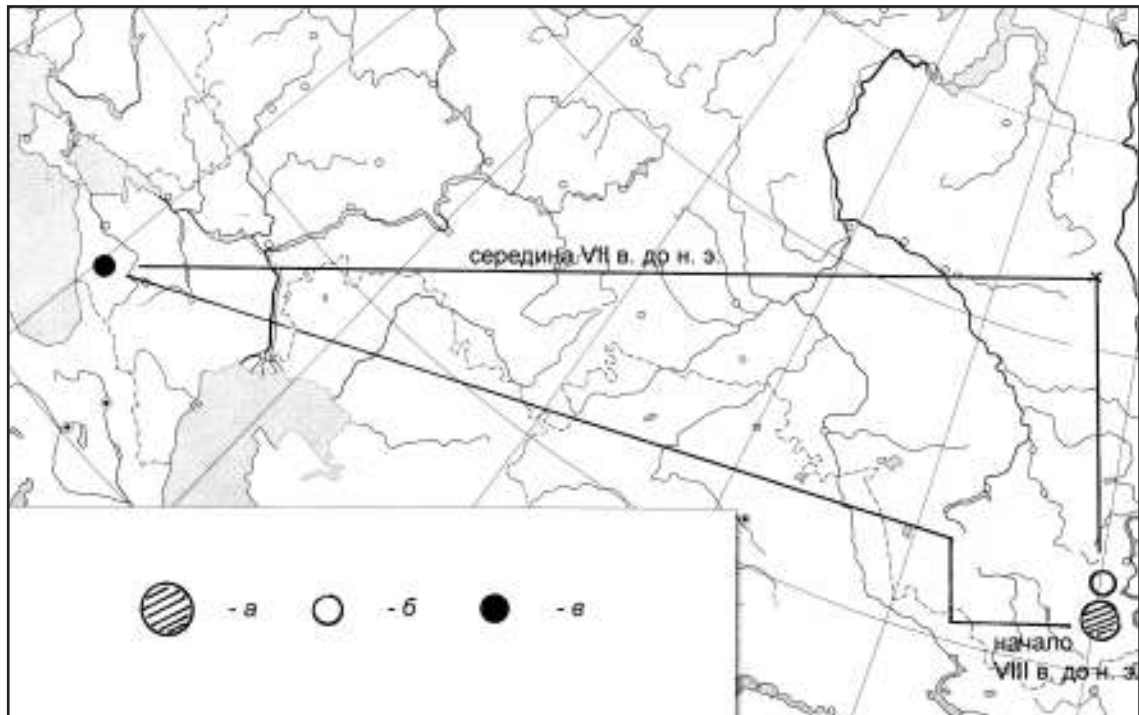

Рис. 4. Хронологическое «заполнение» скифо-сибирского культурного пространства (от Аржана-1 до Келермеса): а — Аржан-1, б — Аржан-2, в — Келермес

Fig. 4. Chronological «fill» of the Scythian-Siberian cultural space (from Arzhan-1 to Kelermes): а — Arzhan-1, б — Arzhan-2, в — Kelermes

раннескифского времени, относительно одновременных в рамках одного культурного пласта, — Чиликты, Уйгарак, Гумарово и др.

Не исключено, что о тех же событиях рассказывается в «Аримаспейе» (несохранившейся поэме Аристея, сейчас датируемой серединой VII в. до н. э.): жившие на краю света у Рипейских гор (по всей вероятности, горная система Алтая) воинственные аримаспы напали на исседонов; исседоны вытеснили скифов; скифы ушли в киммерийскую землю. В результате (уже по ассиро-вавилонской традиции) сначала гиммири (киммерийцы) в 714 г. до н. э., а затем ашкуза (скифы) в 679 г. до н. э. оказались в северных пределах Ассирии. Считается, что начало этой истории Аристей узнал от исседонов, для которых она была уже историческим преданием, то есть относилась к более раннему времени, предположительно к тому же рубежу VIII–VII вв. до н. э. О достоверности ее свидетельствует то, что Геродот, писавший свою «Историю» в середине V в. до н. э., заимствовал ее у Аристея, но для правдоподобия «вставил» между исседонами и скифами массагетов, ставших известными после гибели у них Кира II в 530 г. до н. э. и действительно обитавших в приаральских степях и в районе Древнего Хорезма.

Однако не следует думать, что все связанные с этим процессы происходили просто последовательно, линейно, от «точки до точки». По всей территории освоенного таким образом культурного пространства (от 1-го круга до 8-го), несомненно, осуществлялись различного рода подвижки населения (внутренние миграции), возникали очаги расцвета и места затухания культурных традиций, могли быть какие-то «скрытые» механизмы оптимальной передачи того или иного вида

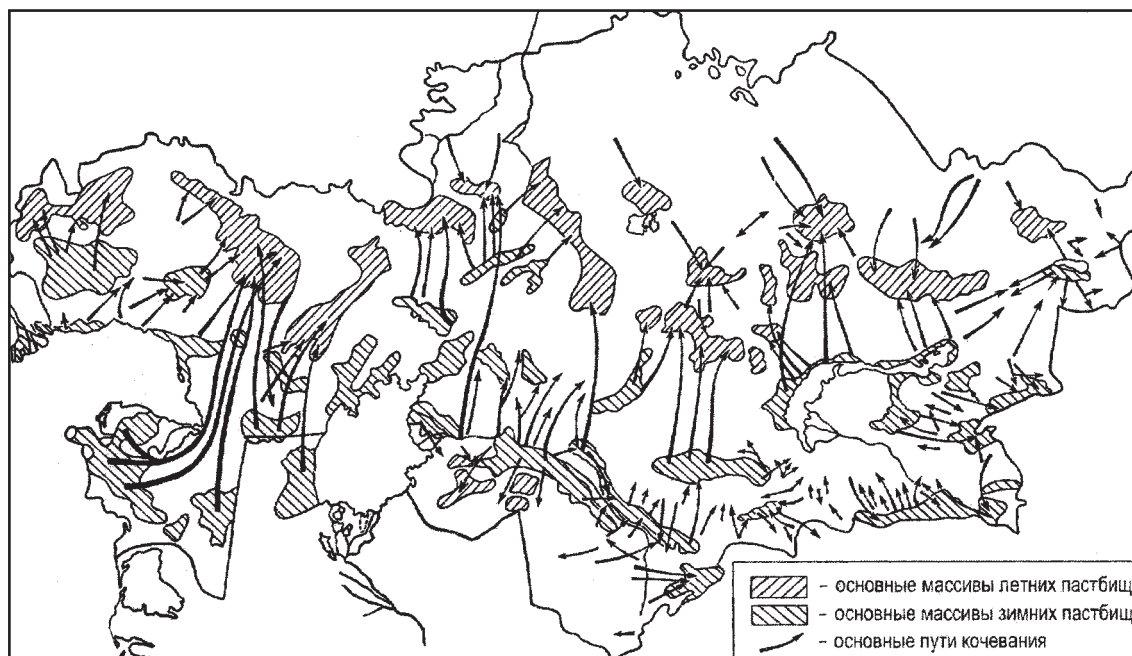

Рис. 5. Традиционные маршруты кочевания казахов, совпадающие с местонахождениями археологических памятников раннескифского времени в Северном Казахстане (по: Таиров 2007)

Fig. 5. Traditional migration routes of the Kazakh nomads, coinciding with the location of Early Scythian archaeological sites in Northern Kazakhstan (after Таиров 2007)

изделий и пр. В этом отношении интересны наблюдения А. Д. Таирова (Таиров 2007), сопоставившего распространение памятников раннескифского времени в Северном Казахстане с маршрутами кочевков казахов в конце XIX — начале XX в. (рис. 5). Можно также полагать, что во время проведения осенне-весенних праздников, традиционно принятых у скотоводов, происходил обмен культурными ценностями, в том числе новейшими достижениями в области вооружения и др., передаваемыми таким образом (без непосредственных носителей) на далекие расстояния. Не исключено, что это одно из возможных объяснений археологической «неуловимости» распространения элементов «скифской триады».

Сопоставляя все приведенные выше материалы и источники по истории и культурогенезу раннескифского времени, можно ответить на вопрос, поставленный в заглавии настоящей статьи: какие доминанты должны преобладать в формировании скифо-сибирского культурного пространства? Судя по всему, очередность должна быть следующей: в первую очередь это движение людей; вместе с ними распространение идей; и уже от них воспроизводство всех элементов РСКК, то есть вещей.

Литература

Богораз-Тан 1928 — Богораз-Тан В. Г. Распространение культуры на Земле. Основы этногеографии. М.; Л.: Госиздат, 1928. 314 с.

Варёнов 1985 — Варёнов А. В. Древнейшие зеркала Китая, отражающие этнокультурные контакты // Васильевский Р. С. (отв. ред.). Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск: Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, 1985. С. 163–172.

- Волков 2002 — *Волков В. В.* Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 247 с.
- Галанина 1997 — *Галанина Л. К.* Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М.: Палеограф, 1997. 316 с.
- Грязнов 1947 — *Грязнов М. П.* Памятники майэмирского этапа ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. 1947. Вып. 18. С. 9–17.
- Грязнов 1980 — *Грязнов М. П.* Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 62 с.
- Евразия в скифскую эпоху... 2005 — Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология: Коллективная монография / Зайцева Г. И. и др. (науч. ред.). СПб.: Теза, 2005. 290 с.
- Зуев, Исмагилов 1995 — *Зуев В. Ю., Исмагилов Р. Б.* Корсуковский клад // Савинов Д. Г. (ред.). Южная Сибирь в древности. СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 67–75 (АИ. Вып. 24).
- Комиссаров 1988 — *Комиссаров С. А.* Комплекс вооружения Древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. Новосибирск: Наука, 1988. 120 с.
- Ростовцев 1925 — *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л.: РАИМК, 1925. 320 с.
- Савинов 1996 — *Савинов Д. Г.* Древние поселения Хакасии. Торгажак. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. 104 с.
- Савинов 2017 — *Савинов Д. Г.* Нуклеарное искусство звериного стиля // КСИА. 2017. Вып. 247. С. 28–49.
- Таиров 2007 — *Таиров А. Д.* Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. Челябинск: Изд-во Южно-Уральского ГУ, 2007. 277 с.
- Худяков, Эрдэнэ-Очир 2010 — *Худяков Ю. С., Эрдэнэ-Очир Н.* Бронзовый шлем — новая находка в Монголии // АЭАЕ. 2010. № 1 (41). С. 53–60.
- Членова 1967 — *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.

TOWARDS THE THEORY OF FORMATION OF THE SCYTHIAN-SIBERIAN CULTURAL SPACE

D. G. SAVINOV

Keywords: *Scythian culture, Early Scythian cultural complex, chronology, weaponry, riding-horse harness, animal style, cultural circle.*

The problem of formation of the Scythian-Siberian cultural space still has no clear solution. The author proposes the following hypothetical reconstruction. The origins of the Scythian cultural complex is connected with the deep inland areas of Central Asia and North China, where there are known typological prototypes of most of its constituent elements. The spreading of the full-fledged Early Scythian cultural complex is considered within the frameworks of the «cultural circles» theory. Ten cultural circles are identified: three big circles (Central Asian, Kazakhstan and Pontic) and seven small ones. The period of their formation spans 120–150 years of the history of Steppe Eurasia. The carriers of the main elements of the Scythian cultural complex, including the famous «Scythian triad», were groups of armed riders; hence the existence of a number of Scythian type cultures, which filled the Scythian-Siberian cultural space.

О РИТУАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ВЕРЕТЕНА ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ «ЦАРИЦЫ» В КУРГАНЕ КУЛЬ-ОБА¹

И. Ю. ШАУБ²

Ключевые слова: *Боспор, скифский курган Куль-Оба, погребение «царицы»-жрицы, ритуальное значение веретена, семантика образа водоплавающей птицы, Афродита Урания, Великая богиня.*

Серебряный предмет из женского погребения кургана Куль-Оба долгое время считался скипетром. Затем было доказано, что этот артефакт является веретеном. Однако его уникальное скульптурное оформление в виде водоплавающей птицы, чей образ имел глубокую семантику, а также та важная роль, которую играло веретено в обрядах и верованиях всех знакомых с ткачеством народов, позволяют предполагать, что куль-обское веретено выполняло функцию ритуально-магического жезла и атрибута сакральной власти. Этот факт может служить еще одним свидетельством того, что погребенная в Куль-Обе скифская «царица» была жрицей Великой богини, в качестве главной греческой ипостаси которой на Боспоре выступала Афродита Урания (Небесная).

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-19-103-111

При раскопках знаменитого боспорского кургана Куль-Оба у головы погребенной здесь вместе со своим мужем скифской «царицы» (Дюбрюкс 2010, т. 1: 216) был найден серебряный плакированный золотом стержень со скульптурным изображением водоплавающей птицы (дикий утки: АВС: 42) на конце (ДБК: табл. II, 4; Дюбрюкс 2010, т. 2: 110, рис. 250³). Долгое время он считался скипетром «царицы» (АВС: 42). Однако Э. В. Яковенко убедительно доказала, что этот артефакт по внешнему виду представляет собой веретено (Яковенко 1973: 39–43), и с тех пор он более не привлекал к себе внимания исследователей. Тем не менее этот предмет вполне заслуживает пристального рассмотрения уже хотя бы потому, что он едва ли мог

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0007. «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

³ Судя по отсутствию в этом издании фотографии данного предмета, он не сохранился. Существует только графическое его изображение.

использоваться по своему прямому назначению из-за своих характерных особенностей: слишком тонкого золотого листа, покрывавшего стержень, а также неудобного для работы скульптурного оформления его конца. Однако это обстоятельство в данном случае отнюдь не главное.

Как известно, из всех орудий, связанных с прядением и ткачеством, именно веретено (а также пряслица — грузики для его утяжеления и крепления на нем пряжи) является наиболее семантически нагруженным орудием. У всех народов, знакомых с этим ремеслом, оно получило глубокое мифопоэтическое осмысление (см., например: Топоров 1982; Боряк 1989). Кроме того, веретено имеет важное религиозно-магическое значение, находясь под покровительством женских божеств, причем тех, которые связаны с комплексом Богини-матери (Кинжалов 1990: 83). Самый яркий пример — прядущие богини судьбы (Мойры у греков, Парки у римлян, Норны у германцев). Следует отметить, что богини судьбы в виде прях существовали не только у индоевропейцев, но и у других народов (Горан 1990: 74–75).

Веретено осмыслялось не только мифопоэтически, но и философски. Его вращательное движение «стало микрокосмическим символом вселенной в целом, которая представлялась пребывающей в постоянном процессе творения» (Suhr 1969: 34). В «Государстве» Платона космическое устройство объясняется как результат вращения веретена, приводимого в действие Ананке (Необходимостью) (R. P.: 616–617; Топоров 1982: 343).

Прежде чем обратиться к куль-обскому веретену, необходимо отметить тот факт, что веретена в боспорских могилах — не редкость, но здесь эти предметы сделаны в основном из дерева (Сокольский 1971: 218–219) и реже — из слоновой кости (Петерс 1986: 57–60). О том, почему невозможно объяснить помещение веретен в могилы только распространенностью ткацкого ремесла в боспорских поселениях (см.: Гайдукевич 1952), речь пойдет ниже. Пока же только обратим внимание на тот факт, что костяное веретено было обнаружено в женском захоронении № 5 кургана Большая Близница. Хозяйка этого веретена, судя по прочим сопровождавшим ее предметам, так же как и женщины, нашедшие упокоение в гробницах № 1 и 4, была жрицей Великой богини, которая могла идентифицироваться с целым рядом греческих богинь, но прежде всего — с Афродитой (Шауб 2007: 376; 2011: 317).

В Скифии костяные веретена как в «царских», так и в рядовых женских могилах встречаются довольно часто (см., например: Алексеев и др. 1991: 124). Веретена греческого типа являются принадлежностью погребений богатых скифянок (Чередниченко, Фиалко 1988: 161). Серебряные веретена были найдены только в курганах: в Куль-Обе, во впускной могиле Александропольского кургана (Яковенко 1973: 40) и в Чертомлыке (Алексеев и др. 1991: 198, № 119, северо-восточная камера)⁴, где также обнаружены части наборного веретена из кости и дерева, украшенные серебром и золотом (Там же: 192–193, № 110).

Не менее (если не более) важным компонентом погребального инвентаря могил боспорян, чем веретена, были пряслица. Особенно часто эти предметы встречаются в погребениях сельских обитателей Боспорского государства, причем не только женщин, но и мужчин разного возраста (Сорокина, Сударев 2001: 136–137),

⁴ Обращает на себя внимание тот факт, что данное веретено могло принадлежать мужчине (см.: Алексеев и др. 1991: 124).

а также меотов — одного из варварских народов, населявших азиатские земли Боспора (Лимберис, Марченко 2002: 175–176). В меотских могилах «пряслица часто находятся в кучке с другими, особо значимыми предметами. Очевидно, эти орудия труда не всегда сохраняли свое утилитарное назначение, попадая в погребение (маловероятно, что мужчины и маленькие дети когда-либо имели дело с веретеном)» (Сорокина, Сударев 2001: 136–137). Многочисленные находки пряслиц в некрополях Боспора одни исследователи связывают с культами Афины, Афродиты и прочих греческих богинь (Там же). Другие более осторожны в атрибуции («у меотов пряслице, вероятно, следует рассматривать как предмет культа богини [или богинь] домашнего очага и плодородия»), но дают волю фантазии в интерпретации: «Помещение пряслица в погребение могло символизировать оборвавшуюся жизненную нить, но не лишало надежды на возрождение. Сквозное отверстие пряслица также можно представить в качестве „переходного тоннеля“ для души в царство мертвых и обратно, как и в случае с отверстием в дне сосуда» (Лимберис, Марченко 2002: 176).

При всей сомнительности отдельных деталей в подобных рассуждениях есть рациональное зерно, поскольку веретено у многих народов считается хранилищем жизненной силы (души) (Калинина 2009: 150).

Для понимания религиозно-мифологического значения веретена очень важны данные этнографии. Так, по словам Е. А. Боряк, исследовательницы обрядов и верований, относящихся к ткачеству, в традиционной культуре украинцев веретено оказалось наиболее информативным «с точки зрения анализа предметных символов, связанных с циклом ткаческих работ <...>. Значительная часть народных представлений о сакральности веретена связывалась с его свойством вращения вокруг своей оси, благодаря которому из информативной, рыхлой, хаотической массы посредством закручивания его элементов создавалось упорядоченное, организованное начало. В украинской этнографической традиции выявлены „следы“ концепции веретена как точки поворота, стержня-оси, которое организует и связывает мироздание. <... > Глубинная семантика веретена определяется его медиативной функцией. Оно способно перекрывать, или, наоборот, открывать границы полярных семантических сфер — „своего“ и „чужого“ миров, осуществлять между ними контакт путем пересечения их границ» (Боряк 1989: 13).

Та же исследовательница отмечает, что на Украине веретено использовалось в лечебной, охранительной и вредоносной магии (Там же: 12). Можно думать, что в обрядах и верованиях, связанных с ткачеством, в традиционной культуре украинцев сохранились не только параллели к соответствующим скифским религиозным представлениям, но и их рудименты. В данной связи особое внимание обращает на себя семантическая связь веретена и змеи (существовало поверье, что веретено может превратиться в гада — «веретеницу», «веретено видеть во сне означает ужей» и т. п. (Там же: 13)). Аналогичное поверье бытовало и у русских: кто во время Рождества увидит веретено, тому летом грозит частая встреча со змеями (Афанасьев 1869: 132). Все это позволяет предполагать, что в упомянутых поверьях сохранились воспоминания о веретене, как об одном из атрибутов Великой богини, наиболее распространенной ипостасью которой в Скифии и на Боспоре (в том числе и в кургане Куль-Оба) была змееногая прародительница скифов (Шауб 2007: 114 сл.; 2011: 96 сл.).

Что касается куль-обского веретена, следует отметить, что оно уникально, поскольку на конце имеет украшение в виде утки⁵. Вряд ли случайным является тот факт, что скульптурные утки представлены на двух ювелирных украшениях, которые явно принадлежали «царице»: булавке (Дюбрюкс 2010, т. 2: 106, рис. 232) и предмете неясного назначения (Там же: 124, рис. 317). Утки, охотящиеся на рыб, также изображены на ритуальном круглодонном сосуде (Там же: 105, рис. 227), а другие водоплавающие птицы (гуси или лебеди) представлены среди персонажей живописных религиозно-мифологических композиций, украшающих доски ее саркофага или ложа (Там же: 115, рис. 262).

Как известно, семантика водоплавающих птиц многогранна (Иванов, Топоров 1982: 346–349). На наш взгляд, главное, на чем она основана, заключается в их медиативной роли — роли существ, имеющих возможность устанавливать связь между всеми областями мироздания. (Странно, что В. В. Иванов и В. Н. Топоров, авторы вышеупомянутой обобщающей статьи, прошли мимо этого очевидного факта.) Можно смело предполагать, что способность водоплавающих птиц, живя на земле, не только летать, но и плавать по воде и погружаться в нее, производила столь сильное впечатление на греков, этрусков и представителей многих других народов древности, что они отводили этим существам важную роль в своей религии (Шауб 2008: 103–113).

В свете всего сказанного становится понятным, почему, к примеру, греки и этруски украшали свои черпаки и ситечки для вина головками водоплавающих птиц. Подобные предметы в руках человека выполняли действия, напоминающие поведение водоплавающих птиц, поэтому ассоциировались с этими существами, наделялись не только их внешними чертами, но и соответствующей семантикой, обещающей возрождение (Там же).

Куль-обское веретено типологически весьма напоминает восходящее еще к палеолиту изображение птицы на верхушке шеста, которое могло служить как одним из воплощений концепции мирового дерева (Топоров 1980: 399), так и символом богини неба в образе птицы (Голан 1993: 173).

В греческой мифологии с водоплавающими птицами в качестве богини весны и возрождения связывалась Афродита Урания, что наглядно проявляется в тех сюжетах росписи погребальных боспорских пелик, где она представлена сидящей на лебеде (см.: Шауб 2011: 281; здесь же перечислены и другие боспорские памятники с аналогичными изображениями, а также ее терракотовый бюст в высоком головном уборе, украшенном крыльями лебедя или гуся).

О том, что в качестве еще одного из атрибутов Афродиты на Боспоре могло выступать веретено, свидетельствует ее изображение с этим предметом на стеклянном медальоне IV в. до н. э., найденном в некрополе Пантикапея (Кунина 2000: 186)⁶.

По поводу прядущей Афродиты, атрибутами которой были не только веретено, но и водоплавающая птица, стоит вспомнить, что германская богиня-пряжа Перхта представлялась имеющей гусиные лапы (Афанасьев 1869: 188). С крыльями

⁵ Нам известен только один подобный предмет, имевший на конце скульптурное завершение, — это украшенное головой копытного животного (оленя) костяное веретено, найденное в Елизаветинском кургане (см.: Яковенко 1973: 40, рис. 2, 1).

⁶ О важной роли веретена в культе Афродиты, особенно Урании, см.: Suhr 1969: 101 sq.

и птичьими лапами изображалась и шумерская богиня Иштар (Голан 1993: 173), к образу которой (через Астарту) восходит и Афродита Небесная.

Выше уже упоминалось о том, что некоторые исследователи, правда, без весомой аргументации, связывают найденные в боспорских могилах пряслица с культом Афродиты Урании⁷. В свете всего вышеизложенного с данным предположением можно согласиться, но только с важной оговоркой: в этой греческой богине (с ощутимыми восточными корнями и негреческими чертами; см., например: Hdt. I, 131–132; Paus. I, 14, 7; Delivorrias 1984: 2–4) населявшие Боспор варвары видели ипостась своего Великого женского божества (Шауб 2007: 335–336; 2011: 285–286).

Близкой аналогией к упоминавшемуся изображению на пантикапейском медальоне является статуя великой Сирийской богини, которая в одной руке имела скипетр, а в другой — веретено (Lucian. De dea Syr., 14). Это свидетельство Лукиана подтверждается и многочисленными памятниками (Drijvers 1986: 356, Nr. 17; 357, Nr. 29–32). Сходство атрибутов обеих богинь особенно важно для нас потому, что великую Сирийскую богиню греки ассоциировали со своей Афродитой Уранией. Еще раз напомним, что на Боспоре она выступала в качестве верховной богини и главной ипостаси Великого местного божества.

Не менее знаменателен и тот факт, что именно культ одного из воплощений великой Сирийской богини — аскалонской Деркетто (Augé 1986: 382–383) послужил отправной точкой для начала почитания скифами своей Афродиты Урании, которую Геродот называет Аргимпасой (Hdt. IV, 67.2).

Согласно Геродоту, скифы познакомились с культом этой богини во время своего похода в Азию, когда они ограбили в Аскалоне древнейший храм Афродиты Небесной, за что богиня наказала их «и все их потомство поразила женской болезнью» (Hdt. I, 105). Далее Геродот рассказывает (Hdt. IV, 67), что, по словам самих этих женоподобных мужчин-энареев, которые являлись наследственными прорицателями, это искусство дала им Афродита⁸.

Деркетто, которой было посвящено Аскалонское святилище, почиталась в виде полуженщины-полурыбы (Diod. II, 4). Это обличье роднит ее со змееногой Ехидной, родоначальницей скифов (Hdt. IV, 9), которая стала ею, вступив в брак с Гераклом. О близости или даже тождественности Ехидны и Афродиты Урании позволяет догадываться изложенный Страбоном (XI, 2, 10) миф об Афродите Апатуре, в котором ее паредром выступает Геракл (см.: Шауб 2007: 327–328; 2011: 94 сл.).

Нужно отметить, что и великая Сирийская богиня, и Деркетто, и Афродита Урания генетически восходят к образу Великой ближневосточной богини Иштар–Астарты (см.: Delcor 1986: 1077 f.). Культ Астарты под именем Астары существовал на азиатской стороне Боспора, о чем известно из посвятительной надписи IV в. до н. э., которую сделала царица с негреческим именем Комосария (КБН. № 1015).

Что касается Афродиты, то она являлась преемницей великой доэллинской богини (Fauth 1964: 428–429). Мифологическое выражение связи Афродиты

⁷ Для обоснования своего тезиса Н. П. Сорокина и Н. И. Сударев ссылаются лишь на тот факт, что в погребениях римского времени «встречаются находки пряслиц вместе с прялками, увенчанными ее (Афродиты. — *И. Ш.*) изображением» (Сорокина, Сударев 2001: 136).

⁸ О феномене энареев см.: Доватур и др. 1982: 305, коммент. 423; о них как о жреческой «касте» см.: Шауб 2017: 290.

со становлением и судьбами мира выразилось в ее характеристике как древнейшей из Мойр (Paus. I, 19. 2; Fauth 1964: 429)⁹. Именно благодаря этому всеохватывающему наследию всемогущего божества происходит возвышение греческой Афродиты до Всеединой богини в трагической поэзии и досократической философии (Fauth 1964: 430). Наиболее рельефно в качестве Великой богини всего сущего Афродита Урания выступает в орфическом гимне (Orph. h. LV). Здесь она в числе прочего характеризуется как «сокровенная и очевидная», «владычица мира», «вездесущая», «Богиня-Мать», «несущая благо Дева». В контексте нашего исследования особенно интересно то, что безымянный автор гимна называет Афродиту «матерью Ананке» (то есть необходимости, судьбы), «госпожой Мойр» и «скиптродержицей», а также упоминает, что она «слетает с лебединою стаей на волны морские».

Возвращаясь к нашему основному предмету, в заключение отметим, что в скифской среде веретено как ритуально-магический предмет могло выступать в качестве атрибута не только жрицы, но и жреца¹⁰. Об этом свидетельствует тот факт, что веретена были неоднократно обнаружены в скифских мужских захоронениях, где находились и такие ритуально значимые женские предметы, как в высшей степени сакрализованные головные уборы (см.: Мозолевский и др. 1993: 72; Ключко 1995: 21–23; Мозолевский, Полин 2005: 355; Шауб 2017). На наш взгляд, веретено выступало здесь как ритуально-магический жезл¹¹, а его весьма вероятная связь с институтом энареев позволяет предполагать использование этого предмета в качестве атрибута (сакральной) власти¹².

Думается, что все приведенные выше аргументы говорят в пользу того, что и куль-обское веретено играло аналогичную роль. Этот факт может служить еще одним свидетельством того, что погребенная в Куль-Обе скифская «царица» была жрицей Великой богини, главной ипостасью которой на Боспоре была Афродита Урания, владычица святилища с негреческим названием Апатур (Шауб 2007: 329; 2011: 281).

⁹ Целый ряд данных свидетельствует о тесной связи Афродиты с Мойрами (Suhr 1969: 101 sq.). Возможно, подобные представления отразились и в уже упомянутом изображении прядущей Афродиты, представленной на стеклянном медальоне из Пантикапея. В то же время орудия ткачества, прядения и шитья, обнаруженные в Китейском зольнике, служили вотивами скорее не эллинской Афродите (Молева 2007: 80 сл.), а местной Великой богине, одну из ипостасей которой варвары видели в Афродите.

¹⁰ Ближневосточные религиозно-мифологические представления, явно оказавшие влияние на идеологию «энарейства», в греческой мифологии наиболее рельефно проявились в мифе о Геракле, который выполнял женскую работу, в частности пряд, на службе у Омфалы. В образе этой царицы, несомненно, кроется одна из ипостасей Великой малоазийской богини; об этом мифе см.: Suhr 1953: 251–263.

¹¹ С. С. Бессонова и С. А. Яценко усматривают в подобных случаях отображение представлений о «священном браке» царя с богиней (Бессонова 1983: 115; Яценко 1987: 136), а Л. С. Ключко полагает, что «женские вещи выступают в данном обычае в качестве „заменяющей“ жертвы» (Ключко 1995: 22–23).

¹² Этот атрибут явно глубоко укоренился в культуре ираноязычных народов. В связи с этим сошлемся на авторитет Н. Б. Янковской, которая полагает, что на персидских миниатюрах XV — начала XVII вв. «Старец с веретеном в поднятой руке» выступает в качестве «манифестации ВЛАСТИ (маюскулы автора. — *И. Ш.*)» (Янковская 2005: 146, 153, примеч. 50).

Литература

Алексеев и др. 1991 — Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р. Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н. э.). Киев: Наукова думка, 1991. 413 с.

Афанасьев 1869 — Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М.: К. Солдатенков, 1869. Т. 3. 842 с.

Бессонова 1983 — Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка, 1983. 138 с.

Боряк 1989 — Боряк Е. А. Традиционные знание, обряды и верования украинцев, связанные с ткачеством (середина XIX — начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989. 17 с.

Гайдукевич 1952 — Гайдукевич В. Ф. К вопросу о ткацком ремесле в Боспорских поселениях // Гайдукевич В. Ф. (ред.). Боспорские города. Ч. 1. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 395–414 (МИА. № 25).

Голан 1993 — Голан А. Миф и символ. М.: РУССЛИТ, 1993. 375 с.

Горан 1990 — Горан В. П. Древнегреческая мифологема судьбы. Новосибирск: Наука, 1990. 334 с.

ДБК — Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа: Атлас. СПб.: Тип. Имп. АН, 1854. 100 с.

Доватур и др. 1982 — Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.: Наука, 1982. 455 с.

Дюбрюкс 2010 — Дюбрюкс П. Собр. соч. СПб.: Коло, 2010. Т. 1 — 726 с.; т. 2 — 310 с.

Иванов, Топоров 1982 — Иванов В. В., Топоров В. Н. Птица // МНМ. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 346–349.

Калинина 2009 — Калинина И. В. Очерки по исторической семантике. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 272 с.

КБН — Корпус боспорских надписей / Струве В. В. (ред.). М.; Л.: Наука, 1965. 952 с.

Кинжалов 1990 — Кинжалов Р. В. Символика «плексиса» в мифе, обряде, изобразительном искусстве древности и в современном фольклоре // Путилов Б. Н. (отв. ред.). Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л.: Наука, 1990. С. 82–88.

Клочко 1995 — Клочко Л. С. Про один скифський звичай // Музейні читання. ТД науч. конф. Музею історичних коштовностей України — філіалу Національного музею історії України. Грудень 1993 р. Київ: Наукова думка, 1995. С. 21–23.

Кунина 2000 — Кунина Н. З. Стекланные медальоны с рисунками из некрополя Пантикапея // Соловьёв С. Л. (ред.). Античное Причерноморье. СПб.: Изд-во ГЭ, 2000. С. 186–191.

Лимберис, Марченко 2002 — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. О назначении некоторых предметов инвентаря и роли жертвенных животных в погребальном ритуале меотов IV в. до н. э. (по материалам Прикубанского могильника) // Зуев В. Ю. (отв. ред.). Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. Ч. 2. С. 173–177.

Мозолевський и др. 1993 — Мозолевський Б. М., Білосір В. П., Василенко В. А. Дослідження Соболевої могили // Археологічні дослідження в Україні 1991 року. Луцьк, 1993. С. 71–72.

Мозолевский, Полин 2005 — Мозолевский Б. Н., Полин С. В. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. Бабина, Водяна и Соболева могилы. Киев: Наукова думка, 2005. 600 с.

Молева 2007 — *Молева Н. В.* Орудия ткачества, прядения и шитья как вотивные подношения в Китейском святилище // Махлаюк А. В. (ред.). Из истории античного общества. К 60-летию проф. Е. А. Молева. Нижний Новгород, 2007. Вып. 9–10. С. 80–85.

Петерс 1986 — *Петерс Б. Г.* Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1986. 189 с.

Сокольский 1971 — *Сокольский Н. И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1971. 288 с.

Сорокина, Сударев 2001 — *Сорокина Н. П., Сударев Н. И.* Предметы, связанные с культурами и магией, из погребений кепского некрополя VI–II вв. до н. э. // Зуев В. Ю. (отв. ред.). Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. СПб.: Изд-во ГЭ, 2001. Ч. 1. С. 133–139.

Топоров 1980 — *Топоров В. Н.* Древо мировое // МНМ. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 1. С. 398–406.

Топоров 1982 — *Топоров В. Н.* Пряжа // МНМ. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 343–344.

Чередниченко, Фиалко 1988 — *Чередниченко Н. Н., Фиалко Е. Е.* Погребение жрицы из Бердянского кургана // СА. 1988. № 4. С. 149–166.

Шауб 2007 — *Шауб И. Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 484 с.

Шауб 2008 — *Шауб И. Ю.* Италия–Скифия: культурно-исторические параллели. М.; СПб.: Свято-Алексиевская Пустынь, 2008. 155 с.

Шауб 2011 — *Шауб И. Ю.* Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н. э.). Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 475 с.

Шауб 2017 — *Шауб И. Ю.* Боспорское жречество // Зинько В. Н. (отв. ред.). Элита Боспора Киммерийского: Традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени. Керчь: Керченская гор. тип., 2017. С. 288–324 (Боспорские исследования. Вып. 34).

Яковенко 1973 — *Яковенко Э. В.* «Скіпетр цариці» з Куль-Оба // Археологія. 1973. № 11. С. 39–43.

Янковская 2005 — *Янковская Н. Б.* Роль поэта и художника в саморегуляции общественных структур // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. СПб.: Изд-во ГЭ, 2005. С. 134–154.

Яценко 1987 — *Яценко С. А.* О семантике одного из элементов декора парадного костюма ранних кочевников // Матющенко В. И. (отв. ред.). Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. ТД по разделам: Скифо-сибирская культурно-историческая общность. Раннее и позднее средневековье. Омск: Изд-во Омского ГУ, 1987. С. 135–136.

ABC — *Antiquités du Bosphore Cimmérien / Rééditées par S. Reinach.* Paris, 1892.

Augé 1986 — *Augé Ch.* Derketo // LIMC. 1986. Bd 3. S. 382–383.

Delcor 1986 — *Delcor M.* Astarte // LIMC. 1986. Bd 3. S. 1077–1085.

Delivorrias 1984 — *Delivorrias A.* Aphrodite // LIMC. 1984. Bd 2. S. 2–151.

Drijvers 1986 — *Drijvers H. J. W.* Dea Syria // LIMC. 1986. Bd 3. S. 355–358.

Fauth 1964 — *Fauth W.* Aphrodite // *Der Kleine Pauly.* Stuttgart: Artemis, 1964. Bd 1. S. 425–431.

Suhr 1953 — *Suhr E. G.* Herakles and Omphale // *American Journal of Archaeology.* 1953. Vol. 57. P. 251–263.

Suhr 1969 — *Suhr E. G.* The Spinning Aphrodite. The Evolution of the Goddess from Early Pre-Hellenic Symbolism through Late Classical Times. New York: Helios Books, 1969. 218 p.

ON THE RITUAL FUNCTION OF THE SPINDLE FROM THE “QUEEN” BURIAL IN THE KUL-OBA BARROW

I. YU. SCHAUB

Keywords: *Bosporus, Scythian barrow of Kul-Oba, “queen”-priestess burial, ritual significance of the spindle, fowl image semantics, Aphrodite Urania, Great Goddess.*

The silver object from the female burial in the Kul-Oba barrow had long been considered a scepter. Later, it was proved that this artifact was a spindle. However, both its unique sculptural appearance in the form of a fowl (an image which has rich semantics) and the important role the spindle played in rituals and believes of all those peoples, who practiced weaving, give grounds to think that the Kul-Oba spindle functioned as a ceremonial and magical rod and an attribute of sacred power. This fact may serve as one more evidence that the Scythian “queen” buried at Kul-Oba was a priestess of the Great Goddess, whose role at Bosporus was played by Aphrodite Urania (Celestial).

ГАЛИНДЫ НА ПРОСТОРАХ ЕВРОПЫ — АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ, ИСТОРИЧЕСКАЯ, ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ВЫМЫСЕЛ?¹

А. ЛУХТАНАС², О. В. ПОЛЯКОВ³

Ключевые слова: *западные балты, галинды, германские племена; Великое переселение народов, археология, история, лингвистика.*

В статье рассматривается гипотеза о якобы имевших место в I тыс. н. э. миграциях западнобалтского племени галиндов в Европе на пространстве от Прибалтики до Подмосковья и Пиренейского п-ова. Эта гипотеза В. Б. Вилинбахова и Н. В. Энговатова (1963), разработанная в 1970–1980-х гг. В. Н. Топоровым, никогда не подвергалась верификации, однако ее идеи до сих пор встречаются в работах археологов и лингвистов. Доказательная база гипотезы построена на использовании «этнонимической основы *Galind-» в удаленно схожих по звучанию формах при полном отсутствии достоверных следов пребывания галиндов где-либо в Европе в исторических и археологических источниках, за исключением их исторической родины в области Мазурского поозерья.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-19-112-136

Введение

Сведения об исчезнувших племенах балтов весьма ограничены. Особое место среди них занимает небольшое, исчезнувшее в первой половине I тыс. н. э. западнобалтское племя галиндов, а также подмосковная голядь. Всплеск интереса к этой проблематике наблюдался в СССР в 1960–1980-х гг. В современной западноевропейской археологии она мало известна. Но в последнее время в работах ряда литовских археологов галиндам приписывается ведущая роль в событиях эпохи Великого переселения народов (Jovaiša 2012; 2014 и др.).

¹ Статья является расширенным вариантом доклада «Галинды на просторах Европы: история одной псевдонаучной гипотезы» (Лухтанас, Поляков 2017), прочитанного авторами на IV научной конференции «Археологические источники и культурогенез», Санкт-Петербург, 14–18 ноября 2017 г.

² Литовская республика, LT-01513 Vilnius, Universiteto g. 7, Вильнюсский университет, Исторический факультет, Кафедра археологии.

³ Литовская республика, LT-44280 Kaunas, Muitinès g. 8, Вильнюсский университет, Каунасский факультет, Институт языков, литературы и перевода.

Краткая историография вопроса

О галиндах писал еще в XVIII в. В. Н. Татищев. В XIX в. эта тема получила развитие в трудах П. Шафарика, И. П. Барсова, Н. Ф. Андреева, А. А. Шахматова и др.⁴ Наличие на Пиренейском п-ове имени Galindo, приписываемого вестготам, впервые отметил австрийский историк и германист Р. Мух (1862–1936). Он предположил, что «вестготское имя Galindo напоминает о бывшем соседстве с прусскими галиндами, галиндами Птолемея» (Muh 1913–1915: 304). Идею подхватил К. Буга, допускавший возможность готско-галиндских контактов в Повисленье и перенесения имени Galindo вплоть до Испании (Būga 1959: 95; 1961: 126). По его словам, «проживавший в Смоленской земле народ литовского или латышского происхождения, по-русски именуемый Голядь, несомненно, также были галинды, но только другие» (Būga 1961: 117).

Галиндская проблематика была обобщена в обширной статье В. Б. Вилинбахова и Н. В. Энговатова (Вилинбахов, Энговатов 1963). Собрав и объединив различные, зачастую противоречивые и даже фантастические сведения, они выдвинули предположение о миграциях галиндов в Центральной и Восточной Европе и даже очертили их возможный ареал в эпоху правления римского императора Гая Вибия Волузиана (251–253 гг. н. э.). Ими были картографированы местности, в которых сохранились поверья о «богатырях-Голядах» и «русские топонимы, образованные от имени голядь (Голяжье, Голожье, Взголожье, Голяди, Голоди, Доголяды, Голядинка, Голядина гора)». Эти топонимы отмечены авторами от Ладоги и Белоозера до Днепро-Донского междуречья с эпицентром в Подмосковье (рис. 1). Однако науке неизвестны примеры, чтобы народ оставлял на огромной территории свой этноним и ничего более.

В дальнейшем идею о нескольких волнах миграции галиндов в Европе — от Подмосковья до Пиренеев — поддержал и развил В. Н. Топоров, посвятивший ей тезисы двух конференций (Топоров 1977; 1981) и три статьи (Топоров 1980а; 1980б; 1983). На его карте (рис. 2) предполагаемые маршруты галиндов даны на фоне миграций восточногерманских племен, однако с заметными искажениями. Так, вандалы у В. Н. Топорова одновременно переселяются и в бассейн Одера и Варты, и в самый центр Прусской Галиндии. Готы движутся вначале совместно, а их разделение на остготов и вестготов происходит в 200 г. н. э. в районе Буга, к северо-востоку от Варшавы. Однако разделение готов могло произойти лишь после ухода основной их массы с территории современной Польши и формирования культуры Черняхов / Сынтана-де-Муреш. При этом не поясняется, почему галинды — «спутники и союзники западных готов» оказались в Пиренеях на территории германцев-сэвов. На их земли западные готы не входили, что, кстати, явствует и из карты.

В. Н. Топоровым были собраны ономастические данные, отражающие многочисленные и существенные модификации «этнолингвистического термина» *Galind- в Восточной и Центральной Европе, вплоть до Балкан (Καλίνδοια, Γάληψος, Galepsus, Γαλήψιοι, Γάληψοι и др.)⁵. Описывая историческую географию Пруссии, он

⁴ Исчерпывающую библиографию вопроса см.: Вилинбахов, Энговатов 1963: 237–239.

⁵ Отметим, что ряд этимологий В. Н. Топорова носит фантастический характер. Например, Γάληψος он объясняет как *gal- и *ap(s)- ‘вода’, сравнивая с лит. *Gālupis*, *Galupiai* (Топоров 1977: 24). Корень *aps- — личный домысел автора. В словарях реконструируется корень *ab- / ap-/up-, ср. Rokorny 1959: 1, 51–52; Fraenkel 1965: 1169. Кроме того, s в Γάληψος является окончанием основы слова, в то время как s в *Gālupis* — окончанием сложного слова и конкретно второго его составляющего.

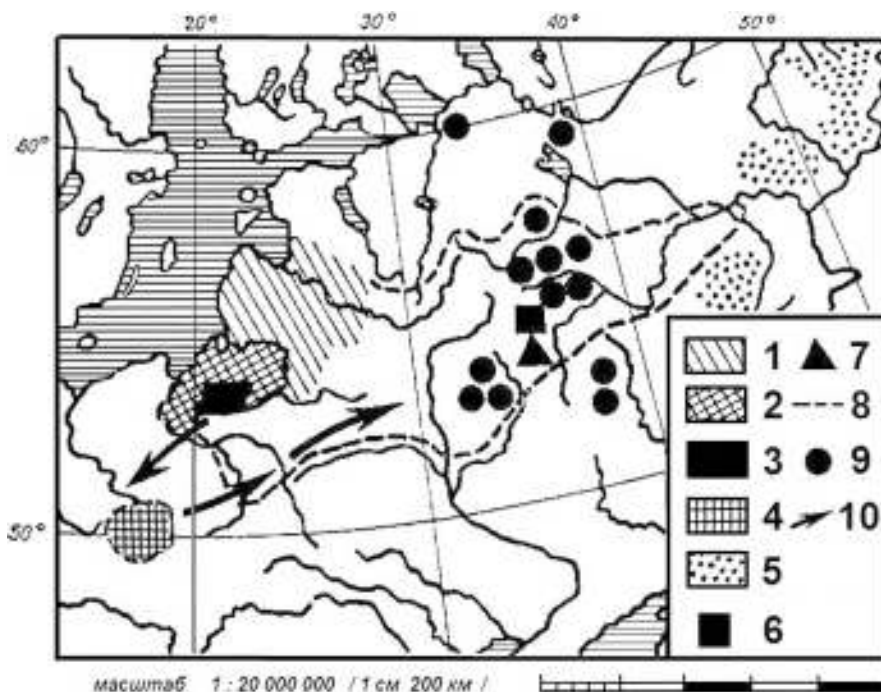

Рис. 1. Античные галинды и голядь: 1 — современная территория балтийских народов; 2 — древнепрусские племена; 3 — средневековая Галиндия; 4 — предполагаемое местожительство галиндов Волузиана; 5 — современные волжско-камские финские языки с древнебалтийским языковым субстратом; 6 — локализация голяди в русских летописях (верховья Протвы); 7 — места сохранения поверий о богатырях-Голядах; 8 — границы гидронимики древнебалтийского происхождения; 9 — русские топонимы, образованные от имени «голядь» (Голяжье, Голожье, Взголяжье, Голяди, Голоди, Доголяды, Голядинка, Голядина гора); 10 — предполагаемые миграции голяди-галиндов (по: Вилинбахов, Энговатов 1963: рис. 1)

Fig. 1. Antic Galindians and Eastern Galindians: 1 — modern territory of the Baltic peoples; 2 — Old Prussian tribes; 3 — medieval Galindia; 4 — area presumably occupied by Volusian's Galindians; 5 — modern Volga-Kama Finnish languages with the Old Baltic language substrate; 6 — localization of Eastern Galindians according to the Russian chronicles (the upper reaches of the Protva); 7 — places of preservation of beliefs about the bogatyr (knight-errant) Golyads; 8 — borders of hydronyms of the ancient Baltic origin; 9 — Russian toponyms, deriving from Goliad' (Golyazhye, Golozhye, Vzglyazhye, Goliadi, Golodi, Dogolyady, Golyadinka, Golyadin's hill); 10 — assumed migrations of the Western and Eastern Galindians (after Вилинбахов, Энговатов 1963: Fig. 1)

указывал: «...галинды были самым южным из известных балтских племен, населявшим обширную пустошь, покрытую болотами и лесами и тянувшуюся далеко на юг и восток» (Топоров 1977: 122–123). По его словам, «объяснение имени галиндов не составляет... проблемы (не ясны лишь детали, например точное значение *gal-, лежащий в основе *Gal-ind-; если речь идет о корне, обозначающем болото, то ср. *балты от balt- 'белый' при слав. *bolt- 'болото')» (Там же: 123). В другом месте ученый объяснял происхождение данного слова от балт. *gal- 'конец, край, острие, смерть'. Тот же корень усматривал он и в названии Галиция⁶ на Украине (Там же: 123–124).

⁶ Как известно, данное название связывают с праславянским *golъ / *galъ 'голый, безлесый', отсюда название городов Галич (Украина и Россия), Голотичьскъ (Беларусь), Голтавь (Украина) и др. (Нерознак 1983: 56–57, 60–61).

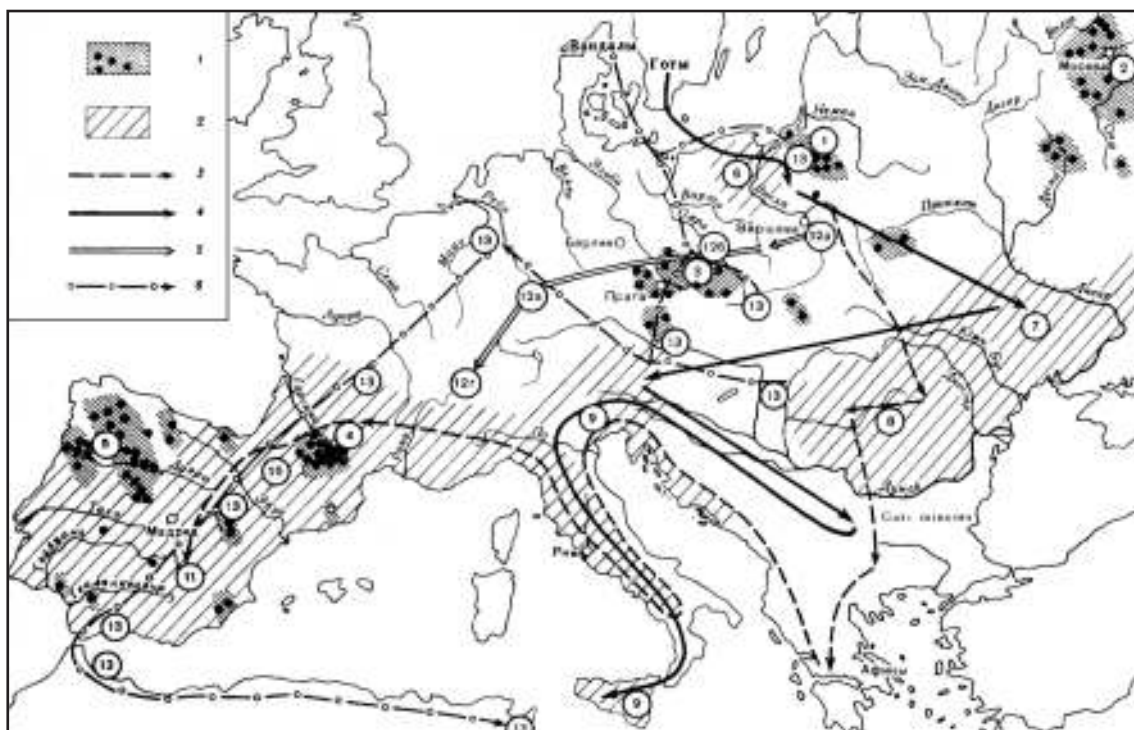

Рис. 2. Распространение элемента *Galind- в Европе (на фоне миграции восточно-германских племен): 1 — распространение элемента *Galind-; 2 — территории вестготов; 3 — маршрут вестготов; 4 — маршрут готов и остготов; 5 — маршрут бургундов; 6 — маршрут вандалов.

1 — прусская Галиндия; 2 — подмосковная Голядь; 3 — «галинды» польско-чешского пограничья; 4 — ном. propr. *Galind- из Сен-Сернэн (Тулуза); 5 — пиренейские «галинды»; 6 — нижневисленские готы (1–200 гг. н. э.); 7 — остготы (200–433 гг. н.э.); 8 — вестготы (200–375 гг. н.э.); 9 — остготы (433–471 гг. н.э.); 10 — вестготы с 419 г.; 11 — вестготы (460–711 гг. н.э.); 12 — бургунды (а — I в. до н. э. — II в. н. э., б — III–IV вв. н. э., в — 410–433 гг., г — 433–534 гг.); 13 — вандалы (по: Топоров 1983: 135–136)

Fig. 2. Distribution of the element Galind- in Europe (against the backdrop of the migration of East Germanic tribes): 1 — distribution of the element *Galind-; 2 — territory of the Visigoths; 3 — route of the Visigoths; 4 — route of the Goths and Ostrogoths; 5 — route of the Burgundians; 6 — route of the Vandals.

1 — Prussian Galindia; 2 — Eastern Galindians (Moscow region); 3 — “Galindians” of the Polish-Czech borderlands; 4 — nom. propr. *Galind- from Saint-Sernin (Toulouse); 5 — Pyrenean “Galindians”; 6 — Lower Vistula Goths (1–200 AD); 7 — Ostrogoths (200–433 AD); 8 — Visigoths (200–375 AD); 9 — Ostrogoths (433–471 AD); 10 — Visigoths (from 419); 11 — Visigoths (460–711 AD); 12 — Burgundians (a — I century BC — II century AD; б — III–IV centuries AD, в — 410–433, г — 433–534; 13 — Vandals (after Топоров 1983: 135–136)

Говоря о голядском фоне ранней Москвы, В. Н. Топоров, по примеру его предшественников, локализовал голядь русских летописей в верховьях Протвы и перечислял те же самые «топонимы, образованные от имени голядь» (Топоров 1981: 113–116; ср.: Вилинбахов, Энговатов 1963: 235, 243–247, 254). При этом он сузил ареал перечисленных схожих названий, который на карте Вилинбахова и Энговатова (рис. 1) показан как к югу от Москвы, так и далеко на север от нее. Учитывая их однотипность, остается непонятным, почему в одних случаях автор усматривает в них этноним *голядь/галинд*, а в других — нет?

Скудный материал о голяди В. Н. Топоров дополнил фамилиями Голядов (1570, Москва), Голядко (1651) и Голядкин (герой повести Ф. М. Достоевского «Двойник») (Топоров 1981: 116). Упомянул он и о «сохранении поверий о богатырях-Голядах». Правда, Голяда из богатыря почему-то превратился у него в разбойника (Там же: 115–116; ср.: Вилинбахов, Энговатов 1963: 235, 261).

Сделанный автором вывод, что «голядский топонимический элемент, окружавший Москву в середине XII в., имел свое соответствие в голядском этносе по Протве» (Топоров 1981: 115), в сущности, является голословным. Как будет показано ниже, само существование «голядского этноса», с которым якобы «приходилось считаться как киевскому князю, так и ростовско-суздальским князьям» (Там же), не подкреплено историческими фактами.

В другой статье, построенной на примерах «этнонимической основы **Galind*» в Центральной Европе (Польша, Чехия) (Топоров 1980а), к списку В. Б. Вилинбахова и Н. В. Энговатова добавлены схожие примеры из западных областей Украины. К сожалению, из их же работы были заимствованы два заведомо ошибочных положения: 1) утверждение о том, что «имя галиндов после Птолемея появляется в составе титула императора Волузиана (252–253) <...> в стандартном тексте, помещаемом на римских монетах — финский (sic!), галиндский...»; 2) «содержание утраченного лангобардского сказания о пресечении... племени (галиндов. — *Авт.*)» в труде Павла Диакона (Вилинбахов, Энговатов 1963: 239). По мнению В. Н. Топорова, эта последняя «мифологическая история ценна не только тем, что она позволяет с достаточной точностью вычленив схему реальных событий, но и своей географичностью» (Топоров 1980а: 248–249).

К. Ф. Тиандер в работе «Датско-русские исследования» (1915) упоминает о «лангобардском переселенческом сказании» Павла Диакона, согласно которому лангобарды были выселены из Скандинавии в область *Mauringa*, а затем в *Golanda* или *Golaida*, *Golada*, *Hallindt* (Вилинбахов, Энговатов 1963: 241, сн. 61). Где была *Golanda* — им неизвестно⁷. Тем не менее В. Н. Топоров отбрасывает три альтернативных ее названия и связывает исчезнувшую без следа *Golanda* исключительно с галиндами. «Лангобардское переселенческое сказание» произвольно превращается у него в «лангобардское сказание о пресечении» племени галиндов.

Изложенные аргументы (в ином порядке и в расширенном виде) повторены и в следующей статье (Топоров 1980б), включая «упоминание галиндов» «на римских монетах, в котором содержится титул Волузиана», и «лангобардское сказание». Автор цитирует титул Волузиана: «финский, галиндский, венецианский: Γαλίνδιχος, Οὐέυδιχος Οὐόλοσιανος», не замечая ошибочности прочтения фантастической титулатуры императора (Там же: 126–127)⁸. Слово *Οὐέυδιχος* никак не могло обозначать «венецианский». Хорошо известно, что γ [g] обозначает [ŋ] только перед υ,

⁷ В действительности у К. Ф. Тиандера *Mauringa* — область на правом берегу Эльбы, а *Golanda* — это остров Готланд или северная Ютландия. Ср.: Тиандер 1915: 83–84.

⁸ На это указал еще Э. Вольтер (1856–1941). Правильное же прочтение греческой легенды ΑΚΥΑ Φ ΓΑΛ Β ΒΟΛΟΥΣΙΑΝΟΣ Σ на латыни — *Imperator Caesar Gaius Afinius Gallus Veldumnianus Valusianus Eusebes* (Volteris 1930: 340–342). Но ошибку, к сожалению, подхватили известные литовские языковеды А. Ванагас (Vanagas 1965а: 28–29; 1965б: 38–39) и С. Каралиюнас, утверждавший, что такой титул императора «получил после победы в 253 г. над галиндами» (Karaliūnas 2015: 34).

к [k], χ [kh], ξ [ks], а в данном случае мы имеем сочетание -γδ- [-gd-]. Автор также не учитывает, что выше в цитированном тексте Птолемея имеется написание, соответственно, не *Οὐέυδιχος*, а *Οὐενέδ-* (Там же: 125).⁹ Такие ошибки приводят к неоправданному выводу: «*Γαλίνδιχος* и даже *Οὐέυδιχος* ... могли быть лишь обозначением некоторых мыслимых пределов честолюбивых намерений Волузиана и дань птолемеевской формуле о вендах, галиндах и финнах (по понятным причинам сюда не входили готы)» (Там же).

Новым в данной статье стало расплывчато сформулированное В. Н. Топоровым понятие «Великая Галиндия», якобы существовавшая от Подмосковья до прусских земель. Автор утверждает, что «единственное место для галиндов и судинов, отвечающее описанию Птолемея, — пространство между верхним Сожем на востоке и Окой до ее поворота к востоку около Калуги на западе (полоса в полтораста — двести километров длиной)». Иначе, по его мнению, «локализация птолемеевских галиндов и судинов теряет свой смысл» (Там же: 125). В дальнейшем изложении из-за разных контroversз бывает трудно разобраться с местами обитаний и миграциями галиндов. Но все же отметим, что река Сож находится не к востоку от Калуги, а наоборот.

Следы галиндов В. Н. Топоров находит повсюду, даже там, где этноним с корнем *galind-* трудно отыскать. Например, в труде Иордана среди многочисленных этнонимов упомянут *Golthescytha*. Результаты его интерпретации разными учеными оказались весьма противоречивы. Поэтому еще в 1973 г. известный специалист по гуннам О. Менхен-Хельфен написал: «...обсуждать эту и прочие этимологические фантазии — пустая трата времени» (Менхен-Хельфен 2014: 22). Но В. Н. Топоров уверенно считал *Golthescytha* «первым, так сказать, гибридным племенем (соотв. ареалом), сочетающим „свое“ и „чужое“, переходом от „своего“ к „чужому“» (Топоров 1980б: 133).

Как тут разграничить «свое» и «чужое», был ли этот гибрид «гото-скифским», «галиндо-скифским», «гото-чудским», или он относился (как считал сам В. Н. Топоров) «к балтским (голядским) иранцам», — так и остается непонятным. В любом случае он прямо или косвенно связывал *Golthescytha* с галиндами.

В последней статье В. Н. Топоров кардинально пересмотрел свои взгляды на «единственное место для галиндов и судинов, отвечающее описанию Птолемея», тем самым отказавшись от постулирования «Великой Галиндии» от Подмосковья до прусских земель, изложенного в предыдущей статье. Миграционная гипотеза получила здесь гипертрофированное развитие (Топоров 1983). В предыдущих работах В. Н. Топоров только повторял тезис Р. Муха (Much 1913–1915: 304), что «косвенный след галиндов... на крайнем юго-западе Европы — в имени одного вестгота» (Топоров 1977: 123) и что «готы увлекли за собой какую-то часть галиндов, этноним которых в качестве собственного имени или, вернее, его определения попал в испанский именовослов» (Топоров 1980б: 126). С 1983 г. следы галиндов начинают массово обнаруживаться им в самых разных частях Европы.¹⁰

⁹ Ср. Птолемей 1994: III.5.7–10.

¹⁰ За пять лет до галиндо-голядского цикла работ В. Н. Топоров (1972а: 217–280) опубликовал обширное исследование «„Baltica“ Подмосковья» (в сокращенном виде помещенное в другой публикации — Топоров 1972б: 185–224). Не приводя серьезного этимологического анализа, он указал тем не менее, что более 300 гидронимов и топонимов здесь являются чисто балтийскими, отбросив

Статья начинается с сенсационного заявления: «...галинды единственное из известных в настоящее время племен древних балтов, которое приняло участие в „великом переселении народов“, начав свою миграцию из прародины еще на несколько веков раньше» (Там же: 129). По его мнению, миграция галиндов осуществлялась в разных направлениях: в одном случае — на юго-восток и затем на северо-восток; в другом — на юг/юго-запад, потом к западу и вновь на юго-запад. Следы их «обнаруживаются на огромном пространстве Европы — от берегов Атлантического океана до лесов Подмоскovie» (Там же).

Не представив каких-либо новых фактов и аргументов, В. Н. Топоров утверждал, что следы галиндов есть, «прежде всего¹¹ отражение их имени» (Там же). Принятый им метод позволял, при отсутствии других данных, «прибегать к аналогиям, учитывая, разумеется, общий этноисторический контекст, в который входили галинды» (Там же: 131). Этот метод весьма сомнителен. Он-то и породил «вестготско-галиндский поток» В. Н. Топорова и его представление о галиндах как «спутниках и союзниках вестготов» (Там же: 133). Суть воззрений автора состояла в том, что галинды участвовали в миграциях и вестготов, и вандалов, и бургундов, и лангобардов, и в восточной колонизации, вплоть до Подмоскovie. Часть их, по свидетельству Петра из Дусбурга (Dusburg 1861; 1984), сохранялась на родине, вплоть до рубежа XIII–XIV вв. На риторический вопрос «Кто заселял Галиндию после ухода галиндов?» сам автор не дает ответа, считая, что любой из них будет «невозможным или спорным» (Топоров 1983: 131). Его утверждение, что якобы «есть сведения о пребывании в начале нашей эры одной, „восточной“, ветви вандалов к востоку от нижней Вислы, примерно там, где локализовалась позже историческая Галиндия» (Там же: 132–133), является беспочвенным.

В другой публикации В. Н. Топоров (1982б), уходя от основной темы (балтийской топонимики древней Москвы), обращается к «галиндским следам» в литературном творчестве Ф. М. Достоевского. Он усматривает «в экзистенциально-психологической „периферийности“ гибнущего Голядкина как бы последнего отпрыска гибнущей голяди (ср. русск. *голядь*, *голяда*, *голядка* ‘бедняк’, ‘нищий’, а также экспрессивные образования с восстановлением носового элемента: *голендай* ‘оборванец’, *голандия* ‘голь’ и т. п.), и в просвечивающем за ним образе отца — „Голядкина“» (Там же: 61).

Можно подвести итог: разработка галиндско-голядской тематики в научном творчестве В. Н. Топорова в целом неудачна. В ней упущена предыстория вопроса,

их возможное славянское или финно-угорское происхождение. Однако достоверно голядских следов среди них он не обнаружил. «Определенное свидетельство о присутствии голяди на Протве» трактовалось лишь как «общее впечатление важной и устойчивой роли балтийского („литовского“) компонента в Подмоскovie», хотя и упоминались такие «голядские» формы, как Голядянка, Голядь и Голядинка (реки около Москвы), Голяди (название деревень в Дмитровском и Клинском р-нах) и др. (Топоров 1972а: 270). Несколько ранее появилось исследование В. В. Седова по балтской гидронимии Волго-Окского междуречья, где представлено 180 балтских гидронимов и их карта (Седов 1971: 102–108, рис. 1), однако автор воздержался «от установления диалектной, а следовательно, и племенной принадлежности древнего балтского населения западных районов Волго-Окского междуречья» (Там же: 113). Как видим, речь о голяди в Подмоскovie тогда еще не шла.

¹¹ Здесь автор погрешил против истины — надо было сказать не «прежде всего», а «исключительно»!

проигнорированы альтернативные мнения, а самое главное — отсутствуют какие-либо новые для того времени исторические, археологические и лингвистические обоснования столь ответственных выводов.

В дальнейшем ученый отошел от этой тематики. Он занялся подготовкой многотомного словаря прусского языка, затем переключился на написание объемных литературоведческих монографий. Можно только гадать: почувствовал ли В. Н. Топоров, что галиндская тематика себя исчерпала, или усомнился в аргументированности своих миграционных гипотез. Так или иначе, «нашумевшая в свое время статья лингвиста В. Н. Топорова о прибалтийских галиндах в Западной Европе» (Щукин 2005: 418–419) не осталась незамеченной, как и другие его публикации по данной проблематике. Они ввели в заблуждение целый ряд знатоков европейской археологии I тыс. н. э.

Первой на них откликнулась М. Гимбутас в изданной в 1985 г. литовской версии монографии о балтах. Все утверждения В. Н. Топорова от «галиндки на монетах Валузиана» до «богатырей-Голядов» в легенде XX в. исследовательница приняла *a priori*, признав западнобалтское происхождение этих явлений (Gimbutienė 1985: 19–21). В ранней своей работе «Балты в доисторические времена» она утверждала, вслед за своим учителем Й. Пузином (Puzinas 1938: 238), что нет никаких доказательств прусской принадлежности подмосковной голяди, а это всего лишь наиболее удаленное к востоку племя восточных балтов (Alseikaitė 1944a: 38; 1944b: 108, žem. 2).

Публикации В. Н. Топорова не ускользнули от внимания польского археолога В. Новаковского. Вслед за своим соотечественником Е. Антоневичем, усомнившимся в правомерности гипотезы В. Б. Вилинбахова и Н. В. Энговатова (Antoniewicz 1979: 15, 77), он пришел к выводу, что «галиндские» имена и названия в Западной Европе сомнительны, а их интерпретация требует дальнейших тщательных исследований (Nowakowski 1995: 84).

М. Б. Щукин (2005: 218, 418–419), не будучи лингвистом, отказывался судить о степени обоснованности гипотез В. Н. Топорова. Отмечая отсутствие сведений о галиндах в письменных источниках, он осторожно допускал возможность их участия в событиях Великого переселения народов. Зато В. В. Седов, поддержавший эти идеи, посвятил голяди отдельную статью, в которой всячески пытался связать дославянское население мощинской культуры с летописным балтским племенем голядь, регион которого якобы «оставался недоступным для славянской колонизации до XV в.» (Седов 2000: 82).

В более ранней работе по балтской гидронимии Волго-Окского междуречья В. В. Седов не был столь категоричен и отмечал, что «лучше воздержаться от установления диалектной, а следовательно, и племенной принадлежности древнего балтского населения западных районов Волго-Окского междуречья. Эта задача разрешима лишь в результате анализа и картографии гидронимии всей обширной территории расселения балтских племен. Материалов небольшого участка древнебалтского гидронимического ареала, каким является область, ограниченная Волгой и Окой, для этого недостаточно» (Седов 1971: 113).

Идею миграций западных балтов «галиндов» в Испанию горячо поддержал известный специалист в области прусской археологии В. И. Кулаков. В двух почти одинаковых статьях (Kulakov 2013: 36–50; Кулаков 2017: 97–109), посвященных происхождению одного из типов ножей-кинжалов, он утверждает, что подобное

оружие оказалось «на восточной окраине Балтики, очевидно, в результате активности балтов, посетивших в начале V в. Пиренейский п-ов и затем вернувшихся на малую родину, а также перенесших идею создания подобного оружия западнобалтскими кузнецами вскоре после 430 г. (завершение галиндско-вандальского похода в Галисию)» (Кулаков 2017: 103).

Подобные «открытия» отсутствуют в работах В. Н. Топорова, который лишь обратил внимание, что «в Галисии до вестготов обосновались свевы», но не вандалы (Топоров 1983: 138)! Особенно странно звучит идея о возвращении балтов «на малую родину». Возникает вопрос, зачем В. И. Кулакову понадобилась идея В. Н. Топорова о миграции галиндов на Пиренейский п-ов? Возможно, он был заворужен находкой таинственного ножа «туровского типа», якобы принесенного в Ленинградскую область из далекой Испании (Платонова, Щукин 2000)? Но сопоставление данной находки с биметаллическими кинжалами ананьинской культуры выглядит много убедительнее (Михайлова, Соболев 2017: 106–109).

Также неудачна ссылка В. И. Кулакова на то, что якобы в прусском языке в словах *kalabian* ‘меч’ и *kalopeilis* ‘нож’ отражена именно их колющая функция. В случае с этимологией слова *kalopeilis* подчеркивается именно его бьюще-рубящая функция (Топоров 1980в: 175).

Как видим, миграционные идеи В. Н. Топорова после некоторого перерыва вновь привлекли внимание исследователей. Появились работы как археологов, так и лингвистов с их критическим разбором (см. ниже) (Hilberg 2009; Bliujienė 2013: 59; Аникин 2005; 2014; Юркенас 2011; 2013). В то же время некоторые литовские археологи под воздействием заманчивых гипотез В. Н. Топорова начали развивать идею великой миграции балтов–эстиев–галиндов. Э. Йовайша посвятил ей две объемистые монографии (Jovaiša 2012; 2014) и научно-популярную книгу (Jovaiša 2016). Идею Великой Галиндии от Подмосковья до Пиренеев и мысль о судьбоносных в истории Европы миграциях балтов (эстиев) он перенес даже в школьные учебники истории (Jovaiša et al. 2016: 148–165).

Далее мы проанализируем исторические, археологические и лингвистические аспекты данной темы в комплексе. Они тесно взаимосвязанны, но представители различных дисциплин нередко используют их выборочно, лишь с целью подтверждения своих гипотез. Критический анализ всей полноты источников до сих пор нигде не был представлен.

Исторические источники

Галинды (Γαλίνδαι), как и другое западнобалтское племя судины (Σουδινοί), впервые упоминаются К. Птолемеем (~100–170 гг.) (Птолемей 1994: III.5.7–1). Между первым и вторым их упоминанием (земля Galindia и племя Galinditae) хронистом Тевтонского ордена Петром Дусбургским († после 1326 г.) существует огромный интервал в 12 столетий, при неизменности локализации. В начале II тыс. н. э. в письменных источниках появляется и славянская форма наименования этого племени: «В лѣтѣ . ѕсѣ . . фѣ . . љѣ . ѕѣ . [6566 (1058)] Побѣди Изяславъ . Голадъ» (ПСРЛ. 1908. Т. 2: 106). Летописный контекст включает известия о походах киевских князей на ятвягов, связываемых с судинами Птолемея и Петра Дусбургского (Sudovitae). Поэтому представляется, что речь идет именно о прусских галиндах (ср.: Пашуто 1959: 11), хотя в трудах историков имеется альтернативное мнение, связывающее поход

Изяслава Киевского с событиями в Смоленской земле (Насонов 1951: 159, 166). На наш взгляд, мнение В. Т. Пашуто более убедительно. Оно находит подтверждение как в письменных источниках (походы киевских князей в X–XI вв. на ятвягов (например, в 974, 983, 1038 гг. и др.)) и Литву (в 1040, 1044 гг. и др.), так и в материалах исследований польских археологов на территории Прусской Галиндии. Согласно им, в середине XI в. галиндские поселения в районе озера Салент подверглись разрушению и более не восстанавливались. В слое пожара обнаружены «варяжские» наконечники стрел (Nowakiewicz 2006: 167, 170, *przyр.* 21; Nowakiewicz, Wróblewski 2003: 313–322). Авторы склонны связывать эти события с военной активностью киевских князей и именно в них усматривать анонимных христиан Петра Дусбургского, уничтоживших галиндов.

Второе упоминание голяди приурочено к р. Протве, левому притоку Оки: «В лѣѣ ꙗꙗ хъ нѣ . [6655 (1147)] Иде Гюрги воевать Новгородчкои волости . и пришедь взѣ Новгородъ Торгъ . и Мьстоу всю взѣ а ко Стѣславоу присла . Юрьѣ повелѣ емоу Смоленскоую волость воевати . и шедь Стѣславъ . и взѣ люди Голадь верхъ Поротве . и тако шполонишасѣ дружина Стѣславла . и приславъ Гюргии . ре^ч приди ко мнѣ брате въ Московъ В Стѣславъ же ѣха к нему .»

Из сообщения следует, что черниговский князь Святослав Ольгович пополнил войско свое людьми голядью, жившими на Протве. Обычно это интерпретируется вне контекста, на том основании, что там проживало балтское племя галиндов/голяди. Весь спектр мнений по данному вопросу представил В. В. Седов (Седов 2000: 75–76), считавший, что голядь — потомки балтского населения, проживавшего на этой территории с древнейших времен. Гибель московского князя Михаила Ярославича в сражении с Литвой на р. Протве (1248 г.) он тоже связывает с восточными галиндами.

Утверждая, что литва на р. Протве в середине XIII в. — это потомки голяди (Там же: 75), ученый как бы забывает, что в одной лишь Новгородской I летописи упомянуты походы Литвы на Шелонь (1217 г.), Торопец (1223 г.), Торжок (1225 г.), Любну (1229 г.), Русу и Клину (1234 г.), Торжок и Бежицу (1245 г.) и др. (ПСРЛ 2004. Т. 43: 83, 85–87, 89–90, 94–95). Вне контекста р. Протвы никто не связывает эти походы с племенем голядь. Слово «Литва» в Ипатьевской летописи (ПСРЛ 1908. Т. 2) упоминается 73 раза, в Лаврентьевской летописи (ПСРЛ 1926–1928. Т. 1) — 25 раз, в Западнорусских летописях (ПСРЛ 1907. Т. 17) — 252 раза!

Сообщение 1147 г. о голяди на Протве позволяет засомневаться в том, что голядь в данном случае является этнонимом. Проанализировав контекст слова «люди» в Ипатьевской, Лаврентьевской и Западнорусских летописях, мы нигде не обнаружили его употребления с каким-либо этнонимом. В редких случаях с этим словом употребляются прилагательные принадлежности, ср. в Ипатьевской летописи: *людии Руськоѣ земли* (945 г.), *люди Татарьскиѣ* (1257 г.), *людие Миндогови* (1258 г.), *Василковымъ людемъ* (1259 г.); в Лаврентьевской летописи — *люди Жидовьскиѣ* (986 г.) и др. Кроме этого — *люди вѣрньѣ*, *люди добръѣ*, *люди сѣѣ новыѣ*,¹² *люди многы* и т. п., но никак не *люди Литва*, *люди Чудь*, *люди Ятвась / Ятвѣзи*¹³ или *люди Замъгола*, *Лѣтьгола* и т. п.

¹² Определение может стоять не только после определяемого слова, но и перед ним, например, *новыѣ* люди *своѣ* (ср. ПСРЛ 1908. Т. 2: 996, 988).

¹³ В Ипатьевской летописи этот этноним употребляется 35 раз.

Следует отметить, что народ голядь не упоминается в летописи ни в перечне славянских племен, ни в списке иных племен, населявших Русь или плативших дань (ср.: Насонов 1951: 211). Напрашивается логический вывод: а не имел ли летописец здесь в виду «люди голядь» в значении людей зависимых, малоимущих? В дальнейшем этот термин трансформировался в ‘бедняка, нищего, бедности, нищеты’ — ср. *голяда́*, *голя́дка*, *голенду́ха*, *голенда́й* (‘оборванец’), *голыдьба́*, *голотьба́* (Даль 1978: 382).

То, что упомянутая *голядь* не есть этноним, подтверждают разночтения в списках летописей. Переписчики, не понимая слова *голядь*, в меру своего разумения представили всевозможные версии: «възя Людиголядь, верхъ Поротвы» (Воскресенская), «възя Людиголядь въверхъ Поротвы» (Типографская), «възя Люди, Голядь» (Тверская), «възя градъ Голеди» (Никоновская), «възя Людголядь» (Ермолинская).¹⁴

Следы «восточной голяди» некоторые ученые склонны усматривать в этнониме *Coldas*, упомянутом Иорданом (Иордан 2001). В. Н. Топоров (1980б: 132) произвольно исправляет эту форму на *Goldas*, то ли редактируя Иордана, то ли исправляя А. Л. Погодина (1940: 24), впервые в 1940 г. заметившего сходство этнонима *Coldas* со славянским *голядь*. Однако лингвистически данное предположение абсурдно (из-за полного искажения звуковых соответствий), а исторически — маловероятно (Шукин 2005: 215). Вряд ли Германарих во время рейдов в лесную зону Восточной Европы (третья четв. IV в.) слышал данный этноним в славянской огласовке.

Данные археологии

С прусскими галиндами связывается богачевская археологическая культура, возникшая в середине I в. до н. э. в регионе Мазурского поозерья (Nowakowski 1995). Своеобразие региона богачевской культуры, возможность использования янтарных месторождений и контроля над определенным отрезком янтарного пути привлекли внимание античных авторов к этому региону и его жителям. Максимального распространения богачевская культура достигает в период ~150–220 гг. Она охватывает Мронговское поозерье, регион великих Мазурских озер, Элкское поозерье. Отдельные памятники распространены на более обширной территории — на Прусской низменности, в долинах рек Лыны, Венгорапы и Голдапы. Отдельные археологические находки, связываемые с данной культурой, встречаются и на более обширной территории — во всем западнобалтском регионе вплоть до Западной Двины, а также на памятниках культуры поздней штрихованной керамики. Некоторые исследователи, исходя из этого, делают вывод о великой волне миграции эстиев (балтов) в Восточную Литву в 150–200 гг. н. э. и связывают ее с распространением галиндско-судавско-вельбаркской культуры (Jovaiša 2014: 11, žem.).

Не вступая в дискуссию об этносе вельбаркской культуры, отметим, что «переселение галиндов» не принесло в этот регион свой этноним *galind-*, хотя, казалось бы, здесь он должен был появиться в первую очередь. Анализируя контакты богачевской культуры с ее северо-восточными соседями, можно поддержать мнение

¹⁴ Ср.: Читаем летописи 6 (1146–1154 гг.): <http://www.stihi.ru/2017/07/05/9413>

В. Новаковского (Nowakowski 1995: 19), что уже в Сувалкском регионе мы сталкиваемся с влиянием культур, как с запада, так и с востока — из области пограничья культуры штрихованной керамики.

Несмотря на всю условность демографических подсчетов, относящихся к римскому времени, предполагается, что во II в. н. э. на территориях, занимаемых германскими племенами, могло обитать не более 4 млн человек (2,4 человека на 1 км²). Избыточная плотность населения стала одной из причин миграции (Kurila 2014: 125–126). На территории Литвы плотность населения в I тыс. составляла 0,8–0,9 человек на 1 км², а на всей территории современной Литвы могло проживать около 26–59 тыс. человек (Ibid.: 194).

Галинды, проживая на закрытой и малодоступной территории, могли на ней сохраниться до начала II тыс. Территория богачевской культуры I–V вв. невелика — около 10 000 км²; значительную ее часть занимают Мазурские озера. Из этого следует, что население не превышало тут ~9800 человек. Малочисленное племя галиндов никак не могло принять активного участия в миграционных процессах или оставить заметный след в истории Европы. Если отдельные индивиды принимали участие в походах разноплеменных дружин, они сразу растворялись в массе чужеродного населения. Примером может служить загадочный I-Атьвгь Гунаревь в составе русского посольства 945 г. в Византию — возможно, первый западный балт, попавший в письменную историю (ПСРЛ 1908. Т. 2: 27).

Подмосковную голядь некоторые археологи — В. В. Седов (2000), а в последнее время и Э. Йовайша (Jovaiša 2014: 55–87) безоговорочно связывают с мощинской культурой. Исследовавшая данную культуру в середине XX в. Т. Н. Никольская отмечала ее близость зарубинецкой культуре Десны и Верхнего Поднепровья и связывала со славянскими древностями (Никольская 1959: 306). Ныне мощинская культура детально исследована российским археологом А. М. Воронцовым (Воронцов 2013). Из картографированных им 117 памятников данной культуры лишь семь находятся в бассейне р. Протвы (Там же: 83, рис. 3), который, несомненно, являлся окраиной ареала данной культуры (рис. 3).

Выделение хронологических горизонтов мощинской культуры показывает, что, возникнув в середине — второй половине III в. н. э., она исчезает в конце IV–V в. Лишь отдельные ее памятники, расположенные на малых притоках р. Оки, доживают до VI–VII вв. Исчезновение мощинской культуры отделяет от летописного упоминания *людей Голади* полтысячелетия.

В. В. Седов (Седов 2000: 80) отмечал, что на р. Протве известны только немногочисленные курганные могильники, состоящие всего из нескольких насыпей, причем и они практически не исследованы. Все остальные «голядские следы» прослеживаются на бывшей территории мощинской культуры на рубеже I–II тыс. н. э. и ассоциируются с балтским наследием в широком смысле (количество перстней в погребениях, бытование шейных гривен на вятичской территории, северная ориентация погребенных, изредка встречающиеся остатки конских захоронений, наличие при погребенном топора и копья и т. п.) (Там же: 78–82). Как характеристики собственно голяди они выглядят малоубедительно. Это заметно и по опубликованной В. В. Седовым объективной карте этнокультурной ситуации на Оке в XI–XII вв. (Там же: рис. 3). На ней голядь помещена

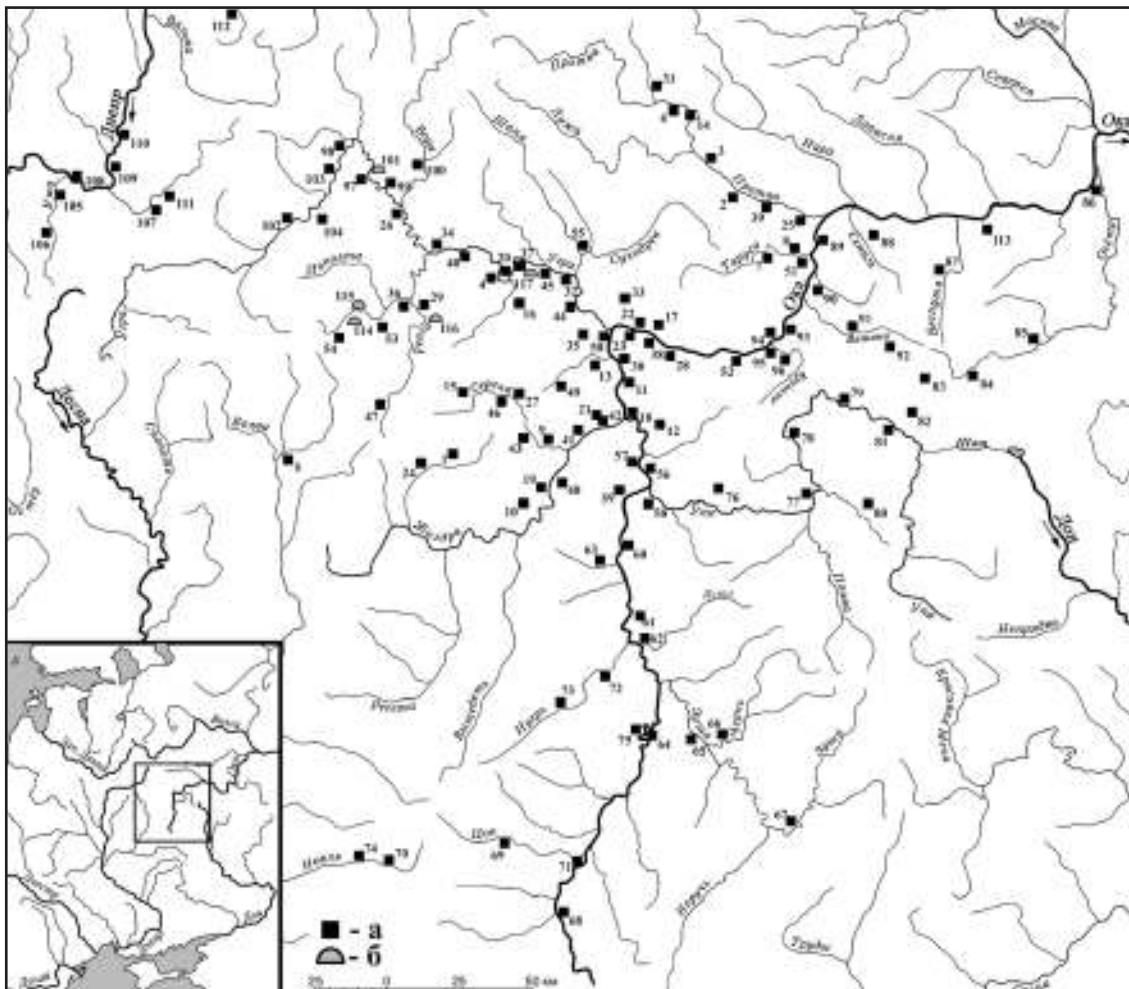

Рис. 3. Городища и курганы мощинской культуры: *a* — городища; *b* — курганы (по: Воронцов 2013: рис. 3)

Fig. 3. Settlements and barrows of the Moshchino culture: *a* — hill-forts, *b* — barrows (after Воронцов 2013: Fig. 3)

на межплеменной пустоши между густонаселенными вятичскими и кривичскими территориями (рис. 4).

Объективности ради отметим, что на археологической карте средней Оки между массивами мощинской, позднедьяковской и рязано-окской культур встречаются отдельные могильники с кремациями последней четверти I тыс. н. э. (Потемкина и др. 2013: 260–266; Сыроватко 2014: 214). Исследователи допускают возможность существования здесь автохтонного населения, происхождение которого восходит к эпохе переселения народов или даже к раннему железному веку (Сыроватко 2014: 74). Допускается не только принадлежность этих памятников к новой культурной группе, но и наличие иной формы обрядности для уже известных культур — мощинской или позднедьяковской (Там же: 73).¹⁵

¹⁵ За указание на данную литературу авторы признательны А. М. Обломскому.

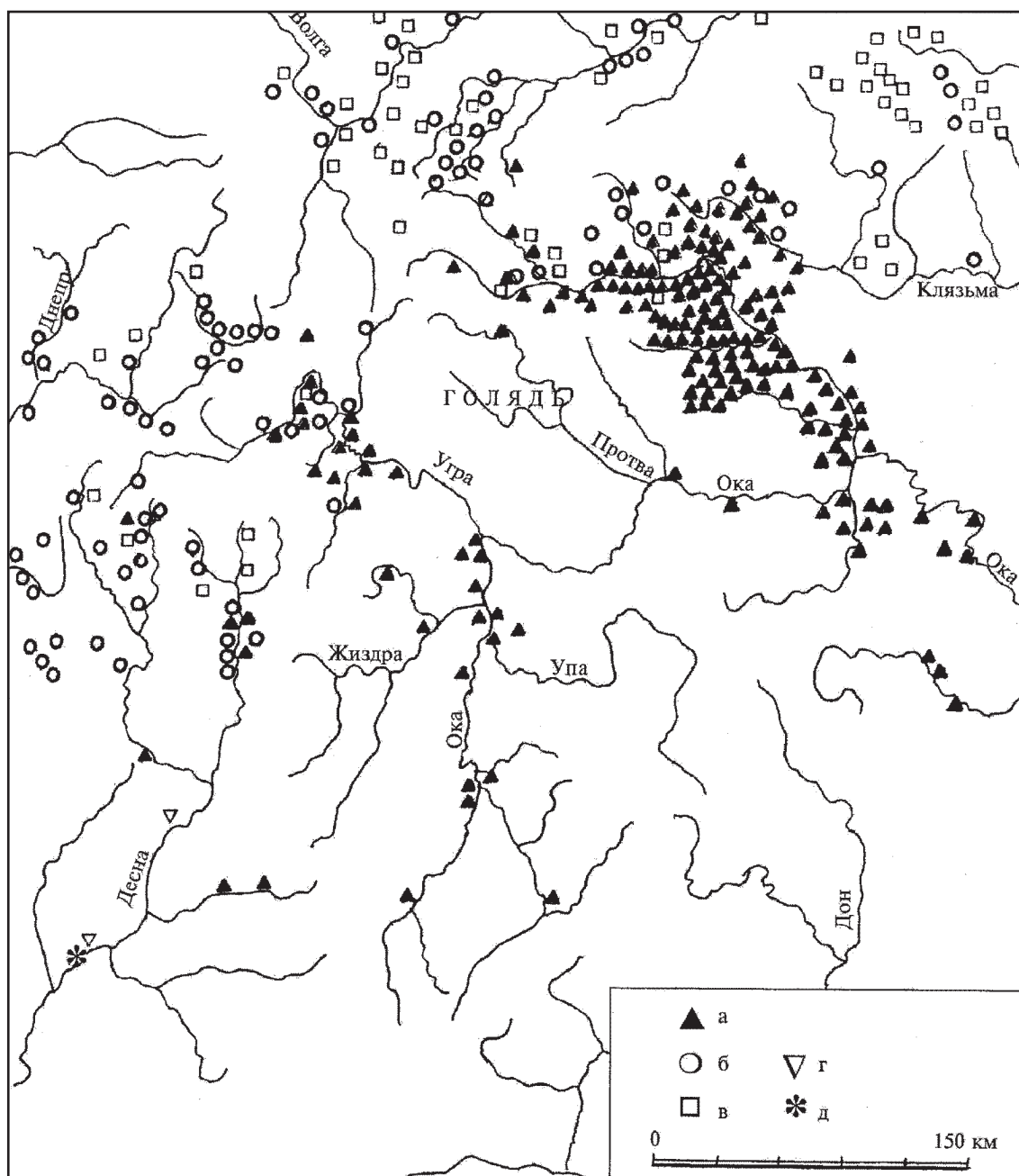

Рис 4. Этнокультурная ситуация на Оке в XI–XII вв.: а — памятники с находками семилопастных височных колец (вятичи); б — с находками браслетообразных завязанных височных колец (кривичи смоленско-полоцкие); в — с находками браслетообразных сомкнутых височных колец («меря»); г — с находками семилучевых височных колец (радимичи); д — с находками спиральных височных колец (северяне) (по: Седов 2000: рис. 3)

Fig. 4. Ethno-cultural situation on the Oka in the XI–XII centuries: a — archaeological sites with finds of seven-lobed temporal rings (Vyatichs); б — with finds of bracelet-like tied temporal rings (Krivichs of Smolensk-Polotsk); в — with finds of bracelet-like closed temporal rings (“Merya”); г — with finds of seven-beam temporal rings (Radimichs); д — with finds of spiral temporal rings (Severians) (after Седов 2000: Fig. 3)

Голядь и данные лингвистики

Сведения о «восточной голяди» В. Н. Топоров пытался пополнить данными гидронимики рассматриваемого региона (Топоров 1972а; 1972б; 1982а; 1982б; 1988; 1989; 1997). Анализ гидронимов и отчасти топонимов ограничивался у него простым перечислением форм, без их локализации, датировки и сравнения со схожими формами в балтийских, славянских и финно-угорских языках (например: *Алтынист*, *Алчанка*, *Батынка*, *Белейка*, *Бесенка*... далее следует список из 170 названий; *Шанка*, *Шанкинка*, *Шипуленка*, *Шусть*, *Шутинка*, *Якоть* и др.) (Топоров 1982б: 6–7).

Приведенные этимологизации редки и неудачны. Так, название р. Ушбица (левый приток Ведомы) он возводит к **Ушба* и связывает с *Užupis*, *Užupės*, *Užupiai*, *Užupėnai*, которые в литовском языке обозначают населенные пункты, в основе названий которых лежит распространенный географический апеллятив *за-речье*» (ср. литов. *už* ‘за’ + *irė* ‘река’),¹⁶ что исключает название реки *Заречье* (**Ушба*) от населенного пункта *Заречье*.

Следами галиндов/голяди В. Н. Топоров считал формы типа *Голедянка*, *Голядь*, *Голядинка*, *Голяди* и т. д., относя их к галиндским этнонимам. Однако подобные формы встречаются и там, где никаких галиндов не было и быть не могло, на что указывал уже Е. Антонец (Antoniewicz 1979: 77, сноска 357). Иных следов *голяди* в обширном гидро- и топонимическом материале не обнаружено.

Гидронимия данного региона была тщательно изучена Ю. В. Откупщиковым. Его «конкретный анализ речных и иных названий балтийского происхождения в бассейне Оки показывает, что это — гидронимия не „западнобалтийского типа“, а „восточнобалтийского, наиболее близкая к литовскому языку, но и с элементами, близкими к языку латышскому» (Откупщиков 2004: 109–110).

В. Н. Топоров (Топоров 1972а: 278) утверждал, что «память о балтийском элементе в Подмосковье сохраняется в довольно многочисленных лексических заимствованиях из балтийских языков... Даже учитывая скудость диалектного лексического материала, относящегося к Подмосковью, нетрудно привести несколько десятков слов». Иллюстрирует это лишь один неудачный пример — слово *кромсать*, которое автор связал со словом *кремль* (прус. *Kremon*, *Kremiten*, литов. *krim̃sti* — ‘кусать, грызть’, литов. *krāmas* — ‘голова (змеи и т. п.)’, ‘устье’, ‘впадение’, ‘жерло’ и т. п.) (Там же: 276, 278), игнорируя общепринятые этимологии (Фасмер 1986: 370–371, 380–381). Не найдя реальных признаков «балтийского элемента» в лексике Подмосковья, В. Н. Топоров все же пытался найти там следы языка голяди (Топоров 1973: 43–46).

Проанализировавший эти работы лингвист-этимолог А. Е. Аникин (Аникин 2005) также не нашел ни восточно-, ни западнобалтийских заимствований. По его словам, «приходится <...> квалифицировать как в целом неудачную попытку В. Н. Топорова выявить апеллятивные реликты языка голяди в говорах Подмосковья: диалектизмы наподобие *аланя* ‘пиво’, *анда* ‘даже’, *жэгара* ‘грибной нарост на березе’ и т. д. (Топоров 1973) не имеют достоверных балтийских этимологий, объясняются из небалтийских источников; многие из них к тому же отнюдь не являются специфически подмосковными» (Аникин 2014: 62).

¹⁶ Предположение, основанное в данном случае на изменении: **užup*-> **ušp*-> **ušb*-> → **Ушб-а*, представляется громоздким и даже абсурдным.

Галинды в Центральной и Западной Европе

По В. Н. Топорову, следами галиндов в Центральной Европе являются разнообразные, разновременные и территориально разбросанные антропонимы и топонимы, напоминающие по звучанию этноним *galind-* (Топоров 1980б: 127). В числе их реконструируемые топонимы **Goland* (ср. герм. *land* ‘земля, страна’) и даже **Golaid-*, старопольские антропонимы *Golandin* (1065? = *Gołędzin*), *Andream Galanda* (= **Gołęda*, 1458), а также чешские топонимы *Holedec*, **Holedcův dvůr*, *Holedeček*, *Holešice*, *Holetice* (*Holotice*), немецкие топонимы *Groß-Holetitz*, *Klein-Holetitz*, *Holeditz*; племенное название *Golensizi* (*civitates* — Баварский Географ около 870 г.), польский топоним *gradice Golensiczshe* (sic!).

Большинство их славянского происхождения, однако В. Н. Топоров полностью игнорирует славянский апеллятив с корнем **голь-* / **галь-* ‘голое, безлесное пространство’ (ср. Толстой 1969: 104–110), лежащий в основе названия городов *Галич*, а также в ряде западнославянских топонимов (Нерознак 1983: 56–57).

В основе как балтских, так и других индоевропейских этнонимов лежит общий источник — европейская ономастика. Х. Краэ делает вывод о том, что на территории, которую занимают или когда-то занимали германские, кельтские (с венетским), иллирийские и балтийские племена распространены аналогичные, общие по форме и по характеру своего происхождения так называемые «древнеевропейские» гидронимы (Krahe 1954: 49–64). По мнению литовского лингвиста Ю. Юркена, «наличие аналогичных по своей форме собственных имен в разных частях европейского континента, пересечение разных онимических рядов — это показатель архаичности соответствующих единиц» (Юркенас 2013: 36). Онимические ряды антропонимов и гидронимов часто пересекаются в балтийских, германских, кельтских и других индоевропейских языках (Юркенас 2011: 238–248). Одним из примеров является слово с корнем *gal-* — этнонимы: (в имени) *Galindo* 1273, Γαλίνδαи (Птолемей), рус. *Голядь*, *Galli*, Γαλάται, фракийское племя Γαλαίοι, кельт. *Gall-itaе*, *Gall-ovari*. Ю. Юркенас приводит их обширный список, который мог бы «обогащать» ареал обитания галиндов от Атлантики до Урала: *Galēni* (Латвия), *Galanta* (Словакия), *Galata* (Болгария), фрак. Γάλυκος, иллир. *Galaestes*, герм. *Gali-man*, *Caleman*, *Galindus* (!), литов. *Galentas* и др. Обоснованный вывод из этого таков: «собственные имена с основой *Gal-* в своем составе — это единицы древней онимии европейского региона» (Юркенас 2011: 242–243).

Исторические источники не позволяют согласовать гипотезы В. Н. Топорова с реальностью — ни в географическом, ни в хронологическом отношениях. Необъяснимо, как одно небольшое племя западных балтов участвовало в Великом переселении народов. Откуда на маленькой, скудной родине Галиндов возникли такие людские ресурсы, такой экономический и военный потенциал?!

Плиний Старший (23–79 гг.) первым упомянул среди множества германских племен готов, вандалов и бургундов (Nat. 4.28). Наиболее полные сведения о германцах представил Тацит (около 56–120 гг.) и автор готской истории Иордан († около 552 г.) (Poljakov 2015: 294–306). Кроме того, накоплено огромное количество как археологических (Шукин 2005; Kokowski 2007), так и языковых данных. Этнолингвистическая информация античных, в том числе германских, историков очень значительна. В небольшом по объему труде «*Getica*» Иордана (Иордан 2001) упомянуто около 250 этнонимов и имен местных жителей. Среди названий народов

с начальным *g*- упомянуты: герулы (эрулы), гитоны, гольтескифы, гревтунги и другие, однако «союзники и спутники» готов — галинды отсутствуют.

Иордан упоминает также около 350 личных имен. Важнейшим моментом готской истории, пожалуй, и всей истории Европы того времени, была Каталаунская «битва народов» 451 г. (Там же: 197–228). Описание этого сражения поражает своей детальностью, но о галиндах историк хранит гробовое молчание.

Следы «готского пути» хорошо прослеживаются археологически на разных этапах и согласуются с историческими источниками (Щукин 2005: 389–401; Kokowski 2007: 233–249, 289–344; Kampers 2008). Там, где готы правили дольше — на Иберийском п-ове, — известны их многочисленные могильники и памятники архитектуры и искусства (рис. 5 — Щукин 2005: рис. 142). Но следы материальной культуры галиндов, их упоминания в письменных источниках во время готских походов до сих пор не обнаружены. Это признавал и сам В. Н. Топоров (1983: 133).

Идея В. Н. Топорова об «испанских галиндах», имевших даже «свои территориальные центры» (Там же: 135, 138), оказалась особенно живучей. М. Б. Щукин указывал: «Если... В. Н. Топоров прав в своих наблюдениях, а о степени их обоснованности я не смею судить, то вандалская версия получает определенное преимущество: вандалы изначально были обитателями нынешней Польши, близкими соседями галиндов. Топонимы концентрируются в Северо-Западной Испании, где вандалы и размещались, пока хромой Гензерих не увел их в Северную Африку в 430 г.» (Щукин 2005: 418–419).

Несколько выше М. Б. Щукин (Там же: 403, рис. 142) поместил карту распространения вестготских могильников V–VIII вв. в Испании. Они занимают в основном центральную часть Пиренейского п-ова и полностью отсутствуют в северо-западной Испании на территории «пиренейской Галиндии» В. Н. Топорова (Топоров 1983: 138; ср. Щукин 2005: 419, рис. 152). В связи с этим в работе М. Б. Щукина появляются вандалы, однако в действительности северо-западная часть Иберийского п-ова была занята свевами. Путь же вандалов, начиная с прорыва границы лимеса на Рейне в 407 г. и вплоть до ухода в северную Африку в 429 г., исторически хорошо документирован. По Иберийскому п-ову он проходил намного южнее.¹⁷

Отсутствие сведений о галиндах в Западной Европе не стало препятствием для гипотезы В. Н. Топорова. Он без анализа представил пять топонимов, обнаруженных им в «пиренейской Галиндии»: *Galende, Gainde, Gaindo, Guindo, Guindães* (Топоров 1983: 136). Остальные формы — это лишь множество антропонимов, включая и распространенные в индоевропейских языках «орнитоморфные» имена *Galín, Galina* (ср. *uxor Galini*), образованные от лат. *gallina* 'курица' и *gallus* 'петух', собранные со всех регионов Испании и Португалии. В. Н. Топоров не объяснял, как на небольшой территории этноним *galind-* претерпел столь серьезные фонетические изменения. Отметим, что форма *galind-* в языке басков (ср. *Garindein — Garindain — Garindañe*) взята им вне басконских этимологий (Там же: 136–137).

При этом автор обошел молчанием тот факт, что кельты, известные в исторических источниках примерно с 500 г. до н. э., имели схожий по звучанию с галиндами этноним (ср. др.-греч. Γαλάται, лат. *Galli*) и в прошлом населяли огромные территории

¹⁷ Сам В. Н. Топоров никак не связывает появление галиндов в Испании с вандалами; единственный «вандалско-галиндский поток» он отмечает только в Центральной Европе (см.: Топоров 1983: 132–134).

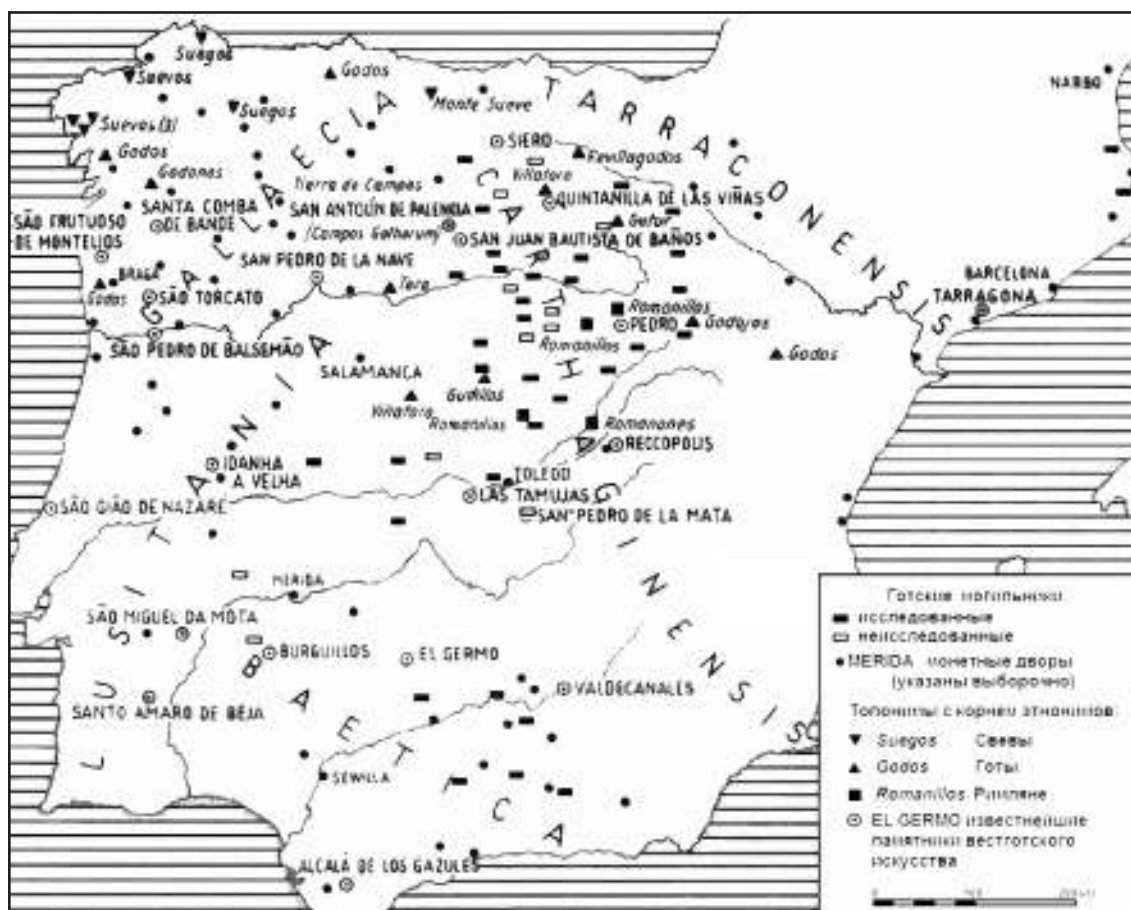

Рис. 5. Вестготы и свевы на Пиренейском п-ове (по: Strzelczyk 1984: Map. 15)
 Fig. 5. Visigoths and Suebi on the Iberian Peninsula (after Strzelczyk 1984: Map. 15)

Центральной и Западной Европы (Green 1996: 4). Их обитание там иллюстрирует целая археологическая эпоха La Tène, время наивысшего расцвета кельтской культуры (Collis 1998; 2003). На европейском континенте и даже в Малой Азии они оставили тысячи языковых следов в топонимике и ономастике, включая многочисленные этнонимы в названиях стран, городов, горных массивов (Poljakov 2015: 386–402). Многие из цитируемых В. Н. Топоровым (Топоров 1983: 136–138) форм «с элементом *Galind-» явно связаны с кельтскими этнонимами (ср. *campus Galindonis*, *Castellgali*, *Gali*, *collo Galinni*, *Galinnone*, *Galinosi* и др.). Формы без плавного *l* (*Gainde*, *Gaindo*, *Guindo*, *Guindaes* и др.) могут быть и готского происхождения.

На Иберийском п-ове известны топонимы, носящие в своем корне разные этнонимы: свевов — *Monte Sueve*, *Suevos* (4x — 4-кратное упоминание), *Suegos* (2x), именно на территории пребывания свевов в Галисии, готов — *Godos* (4x), *Godojos*, *Gutur*, *Revillagodos*, *Gudillos*, *campos Gotorum*, *Godones*, *Villatoro* (2x), *Toro*, находящиеся в центре полуострова, и римские *Romanillos* (3x), *Romanones* к юго-востоку от них (Strzelczyk 1984: 205, rys. 15). И это притом, что пришлое германское население составляло не более 5 % жителей полуострова (Ibid.: 206–207). Сколько же должно было бы там проживать галиндов, которые, по В. Н. Топорову, буквально испещрили его только одним своим этнонимом?!

Отдельные названия в Галисии сохранились еще от обитавших там племен докельтского и кельтского времени *Callaeci*, *Calontenses*, *Caladuni* (с поздним переходом *c > g*, ср. ниже *Callaecia* и *Gallaecia*).

В 711–720 гг. почти весь Иберийский полуостров был захвачен арабами и находился под их властью более 650 лет. По-арабски ‘замок, крепость’ — *قَلْعَة* *qal‘at*,¹⁸ и нельзя исключать, что часть «галиндских» имен В. Н. Топорова связаны с этим словом. Следует заметить, что появившаяся арабская провинция *سُلْدَنْ أَلْ* аль Андалус (позже отдельный халифат, а ныне — регион Испании) получила свое название от племени вандалов.

Название *Galisija* ‘Галисия’ (ср. др.-греч. Καλλαϊκόν) ‘земля галисцев’ несомненно связано с пребыванием там кельтов и происходит от лат. топонима *Callaecia*, позднее — *Gallaecia*. Его происхождение и варианты (*Callaetia*, *Gallaetia*, *Galatae*, *Galletia* и др.) исследованы в работе испанского лингвиста Х. Моралехо (Moralejo 2007: 113–148). В ономастике Галисии каких-либо следов «особой этнической группы западнобалтийского происхождения — галиндов» со «своими территориальными центрами», как предполагал В. Н. Топоров (Топоров 1983: 135), не обнаруживается.

Исследование топонимов Галисии римского времени показало, что кельтские составляют там 41 %, индоевропейские (без кельтских и латинских) — 36 %, латинские — 14 %, неиндоевропейские — 9 %. Низкий процент латинских топонимов объясняется слабой степенью ее романизации (Curchin 2008: 109, 136). Как именно галинды, которые «могли утратить свой язык еще по пути в Испанию, сохраняя при этом, однако, известную этнокультурную обособленность от вестготов» (Топоров 1983: 135), «галиндизировали» Испанию — остается непонятным. И как они могли, создав «пиренейскую Галиндию, которая вписывается в этнотопографический контекст Испании» (Там же: 135), не оставить там ничего, кроме своего этнонима? От кельтского же наследия на Иберийском п-ове сохранилось множество исторических свидетельств, археологических памятников и значительное письменное наследие кельтиберийского языка II–I вв. до н. э.¹⁹

Как уже было отмечено, гипотеза В. Н. Топорова о «пребывании галиндов в Испании» выросла из несостоятельного в своей основе предположения Р. Муха (Much 1913–1915: 304). Археолог В. Хильберг, изучив происхождение имен с основой *Galind-* (Hilberg 2009: 20–28), установил, что они отсутствуют в Испании и Франции в период с начала VI и до начала VIII в. (Ibid.: 27). Вывод основан на анализе исторических источников и, прежде всего, на тщательном исследовании полной («vollständige») просопографии Королевства вестготов (см. также: García Moreno 1974; Kamper 1979; Ventura Salvador 1998; Hilberg 2009: 27).

В. Хильберг указывает, что источники «не содержат ни одного антропонима „Galindus/-o“ и «не упоминают ни единого слова об эстиях, галиндах или балтах» (Hilberg 2009: 27, Fn. 65). «Все датированные формы имени Galind- — это в основном личные имена, впервые упоминаемые только в IX в.; все они из Картулярия аббатства Сен-Сернэн (Saint-Sernin de Toulouse), из единственного места к югу от Пиренеев около Памплоны» (Ibid.: 27). Отсюда следует, что «карта

¹⁸ Согласные *q-(k-)* и *g-* могут варьироваться в родственных языках, ср. половецк. *Galat* и турецк. *Kala* ‘крепость’.

¹⁹ О кельтиберийском языке см.: Stifter 2008: 41–44.

распространения элемента **Galind-* в Европе (на фоне миграции восточногерманских племен)» (Топоров 1983: 134) не имеет реальных исторических, лингвистических и, естественно, археологических оснований.

Документы с именем *Galind-* написаны языком, содержащим «сильную смесь латинского языка и местной романской речи» (Hilberg 2009: 27). Уже Г. Кауфман, исследуя антропонимы с формами *Galindus/-o*, заметил, что они очень редки и встречаются только среди имен западных франков. Он также установил важную особенность: начальный *G-* в данных именах является гиперкоррекцией начального германского звука *W-*, ср. *Galo / Gualo* вместо *Walo* или *Galaman / Gualaman* вместо *Walaman* и т. д. (Kaufmann 1968: 135; ср. Hilberg 2009: 27).²⁰ Отметим, что сам В. Н. Топоров цитировал работу Кауфмана (ср.: Топоров 1983: 133, сноска 7), однако не учел его аргументов, исключавших существование «Пиренейской Галиндии».

Надеемся, что собранные данные и проведенный нами критический анализ позволят более объективно осветить запутанные моменты истории Великого переселения народов и избежать тиражирования сомнительных гипотез в лингвистике и археологии.

Авторы статьи глубоко благодарны всем коллегам, как в Литве, так и на просторах Великой Галиндии, которые участвовали в дискуссиях и приняли или поддерживали наши идеи, особенно Н. И. Платоновой, оказавшей незаменимую помощь в подготовке данной статьи.

Литература

Аникин 2005 — Аникин А. Е. Опыт словаря балтизмов в русском языке. Новосибирск: Наука, 2005. 396 с.

Аникин 2014 — Аникин А. Е. О дискуссии В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева по балтославянской проблематике // Цивьян Т. В., Завьялова М. В., Юджентис А. (ред.). *Baltai ir slavai: dvasinių kultūrų sankritos* (Балты и славяне: пересечение духовных культур). Vilnius: Versmė, 2014. С. 60–72.

Вилинбахов, Энговатов 1963 — Вилинбахов В. Б., Энговатов Н. В. Предварительные замечания о западной Галиндии и восточной голяди // *Slavia Occidentalis. Poznań*, 1963. Т. 23. С. 233–269.

Воронцов 2013 — Воронцов А. М. Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела. Тула: Музей-заповедник «Куликово поле», 2013. 173 с.

Даль 1978 — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1978. Т. 1: А–З. 699 с.

Иордан 2001 — Иордан. О происхождении и деяниях гетов (*Getica*). СПб.: Алетея, 2001. 506 с.

Кулаков 2017 — Кулаков В. И. О происхождении ножей-кинжалов // ЗИИМК. 2017. № 15. С. 97–109.

Лухтанас, Поляков 2017 — Лухтанас А., Поляков О. В. Галинды на просторах Европы: история одной псевдонаучной гипотезы // Савинов Д. Г. (отв. ред.). Ранний железный век Европы от рубежа эр до середины I тыс. н. э. Динамика освоения культурного пространства:

²⁰ Ср. схожее чередование согласных в формах этнонима *Suegos* и *Suevos* — см.: рис. 5. Ср. также, что в латинских текстах имя епископа — переводчика Библии на готский язык, не только *Ulfilas*, *Vulfilas*, *Ulphilas*, но и *Gulfilas*, ср. *tunc Gulfilas* (также — *Golphilas*. — Авт.), Waitz 1840: 51.

Материалы IV МНК «Археологические источники и культурогенез», 14–18 ноября 2017 г. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 90–93.

Менхен-Хельфен 2014 — *Менхен-Хельфен О.* История и культура гуннов. М.: Центрполиграф, 2014. 412 с.

Михайлова, Соболев 2017 — *Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю.* Древности микрорегиона Турово-Мерёво и загадка «туровского меча» // Савинов Д. Г. (отв. ред.). Ранний железный век Евразии от рубежа эр до середины I тыс. н. э. Динамика освоения культурного пространства: Материалы IV МНК «Археологические источники и культурогенез», 14–18 ноября 2017 г. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 106–109.

Насонов 1951 — *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 282 с.

Нерознак 1983 — *Нерознак В. П.* Название древнерусских городов. М.: Наука, 1983. 209 с.

Никольская 1959 — *Никольская Т. Н.* Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 152 с. (МИА. № 72).

Откупщиков 2004 — *Откупщиков Ю. В.* Древняя гидронимия в бассейне Оки // Иванов В. В. (отв. ред. серии). Балто-славянские исследования. М.: Индрик, 2004. 16. С. 83–114.

Пашуто 1959 — *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 531 с.

Платонова, Шукин 2000 — *Платонова Н. И., Шукин М. Б.* Странная случайная находка из окрестностей Луги Ленинградской области // АВ. 2000. Вып. 7. С. 178–188.

Погодин 1940 — *Погодин А. Л.* Славяно-финские древности. III. Народы Германариха // Сборник Русского археологического общества в Югославии. Белград, 1940. Т. 3. С. 5–30.

Потемкина и др. 2013 — *Потемкина О. Ю., Сыроватко А. С., Клещенко Е. А.* Соколова Пустынь — новый погребальный памятник позднедьяковского времени // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 260–266.

ПСРЛ 1907 — Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою Коммиссиею. Томъ семнадцатый: Западнорусскія летописи. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1907. 648 с.

ПСРЛ 1908 — Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою Коммиссиею. Томъ второй: Ипатьевская летопись. Издание второе. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. 638 с.

ПСРЛ 1926–1928 — Полное собрание русских летописей, издаваемое Постоянною Историко-Археографическою Комиссиею Академии Наук СССР. Томъ первый: Лаврентьевская летопись. Издание второе. Л.: Изд-во АН СССР, 1926–1928. 379 с.

ПСРЛ 2004 — Полное собрание русских летописей. Том 43. Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Птолемей 1994 — *Πτολεμαῖος Κλαύδιος. Γεωγραφικὴ Ὑφήγησις*. III. 5.7–10 — цит.: Гиндин Л. А., Литаврин Г. Г. (отв. ред.). Свод древнейших письменных известий о славянах. М.: Восточная литература РАН, 1994. Т. 1. С. 50–51.

Седов 1971 — *Седов В. В.* Балтийская гидронимия Волго-Окского междуречья // *Краснов Ю. А.* Древнее поселение в Подмоскowie (Троицкое городище). М.: Наука, 1971. С. 99–113 (МИА. № 184).

Седов 2000 — *Седов В. В.* Голядь // *Kazakevičius V. (ats. red.) et al. Iš baltų kultūros istorijos*. Vilnius: Diemedis, 2000. С. 75–84.

Сыроватко 2014 — *Сыроватко А. С.* Могильники с кремациями на средней Оке второй половины I тыс. н. э. // РА. 2014. № 3. С. 63–76.

Тиандер 1915 — *Тиандер К. Ф.* Датско-русские исследования. СПб.: Типолит. А. Э. Винеке, 1915. Отт. из «Зап. Ист.-филол. фак. С.-Петербур. ун-та», 1915, ч. 123. С. 70–88. Online: <http://norse.ulver.com/articles/tiander/06.html>

Толстой 1969 — *Толстой Н. И.* Славянская географическая терминология: семасиологические этюды. М.: Наука, 1969. 264 с.

Топоров 1972a — *Топоров В. Н.* «Baltica» Подмосковья // Топоров В. Н. (отв. ред.). Балто-славянский сборник. М.: Наука, 1972. С. 217–280.

Топоров 1972b — *Топоров В. Н.* О балтийском элементе в Подмосковье // *Baltistica*. Vilnius: Mintis, 1972 (Priedas I). С. 185–224.

Топоров 1973 — *Топоров В. Н.* Балтизмы в русских говорах // Грабис Р. (отв. ред.). Балтийские языки в их взаимосвязи со славянскими, финно-угорскими и германскими языками: ТД науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения академика Я. Эндзелина. Рига: Зинатне, 1973. С. 43–46.

Топоров 1977 — *Топоров В. Н.* Балт. *Galind в этнолингвистической и ареальной перспективе // Бирон А. К. (отв. ред.) и др. Проблемы этнической истории балтов. Рига: Зинатне, 1977. С. 122–126.

Топоров 1980a — *Топоров В. Н.* Балтийский элемент к северу от Карпат: этнонимическая основа *Galind как знак балтийской периферии // *Slavia Occidentalis*. Warszawa, 1980. 29 (Nr. 1–2). S. 247–252.

Топоров 1980b — *Топоров В. Н.* Galindai — Galindite — Голядь (Балт. *Galind в этнолингвистической и ареальной перспективе) // Цимерманис С. (отв. ред.). Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтийских народов. Рига: Зинатне, 1980. С. 124–136.

Топоров 1980в — *Топоров В. Н.* Прусский язык: Словарь. М.: Наука, 1980. Т. 3. I–K.

Топоров 1981 — *Топоров В. Н.* Голядский фон ранней Москвы // Волкайте-Куликаускаене Р. К. (отв. ред.) и др. Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс: Институт истории, 1981. С. 112–117.

Топоров 1982a — *Топоров В. Н.* Балтийский горизонт древней Москвы // *Acta Baltico-Slavica*. Warszawa, 1982. Т. 14. S. 259–272.

Топоров 1982b — *Топоров В. Н.* Древняя Москва в балтийской перспективе // Иванов Вяч. Вс. (отв. ред.). Балто-славянские исследования. М.: Наука, 1982. С. 3–61.

Топоров 1983 — *Топоров В. Н.* Галинды в Западной Европе // Иванов Вяч. Вс. (отв. ред.). Балто-славянские исследования. М.: Наука, 1983. С. 129–139.

Топоров 1988 — *Топоров В. Н.* Балтийский элемент в гидронимии Поочья // Иванов Вяч. Вс. (отв. ред.). Балто-славянские исследования. М.: Наука, 1988. С. 154–177.

Топоров 1989 — *Топоров В. Н.* Балтийский элемент в гидронимии Поочья // Иванов Вяч. Вс. (отв. ред.). Балто-славянские исследования. М.: Наука, 1989. С. 47–69.

Топоров 1997 — *Топоров В. Н.* Балтийский элемент в гидронимии Поочья // Судник Т. М., Хелимский Е. А. (ред.). Балто-славянские исследования. М.: Индрик, 1997. С. 276–310.

Фасмер 1986 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986. Т. 2 (Е–Муж). 672 с.

Шукин 2005 — *Шукин М. Б.* Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 576 с.

Юркенас 2011 — *Юркенас Ю.* Явление пересечения омонимических рядов // Киров Е. Ф., Кундротас Г., Лоскутникова М. Б. (отв. ред.). Русистика и компаративистика: Сб. науч. ст. Вильнюс, М.: Edukologija, 2011. Вып. 6. С. 238–248.

Jurkenas 2013 — *Jurkenas J.* Собственное имя как реликт древней культуры // *Žmogus ir Žodis*. Vilnius: LEU I-kla, 2013. 3. С. 35–41.

Alseikaitė 1944a — *Alseikaitė M.* Baltai priešistoriniais laikais // *Kūryba*. Kaunas, 1944. Nr. 1. P. 37–40.

Alseikaitė 1944b — *Alseikaitė M.* Baltai priešistoriniais laikais // *Kūryba*. Kaunas, 1944. Nr. 2. P. 106–111.

Antoniewicz 1979 — *Antoniewicz J.* Baltowie zachodni w V w. p.n.e. — V w. n.e. Terytorium, podstawy gospodarcze i społeczne plemion prusko-jácwieskich i letto-litewskich. Białystok, Olsztyn: Pojezierze, 1979. 245 s.

Bliujienė 2013 — *Bliujienė A.* Romėniškasis ir tautų kraustymosi laikotarpiai // *Lietuvos archeologija*. Klaipėda: Diemedžio I-kla, 2013. T. 3. Klaipėda, 2013. 750 p.

Būga 1959 — *Būga K.* Rinktiniai raštai. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1959. T. 2. 730 p.

Būga 1961 — *Būga K.* Rinktiniai raštai. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1961. T. 3. 1008 p.

Collis 1998 — *Collis J.* The European Iron Age. London; New York: Routledge Publishers, 1998. 192 p.

Collis 2003 — *Collis J.* The Celts: Origins, Myths and Inventions. Stroud: Tempus, 2003. 256 p.

Curchin 2008 — *Curchin L. A.* The Toponyms of the Roman Galicia: New Study // *Cuadernos de Estudios Gallegos*. Santiago de Compostela, 2008. Vol. 55, no 121. P. 109–136.

Dusburg 1861 — *Dusburg P, von.* Chronicon terrae Prussiae // *Hirsch T., Töppen M., Strehlke E.* (hrsg.). *Scriptores Rerum Prussicarum*. Die Geschichtsquellen der Preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft. Leipzig: Verlag von S. Hirzert, 1861. Bd 1. S. 3–219; online:

<http://books.google.de/books?id=YX8OAAAAYAAJ&pg=PA3#v=onepage&q&f=false>

Dusburg 1984 — *Dusburg P, von.* Chronik des Preussenlandes (Deutsche Übersetzung mit Erläuterungen von K. Scholz und D. Wojtecki). Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1984. 390 S.

Fraenkel 1965 — *Fraenkel E.* Litauisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1962–1965. Bd 1–2. 1560 S.

García Moreno 1974 — *García Moreno L. A.* Prosopografía del reino visigodo de Toledo. Salamanca: Universidad de Salamanca, 1974. 247 p.

Gimbutienė 1985 — *Gimbutienė M.* Baltai priešistoriniais laikais. Etnogenezė, materialinė kultūra ir mitologija. Vilnius: Mokslas, 1985. 192 p.

Green 1996 — *Green M.* (ed.). The Celtic World. London; New York: Routledge, 1996. 839 p.

Hilberg 2009 — *Hilberg V.* Masurische Bügelfibeln. Studien zu den Fernbeziehungen der völkerwanderungszeitlichen: Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren — *Tumiany i Kielary* // *Schriften des Archäologischen Landesmuseums*. Neumünster, 2009. Bd 9 (2). 615 s.

Jovaiša 2012 — *Jovaiša E.* Aisčiai. Kilmė. Vilnius: LEU I-kla, 2012. 380 p.

Jovaiša 2014 — *Jovaiša E.* Aisčiai: raida. Vilnius: LEU I-kla, 2014. 352 p.

Jovaiša 2016 — *Jovaiša E.* Aisčiai. Lietuvių ir Lietuvos pradžia. Vilnius: LEU I-kla, 2016. 307 p.

Jovaiša et al. 2016 — *Jovaiša E., Kučinskienė A., Juchnevičienė N., Petrauskis K., Vilkelienė K., Čiurlionis A., Čiegienė B.* Istorija. Vadovėlis 7 klasei (Atrask). Kaunas: Šviesa, 2016. 172 p.

Kampers 1979 — *Kampers G.* Personengeschichtliche Studien zum Westgotenreich in Spanien. Münster: Aschendorf, 1979. 224 S.

Kampers 2008 — *Kampers G.* Geschichte der Westgoten. Paderborn u.a.: Schöningh – Verlag für Wissenschaft, 2008. 347 S.

- Karaliūnas 2015 — *Karaliūnas S.* Baltų etnonimai. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2015. 620 p.
- Kaufmann 1968 — *Kaufmann H.* Ergänzungsband zu Ernst Förstemann: Personennamen. München; Hildesheim: Wilhelm Fink / Georg Olms, 1968. 437 S.
- Kokowski 2007 — *Kokowski A.* Goci od Skandzy do Campi Gothorum. Warszawa: Trio, 2007. 456 s.
- Krahe 1954 — *Krahe H.* Sprache und Vorzeit. Europäische Vorgeschichte nach dem Zeugnis der Sprache. Heidelberg: Quelle & Meyer, 1954. 180 S.
- Kulakov 2013 — *Kulakov V.* Die Entstehung der Dolchmessern // *Archaeologia Lituana*. 2013. T. 14. S. 36–50.
- Kurila 2014 — *Kurila L.* Apgyvandinimo tankumas geležies amžiaus Lietuvoje: Žeimenos baseino mikroregionas // *Lietuvos Archeologija*. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 2014. T. 40. P. 181–204.
- Moralejo 2007 — *Moralejo Juan J.* Gallaecia y sus etimologías // *Callaica nomina: estudios de onomástica gallega*. A Coruña: Fundación Pedro Barrié de la Maza, 2007. 415 p. http://ilg.usc.es/agon/wp-content/uploads/2010/09/Callaica_Nomina.pdf
- Much 1913–1915 — *Much R.* Goten // von Hoops J. (Hsrg). Reallexikon der Germanischen Altertumskunde Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1913–1915. Bd 2 (F–J). S. 304–306.
- Nat. 4.28 — Плиний Старший. Естественная история, кн. IV.
- Nowakiewicz 2006 — *Nowakiewicz T.* Galindia in the Viking Age // Bertapius M. (ed.). *New Shape of the Culture. Transformatio Mundi. The Transition from the Late Migration Period to the Early Viking Age in the East Baltic*. Kaunas: Technologija, 2006. S. 161–172.
- Nowakiewicz, Wróblewski 2003 — *Nowakiewicz T., Wróblewski, W.* «Legenda galindzka» Piotra z Dusburga w świetle badań archeologicznych // Bursche A., Cioupek R. (red.). *Antyk i barbarzyńcy. Księga dedykowana profesorowi Jerzemu Kolendo w siedemdziesiąt rocznic urodzin*. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 2003. S. 313–322.
- Nowakowski 1995 — *Nowakowski W.* Od Galindai do Galinditae. Z badań nad pradziejami bałtyjskiego ludu z Pojezierza Mazurskiego.. Warszawa: Światowit, 1995. 105 s. (Barbaricum. Vol. 4).
- Pokorny 1959 — *Pokorny J.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bern; München: Francke Verlag, 1959. 360 S.
- Poljakov 2015 — *Poljakov O.* The Marvel of Indo-European Cultures and Languages. Vilnius: Vilnius University Publishing, 2015. 637 p.
- Puzinas 1938 — *Puzinas J.* Naujausių proistorinių tyrinėjimų duomenys // *Senovė*. Kaunas, 1938. T. 4. P. 175–303.
- Stifter 2008 — *Stifter D.* Old Celtic Languages, III. CELTIBERIAN, 2008. P. 38–44.
- Strzelczyk 1984 — *Strzelczyk J.* Goci — rzeczywistość i legenda. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1984. 213 s.
- Vanagas 1965a — *Vanagas A.* Galindai // *Mokslas ir gyvenimas*. Vilnius, 1965. Nr. 5. P. 28–29.
- Vanagas 1965b — *Vanagas A.* Galindai Ispanijoje ir Amerikoje // *Mokslas ir gyvenimas*. Vilnius, 1965. Nr. 11. P. 38–39.
- Ventura Salvador 1998 — *Ventura Salvador Fr.* Prosopografía de Hispania Meridional. III Antigüedad tardia (300–711). Granada: Universidad de Granada, 1998. 246 p.
- Volteris 1930 — *Volteris E.* Archeologiniai nesusipratimai: 5. Volusiano pinigai // *Praeitis*. Kaunas, 1930. T. 1. P. 339–342.
- Waitz 1840 — *Waitz G.* (Hsrg.) Über das Leben und die Lehre des Ulfía — Bruchstücke eines ungedruckten Werkes aus dem Ende des 4. Jahrhunderts. Hannover: Hahn'schen Hofbuchbandlung, 1840. 63 S.

GALINDANS ON THE EXPANSES OF EUROPE — ARCHAEOLOGICAL, HISTORICAL, LINGUISTIC REALITY OR FICTION?

A. LUCHTANAS, O. V. POLJAKOV

Keywords: *Western Balts, Galindians, Germanic tribes, Celts, Migration Period, archaeology, history, linguistics.*

Information about Galindians (Ptolemy Γαλίνδαι), one of the Baltic tribes, appeared still in the second century AD. In the 13th century, Galindians (Peter of Dusburg Galinda) vanished from the historical arena, but they became a matter of discussion in 18th century. Unexpectedly, they attracted a keen interest in the middle of the 20th century in the former Soviet Union after the publication of the article by V. B. Velinbakhov and N. V. Engovatov in 1963. The authors summarized the historiography of the works devoted to Galindian problematics and proposed an original hypothesis about a possible migration of the Galindians from their original homeland on the outskirts of the West-Baltic world to Central Europe, and then to the Moscow region.

The idea was borrowed by V. N. Toporov who developed it in a number of small publications in 1977–1983. At first, he tried to reason the existence of the “Great Galindia” that could occupy a vast territory stretching from the Moscow region to the West-Baltic lands. Later, his new allegations caused real sensations: “the Galindians is the only now known tribe of the ancient Balts which took part in the ‘Migration Period’”, “Galindians were satellites and allies of the Visigoths”; he wrote about the possible participation of the Galindians in the parallel migrations of Burgundians, Vandals, Lombards, and, finally, about the creation “the Pyrenean Galindia” by them.

V. N. Toporov acknowledged himself the absence of “any information about the Galindas as satellites and allies of the Visigoths”. The name Galindians itself is absent in historical records except the mentions above. In Russian chronicles, the so-called Moscow Goliad’ is found only once, under 1147. The context of this word — люди Голадь (the people Goliad’) leaves us in doubt, while the word people is never being used with any ethnonym.

The ethnonym Coldas, mentioned by Jordanes, in which some researchers try to see a connection with Old Russian Goliad’, is absurd linguistically and historically. Archaeological remains of the Galindians (Bogaczewo culture) are located in the vicinity of the Mazurian Lake District, where the West-Baltic tribe was placed by Ptolemy and Peter of Dusburg. The economic and human potential of a small tribe there could not provoke a mass migration. An attempt to establish a connection between the Moshchin culture with the Goliad’ on Protva of the Russian chronicles is unacceptable due to a significant chronological gap of about five centuries between them, and the absence of obvious archaeological monuments of Goliad’ at the beginning of the second millennium.

The migration hypothesis of V. N. Toporov has no evidence. It is based solely on the speculations with “the ethnonymic stem” Galind-. It is widely compared with anthroponyms and toponyms, collected from different languages, times and regions of Spain and Portugal, which are only remotely similar in sounding forms (cf. Galende, Gainde, Gaindo, Guindo, Guindães), especially those collected from different languages, times and regions of Spain and Portugal. The idea of the migration of the Galindians to the Iberian Peninsula appeared due to the attribution of the name Galindo to the Visigoths. Investigating of the prosopography of the Kingdom of the Visigoths proved that such name was completely absent among them. It is of the West-Frankish origin, comes from one abbey in the northern Spain, and mentioned from the 9th century on. A peculiar feature of the Latin texts of that time and region is the hypercorrection of the initial Germanic W- and ist substitution with the initial Latin G-, cf. the name of the Gothic bishop and the translator of the Bible into the Gothic language: Gulfilas, Golphilas beyond Ulfilas, Ulphilas, Vulfilas.

Thus, any historical, archaeological, and linguistic traces of the Galindians (except those in their native homeland in the Masurian Lake District) are completely absent.

ДРЕВНИЙ РОВ РЮРИКОВА ГОРОДИЩА И СУДЬБА КНЯЖЕСКОГО ХРАМА БЛАГОВЕЩЕНИЯ 1103 г.¹

Е. Н. НОСОВ², Н. В. ХВОЩИНСКАЯ³

Ключевые слова: *Рюриково городище, княжеская резиденция, оборонительный ров, судьба церкви Благовещения 1103 г.*

В результате систематических раскопок Рюрикова городища, начатых в 1975 г., были получены важные данные о социально-экономической структуре поселения, его датировке и материальной культуре. При исследованиях был обнаружен древний ров, окружавший с напольной стороны центральную мысовую часть поселения. Ров был сооружен в первой половине IX в. и заброшен к концу этого столетия. Долгое время ров стоял открытым, постепенно заплывая, и только в конце XI в. он был окончательно засыпан при нивелировочных работах по благоустройству Городища, проведенных перед возвращением сюда княжеской резиденции из Новгорода. В 1103 г. новгородский князь Мстислав Владимирович строит на Городище церковь Благовещения — первый крупный каменный храм после Святой Софии в самом Новгороде. Фундамент храма частично попадает на участок засыпанного рва. Этим судьба церкви Благовещения была предрешена. Через полтора столетия она была разобрана и на ее месте в 1342 г. строится новая церковь уже меньшего размера. Причиной разрушения явилось то, что строители не учли подвижность насыпного грунта и фундамент «поплыл». Таким образом исследования показали, что за сменой одного храма другим стояли не идейные мотивы и амбиции московских князей, а технический просчет греческой строительной артели.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-19-137-147

Важнейшая задача, первоначально поставленная перед систематическими раскопками Городища, начатыми в 1975 г., — выяснение его ранней датировки и правомерности привлечения материалов памятника для решения вопросов становления Новгорода — постепенно, к началу 1990-х гг., была выполнена (Носов и др. 2017: 9–10). По мере появления во время раскопок новых данных стали проясняться и некоторые другие актуальные вопросы истории Городища, требовавшие своего

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0008 «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей».

² ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

³ Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

объяснения. Среди них установление траектории прохождения, размеров и датировки древнего оборонительного рва на поселении (рис. 1), характера грунта на месте закладки первого Благовещенского храма в начале XII в. и причины его разборки в середине XIV столетия.

В результате раскопок было установлено, что древний ров окружал с напольной стороны наиболее возвышенный центр городищенского холма площадью около 1–1,2 га. Его глубина от древней дневной поверхности составляла 4,5 м. Радиоуглеродный анализ позволил определить время функционирования рва как конец VIII–X вв., причем датировки двух образцов говорят о том, что ров мог быть сооружен даже в начале VIII в. (Попов, Зайцева 1994: 171, 179). Стало ясно, что наличие рва в непосредственной близости от церкви Благовещения имеет прямое отношение к объяснению того, почему ранний храм был разобран в XIV в. и вместо него, с небольшим смещением в плане, возвели новую церковь. Мы высказали предположение, что строители собора начала XII в. не учли наличие этого древнего фортификационного сооружения, проходившего у фундамента храма или даже под ним, и тот попросту через 150 лет «поплыл» на сыпучем грунте (Носов и др. 2005: 48–49).

Общая ширина рва достигала 27–28 м. Он шел по направлению С-СЗ–Ю-ЮВ. Северный исследованный край рва отстоял на 18 м к ЮВ от юго-восточного угла церкви Благовещения (ближе к церкви копать было нельзя из-за действующего кладбища). Нижняя часть рва была заполнена песком с многочисленными включениями черных гумусированных прослоек, которые образовались в результате естественного запыливания рва. В нем встречались фрагменты лепной керамики и различные маловыразительные находки. Формирование керамического комплекса из предматерикового слоя закончилось не ранее рубежа IX–X вв. или в первые десятилетия X в. (заключение В. М. Горюновой).

Над этим слоем зафиксированы темно-серые песчаные отложения мощностью 0,40–0,48 м, почти без находок. По заключению сотрудников Института географии РАН А. Л. Александровского и А. В. Долгих, эти отложения являются древним почвенным слоем. Таким образом, уже на первом этапе существования рва его склоны задерновались (Александровский и др. 2014: 100).

Во рву был раскопан ряд глинобитных печей для выпечки хлеба вне жилищ. Они были размещены здесь, несомненно, в целях противопожарной безопасности. Печи, сменяя друг друга, возводились от самого конца IX в. и вплоть до третьей четверти X в. (Носов 1990: 51–54). После их разрушения ров продолжал стоять открытым не менее 50–70 лет, судя по толщине прослойки образовавшегося древнего дерна, то есть по крайней мере в течение трех четвертей XI в. (Александровский и др. 2014: 100). Никаких синхронных деревянных построек рядом с печами не было.

При многолетнем археологическом изучении культурных напластований Рюрикова городища и его древнего рва удалось не только выяснить историю разрушения самого оборонительного сооружения, но и увязать ее с политическими событиями и процессами жизни княжеской резиденции и всего города. В новом свете, опираясь на археологические факты, мы можем взглянуть и на историю княжеских храмов на Городище, а именно на историю возведения и разрушения церкви Благовещения и строительство на ее месте в середине XIV в. нового храма. Безмолвный ров как бы отразил реальные процессы древней новгородской истории.

Уже после первых наших систематических раскопок стало очевидно, что на Городище присутствуют яркие материалы X в., включающие многочисленные находки скандинавского происхождения – предметы воинского характера, разнообразные импортные изделия и искусные украшения местных мастеров, сырье для ювелирного производства, в том числе для золотых изделий. Это позволило сделать вывод, что княжеская резиденция изначально, в IX–X вв., то есть со времен Рюрика, находилась на Городище — там, где мы и застаем ее в XII в. при первом упоминании в письменных источниках. Здесь же при князе располагалась его дружина, основу которой составляли скандинавы. Среди жителей Городища, судя по многочисленным характерным украшениям северных типов, прежде всего равноплечным скорлупообразным круглым фибулам и их обломкам, было немало женщин. На поселении было налажено собственное ремесленное производство, удовлетворявшее привычные вкусы местных заказчиков (Носов 1990: 195).

Слои X в. на Городище сменяются почти «пустым» слоем XI в. На памятнике практически нет материала этого времени, в том числе такой массовой категории находок, как керамика, соответствующая этому периоду. Сделанные наблюдения получили независимое подтверждение на материалах сфрагистики. В свое время В. Л. Янин, анализируя многочисленную коллекцию древнерусских печатей с Городища, сделал вывод, что «городищенские материалы содержат в себе указание на достаточно определенную хронологическую локализацию» и «на Городище нет или почти нет печатей XI в.». Буллы XI в., распространенные в южнорусских землях, встречаются в культурном слое самого Новгорода, но не Городища (Янин 1982: 86, 87).

В 1992 г. один из авторов объяснял отсутствие на Городище интенсивной жизни в XI в. тем, что князь со своим двором перебрался с Городища в свою новую резиденцию ниже по течению Волхова, в центр быстро растущего города. Это произошло в самом начале XI в. при выдающемся русском князе Ярославе Владимировиче, когда у него и новгородской элиты сложилось полное взаимопонимание, выразившееся, в частности, в отказе об уплате новгородцами Киеву ежегодного «урока» в 2000 гривен и составлении древнейшей Русской Правды (Правда Ярослава), как своеобразного мирного договора между княжеской властью и горожанами (Носов 1990: 150, 151, 196, 197). По истечении 25 лет после публикации этих выводов и постоянно продолжавшихся археологических изысканий сделанное предположение представляется правильным.

Только в последней четверти XI в. жизнь на Городище стала более интенсивной. Об этом говорит небольшое число обнаруженных фрагментов сосудов, типичных для XI в., находки 4 маленьких костяных двусторонних гребней, принадлежащих к типам, наиболее распространенным в Новгороде в XI в., западноевропейских де-нариев 70-х гг. XI в. — периода их массового притока на Русь, костяного навершия плети с княжеским знаком багровидной формы, который В. Л. Янин атрибутировал как знак новгородского князя Глеба Святославича, занимавшего новгородский стол в 1067–1078 гг. К этому же времени относится и древнейшая из найденных на Городище булл, принадлежавшая Владимиру Мономаху и датируемая серединой 70-х гг. XI в. (Там же: 83, 151). Археологические находки конца XI — XII в. на Городище вновь многочисленны и разнообразны, как и находки IX–X вв.

Таким образом, перерыв в истории Городища по археологическим материалам ограничивается первой половиной и серединой XI в. Конечно, его не следует

понимать буквально, как полное запустение возвышенности в истоке Волхова. Речь идет о снижении интенсивности жизни на поселении, прежде всего социально-политической, и потере значения его укреплений. Не следует забывать, что переезд князя с Городища на территорию Новгорода означал не просто изменение места размещения его резиденции, а представлял крупный политический акт государственного значения. Княжий двор являлся не только местом нахождения князя, но и местом осуществления его судебных и административных функций, центром поступления (а затем и перераспределения) государственных налогов, судебных штрафов, то есть местом, где по преимуществу реализуются государственно-финансовые prerogatives князя (Назаров 1978: 107).

Княжеский двор занимал значительную территорию и включал не только хоромы князя, но и иные многочисленные постройки различного назначения. Его не следует воспринимать просто как городскую усадьбу за бревенчатым частоколом с воротами, подобную боярским владениям, изученным во время археологических исследований на Софийской стороне города на Неревском и Троицком раскопах. Княжеский участок в Новгороде занимал большую территорию между Готским и Немецким дворами, соединявшимися *дорогой, которая проходила через двор*. Неслучайно в латинских текстах договоров немецких купцов с Новгородом содержится требование, чтобы пространство между Немецким двором и Никольским собором не застраивалось, сохраняя возможность для свободного прохода (Андреев 1984: 133–138). К княжескому двору подходила и Большая Пробойная (Славенская) улица, выводившая через весь Славенский холм к дороге по волховской пойме на Городище.

Гораздо больше летописных сведений сохранилось о княжеском дворе в Киеве. М. К. Каргер заключил, что он был весьма обширен и включал многочисленные разнообразные постройки (Каргер 1958: 263–279). На княжьих дворах кроме парадных приемных помещений и жилых хором размещалось немало служебных и хозяйственных построек. Письменные источники упоминают «сени», «гридницы», «погреб», «медуши», «бретьяницы», «скотницы», «бани» (Ржига 1929: 16–17). По расчетам В. А. Богусевича, общая площадь великого Ярославова двора в Киеве равнялась приблизительно 4 га (Богусевич 1957: 16). Видимо, и в Новгороде была близкая ситуация. Необходимой дворовой территории на холме Рюрика городища было вполне достаточно, но ясно, что и площадь Ярославова двора на Торговой стороне была значительна.

Размышляя об археологических материалах Городища, в том числе о разрушении его укреплений (рва), уместно вспомнить вехи истории, которые вполне очевидны и вряд ли могут подвергаться сомнениям. При разделении Владимиром Святославичем княжений между сыновьями в Новгороде первым князем «по крещении» стал Вышеслав. Это событие можно отнести к концу X в. После его смерти его сменил Ярослав Владимирович, бывший до того в Ростове. Летописи не содержат записей о смерти Вышеслава, но у В. Н. Татищева указан точный год — 1010. Видимо, в распоряжении историка в его время еще были какие-то источники для такой датировки события. Приехав в Новгород, Ярослав, заручившись поддержкой новгородской аристократии, отказался в 1014 г. платить Киеву часть из собираемой ежегодно с населения дани, вызвав конфликт с отцом. Вероятно, тогда, на рубеже первого и второго десятилетий XI в., во время тесного княжеско-новгородского

альянса и был выстроен напротив кремля на еще слабо освоенной территории новый двор Ярослава («Княж двор» или «Ярославль двор», получивший со временем наименование «Дворище»). Укрепления на Городище потеряли свое значение, стали хиреть, а ров частично был забросан (Носов 1990: 198). Черный культурный слой во рву — археологическое свидетельство этого события и того, что часть производственной зоны поселения была освобождена от построек, а территория выровнена и использована для каких-то иных целей.

Над черным слоем в разрезе четко зафиксирована гумусная прослойка древнего дерна. По заключению геологов-почвоведов, она образовалась в течение не менее 50–70 лет, то есть ров стоял открытым все это время. Получается, что период его окончательной нивелировки песчанистым грунтом приходится на последнюю треть XI столетия. Это время совпадает со значительными переменами в социально-политической структуре Новгорода и взаимоотношениях новгородской аристократии с князьями.

Первым в широком контексте на эти перемены обратил внимание в 1932 г. И. М. Троцкий в работе «Возникновение Новгородской республики». Согласно его концепции, на протяжении XI в. происходило постепенное ограничение княжеской власти, а во время княжения Мстислава Владимировича в Новгороде появились посадники, должности которых занимали сами новгородцы (Троцкий 1932: 363). Эти построения принял и развил В. Л. Янин, а позднее некоторые другие авторы. Посадничество нового типа означало появление в Новгороде особого органа непосредственно боярской власти, противостоящего княжеской администрации, а сам князь становится подконтрольным боярству. Такое посадничество, полагал В. Л. Янин, «возникло в тот период, когда княжение Мстислава не могло иметь самостоятельного характера», а функции контроля над городом осуществлялись каким-то другим лицом или лицами (Янин 2003: 84, 87).

Итак, новгородская социальная элита пыталась воспользоваться для усиления своего влияния в социально-политической сфере слабостью еще малолетнего княжича, оказавшегося у руля Новгородской земли. Это был решающий момент, уникальная возможность добиться уступок в политической борьбе за власть и влияние. В ней пересилила новгородская знать. И. М. Троцкий в 1932 г. отмечал, что «по самому смыслу своему посадник является заместителем князя, сидящим там, где самого князя нет» (Троцкий 1932: 363). А. А. Молчанов подчеркивал значимость факта усвоения в Новгороде новым государственным институтом (выборным посадничеством), функционировавшим наряду с князем, самого термина «посадник», в то время как до этого в Новгороде, а на остальной Руси и в дальнейшем, «князь и посадник могли заменять друг друга, но никак не сосуществовать». Это, заключил А. А. Молчанов, «заставляет предполагать наличие какого-то официального разделения сферы их деятельности, и в первую очередь территориального», главным внешним выражением чего «явилось, по-видимому, перенесение постоянной княжеской резиденции из самого Новгорода на Городище, создававшее возможность облечь главный политический институт в традиционную юридическую форму наместничества — посадничества». Посадник, таким образом, «по буквальному значению этого слова должен был находиться в подчиненном положении по отношению к новгородскому князю, как его наместник — глава городского управления» (Молчанов 1974: 86, 87).

Мстислав Владимирович впервые был посажен на новгородский стол в 1088 г., когда ему было 12 лет. Именно поэтому В. Л. Янин считал, что институт посадничества нового типа появился в 1088–1089 гг. В следующем десятилетии осуществился перенос основной княжеской резиденции вновь на холм в истоке Волхова, в урочище, которое, видимо, уже к тому времени стали называть Городищем. Князь был вынужден оставить двор на Торговой стороне и вернуться в исконную резиденцию на Городище, не сумев сохранить тех тесных взаимоотношений, которые сложились с новгородскими «лучшими людьми» у его предшественников. Переустройство Городища потребовало существенных нивелировочных и строительных работ, тем более, что здесь Мстиславом Владимировичем было задумано возведение грандиозного княжеского собора. Колесо истории по сути дела закрутилось как бы вспять.

Почему именно здесь на Городище было задумано осуществление нового строительства? Конечно, неслучайно. По удачному выражению М. А. Родионовой: «Архитектура, как лакмусовая бумага, отражает события, происходившие в жизни. Монументальное строительство в Древней Руси, а это, главным образом, храмы, было проявлением и мощным средством укрепления власти» (Родионова 2017: 238).

В первой половине XI в. особую роль в становлении церковного строительства на Руси сыграл выдающийся деятель древнерусского государства Ярослав Владимирович Мудрый. Сын Владимира Святого, начавший свое княжение в Ростове, он теснейшим образом связал свою судьбу с Новгородом, куда перешел около 1010 г. Заняв великокняжеский стол, Ярослав сохранил особые отношения с новгородцами. В 1030-е гг. он пригласил в Киев артель строителей из Византии для возведения в 1037 г. храма Святой Софии (Раппопорт 2013: 89, 91). По завершении работ князь перевел артель в Новгород, где она приступила к возведению в 1045–1050 гг. Софийского собора. Заказчиками нового здания выступили сам великий князь Ярослав Мудрый, новгородский князь Владимир Ярославич и архиепископ (как сказано в летописи. «повелением князя Ярослава и сына его Владимира и архиепископа Луки» (Комеч 1987: 136)). «Огромные роскошные пятинефные храмы стали центрами духовной жизни, воплотив в себе новое мировоззрение и торжественную силу княжеской власти на Руси» (Там же: 259).

Ярослав Мудрый оказался всецело обязан новгородцам и варягам обладанием киевским престолом. «Основа киевской власти Ярослава — в дружбе с Новгородом и варягами», и даже будучи уже великим князем, Ярослав долгое время», подчеркивал А. И. Комеч, «ведет себя скорее, как северный, а не как киевский князь» (Там же: 179). Такие взаимоотношения князя и Новгорода сохранялись вплоть до смерти Ярослава в 1054 г. и в первые годы после нее. Однако постепенно растущая экономическая мощь новгородского боярства стала определять все большее ее стремление и к политической самостоятельности. Развитие института посадничества нового типа свидетельствовало о все большей независимости Новгорода от княжеской власти.

Мстислав Владимирович решил возвести Благовещенский храм в 1099–1103 гг. на Городище, имея своей целью, прежде всего, поднятие роли княжеской власти в новгородском обществе. А. И. Комеч прозорливо заметил, что «быть может, именно ускользание авторитета является одной из причин интенсивного княжеского строительства в первой трети XII в.» (Там же: 299), с чем согласился и П. А. Раппопорт (Раппопорт 2013: 136).

Строительству Благовещенской церкви на Городище, явно и демонстративно противостоявшей Софийскому собору, новгородцы помешать не могли. Городище являлось в их глазах исконным княжеским родовым доменом и вполне соответствовало традиционным дедовским устоям. Однако, построив Благовещенский храм, Мстислав не успокоился. В 1013 г. им был заложен еще один княжеский собор, но уже на Дворище, на месте некогда существовавшей со времен Ярослава Мудрого городской резиденции князя. Опять же можно повторить справедливые, на наш взгляд, выводы А. И. Комеча о том, что «строительство Никольского собора должно было содействовать возрождению престижа князя и зрительно восстановить ведущую роль княжеских построек в облике города» (Комеч 2007: 494). Как и Софийский собор, Никольская церковь была возведена пятиглавой и вполне сопоставима с ним по высоте. Ее строительство завершилось в 1118 г., о чем свидетельствует надпись, обнаруженная на куполе храма (Новосёлов 2002: 94), а строительная артель перешла на территорию Юрьева монастыря, где начала в 1119 г. возведение Георгиевского собора.

Никольская церковь, как и Благовещенская, закладывалась как княжеская и не была «своей» для горожан, о чем свидетельствует характерный пример. В 1136 г., когда князь Святослав Ольгович женился в Новгороде, то венчался он «своими попы у святого Николы, а владыка Нифонтъ его не венца, ни попомъ, ни чернцмъ не да свадьбу ити» (НПЛ 2000: 209). Из этого следует, что в княжеском храме служили священники, приглашенные из Киева и сохранившие подчинение киевскому митрополиту, а не новгородскому архиепископу. Возможно, сам факт того, что храм, заложенный в 1113 г. и заверченный в 1118 г., был освящен только почти через 20 лет в 1136 г., неслучаен и символичен. В этом сказалась растущая отчужденность в 1120–1130-е гг. княжеской власти от новгородцев, которую не смогло сгладить возведение трех величественных соборов и которая завершилась арестом князя и его семьи в 1136 г. и изгнанием Всеволода Мстиславича с новгородского стола.

В конце XI в., перед строительством храма Благовещения, на Городище были проведены грандиозные земляные работы по очистке и выравниванию его площади, что мы неоднократно фиксировали при археологических раскопках на ряде участков памятника. Для церковного строительства было выбрано место в самой высокой части холма, где после засыпки широкого рва была идеально ровная свободная от каких-либо строений территория. На окраине строительной площадки, на месте засыпанного рва нами была открыта печь для обжига строительного кирпича (плинфы), которая со временем стала использоваться как печь для обжига извести. Где-то поблизости располагалось, очевидно, и еще несколько других производственных печей (Носов и др. 2005: 50–52, 358, 374).

Если посмотреть на сводный план места расположения центрального раскопа на Городище и церкви 1103 г., то очевидно, что ров явно уходит по крайней мере под восточную треть храма (рис. 1). Он был зафиксирован северо-западнее церкви и И. И. Еремеевым в 2013–2016 гг., где даже по горизонталям современного рельефа заметно понижение поверхности Городища в северном направлении. (Носов и др. 2016: 112). Одним словом, княжеский многотонный собор возвели на части засыпанного рва. Этим судьба храма была предreshена еще до его строительства, сыпучий грунт стал проседать и фундамент здания, что называется, «поплыл». В результате церковь Благовещения, олицетворявшая власть и мощь новгородских князей, наряду с Никольским храмом, и по замыслу явно противостоявшая Софии, как общегородскому

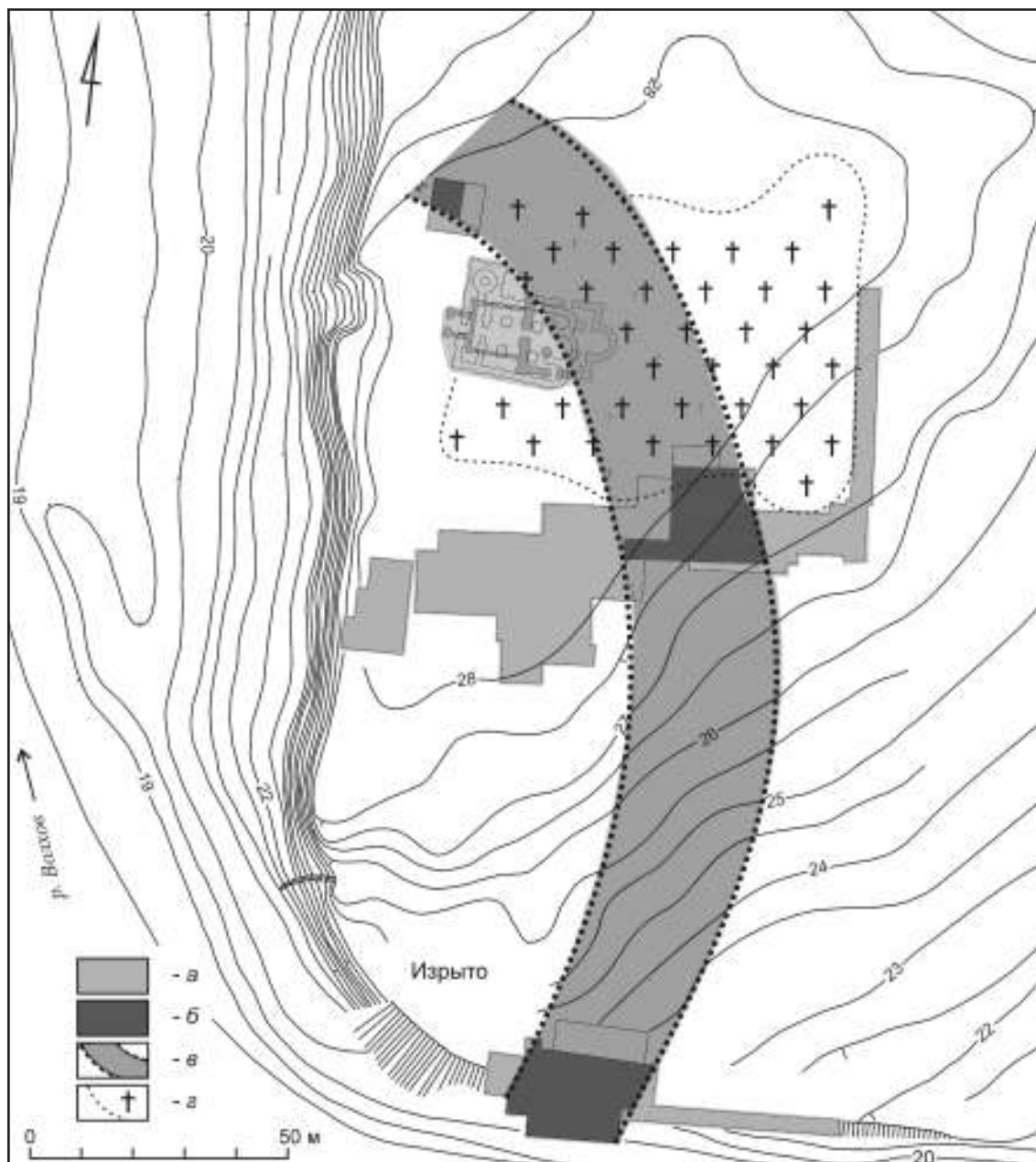

Рис. 1. Рюриково городище, реконструкция предполагаемой трассы древнего рва (а — раскопы; б — раскопанные участки рва; в — реконструируемые границы рва; з — современное кладбище)

Fig. 1. Rurik Gorodishche, reconstruction of the presumed old ditch line (a — excavation areas, б — excavated parts of the ditch, в — reconstruction of the ditch border; з — present day cemetery)

собору, в XIV в. была разобрана, хотя практически ее современники Никольская церковь на Ярославовом дворище (1113 г.) и Георгиевский собор Юрьева монастыря (1119 г.) до сих пор стоят и радуют нас своим величественным видом.

Археологические исследования фундаментов ранних новгородских храмов начала XII в. — Благовещения на Городище, Николо-Дворищенского собора, Рождественского собора Антониева монастыря и Георгиевского собора Юрьева монастыря

показали, что они очень похожи. Это были ленточные фундаменты, сложенные из нескольких рядов валунов на растворе. Фундаменты этих храмов имеют одинаковую глубину — около 1,2 м. Во всех памятниках были зафиксированы продольные лежни, соединенные клиновидными стальными стержнями. Фундаменты под лестничными башнями и апсидами представляли собой платформы из валунов на растворе (Новосёлов 2002: 45). Однако в полной мере этого нельзя сказать о церкви Благовещения, поскольку ее восточная часть, которая, как мы считаем, попала на забросанный ров, в этом отношении осталась не исследованной (Там же). При новейших раскопках В. В. Седова 2017 г. в южной части апсиды храма был заложен глубокий шурф, но достичь материка в нем, к сожалению, не удалось — весь грунт оказался насыпным.

На наш взгляд, это подтверждают результаты наших раскопок самого городищенского поселения, проведенные в 2005–2010 гг., и проясняют причины «удивительной целенаправленной разборки» монументального средневекового церковного сооружения в середине XIV в. За ней стояли не абстрактные идеологические цели московских и новгородских светских и духовных властей, как иногда предполагали (Кудряшов 2016: 123, 124), а элементарные прагматичные причины реальной жизни — желание сохранить значимость гибнущего из-за инженерного просчета строителей исторического культового места.

Это была, конечно, случайная ошибка первых архитектурных дел мастеров на Руси, но не единичная. В том же Новгороде всего за 50 лет до строительства Благовещенского храма заморские греческие мастера совершили аналогичный просчет при возведении самого Софийского собора — не учли плотность грунтов под фундаментом храма. Как показали археологические исследования Г. М. Штендера, приблизительно в то же время, когда строилась церковь Благовещения, пришлось проводить первый ремонт Софийского собора в Новгороде — усиление северной стены на толщину 120–125 см (Штендер 1968: 90–95). Сопоставив некоторые строительно-технологические элементы, Н. В. Новосёлов и Д. Г. Хрусталёв пришли к выводу, что, учитывая временную близость строительства церкви Благовещения и проведения ремонтных работ в Софии, можно «предположить участие в этих работах одного и того же коллектива мастеров» (Новосёлов, Хрусталёв 2013: 28). Однако, несмотря на ремонты, осуществленные в домонгольское время, в 1276 г., как сообщает летопись, «отпаде стѣна у святѣи Софѣи до основы» (НПЛ 2000: 323). Исследователи объясняют это тем, что северная стена храма была поставлена на засыпанный овраг (Там же: 21, 37). С похожей ситуацией мы сталкиваемся и в Киеве, где древнейшее каменное культовое сооружение — Десятинная церковь была возведена всего лишь в 4,5 м от края глубокого древнего рва Киевского городища, который был засыпан в связи со строительством церкви в 989 г. на месте снесенного языческого кладбища (Килиевич 1982: 60).

Таким образом, при строительстве нескольких первых крупных храмов Древней Руси расчищались площадки существовавших Детинцев, засыпались рвы и овраги, на освободившихся площадках возводились храмы и вспомогательные строительные объекты. В некоторых случаях недоучет плотности насыпных грунтов, не выдерживавших значительной нагрузки, как это было с Благовещенской церковью на Городище и с северной стеной Святой Софии в Новгороде, приводили к трагическим последствиям. Не будем забывать, что в Средиземноморье и Причерноморье греческие храмы строились, как правило, на скальном, плотном основании. Для сыпучих грунтов лесной и лесостепной зон Восточной Европы, где преобладали

песчаные и суглинистые почвы, инженерные расчеты необходимой плотности фундаментных площадок для возведения монументальных построек естественно отличались и, как мы видим на конкретных примерах, их значимость далеко не всегда изначально осознавалась и учитывалась.

Литература

Александровский и др. 2014 — Александровский А. Л., Леонтьев А. Е., Кренке Н. А., Долгих А. В. Ранняя история ландшафтов древнерусских городов (становление культурного ландшафта) // Макаров Н. А., Леонтьев А. Е. (ред.). Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 99–107.

Андреев 1984 — Андреев В. Ф. О месте княжеского двора в древнем Новгороде // Янин В. Л. (отв. ред.). Новгородский край: Материалы науч. конф. «Новгород древний — Новгород социалистический. Археология, история, искусство». Л.: Лениздат, 1984. С. 133–138.

Богусевич 1957 — Богусевич В. А. Про феодальні двори Київї XI–XIII ст. // Археологія. 1957. Т. 11. С. 14–20.

Каргер 1958 — Каргер М. К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. 279 с.

Килиевич 1982 — Килиевич С. Р. Детинец Киева IX — первой половины XIII веков. По материалам археологических исследований. Киев: Наукова думка, 1982. 175 с.

Комеч 1987 — Комеч А. И. Древнерусское зодчество конца X — начала XII в. М.: Наука, 1987. 320 с.

Комеч 2007 — Комеч А. И. Никольский собор на Ярославовом дворище // Янин В. Л. (отв. ред.). Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков: Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 494.

Кудряшов 2016 — Кудряшов К. Магия древности / Интервью с В. В. Седовым // В мире науки. 2016. № 10. С. 122–127.

Молчанов 1974 — Молчанов А. А. Новгородские события 1054–1064 гг. и возникновение посадничества нового типа // Вестник МГУ. IX серия. История. 1974. № 6. С. 81–87.

Назаров 1978 — Назаров В. Д. «Двор» и «дворяне», по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII — XIV вв.) // Черепнин Л. В. (ред.). Восточная Европа в древности и средневековье. М.: Наука, 1978. С. 104–123.

Новосёлов 2002 — Новосёлов Н. В. От Благовещения до Благовещения. Строительное производство Новгородской земли в период сложения местной архитектурной школы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 195 с.

Новосёлов, Хрусталёв 2013 — Новосёлов Н. В., Хрусталёв Д. Г. От Благовещения к Софии или наоборот? (К проблеме начального этапа монументального строительства в Новгороде) // Новгородский исторический сборник. 2013. Вып. 13 (23). С. 20–47.

Носов 1990 — Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 214 с.

Носов и др. 2005 — Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 403 с.

Носов и др. 2016 — Носов Е. Н., Еремеев И. И., Дорофеева Т. С. Полевой сезон 2015 года на Рюриковом городище // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 2016. Вып. 30. С. 110–112.

Носов и др. 2017 — Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 287 с.

НПЛ 2000 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. 692 с. + ил. (ПСРЛ. Т. 3).

Попов, Зайцева 1994 — *Попов С. Г., Зайцева Г. И.* Ранние этапы заселения Новгородской округи и нижние ярусы Новгорода по данным радиоуглеродного анализа // Массон В. М., Носов Е. Н. (ред.). Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб.: ИИМК РАН, 1994. С. 164–183.

Раппопорт 2013 — *Раппопорт П. А.* Архитектура средневековой Руси. Избранные статьи. СПб.: Лики России, 2013. 327 с.

Ржига 1929 — *Ржига В. Ф.* Очерки по истории быта домонгольской Руси М., 1929. 100 с. + ил. (Тр. ГИМ. Вып. 5).

Родионова 2017 — *Родионова М. А.* Заключение // Родионова М. А. (отв. ред.-сост.). Новгородский детинец и Владычный двор в XI–XV вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 237–240.

Троцкий 1932 — *Троцкий И. М.* Возникновение Новгородской республики // Известия АН СССР. 1932. VII серия. Отделение обществ. наук. № 5. С. 349–374.

Штендер 1968 — *Штендер Г. М.* К вопросу об архитектуре малых форм Софии Новгородской // Лазарев В. Н., Подобедова О. И., Косточкин В. В. (ред.). Древнерусское искусство: Художественная культура Новгорода. М.: Наука, 1968. С. 83–107.

Янин 1982 — *Янин В. Л.* Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // Новгородский исторический сборник. 1982. Вып. 1 (11). С. 79–95.

Янин 2003 — *Янин В. Л.* Новгородские посадники. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2003. 511 с.

OLD DITCH OF RYURIK GORODISHCHE AND THE DESTINY OF THE PRINCELY CHURCH OF ANNUNCIATION BUILT IN 1103

E. N. NOSOV, N. V. KHVOSHCHINSKAYA

Keywords: *Ryurik Gorodishche, princely residence, defensive ditch, Church of Annunciation.*

The systematic excavations of Ryurik Gorodishche, which started in 1975, gave important data about the social and economic structure of the settlement, its age and material culture. The excavations revealed an old ditch, that surrounded the central promontory part of the settlement. The ditch was constructed in the first half of the IX c. and abandoned by the end of that same century. For a long time it remained open, being gradually filled up with earth, and only at the end of the XI c. it was filled up to grade in the course of the estate maintenance works that had been carried out prior to the shift of the princely residence from Novgorod back to Ryurik Gorodishche. In 1103 Mstislav Vladimirovich, prince of Novgorod, built here the Church of Annunciation — the first big stone church (after Saint Sophia in Novgorod). The foundation of the church partly overlaps the former ditch. This fact predetermined the destiny of the Annunciation Church. In a century and a half it was demolished and in 1342 a new smaller church was built on its place. The reason why it was demolished was that its foundation, resting on loose fill material, began to weaken. It can thus be concluded that the replacement of one church with another was caused not by ideological motifs and ambitions, but by Greek builders' mistake.

ОБ ОДНОМ ТИПЕ ПОСТРОЕК РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛАДОГИ¹

А. Н. КИРПИЧНИКОВ, В. А. ЛАПШИН, Н. В. ГРИГОРЬЕВА²

Ключевые слова: *Старая Ладога, домостроительство, дендрохронология, влажный слой, раннее средневековье.*

Статья посвящена группе построек, исследованных на Земляном городище в Старой Ладоге в 2006–2010 и 2011–2014 гг. Размещение отопительного устройства в центре сближает их со старолadoжскими «большими домами», а небольшие размеры — со срубами с печью в углу. Сделан вывод о существовании в VIII–X вв. в Старой Ладоге одновременно двух основных домостроительных традиций.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-19-148-156

В решении проблемы преемственности и развития материальной культуры ведущее место занимает вопрос о преемственности в домостроительстве. Наиболее актуальна данная тема для Старой Ладоги — раннегородского центра, полиэтничность которого признана большинством исследователей (Кирпичников и др. 2012). Наличие «влажного» слоя VIII–X вв., в котором хорошо сохраняется органика, в том числе и дерево, делает Земляное городище в Старой Ладоге ключевым памятником для изучения древнерусского домостроительства.

Впервые схему трансформации домостроительства Старой Ладоги предложил В. И. Равдоникас, проводивший раскопки на Земляном городище в 1938–1940, 1945–1950 и 1957–1959 гг. По его мнению, характер жилых построек горизонтов Е (VIII–IX вв.) и Д (X в.) резко отличен: если для горизонта Д типичны небольшие квадратные жилые дома с печью в углу, то для горизонта Е характерны «большие дома» с печью посередине помещения (Равдоникас 1949; 1950). Ю. П. Спегальский,

¹ Исследование проведено в рамках выполнения Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде» по теме № 0184-2018-0013 «Разработка методики анализа и интерпретации археологического наследия на материалах раскопок экспедиции под руководством В. И. Равдоникаса на Земляном городище в Старой Ладоге (1938–1940, 1945–1950, 1957–1959 гг.) по фондам Научного архива ИИМК РАН».

² А. Н. Кирпичников, В. А. Лапшин и Н. В. Григорьева — Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

в целом приняв выводы В. И. Равдоникаса, внес в них уточнения конструктивного характера (Спегальский 1972: 18–60). Схема В. И. Равдоникаса была пересмотрена Е. Н. Носовым на материалах раскопок, проведенных экспедицией В. И. Равдоникаса в основном уже после выхода в свет указанных обобщающих статей. Е. Н. Носов показал, что тип квадратного жилого дома с печью в углу характерен для Ладоги изначально и в VIII–IX вв. сосуществовал с «большими домами», а в X в. стал господствующим (Носов 1977).

В ходе исследований на Земляном городище Е. А. Рябина в 1973–1975 и 1981–1984 гг. впервые была получена серия дендродат, позволивших уточнить датировки горизонтов Е и Д. В частности, сооружение «большого дома» (17 × 10 м) срубной конструкции, частично исследованного экспедицией В. И. Равдоникаса в 1950 г. и доследованного Е. А. Рябиным в 1973 и 1981 гг. (Рябинин 1985: 39–47), датировано временем около 894 г. Постройка просуществовала до начала 30-х гг. X в. (Черных 1989: 211). В 2002, 2007–2008 гг. экспедицией под руководством А. Н. Кирпичникова в южной части Земляного городища был исследован «большой дом» (17 × 10 м) каркасно-столбовой конструкции, сооружение которого датировано около 930 г. Этот комплекс опубликован (Кирпичников 2012).

Темой данной статьи являются постройки, исследованные под восточной частью этого «большого дома». В раскопе 2006–2010 гг. было частично раскрыто шесть построек, последовательно сменявших друг друга во второй половине IX — начале X в. Прирезка к раскопу позволила в 2011–2014 гг. доследовать данные комплексы в полном объеме. Главная конструктивная особенность этих построек — расположение квадратного или прямоугольного отопительного устройства посередине помещения, как в «больших домах». При этом конструкция стен — срубная, а не каркасно-столбовая, как в «большом доме», исследованном А. Н. Кирпичниковым. Размеры построек (6–7 × 6,5–8,5 м) в целом гораздо скромнее, чем у «больших домов», но больше, чем в группе домов с печью в углу, выделенной Е. Н. Носовым (5 × 5 м).

Непосредственно под «большим домом» находилась постройка 1, ниже остатки построек, которые первоначально были зафиксированы как единый комплекс постройки 3. Стратиграфические и планиграфические наблюдения позволили выделить пять строительных горизонтов, последовательно сменяющих друг друга — постройки 3а–3д (нумерация снизу вверх).

Постройка 3а (рис. 1). Сруб из обгоревших бревен (7 × более 6 м), сохранились северная и западная стенки. В центре — остатки отопительного устройства³ 2 × 2 м, сложенного из каменных плит. Плохая сохранность дерева не позволила получить дендродаты. Судя по датировкам вышележащих комплексов, постройка, видимо, была сооружена в 60-е гг. IX в.

Постройка 3б (рис. 2). Сруб из частично обгоревших бревен (8 × 7 м). В центре — остатки отопительного прямоугольного устройства из каменных плит (2,5 × 1,5 м). Получены три дендродаты: 868 г. (подкладка под северо-западный угол), 870 и 879 гг. (лаги под настил пола в юго-восточном углу).

³ Мы употребляем здесь и далее нейтральный термин «отопительное устройство», так как его реконструкция (печь/очаг?) из-за плохой сохранности связана со значительными трудностями и является темой отдельного исследования.

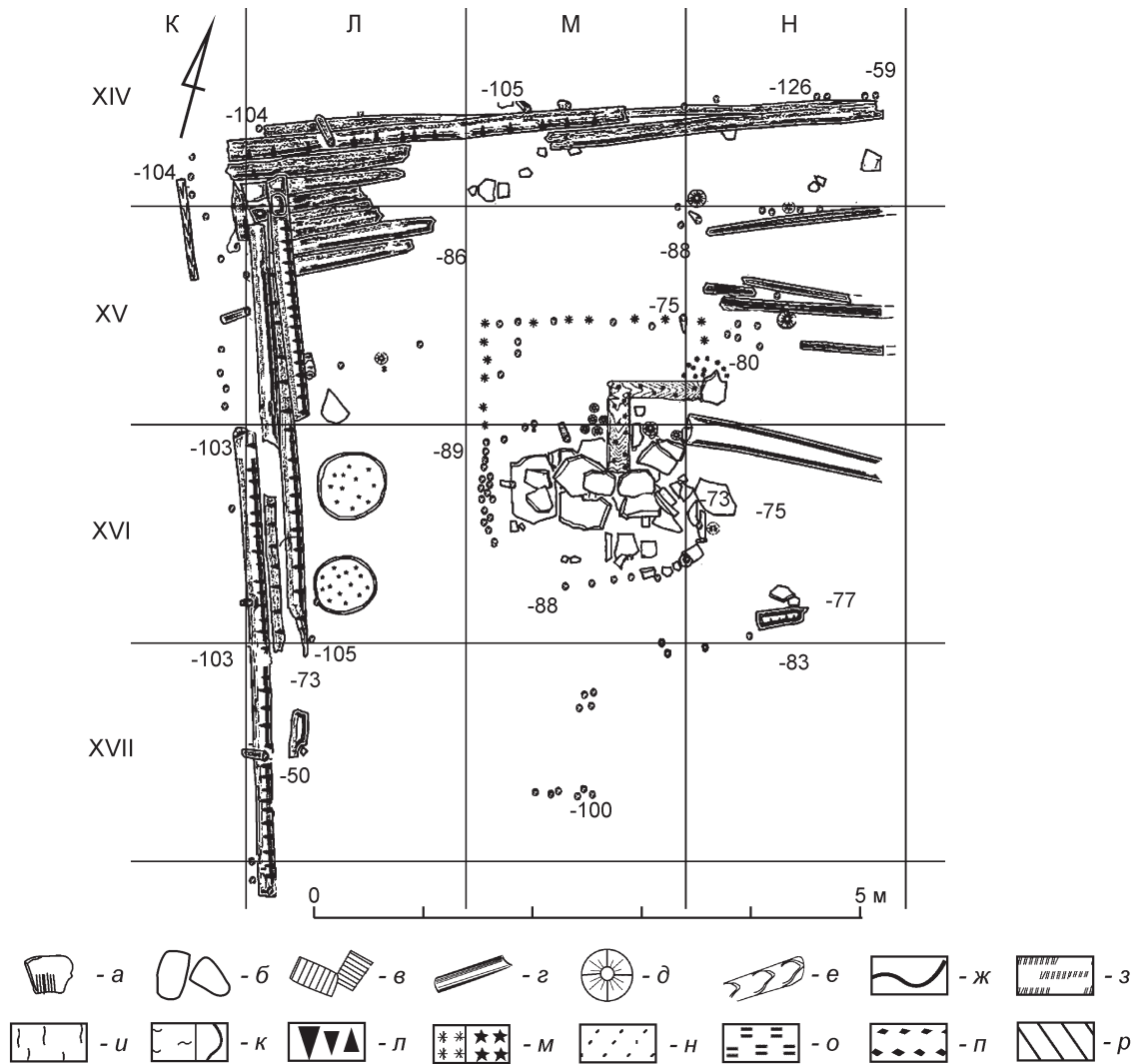

Рис. 1. Старая Ладога, Земляное городище, постройка 3а, план. Условные обозначения для рис. 1–6: *а* — плита; *б* — камни; *в* — кирпичи; *г* — бревно; *д* — бревно в разрезе; *е* — доска; *ж* — спил; *з* — древесный тлен; *и* — луб; *к* — береста; *л* — уголь; *м* — зола; *н* — песок; *о* — глина; *п* — щебень; *р* — бурый гумус

Fig. 1. Staraya Ladoga, Zemlyanoe gorodishche, building 3a, plan. Legend for figs. 1–7: *a* — stove; *b* — stones; *v* — bricks; *g* — log; *d* — log in cross section; *e* — plank; *zh* — saw cut; *z* — plant decay; *i* — bast; *k* — birchbark; *l* — coal; *m* — ash; *n* — sand; *o* — clay; *p* — gravel; *r* — brown humus

Постройка 3в (рис. 3). Сруб (7 × более 6 м). По-видимому, в качестве основания были использованы остатки сгоревшей постройки 3б. Отопительное устройство было разобрано и камни использованы как подкладки под сруб. В центре сохранились остатки пола. Дендротаты — 863 и 875 гг. подтверждают предположение о вторичном использовании в качестве основания дерева из предыдущей постройки.

Постройка 3г (рис. 4). Сруб (6 × 6,5 м). В центре — прямоугольное основание отопительного устройства 2 × 1,5 м, сложенное из плит. В восточной части сохранился настил пола, с лаг которого получены дендротаты: 900 и 904 гг. Судя по

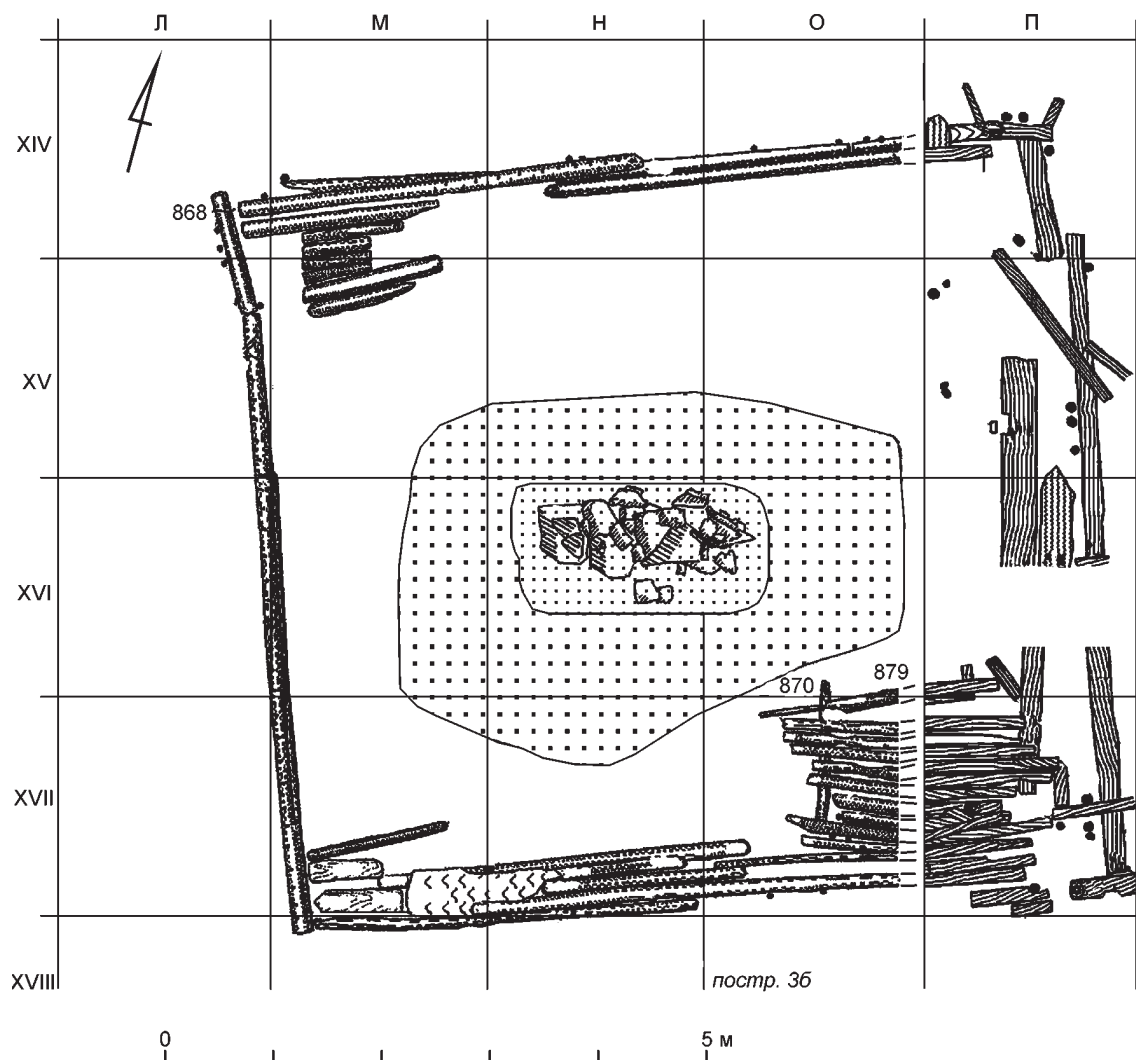

Рис. 2. Старая Ладога, Земляное городище, постройка 36, план

Fig. 2. Staraya Ladoga, Zemlyanoe gorodishche, building 36, plan

конструктивно необъяснимым врубкам, в основании сруба было положено дерево во вторичном использовании. Это подтверждает дендродата подкладки под северо-восточный угол сруба — 893 г.

Постройка 3д (рис. 5). Сруб ($6,5 \times 8,5?$ м) из обгоревших бревен. По-видимому, в центре находилось отопительное устройство ($2 \times 1,5$ м). Возможно, использовалось основание отопительного устройства предыдущей постройки. Получены четыре дендродаты: три — 913 г. и одна — 914 г.

Постройка 1 (рис. 6). Сруб состоит из внутреннего пространства и обносной внешней конструкции. Размеры внутреннего пространства — около 6×5 м, по внешнему контуру — 8×10 м. Северо-западный угол венца внутреннего пространства соединен врубками «в чашу». Такое же соединение наблюдается в юго-восточном углу, при этом северный край восточного бревна оформлен врубкой «в лапу». Северо-западный угол обносной части, находившийся *in situ*, также скреплен «в чашу». На смещенном бревне второго венца обносной части с северной стороны

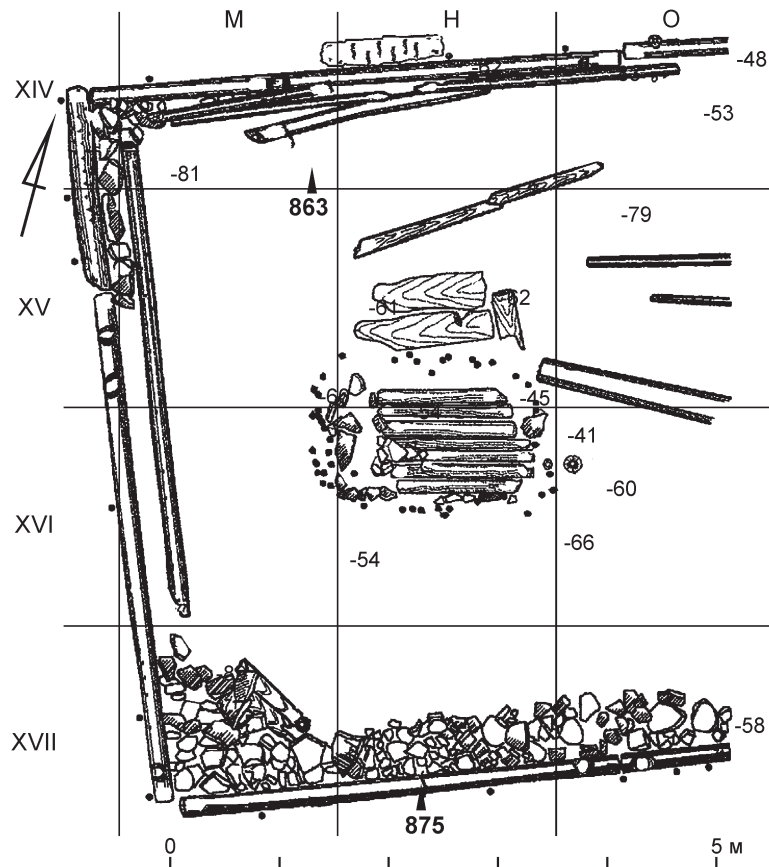

Рис. 3. Старая Ладога, Земляное городище, постройка 3в, план

Fig. 3. Staraya Ladoga, Zemlyanoe gorodishche, building 3v, plan

постройки, на уровне края жилого помещения имеется врубка, которая, очевидно, является следом соединения обноски с внутренней конструкцией. Вся восточную часть внутреннего помещения занимают остатки настила, сложенного из бревен диаметром 10–15 см. Бревна настила ориентированы по линии 3–В, перпендикулярно которым расположены подкладные лаги, длина которых соответствует ширине помещения. В центре и западнее настила, вплотную к нему, примыкает отопительное устройство (2 × 1,5 м), сложенное из грубооколотых известняковых плит. Получены две серии дендродат: даты 924, 928 и 929 гг. указывают на время сооружения постройки, даты 879, 890, 891 и 893 — на вторичное использование дерева. Постройка просуществовала совсем недолго, так как уже около 930 г. на ее месте был построен «большой дом», при сооружении которого широко использовалась вторичная древесина (Кирпичников 2012: 42).

Описанные постройки объединяет главная конструктивная деталь — наличие отопительного устройства в центре, а не в углу. Часто такие постройки относят не к жилым домам, а к мастерским (Засурцев 1963: 28, 33). В данном случае набор обычных бытовых находок не свидетельствует об особой ремесленной специфике описанных комплексов. Различия с «большими домами» скорее количественные — в размерах, а не качественные. Смешанная техника сооружения стен «больших

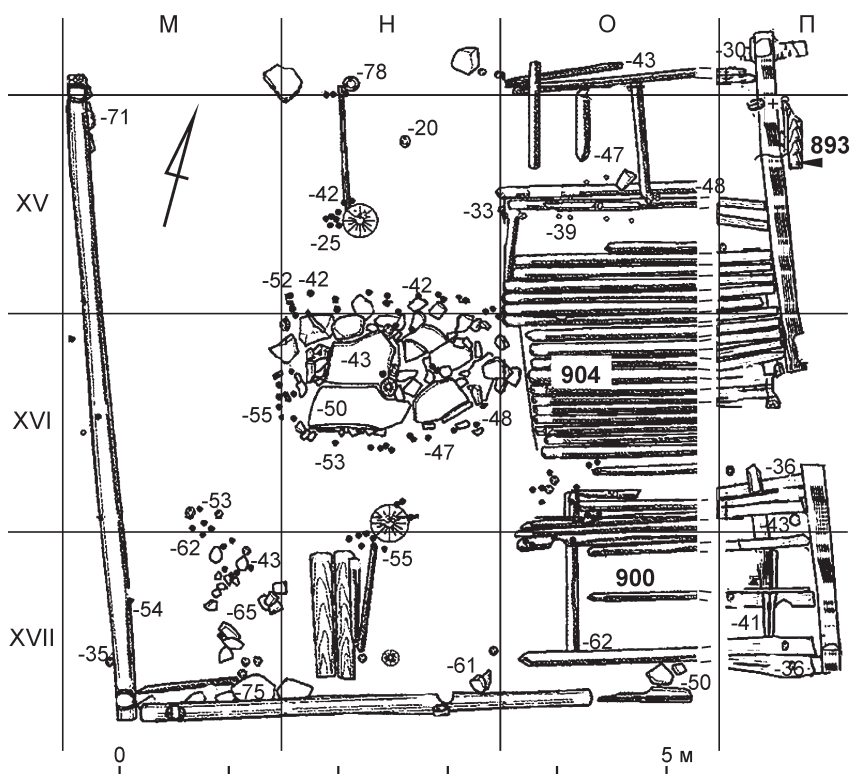

Рис. 4. Старая Ладога, Земляное городище, постройка 3г, план
 Fig. 4. Staraya Ladoga, Zemlyanoe gorodishche, building 3g, plan

домов» — столбовая и срубная могла определяться наличием или отсутствием материала, необходимого для строительства нестандартного помещения, которое должно было вмещать относительно большой коллектив, например, группу купцов (Кирпичников 2012: 43). В отношении «большого дома», исследованного Е. А. Рябининым, уже отмечалось, что «сильная перемешанность старого, уже бывшего в употреблении дерева и нового, свежесрубленного, как будто свидетельствует о поспешности, с которой возводилась постройка» (Черных 1989: 207). Это наблюдение хорошо иллюстрируют и описанные в данной статье постройки (см. табл.).

Отдельная тема — назначение обносной внешней конструкции. Предложенная в свое время Ю. П. Спегальским реконструкция галерей (Спегальский 1972: 33–43) вызвала острую дискуссию (Раппопорт и др. 1985: 148–149; Шенников 1993: 83). Очевидно, что причин сооружения таких конструкций могло быть несколько и, соответственно, в каждом конкретном случае могут рассматриваться разные варианты реконструкций (Лапшин 2001; 2009: 173–176).

Таблица
 Распределение дендродат по постройкам

Номер постройки	Дендродаты
1	879, 890, 891, 893; 924, 928, 929
3д	913, 913, 913, 914
3г	900, 904
3в	863, 875
3б	870, 879
3а	?

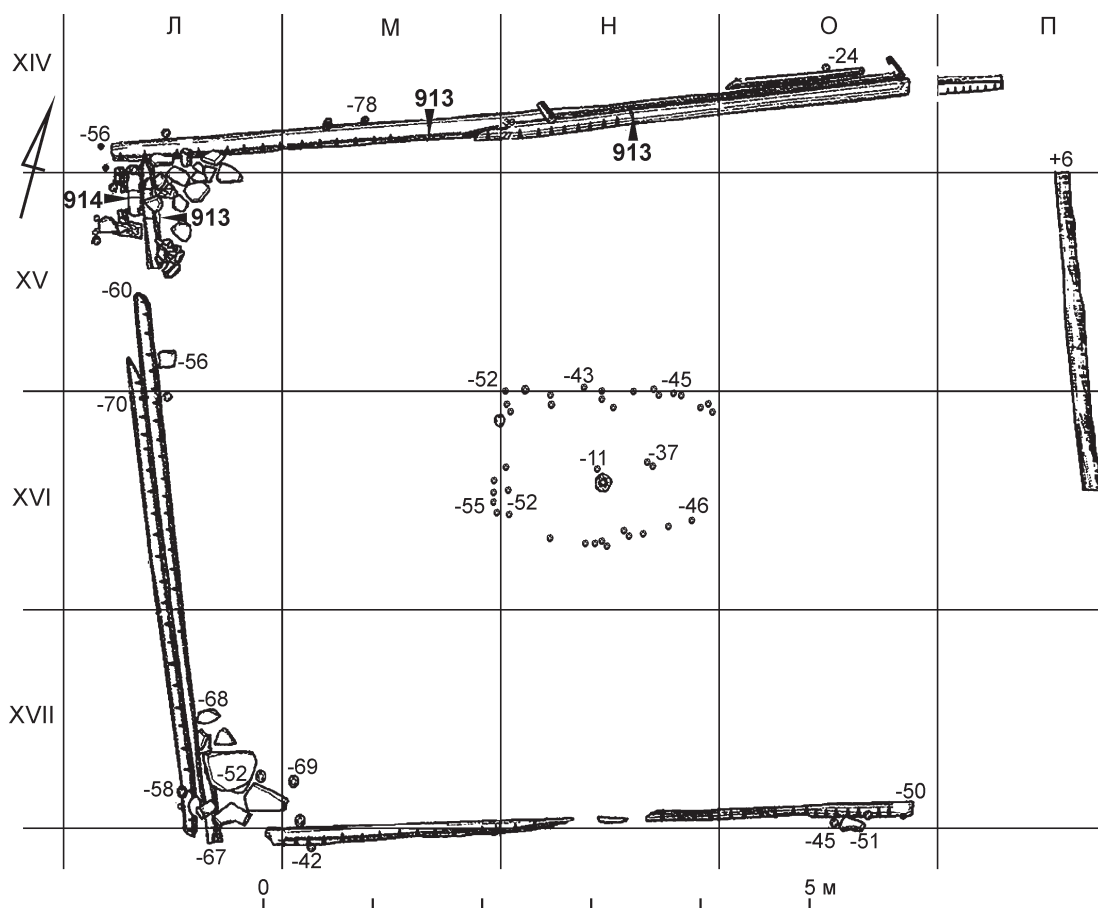

Рис. 5. Старая Ладога, Земляное городище, постройка 3д, план

Fig. 5. Staraya Ladoga, Zemlyanoe gorodishche, building 3d, plan

По-видимому, можно утверждать, что в Ладоге VIII–X вв. сосуществовали две основные домостроительные традиции, различающиеся по размещению отопительного устройства — в центре или в одном из углов. Актуальной задачей является пересмотр с этой точки зрения всех имеющихся материалов и поиски круга аналогий.

Литература

Засурцев 1963 — Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Арциховский А. В., Колчин Б. А. (ред.). Жилища древнего Новгорода. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 165 с. (МИА. № 123; Тр. Новгородской археологической экспедиции. Т. 4).

Кирпичников 2012 — Кирпичников А. Н. Раскопки в Старой Ладоге в 2008 г. // Кирпичников А. Н. (отв. ред.), Белецкий С. В., Лапшин В. А. (ред.). Ладога и Ладужская земля в эпоху средневековья. СПб.: Нестор-История, 2012. Вып. 3. С. 37–58.

Кирпичников и др. 2012 — Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб.: Славия, 2012. 215 с.

Лапшин 2001 — Лапшин В. А. Галереи или завалинки? // Архитектурно-археологический семинар. Материалы заседания памяти Ю. П. Спегальского. СПб.: Изд-во ГЭ, 2001. С. 23–25.

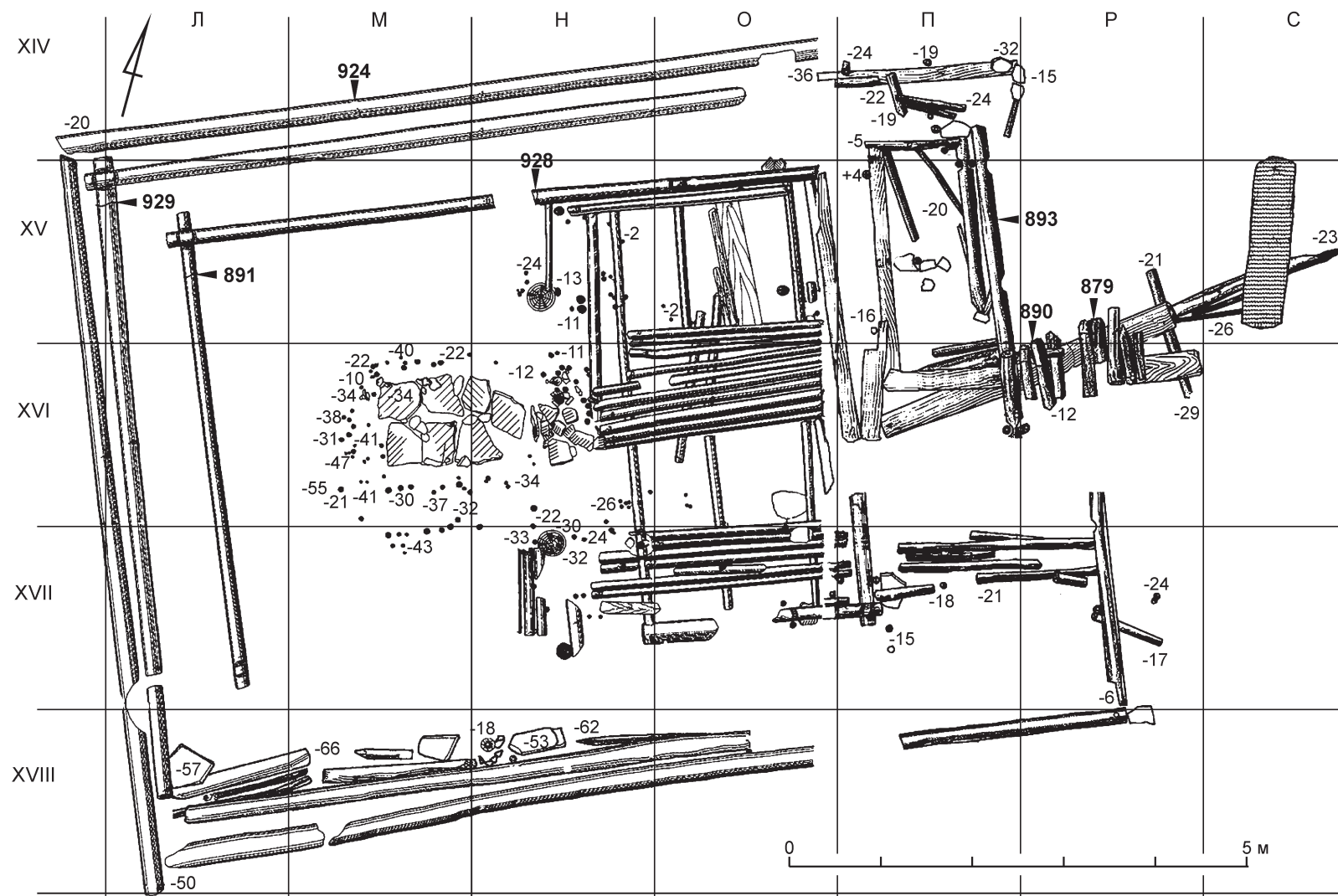

Рис. 6. Старая Ладога, Земляное городище, постройка 1, план
 Fig. 6. Staraya Ladoga, Zemlyanoe gorodishche, building 1, plan

Лапшин 2009 — *Лапшин В. А.* Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Изд-во Факультета филологии и искусств СПбГУ, 2009. 540 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. 30).

Носов 1977 — *Носов Е. Н.* Некоторые вопросы домостроительства Старой Ладоги // КСИА. 1977. Вып. 150. С. 10–17.

Равдоникас 1949 — *Равдоникас В. И.* Старая Ладога (Из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.). Ч. 1 // СА. 1949. Т. 11. С. 5–54.

Равдоникас 1950 — *Равдоникас В. И.* Старая Ладога (Из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.). Ч. 2 // СА. 1950. Т. 12. С. 7–40.

Раппопорт и др. 1985 — *Раппопорт П. А., Колчин Б. А., Борисевич Г. В.* Жилище // Рыбаков Б. А. (ред.). Древняя Русь. Город, замок, село. М.: Наука, 1985. С. 136–154 (Археология СССР).

Рябинин 1985 — *Рябинин Е. А.* Новые открытия в Старой Ладоге (Итоги раскопок на Земляном городище в 1973–1975 гг.) // Кирпичников А. Н. (ред.). Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.: Наука, 1985. С. 27–75.

Спегальский 1972 — *Спегальский Ю. П.* Жилище Северо-Западной Руси. IX–XIII вв. Л.: Наука, 1972. 275 с.

Черных 1989 — *Черных Н. Б.* Хронология и стратиграфия нижних горизонтов Староладожского Земляного городища по данным дендрохронологического анализа // Черных Е. Н. (ред.). Естественнонаучные методы в археологии. М.: Наука, 1989. С. 201–213.

Шенников 1993 — *Шенников А. А.* Двор крестьян Неудачки Петрова и Шестачки Андреева. Как были устроены усадьбы русских крестьян в XVI веке. СПб.: Русское географическое общество, 1993. 99 с.

ABOUT ONE TYPE OF BUILDINGS IN EARLY MEDIEVAL LADOGA

A. N. KIRPICHNIKOV, V. A. LAPSHIN, N. V. GRIGORIEVA

Keywords: *Staraya Ladoga, housebuilding, dendrochronology, wet layer, Early Medieval Period.*

The paper deals with a group of buildings studied at Zemlyanoe gorodishche (earthwork settlement) of Staraya Ladoga in 2006–2010 and 2011–2014. The central placement of the heating devices is reminiscent of the “big houses” of Staraya Ladoga, while their small size makes them similar to the log-houses with the stove in the corner. It is concluded that two main housebuilding traditions coexisted in Ladoga in the VIII–X cc.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ВАРЯЖСКОЙ УЛИЦЕ В СТАРОЙ ЛАДОГЕ¹

В. А. ЛАПШИН, П. А. МИЛЯЕВ²

Ключевые слова: *Старая Ладога, Ладожка, неолит, раннее средневековье, новое время.*

В статье прослеживается история освоения человеком берегов в устье Ладожки в период от неолита до нового времени. В процессе работ были исследованы погребенные почвы и геологические отложения, проведено радиоуглеродное и дендродатирование. Слой неолитической стоянки первой половины — середины IV тыс. до н. э. перекрыт отложениями Ладожской трансгрессии. После образования Невы и понижения уровня воды образовалась почва, которая несет следы распашки, относящейся к третьей четверти I тыс. н. э. Образование раннесредневекового культурного слоя относится ко времени не позднее IX в. Выявлены более поздние этапы укрепления берега Ладожки на протяжении XVI — начала XX в.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-19-157-164

В 2014–2015 гг. в Старой Ладоге были проведены охранные раскопки на месте установки памятника Рюрику и Олегу. Раскоп 2014 г. был заложен под основание памятника, а раскоп 2015 г. — на месте лестницы, спускающейся от памятника к берегу Ладожки напротив каменной крепости (рис. 1).

Ядро археологического комплекса Старой Ладоги составляют каменная крепость, расположенная на мысу при впадении р. Ладожки в р. Волхов, и находящееся к югу от нее Земляное городище (Кирпичников, Сарабьянов 2012). В основании Земляного городища раскрыт культурный слой первоначального поселения, чье возникновение датируется временем не позднее середины VIII в. (Давидан 1976; Рябинин 1985; Рябинин, Черных 1988). Культурный слой посада расположен на пониженной террасе левого берега р. Волхов и по обоим берегам р. Ладожки, на пространстве от Успенского до Никольского монастырей. Протяженность с севера на юг составляет 0,8 км, с востока на запад — 0,3–0,4 км. Мощность культурного слоя — от 3,8 м на левом берегу р. Ладожки до 0,9 м в западной части посада (Кирпичников 1985; Лебедев, Седых 1985: 22, 24, № 22, 26, 54; Лапшин 1995: 136, № 1450).

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0008 «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей».

² В. А. Лапшин и П. А. Миляев — Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

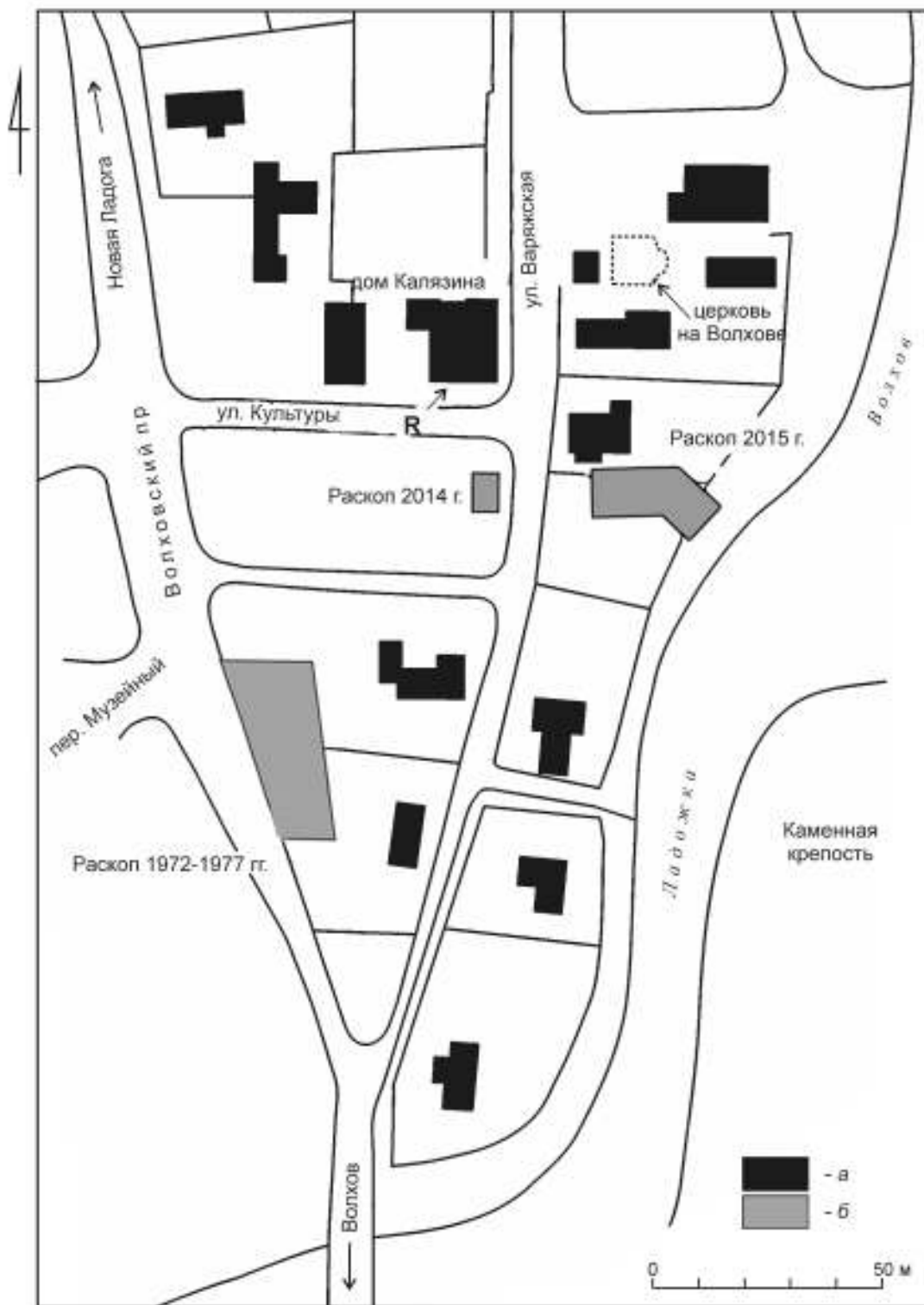

Рис. 1. Старая Ладога, ситуационный план расположения раскопов на левом берегу р. Ладожки (а — современные дома; б — раскопы)

Fig. 1. Staraya Ladoga, site layout plan showing the location of excavation areas on the left bank of the Ladozhka river (a — modern houses; б — excavations)

В северной части поселения наиболее масштабные раскопки были проведены в 1972–1977 гг. В. П. Петренко. Раскоп площадью 600 м² был заложен на покатом склоне левого берега Ладожки, почти на краю береговой террасы, в 50 м от воды. Высота берега от уреза воды — 8 м. Мощность культурного слоя составляла до 3,8 м. Под слоем мешаного серого гумуса толщиной 0,4–0,6 м залегал влажный слой, сохраняющий органику, в котором выявлено около 60 построек (Петренко 1985). Наиболее ранняя постройка раскопа датируется 842 г. (две порубочные даты), наиболее поздняя — 995 г. (порубочные даты — 988–995 гг.) (Черных 1985). В. П. Петренко выделил 11 последовательно сменяющих друг друга горизонтов (Петренко 1985: 84), Н. Б. Черных отнесла эти же постройки к восьми строительным периодам (Черных 1985: 122). Таким образом, строго говоря, речь идет не о посадке, а о второй части первоначального Ладожского поселения, по-видимому, несколько более поздней, чем поселение в основании Земляного городища, и расположенной на противоположном левом берегу Ладожки, в ее устье.

В 1973 г. проводился надзор при прокопке водопроводной траншеи протяженностью 25 м, проложенной от перекрестка улиц Варяжской и Культуры (от южной стены бывшего здания почты) на юго-запад по Варяжской ул. (в непосредственной близости от раскопа 2014 г.). Мощность слоя составляла 1,7–1,85 м, с глубины 0,7 м начинался черный гумус, местами с древесным тленом. Найдена бусина X–XI вв. Лепная керамика не обнаружена (Бессарабова 2001: 200–206). В 50–60 м к северо-востоку от раскопа 2014 г. Н. Е. Бранденбург в 1884–1885 гг. исследовал фундамент древнерусского каменного храма XII в. — церкви Спаса Всемилостивого. Церковь находилась на всхолмлении первой надпойменной террасы р. Волхов, на Варяжской ул., у дома № 11, у кирпичной часовни XIX в. Н. Е. Бранденбург раскопал фундамент и стены, сохранившиеся на высоту до 2 м, четырехстолпного трехапсидного храма 17 × 11 м. Церковь была построена из известняковых плит и плинфы на растворе с цемянкой. Стены изнутри были расписаны фресками. Датируется XII в. Культурный слой — сухой и органики не содержал (Бранденбург 1896: 38, 44–48, 125–127, 319; Раппопорт 1982: 76–77, № 121; Лебедев, Седых 1985: 22, № 27; Лапшин 1995: 137, № 1455; Чукова 1995). На участке, прилегающем к кирпичной часовне XIX в., на Варяжской ул., на огородах д. 11, к северу от основания Спасской церкви, был выявлен грунтовый могильник при храме. Погребения обнаружены в 1884–1885 гг. Н. Е. Бранденбургом. Могильник обследован в 1975 г. В. П. Петренко. Размеры могильника составляют около 40 × 35 м, ориентировочно он датируется XII–XVII вв. (Лебедев, Седых 1985: 22, № 28; Лапшин 1995: 137, № 1456). Таким образом, на территории Ладожского посада вблизи раскопов 2014–2015 гг. выявлены отложения и объекты начиная с середины IX в. Влажный слой, сохраняющий органику, зафиксирован только в раскопе В. П. Петренко 1972–1977 гг.

Раскоп 2014 г., заложенный на краю верхней части береговой террасы, в 50 м к северо-востоку от раскопа В. П. Петренко 1972–1977 гг., имел размеры 7 × 4 м (28 м² — в соответствии с размерами постамента памятника). Мощность культурного слоя составила около 1,80 м. Раскоп 2015 г. был заложен в 25 м к востоку от раскопа 2014 г., вблизи дома № 9 по Варяжской ул., на береговом склоне р. Ладожки. Форма раскопа, его ориентация и размеры были ограничены техническими параметрами планируемого сооружения — лестницы, спускающейся от памятника Рюрику и Олегу к воде. Размеры раскопа 32 × 7,5 м (240 м²). Мощность культурного слоя

составляла от 1,9 м в западной части до 2,4 м — в восточной. В результате проведенных археологических работ изучены отложения эпох неолита, средневековья и нового времени. Исследованы погребенные почвы и геологические отложения, проведено радиоуглеродное и дендродатирование. Культурный слой имел значительные повреждения от перекопов XIX–XX вв. Тем не менее именно здесь впервые удалось проследить основные этапы освоения человеком устья Ладожки от неолита до нового времени.

Дневная поверхность раскопа 2014 г. находилась на отметках +11,2–11,4 БС с небольшим уклоном к югу. Дневная поверхность раскопа 2015 г. — на отметках от +10,5–10,9 БС в западной части, также с небольшим уклоном к югу, до +6,5 БС — в восточной, прибрежной части раскопа³. Материк — песчано-супесчаные отложения (перемытая морена) — залегал в раскопе 2014 г. на отметках +9,5–9,8 БС, в западной части раскопа 2015 г. — +9,1 БС, а в восточной — +4,5–4,2 БС — на среднем современном уровне воды в Волхове. Материк сформировался в течение длительного времени, с финала плейстоцена до начала суббореального периода голоцена. В целом эту толщу отложений можно связать с формированием долины р. Волхов и колебаниями уровня Ладожского озера в первой половине голоцена (Долуханов и др. 2006; 2008). В конце атлантического периода в днище долины Волхова появляется лесная растительность и формируется нижняя погребенная почва толщиной 2–3 см, зафиксированная в раскопе 2014 г. (Александровский и др. 2018). В западной части раскопа 2015 г. погребенная почва переработана слоем неолитической стоянки. В неолитическом культурном слое обнаружен каменный инвентарь из кварца, кремня, сланца, гранита, янтаря и известняка, а также фрагменты глиняной посуды, представленные в основном типичной гребенчатой керамикой. По результатам радиоуглеродного датирования неолитический культурный слой относится к первой половине — середине IV тыс. до н. э. (Мурашкин 2018). Находки эпохи неолита были отмечены также на противоположном берегу Ладожки, у Стрелочной башни крепости во время раскопок Н. К. Стеценко в 1979–1982 гг. (Тимофеев, Стеценко 1997).

В период Ладожской трансгрессии (4500–3000 л. н.) нижнее течение Волхова превращается в залив Ладожского озера, погребенная почва и неолитический слой на территории раскопов 2014–2015 гг. перекрываются отложениями озерных глин (сапропеля) толщиной 60–80 см. Аналогичный слой на Земляном городище существенно тоньше — 10–18 см (Александровский и др. 2010; 2012). После образования Невы около 3000 л. н. уровень воды понижается, верхняя часть сапропеля перерабатывается почвообразованием и превращается в гумусовый горизонт почвы. Верхняя часть почвы в обоих раскопах находится на абсолютных отметках около +9,8–9,9 БС. Этот плодородный слой носит следы распашки, так же как и на территории Земляного городища, где датируется временем около третьей четверти I тыс. н. э. (Александровский 2012; Александровский и др. 2018).

В раскопе 2014 г. слой распашки прорезан ямами с лепной керамикой, предположительно относящимися к IX — началу X в. Выше залегал слой бурого гумуса, вещевые находки из которого имеют широкую дату и соответствуют горизонтам Г

³ За «ноль» для раскопов 2014 и 2015 гг. был принят репер, находящийся на левом углу верхней плоскости западного (левого) парапета южного крыльца дома купца Калязина (Музей археологии). Абсолютная отметка нулевого репера — 12,559 БС.

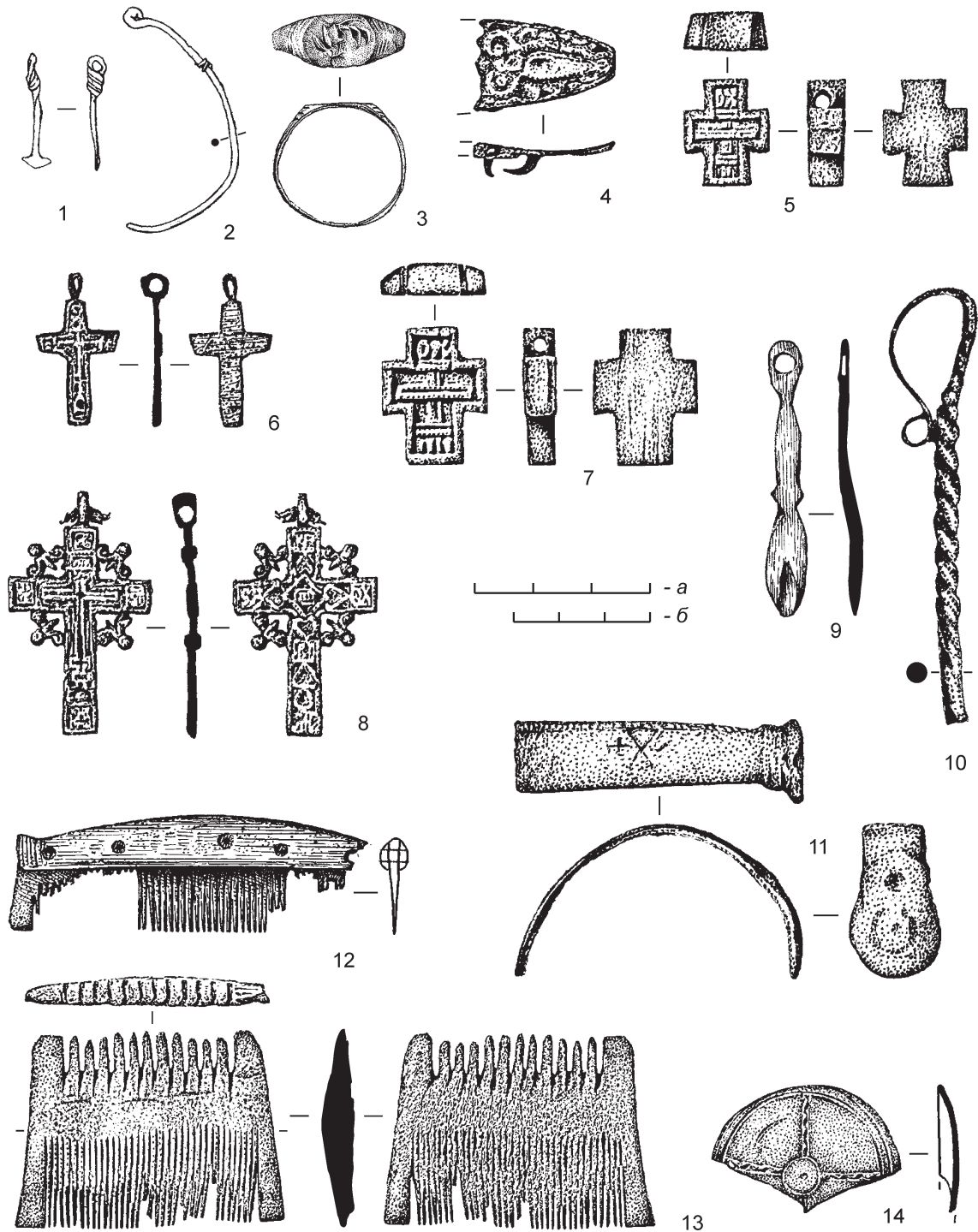

Рис. 2. Старая Ладога, раскоп на Варяжской улице, 2015 г., изделия из железа (1, 2, 10), цветного металла (3, 4, 6, 8, 11), кости (5, 7, 12–14), дерева (9). Масштабы: *a* — для № 1–8, 10, 11; *б* — для № 9, 12–14

Fig. 2. Staraya Ladoga, excavation on Varyazhskaya street, 2015, artifacts made of iron (1, 2, 10), non-ferrous metals (3, 4, 6, 8, 11), bone (5, 7, 12–14), wood (9). Scales: *a* — for Nos. 1–8, 10, 11; *b* — for Nos. 9, 12–14

(XII–XIII вв.) и В (XV–XVI вв.) Земляного городища Старой Ладogi. Верхняя часть культурного слоя была уничтожена при строительстве подвала жилого дома конца XIX в.

В раскопе 2015 г. раннесредневековый слой сохранился только в переотложенном виде — в позднем средневековье он был перемещен и использован в качестве береговой подсыпки — слоя толщиной от 0,2 до 1,5 м. Материк в прибрежной части представлял собой белый кварцевый песок, погребенная почва отсутствовала. В слое желтого гумусированного песка с камнями при промывке были выявлены находки, которые в целом можно отнести к IX–XI вв.: скандинавская железная подвеска в виде молоточка Тора (рис. 2, 1), фрагмент височного кольца (рис. 2, 2), односторонний составной костяной гребень (рис. 2, 12) второй группы, по О. И. Давидан (Давидан 1962: 100–101), фрагмент костяной ложки (рис. 2, 14), деревянная копоушка (рис. 2, 9), ледоходный шип, стеклянные бусы, многочисленные судовые заклепки.

Следующий по времени комплекс — колодец в прибрежной части раскопа. Сруб был сложен «в обло» из бревен округлого сечения диаметром 0,15–0,20 м. В колодце были найдены большое количество фрагментов кожаной обуви XVI в. (определение А. В. Курбатова), железные ножи, замок, пружина от оружейного замка, многочисленные фрагменты керамики, в том числе и чернолощеной.

В прибрежном, северо-восточном углу раскопа 2015 г. выявлен угол основания постройки, сложенной из массивных валунов и крупных плит известняка, в основании которых лежали бревна-лаги. Связанный с постройкой слой бурого гумуса с древесным тленом содержал находки XVII — начала XVIII в., в том числе монеты-чешуйки Бориса Годунова (1598 г.) и Михаила Федоровича (1630–1641 гг.), деньгу Петра I (определение К. В. Горлова), а также овальнощитковый перстень из цветного металла с вырезанным изображением (рис. 2, 3), наконечник ремня из цветного металла (рис. 2, 4), четырехконечные костяные нательные кресты (рис. 2, 5, 7), бронзовые нательные кресты (рис. 2, 6, 8), фрагмент пластинчатого браслета (рис. 2, 11), фрагмент посоховидной булавки (рис. 2, 10), овальное длинное кресало, наконечники пик, фрагменты голландских трубок.

Вдоль берега расчищен помост, основой которого служили бревна, положенные крест-накрест и соединенные «в обло». Бревна неоднократно перекрывались досками с подкладками из камней и подсыпками из глины. В пределах остатков помоста и настилов были найдены разнообразные находки XVII в.: фрагменты керамики и стеклянных сосудов, железные скобы и гвозди, ножи, каменные рыболовецкие грузила. В слое щепы был расчищен целый шпангоут, принадлежавший лодке-однодеревке с нашивными бортами.

Берег укрепляли и позднее: настилы перебиты линией более поздних свай, для двух из которых получены дендродаты: 1693 г. и после 1785 г. (верхний слой не сохранился) (определение О. А. Тарабардиной).

Последним этапом укрепления берега Ладожки явилось сооружение трех подпорных стенок из сложенных насухо в несколько рядов известняковых плит. В сочетании с настилами из тонких бревен и досок, уложенными вдоль каменных кладок, подпорные стенки образовывали своеобразную набережную Ладожки. Судя по находкам, эти сооружения датируются концом XIX — началом XX в.

Выше по берегу, в центральной части раскопа 2015 г., были раскрыты остатки фундамента постройки, сложенного из плит известняка с применением строительного

раствора. Вероятно, постройка была возведена в конце XIX — начале XX в. и продолжала использоваться в более позднее время. С постройкой связан слой пестрой мешаной супеси со строительным мусором и камнями. Этот слой в западной части раскопа имел мощность от 0,6 до 1 м и достигал слоя отложений ладожской трансгрессии, но не прорезал его, благодаря чему сохранился непотревоженным слой неолитической стоянки. В восточной части раскопа слой пестрой мешаной супеси выклинивался к берегу (от 1,5 до 0,2 м). Слой содержал смесь из отдельных находок эпохи неолита, раннего средневековья, монет XVII–XIX вв. и посуды XX в.

Таким образом, в раскопах 2014–2015 гг. удалось проследить историю освоения человеком берегов в устье Ладожки в период от неолита до нового времени.

Литература

Александровский 2012 — Александровский А. Л. Радиоуглеродный возраст пахотного горизонта под культурным слоем Земляного городища Старой Ладоги // Кирпичников А. Н. (ред.). Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб.: ИИМК РАН, 2012. Вып. 3. С. 58–61.

Александровский и др. 2010 — Александровский А. Л., Кренке Н. А., Нефедов В. С. Исследования почв и отложений под культурным слоем Земляного городища Старой Ладоги // Носов Е. Н., Белецкий С. В. (ред.). Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М.: Ломоносовъ, 2010. Т. 1. С. 43–61.

Александровский и др. 2012 — Александровский А. Л., Долгих А. В. Почвенно-географические исследования в Старой Ладоге в 2010 г. // Селин А. А. (ред.). Староладожский сборник. СПб.: Нестор-История, 2012. Вып. 9. С. 69–78.

Александровский и др. 2018 — Александровский А. Л., Лапшин В. А., Григорьева Н. В., Александровская Е. И., Скрипкин В. В. Почвообразование на территории Старой Ладоги в неолите и раннем средневековье // ЗИИМК. 2018. № 18. С. 99–104.

Бессарабова 2001 — Бессарабова З. Д. Остатки производственного сооружения древнеладожского времени (траншея XI, яма 7) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород: НГОМЗ, 2001. Вып. 15. С. 214–229.

Бранденбург 1896 — Бранденбург Н. Е. Старая Ладога. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1896. 512 с.

Давидан 1962 — Давидан О. И. Гребни Старой Ладоги // АСГЭ. 1962. Вып. 4. С. 95–108.

Давидан 1976 — Давидан О. И. Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки // АСГЭ. 1976. Вып. 17. С. 101–117.

Долуханов и др. 2006 — Долуханов П. М., Болтримович С. Ф., Зайцева Г. И., Кулькова М. А., Тимофеев В. И. К палеогеографии и геохронологии поселений каменного века — эпохи раннего металла Балтийско-Ладожского региона // ТАС. 2006. Вып. 6, т. 1. С. 144–147.

Долуханов и др. 2008 — Долуханов П. М., Субетто Д. А., Арсланов Х. А., Александровский А. Л. Эволюция водных систем и земледельческая Северо-Западной России // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. 3. С. 351–353.

Кирпичников 1985 — Кирпичников А. Н. Посад средневековой Ладоги // Седов В. В. (ред.). Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.: Наука, 1985. С. 170–180.

Кирпичников, Сарабьянов 2012 — Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб.: Славия, 2012. 216 с.

Лапшин 1995 — *Лапшин В. А.* Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2. Восточные и северные районы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. 232 с.

Лебедев, Седых 1985 — *Лебедев Г. С., Седых В. Н.* Археологическая карта Старой Ладоги и ее ближайших окрестностей // Вестник ЛГУ. История, языковедение, литературоведение. 1985. Вып. 2. С. 15–25.

Мурашкин 2018 — *Мурашкин А. И.* Инвентарь неолитического слоя в раскопе на Варяжской улице // Платонова Н. И. (ред.). Новое в археологии Ладоги. СПб.: ИИМК РАН (в печати).

Петренко 1985 — *Петренко В. П.* Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Седов В. В. (ред.). Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.: Наука, 1985. С. 81–116.

Раппопорт 1982 — *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников. Л.: Наука, 1982. 136 с. (САИ. Вып. Е1-47).

Рябинин 1985 — *Рябинин Е. А.* Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище в 1973–1975 гг.) // Седов В. В. (ред.). Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.: Наука, 1985. С. 27–75.

Рябинин, Черных 1988 — *Рябинин Е. А., Черных Н. Б.* Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского земляного городища в свете новых исследований // СА. 1988. № 1. С. 72–100.

Тимофеев, Стеценко 1997 — *Тимофеев В. И., Стеценко Н. К.* Староладожская неолитическая стоянка // Кирпичников А. Н. (ред.). Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. СПб.; Псков: ИИМК РАН, 1997. Т. 2. С. 331–334.

Черных 1985 — *Черных Н. Б.* Дендрохронология Ладоги (раскоп в районе Варяжской улицы) // Седов В. В. (ред.). Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.: Наука, 1985. С. 117–122.

Чукова 1995 — *Чукова Т. А.* Храмы Старой Ладоги в исследованиях Н. Е. Бранденбурга (к вопросу об убранстве алтаря) // Крылов А. К. (ред.). Сборник материалов программы «Храм». СПб.: Санкт-Петербургский фонд культуры, 1995. Вып. 8. С. 62–67.

NEW RESEARCH ON VARYAZHSKAYA STREET IN STARAYA LADOGA

V. A. LAPSHIN, P. A. MILYAEV

Keywords: *Staraya Ladoga, Ladozhka, Neolithic, Early Medieval Period, Modern Age.*

The paper tracks the history of human activity in the Ladozhka river mouth from the Neolithic and through the Modern Age. The research works included the study of buried soils and other geological deposits, as well as radiocarbon and dendrochronological dating. The cultural layer of a Neolithic site dating from the first half — the middle of the 4th millennium BC is overlain with the Ladoga transgression sediments. The formation of the Neva and lowering of water level were followed by the formation of a buried soil which bears traces of ploughing dated to the third quarter of the 1st millennium AD. The Early Medieval cultural layer was formed not later than the IX c. It has been shown also that the efforts to strengthen the banks of the Ladozhka were periodically undertaken during the period from the XVI through the beginning of the XX c.

ГРАФФИТО ИЗ СОБОРА ЮРЬЕВА МОНАСТЫРЯ БЛИЗ НОВГОРОДА¹

С. В. БЕЛЕЦКИЙ²

Ключевые слова: граффито, трезубец, Юрьев монастырь, полоцкая ветвь рода Рюриковичей.

В 2014 г. С. М. Михеев опубликовал изображение древнерусского княжеского знака. Оно дошло до нас в граффито на стене лестничной башни Георгиевского собора Юрьева монастыря близ Новгорода. Знак имеет вид трезубца, соответствующего по схеме гербу полоцкого князя Брячислава Изяславича (†1044), скончавшегося задолго до строительства храма (1119–1130). Такая в высшей степени неординарная ситуация нуждается в объяснении.

Особенностью трезубца из Юрьева монастыря является то, что он передает тип парадного княжеского знака XI в. иконографически безграмотно. Складывается впечатление, что автор граффито знал, что именно он хотел изобразить, но имел смутное представление о том, как правильно это сделать. По-видимому, появление граффито в лестничной башне Георгиевского собора Юрьева монастыря связано с борьбой Мстислава Великого с полоцкими князьями в 1128–1129 гг., завершившейся вначале разгромом, а затем пленением пятерых полоцких князей, высланных в Византию. Очевидно, процарапанный на стене знак Брячислава Изяславича знаменовал собой обобщенное указание на полоцких князей, противостоявших великому киевскому князю Мстиславу точно так же, как их отцы противостояли Владимиру Мономаху, дед — Ярославичам, а прадед — Ярославу.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-19-165-172

В 2014 г. С. М. Михеев опубликовал ранее неизвестное изображение древнерусского княжеского знака. Оно дошло до нас в граффито на стене лестничной башни Георгиевского собора Юрьева монастыря близ Новгорода (Михеев 2014а: 49–50, рис. 5, левый; 2014б: 249). Знак (рис. 1) представляет собой трезубец, центральный зубец которого имеет вид вытянутого овала, соединенного переплетением с основанием трезубца. Верхняя часть овала находится над основанием трезубца, разомкнутая вершина накладывается на крестообразную фигуру. Нижняя часть

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0008 «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

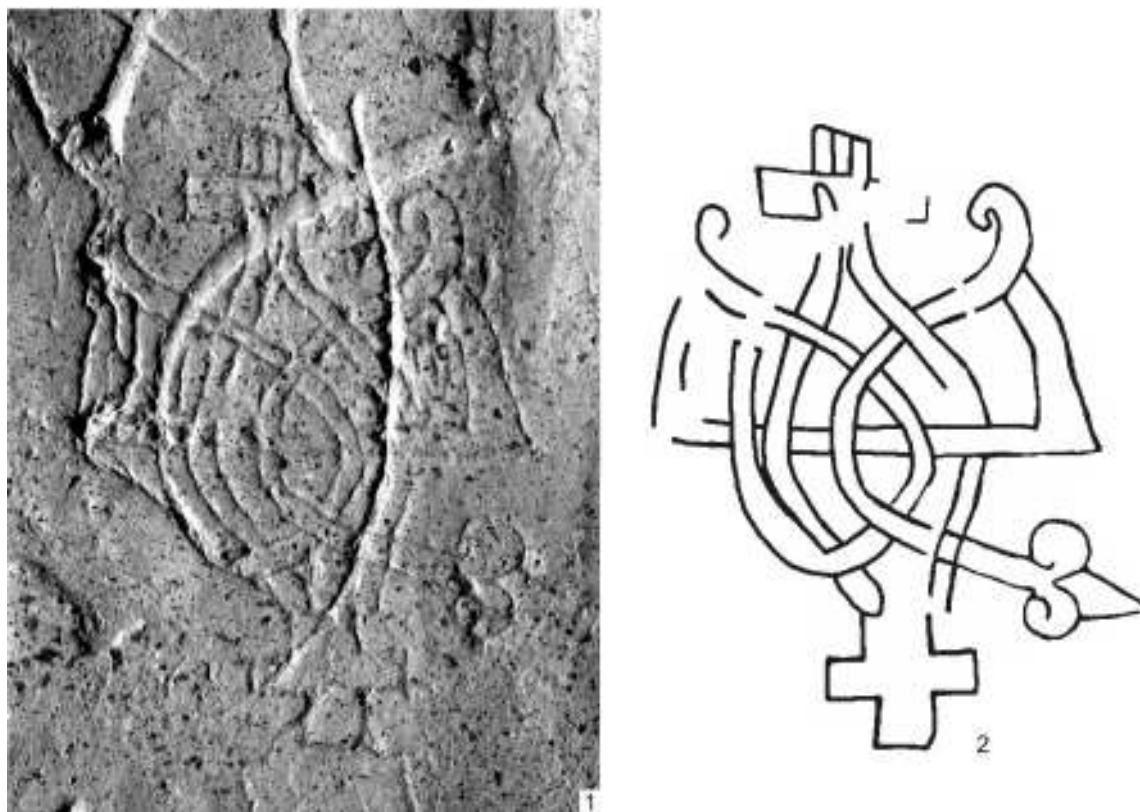

Рис. 1. Граффито на стене лестничной башне Георгиевского собора Юрьева монастыря близ Новгорода: 1 — фотография (по: Михеев 2014а); 2 — прорисовка по фотографии

Fig. 1. Graffiti on the wall of the stair turret of Saint George Cathedral at the Yuriev monastery near Novgorod: 1 — photograph (after Михеев 2014а); 2 — drawing after the photograph

овала размещена под основанием трезубца и образует разомкнутую подтреугольную ножку знака, опирающуюся на крест. Боковые зубцы трезубца образованы перевернутой П-образной фигурой, на которую наложены «ленты» с загнутыми внутрь верхними окончаниями. Лента, образовавшая правый зубец, своей нижней частью далеко выходит за пределы треугольника ножки и завершается острием, по обе стороны от которого размещены завитки-волюты. Лента, образовавшая левый зубец, накладывается на основание трезубца, изгибается вверх и образует петлю.

Комментируя знак из Юрьева монастыря, С. М. Михеев отметил, что граффито «располагается при выходе на хоры в лестничной башне <...>, чуть ниже и правее крупной надписи, упоминающей о посещении собора Мстиславом Великим». На этом основании исследователь предположил, что «в лестничной башне начертан именно княжеский знак Мстислава Владимировича, сына Мономаха» (Михеев 2014а: 50). Однако на фотографии (Там же: рис. 6) видно, что надпись процарапана по штукатурке глубокими размашистыми линиями, в то время как знак процарапан значительно аккуратнее и линии неглубокие. Кроме того, знак размещен в стороне от надписи. Таким образом, нет никаких оснований для атрибуции трезубца Мстиславу Владимировичу.

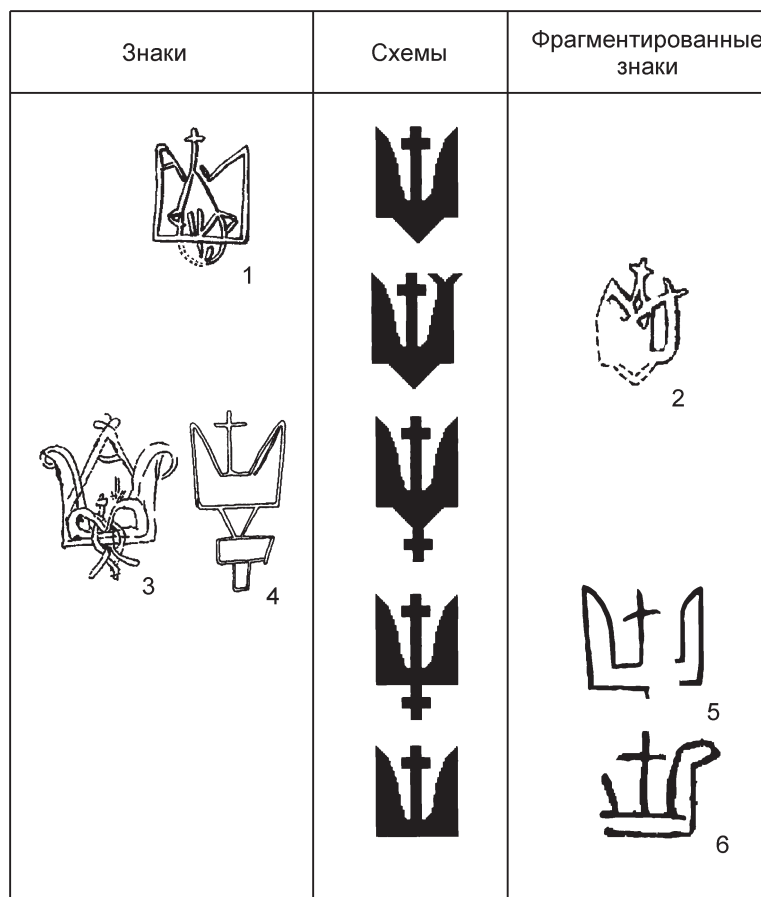

Рис. 2. Трезубцы X–XI вв. с крестом на вершине центрального зубца: 1 — печать № 2, Новгород (по: Янин 1970); 2 — гончарное клеймо, Могилёв (по: Белецкий 2000б); 3 — граффито № 75, Софийский собор, Киев (по: Высоцкий 1966); 4 — костяная рукоять, Измерское поселение; 5–6 — роговые кистени (5 — Минск; 6 — о. Ледницкий) (4–6 — по: Белецкий 2000а)

Fig. 2. Tridents of X–XI cc. with a cross on top of the central dent: 1 — seal No. 2, Novgorod (after Янин 1970); 2 — pottery seal, Mogilev (after Белецкий 2000б); 3 — graffito No. 75, Saint Sophia Cathedral in Kiev (after Высоцкий 1966); 4 — bone handle, Izmer settlement; 5–6 — antler ball-and-chain flails (5 — Minsk; 6 — Lednitsky island) (4–6 — after Белецкий 2000а)

В поисках аналогий знаку С. М. Михеев обратился к изображениям трезубца на рукояти шила из Измерского поселения (Белецкий 2000а: 393, рис. 20, 4; Казаков, Белецкий 2004) и на печати № 2 Корпуса актовых печатей Древней Руси (Янин 1970: 41, 249, табл. 1, 2). Первый из них исследователь расценил как «вероятно, <...> идентичный знаку из Георгиевского собора Юрьева монастыря» (Михеев 2014б: 49), а второй признал идентичным или родственным «тамге со стены Георгиевского собора Юрьева монастыря» (Там же: 55). Действительно, трезубцы, изображенные на рукояти шила из Измерского поселения (рис. 2, 4) и на печати № 2 (рис. 2, 1), близки знаку из Георгиевского собора: общим элементом у всех трех знаков является крестик на вершине центрального зубца. У знаков на рукояти шила и на стене Георгиевского собора, кроме того, одинаково оформлена ножка трезубца.

Рис. 3. Подвеска № 101, место находки неизвестно (по: Белецкий 2014а)

Fig. 3. Pendant No. 101, stray find (after Белецкий 2014а)

шим из этих знаков традиционно признается трезубец на печати № 2. В. Л. Янин прочитал круговую надпись на лицевой стороне этой печати как имя «Изяслав». Он отметил, что трезубец на печати является усложнением знака Владимира Святославича (†1015) и близок знаку Ярослава Владимировича (†1054). «Единственный Изяслав, с которым можно связать публикуемую печать, — заключил исследователь, — это старший сын Владимира Святославича, родоначальник ветви полоцких князей — Изяслав Владимирович» (Янин 1955: 40–42; см. также: 1956: 157–158; 1970: 41).

Предложенная В. Л. Яниным атрибуция печати № 2 была принята большинством исследователей. Правда, С. М. Михеев предпринял попытку пересмотреть датировку печати и атрибуцию помещенного на ней княжеского знака. Он предложил новое прочтение легенды на печати и датировал ее второй четвертью XII в. (Михеев 2014а: 55). Однако анализ аргументов С. М. Михеева показал (Белецкий 2016: 123–133), что предпринятая попытка оказалась неудачной.

Соглашаясь с выводом В. Л. Янина о принадлежности знака на печати Изяславу полоцкому, я попытался реконструировать генеалогию перечисленных выше трезубцев с крестиком на вершине центрального зубца (Белецкий 1998; 2000б; Казаков, Белецкий 2004). Согласно этой реконструкции (рис. 4) трезубец из Юрьева монастыря следовало бы атрибуировать князю Брячиславу Изяславичу (†1044), старшему сыну Изяслава полоцкого.

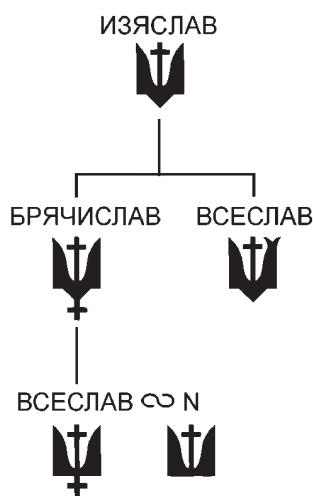

Рис. 4. Генеалогия и персонификация трезубцев X–XI вв. с крестом на вершине центрального зубца

Fig. 4. Genealogy and personification of tridents of the X–XI cc. with a cross on top of the central dent

Кроме знаков на печати № 2 и на рукояти шила известна еще целая группа архаичных трезубцев с перекрестием на вершине центрального зубца: знаки на кистене из Минска (рис. 2, 5; см.: Белецкий 1998; 2000а: 412–415, рис. 31), на кистене с о. Ледницкий (рис. 2, 6; см.: Белецкий 2000а: 417–418, рис. 34, 1, Б), в гончарном клейме из Могилёва (рис. 2, 2; см.: Белецкий 2000б: 343, табл. II, 1; 2014б: рис. 2, 28), в граффито из Софии Киевской (рис. 2, 3; см.: Высоцкий 1966: 110–111, табл. LXIX, 1; LXX, 1), а также на трех практически идентичных геральдических подвесках (рис. 3) № 28 (Новгород), № 38 (Белгород, Украина) и № 101 (место находки неизвестно; см.: Белецкий 2014а: 140, рис. 1). Древней-

Между тем Георгиевский собор Юрьева монастыря строился в 1119–1130 гг. Очевидно, что граффито на стене лестничной башни не могло появиться ранее конца 20-х — начала 30-х гг. XII в., когда храм уже был возведен, а его стены оштукатурены. Иными словами, трезубец из Георгиевского собора был процарапан на стене почти через 90 лет после смерти Брячислава.

Если бы трезубец рассматриваемого типа был зафиксирован только в граффито из Юрьева монастыря, противоречие между датой строительства храма и временем активной деятельности полоцкого князя можно было бы объяснить принципиально ошибочной реконструкцией генеалогии трезубцев с крестиком на вершине центрального зубца. Однако трезубцы, соответствующие по схеме знаку из Юрьева монастыря, зафиксированы еще по крайней мере пять раз — на уже упоминавшейся рукояти шила из Измерского поселения, в граффито № 75 из Софийского собора в Киеве и на трех геральдических подвесках. Конечно, рукоять шила археологически датируется широко — X–XI вв., а граффито № 75, строго говоря, могло быть процарапано в любой момент после того, как северная галерея Софийского собора была расписана. Кроме того, Н. М. Никитенко и В. В. Корниенко полагают, что вершина центрального зубца у трезубца в граффито № 75 из Софийского собора завершается не крестом, а геральдической лилией, а ножка завершается не крестом, а перевернутой буквой Д. Однако ни «лилии», ни «перевернутой буквы Д» на фотографии граффито и на его прорисовке, выполненной В. В. Корниенко (Нікітенко, Корнієнко 2011: 138, рис. 4), я не увидел. Напротив, и на снимке, и на прорисовке вполне отчетливо читаются и крест с прямоугольными завершениями лопастей, на который опирается ножка трезубца, и крест со скругленными лопастями на вершине центрального зубца. Что же касается уверенного вывода о включении в изображение трезубца монограммы «у вигляді крина з укомпонованими в нього великими літерами В і А» (Там же: 139) и сделанного на этом основании заключения о принадлежности знака сыну Ярослава Мудрого Всеволоду-Андрею, то эти рассуждения напоминают рассуждения К. В. Болсуновского о трезубце Владимира Святого как монограмме титула ΒΑΣΙΛΕΩΣ (Болсуновский 1908: 3–8) и А. Пастернака о закодированной в трезубце фразе «Владимир на столе» (Пастернак 1991: 26–33). Вряд ли подобные фантазии в настоящее время можно воспринимать всерьез.

Изображение знака на геральдических подвесках может быть датировано значительно точнее. Владелец знака, помещенного на стороне «А» перечисленных подвесок, был современником владельца знака, помещенного на стороне «Б» тех же подвесок. Последний же с наибольшим вероятием принадлежал Владимиру Ярославичу, второму сыну Ярослава Мудрого (Белецкий 2004: 270), посаженному на новгородский стол в 1034 г. и скончавшемуся в 1052 г. (Войтович 1992: 30, 31). Таким образом, трезубец на стороне «А» у подвесок № 28, 38 и 101 определенно датируется XI в. и с наибольшим вероятием принадлежал полоцкому князю Брячиславу Изяславичу.

После всего сказанного приходится признать, что на стене лестничной башни Георгиевского собора Юрьева монастыря был, скорее всего, действительно процарапан трезубец, соответствующий по схеме гербу полоцкого князя Брячислава Изяславича, скончавшегося задолго до строительства храма. Очевидно, что такая в высшей степени неординарная ситуация требует объяснения.

Существенной особенностью трезубца из Юрьева монастыря является то, что он передает тип парадного княжеского знака безграмотно: отличается оформление «лент», образующих зубцы. У парадных трезубцев XI в. эти «ленты» являются частью боковых зубцов, от которых они отделены своего рода «надрезами» в нижней части зубца. Сквозь «надрезы» пропущены контуры основания центрального зубца при его переходе в треугольник ножки. Нижние части «лент» обычно размещены по сторонам от ножки трезубца симметрично друг другу. Совершенно иначе оформлены боковые зубцы у трезубца из Юрьева монастыря. Их внешний контур вместе с основанием трезубца представляет собой перевернутую П-образную фигуру. Внутренний контур каждого из зубцов оформлен «лентой», наложенной своим верхним окончанием на вершину внешнего контура зубца. Завершения верхних окончаний «лент» загнуты внутрь, а завершения нижних окончаний асимметричны. Неправильно оформлен и центральный зубец трезубца: у знаков XI в. центральный зубец имел цельные вершину и основание зубца, которые завершались крестами, в то время как у знака из Георгиевского собора и вершина и основание зубца наложены поверх крестовидных фигур. При этом и вершина, и основание центрального зубца разомкнуты, так что сам зубец не является цельным, а образован двумя несомкнутыми «лентами». Складывается впечатление, что автор граффито знал, что именно он хотел изобразить, но имел смутное представление о том, как правильно это сделать.

Если сказанное справедливо, то появление граффито в лестничной башне Георгиевского собора Юрьева монастыря, вероятнее всего, связано с борьбой Мстислава Великого с полоцкими князьями в 1128–1129 гг., завершившейся вначале разгромом, а затем пленением пятерых полоцких князей, высланных в Византию (Ипат. 1962: 293). Очевидно, процарапанный на стене знак Брючислава Изяславича знаменовал собой обобщенное указание на полоцких князей, противостоявших великому киевскому князю Мстиславу точно так же, как их отцы противостояли Владимиру Мономаху, дед — Ярославичам, а прадед — Ярославу.

Показательно, что граффито, сообщающее о посещении Мстиславом Великим Юрьева монастыря 8 апреля 1128 г. (Рождественская 1994: 77–80), обнаружено на стене лестничной башни, недалеко от знака Брючислава Изяславича. Не с визитом ли Мстислава Владимировича связано появление на стене знака Брючислава Изяславича? Во всяком случае новгородец (?), процарапавший этот знак, безусловно, являлся скрытым сторонником полоцких князей и противником великого киевского князя.

Литература

Белецкий 1998 — Белецкий С. В. О знаках на роговом кистене из Минска // Егорейченко А. А. (ред.). Славяне и их соседи (археология, нумизматика, этнология). Минск: Веды, 1998. С. 20–26.

Белецкий 2000а — Белецкий С. В. Зарождение русской геральдики // *Stratum plus*. 2000. № 6. С. 366–424.

Белецкий 2000б — Белецкий С. В. Княжеские знаки на днищах сосудов из Могилёва // Зуев В. Ю. (ред.). *Σίσσιτια*. Памяти Ю. В. Андреева. СПб.: Алетейя, 2000. С. 342–345.

Белецкий 2004 — *Белецкий С. В.* Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // Мачинский Д. А. (ред.). Ладога и Глеб Лебедев: Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.: Нестор-История, 2004. С. 243–319.

Белецкий 2014а — *Белецкий С. В.* Геральдическая подвеска № 101 и несколько замечаний о правовом статусе держателей подвесок // *Stratum plus*. 2014. № 5. С. 139–145.

Белецкий 2014б — *Белецкий С. В.* Древнерусские княжеские знаки в гончарных клеймах // Лопатин Н. В. (ред.). Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы 59-го заседания. Апрель 2013 г. М.; Псков; СПб.: ИА РАН, 2014. С. 358–387.

Белецкий 2016 — *Белецкий С. В.* О печати № 2 Корпуса актовых печатей древней Руси // *ЗИИМК*. 2016. № 13. С. 123–133.

Болсуновский 1908 — *Болсуновский К. В.* Родовой знак Рюриковичей Великих Князей Киевских. Геральдическое исследование, предназначенное к чтению на XIV Археологическом Съезде в г. Чернигове. Киев, 1908. 8 с.

Войтович 1992 — *Войтович Л. В.* Генеалогія династій Рюриковичів і Гедиміновичів. Київ: Таурус, 1992. 199 с.

Высоцкий 1966 — *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев: Наукова думка, 1966. Вып. 1. 240 с.

Ипат. 1962 — *Ипатьевская летопись*. М.: Изд-во Восточной литературы, 1962. 87 с., 938 стб. (ПСРЛ. Т. 2).

Казаков, Белецкий 2004 — *Казаков Е. П., Белецкий С. В.* Костяная рукоять из раскопок Измерского поселения и генеалогия лично-родовых знаков полоцких Рюриковичей X–XI вв. // Кирпичников А. Н., Седых В. Н. (ред.). Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сб. ст. памяти проф. И. В. Дубова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 73–77.

Михеев 2014а — *Михеев С. М.* К проблеме атрибуции знаков Рюриковичей // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. 2014. № 4 (58). С. 45–63.

Михеев 2014б — *Михеев С. М.* Проблема атрибуции двузубцев и трезубцев древнерусских князей // Шустова Ю. Э. (ред.). Вспомогательные и специальные науки истории в XX — начале XXI в.: призвание, творчество, научное служение историка: Материалы XXVI МНК. Москва, 14–15 апреля 2014 г. М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета, 2014. С. 249–250.

Нікітенко, Корнієнко 2011 — *Нікітенко Н. М., Корнієнко В. В.* Атрибуція княжого знаку-графіті в північній внутрішній галереї Софії Київської // Боряк Г. В. (ред.). Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики: Збірка наукових праць. Київ: Інститут історії України Національної академії наук України, 2011. С. 136–145.

Пастернак 1991 — *Пастернак О.* Пояснення тризуба, герба великого Київського Князя Володимира Святого. Київ: Веселка, 1991. 47 с.

Рождественская 1994 — *Рождественская Т. В.* Надпись с именем князя Мстислава из Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде // Белецкий В. Д. (ред.). Древний Псков. Исследования средневекового города. СПб.: ГЭ; ИИМК РАН, 1994. С. 77–80.

Янин 1955 — *Янин В. Л.* Древнейшая русская печать X века // *КСИИМК*. 1955. Вып. 57. С. 39–46.

Янин 1956 — *Янин В. Л.* Вислые печати из новгородских раскопок 1951–1954 гг. // Арциховский А. В., Колчин Б. А. (ред.). Тр. Новгородской археологической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 1. С. 138–163 (МИА. № 55).

Янин 1970 — *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси X–XV вв. М.: Наука, 1970. Т. 1. 326 с.

GRAFFITO FROM THE CATHEDRAL OF THE YURIEV MONASTERY NEAR NOVGOROD

S. V. BELETSKY

Keywords: *graffito, trident, Yuriev monastery, Polotsk branch of the Ryurik family.*

In 2014 S. M. Mikheev published a depiction of an Old Russian princely symbol. It has come to our days in graffito on the wall of the stair turret of Saint George Cathedral at the Yuriev monastery near Novgorod. The symbol represents a trident, corresponding by its scheme to the heraldic emblem of Bryachislav Izyaslavich (†1044), the prince of Polotsk, who had died long before the construction of the cathedral started (1119–1130). Such a very unusual situation calls for an explanation. A specific feature of the trident from the Yuriev monastery is that it fails to properly convey the type of the ceremonial princely symbol of the XI c. It appears that while the author of the graffito knew what exactly he wanted to depict, he had a very vague idea of how to do it properly. In all likelihood, the appearance of the graffito in the stair turret of Saint George Cathedral was linked with Mstislav the Great's struggle against the princes of Polotsk in 1128–1129. As a result of this struggle five princes of Polotsk were captured and expelled to Byzantium. The emblem of Bryachislav Izyaslavich, scratched on the wall, seems to have been a generic refer to the princes of Polotsk, who confronted the Great Prince Mstislav of Kiev just as their fathers confronted Vladimir Monomakh, their grandfather stood against the Yaroslavichs, and their great-grandfather confronted Yaroslav.

ВЫБОРГ, СТРОИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ МЕЖЕВОГО УЧАСТКА У ДОМА 8 ПО УЛ. ВЫБОРГСКАЯ¹

А. И. САКСА²

Ключевые слова: *Выборг, средневековый город, межевой участок, строительная история, этапы освоения, строительный горизонт, постройки.*

В статье излагаются результаты раскопок 2004, 2006, 2011 и 2012 гг. у так называемого дома купеческой гильдии по адресу ул. Выборгская, д. 8. Дом находится в центре исторической части Выборга, в 120 м к югу от руин кафедрального собора XV–XVIII вв. На участке площадью 310 м² в трехметровой толще культурного слоя исследовано до 10 горизонтов остатков деревянной застройки. Хорошая сохранность культурного слоя и оснований деревянных построек позволила проследить строительную историю части средневекового города от 1420-х гг. до взятия Выборга войсками Петра I в 1710 г. Богатая коллекция вещевых находок проливает свет на занятия жителей Выборга и их торговые связи с другими городами побережья Балтики.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-19-173-190

Введение

Планомерные полевые археологические исследования Выборга были начаты в 1978 г. Выборгской архитектурно-археологической экспедицией ЛОИА АН СССР (ныне — ИИМК РАН) под руководством В. А. Тюленева. Раскопки проводились на Замковом острове (1979–1991 гг.), в кафедральном соборе (1985–1991 гг.), монастырях доминиканцев (1985–1994 гг.) и францисканцев (1979–1991 гг.), а также на местах нового строительства (ул. Подгорная, Прогонная, Титова, Краснофлотская и Крепостная). В остальной части средневекового города для определения характера культурных напластований проводилась разведочная шурфовка (Тюленев 1995; Сакса 2009: 139). К сожалению, скрытые под землей древнейшие отложения культурного слоя оставались неисследованными, и начало городской истории Выборга по-прежнему освещалось по историческим документам, в значительной мере исчерпавшим свой потенциал.

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0003 «Славяне, финны и германцы в эпоху средневековья. Этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

В 1998 г. работы Выборгской экспедиции ИИМК РАН были возобновлены. Новый этап изучения древнего Выборга был связан со спасательными работами на территории средневекового города в его восточной (1998–2001 гг.), западной (2003 г.) и центральной (2004, 2006, 2011, 2012 гг.) частях. В общей сложности исследовано около 600 м² культурного слоя средневекового города. В 2007 г. археологические работы по надзору за новым строительством проведены на площади около 3000 м² в старом городе на ул. Краснофлотская и в парке им. Ленина на месте бастиона XVI в. Эурпяя (Эуроп) Рогатой крепости В (Сакса 2015: 256–257; Saksa 2016).

**Раскопки 2004, 2006, 2011 и 2012 гг.:
строительные горизонты и синхронизация раскопок**

Наиболее значимые для понимания ранней истории города результаты были получены при раскопках в его центральной части у д. № 8 по ул. Выборгская (рис. 1). Здесь на площади в 310 м² в 2004, 2006, 2011 и 2012 гг. исследовано до 10 горизонтов остатков деревянной застройки (Сакса 2011; 2014; 2017). Хорошая сохранность культурного слоя и оснований деревянных построек позволила проследить строительную историю этого средневекового городского межевого участка от начала освоения в 1420-х гг. до времени его оформления в дворовую территорию построенного в первой трети XVII в. «дома купеческой гильдии» и затем до момента взятия Выборга войсками Петра I в 1710 г.

Мощность культурного слоя в раскопах колеблется от 2,12 до 3,4 м. Культурный слой представлял собой темно-коричневые отложения, насыщенные щепой. Сохранность остатков деревянных сооружений в разных раскопах была различной. В процессе полевой фиксации выделялись строительные горизонты застройки, которые нумеровались в процессе их раскрытия для каждого раскопа. Во всех случаях нижний горизонт соответствовал следам застройки, выявленным на поверхности материка. В раскопе 2004 г. (60 м²) зафиксировано 10 строительных горизонтов. В раскопе 2006 г. (66 м²) — 8 горизонтов. В раскопе 2011 г. (117,5 м²) исследовано 10 строительных горизонтов, причем здесь в связи с интенсивной застройкой внутри ряда горизонтов были дополнительно выделены отдельные *уровни застройки*. В раскопе 2012 г. (60 м²) выявлено 9 строительных горизонтов.

Строительная деятельность на исследованном участке была неравномерной. Первоначальная поверхность скалы имела большие перепады высот (до 1 м и более). Сильно разнились и степень сохранности, и продолжительность существования построек. От некоторых строений сохранились полы и нижние части стен, включая подкладочные бревна, другие же были представлены лишь нижними венцами. Поэтому в одном горизонте могло быть несколько *уровней* деревянных сооружений. Так, в раскопе 2006 г. зафиксированы только въездные бревенчатые мостки хлева конца XVII — XVIII в.³ В раскопе же 2011 г. открыта нижняя часть самого хлева, разделенная на три уровня — подкладочные бревна, нижний венец и дощатый пол. Все эти сооружения относятся к одному строительному горизонту. У жилого дома с печью-каменкой в южной части раскопа 2011 г. выявлено несколько уровней, которые соответствовали ремонтным работам и частичной перестройке

³ Подобные сооружения, сложенные из камней, сохранились в коровниках в Финляндии до настоящего времени.

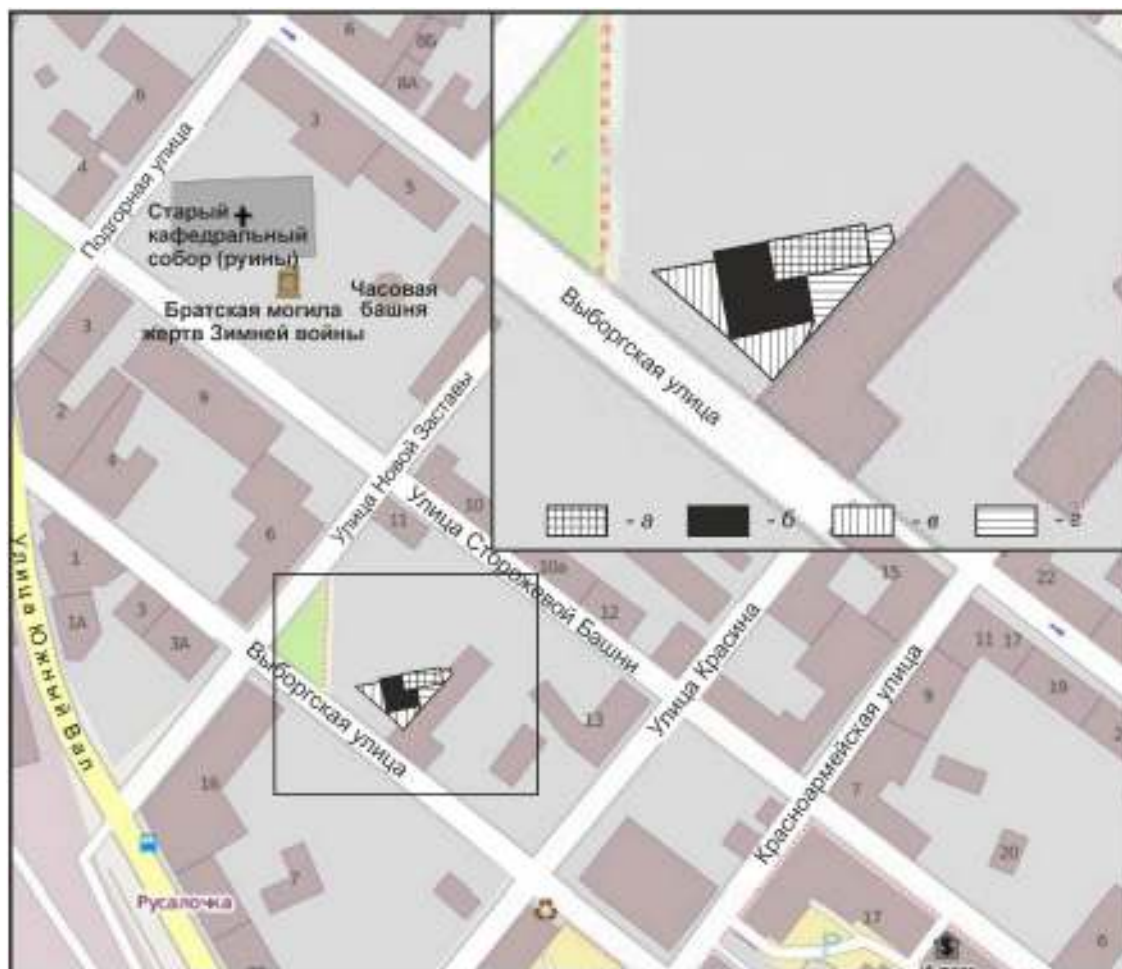

Рис. 1. Выборг, участок у д. № 8 по ул. Выборгская, схематический план раскопов (а — 2004 г.; б — 2006 г.; в — 2011 г.; з — 2012 г.)

Fig. 1. Vyborg, area near building No. 8 on Vyborgskaya street, schematic plan of excavation areas (а — 2004; б — 2006; в — 2011; з — 2012)

(возведение «крыльца»). Находившуюся восточнее дома большую двухчастную постройку для содержания домашнего скота также перестраивали, поэтому здесь тоже потребовалось выделить несколько строительных уровней.

Получены новые данные по первоначальному рельефу Выборга. К моменту застройки исследованного участка в конце первой четверти XV в. все пригодные для строительства ровные участки на городском мысу были уже освоены и потребность растущего города в новых пространствах вынуждала жителей проводить значительные работы по нивелировке поверхности в самом центре Выборга, приспособившись к природному рельефу и заполняя неровности в скале землей, щепой, навозом и оставшимся на месте сгоревших при пожарах деревянных строений культурным слоем, а также сооружая мощные бревенчатые подкладочные платформы. Поэтому ранние напластования культурного слоя более мощные по сравнению с поздними. После пожаров иногда не просто восстанавливали сгоревшие в огне постройки, но и производили перепланировку, масштабы которой были

различны — от перестройки отдельных строений до полного переустройства всего участка. В последнем случае остаются не только горизонты деревянных сооружений, но и мощные слои древесной щепы.

Дневная поверхность выделяется по уличным мостовым, деревянным «дорожкам» внутри дворов, доскам пола и развалам печей-каменок в постройках, различным деревянным платформам, верхам колодцев и по плотной поверхности культурного слоя с остатками строительной и хозяйственной деятельности (щепа, линзы навоза и глины).

В результате сопоставления уровней и горизонтов деревянной застройки на всей раскопанной площади нами выделено *шесть основных строительных этапов*. Они включают значительную часть перестроек на исследованном участке с фиксацией дневных поверхностей или, другими словами, уровней земли, на которых проходила жизнь его жителей.

Соотношение основных строительных этапов, строительных горизонтов и уровней застройки, открытых в разных раскопах, приведено в таблице.

Таблица

Выборг, межевой участок у д. 8 по ул. Выборгская, соотношение основных этапов строительства и строительных горизонтов в раскопах 2004, 2006, 2011 и 2012 гг.

Этапы строительства	Годы раскопок				
	Датировки	2004	2006	2011	2012
	1710–1730 гг.	1	–	1	–
VI этап	Вторая половина XVII — начало XVIII в.	2	1	2/1	1
				2/2	
			3/1		
			2	3/2	2
V этап	1620-е гг. — вторая половина XVII в.	3	3	3/3	3
		4			
IV этап	Конец XVI в. — 1620-е гг.	5			3/4
				4	5
III этап	1530-е гг. — конец XVI в.	6	4	5/1	6
		7		5/2	
				5/3	
II этап	Пожар 1477 г. — пожар 1530-х гг.	8	5	6/1	7
				6/2	
				7	
I этап	Вторая четверть XV в. — пожар 1477 г.	9	6	8	8
			7	9	
	Предматериковый слой	10	8	10	9

Этап I

На раннем этапе освоения участка в конце первой — третьей четверти XV в. на поверхности скалы или заполнявшего выемки в ней песка были поставлены четыре небольшие постройки с деревянным полом, в одной из которых могла быть печь. Площадь каждой из них составляла около 10 м². В восточной части исследованной площади (раскоп 2004 г.) расчищены нижние срубы двух строений, а в южной части (раскоп 2011 г.) на поверхности материковой скалы и песка — основания еще двух, частично сохранившихся построек (до нас дошли только обгоревшие доски пола). Подобные постройки, видимо, были обычны для города в это время, поскольку аналогичный сруб был найден в нижних слоях раскопа 2003 г. на ул. Южный Вал.

Центральная часть исследованного участка представлена скальным выходом и материковым песком, в котором было много углей и золы. Скальный выступ разделял пространство раскопанной площади на две части — западную и восточную. Через центральную часть раскопанной площади в направлении ССЗ–ЮЮВ проходила деревянная уличная мостовая шириной около 2 м, прослеженная длина — около 3 м.

Находки представлены главным образом грузилами и поплавками от сетей, деталями деревянных и кожаных изделий, железными ножами. Деревянные сооружения этого времени погибли в пожаре, видимо, 1477 г., что подтверждается обнаружением в слое шести прибалтийских и двух шведских монет 1424–1479 гг.⁴

Собственно говоря, Выборг на раннем этапе не был средневековым городом Балтийского региона в общем понимании. С одной стороны, в нем присутствовали все традиционные институты — городская ратуша, известная по источникам с 1393 г., городская церковь (приход и священник впервые упоминаются в 1352 г.), монастыри доминиканцев (с 1392 г.) и францисканцев (первое упоминание в 1403 г. как уже существовавшего), школа (первое упоминание в 1409 г.). С другой стороны, в силу неровностей скального рельефа Выборг изначально не был разделен на характерные для средневековых городов кварталы, а застраивался пятнами. К ним относилась территория в западной части города у городской церкви и далее к югу за скальным выступом в юго-восточной части у доминиканского монастыря и на берегу залива Салаккалаhti у монастыря францисканцев, где были зафиксированы наиболее ранние городские слои начала XV в. Участок напротив замка по ул. Северный Вал не был заселен, так как здесь непосредственно к берегу пролива полого опускался северо-западный склон скального центрального городского холма.

Сложную ситуацию с пригодными для строительства участками даже в центральной части города, в непосредственной близости от городской церкви, подтверждает нижний горизонт рассматриваемого раскопа. Выяснилось, что самые первые небольшие деревянные постройки были буквально втиснуты в ограниченные относительно ровные пространства между выходами скалы. Уже на этом, начальном, этапе истории города все имеющиеся возможности для строительства были исчерпаны. В результате проведенных к настоящему времени в Выборге археологических работ представляется наиболее вероятным существование на территории городского мыса прибрежных карельских рыбацких деревень, предшествующих приходу шведов, одной или нескольких, на месте которых и появились

⁴ Определения монет из раскопок 2004, 2006, 2011 и 2012 гг. выполнили Т. Берга (Рига), Ю. Талвио (Хельсинки) и В. Н. Седых (Санкт-Петербург), за что им моя сердечная признательность.

первые очаги городской жизни. Видимо, неслучайно именно в этих местах были построены в XIV в. (первоначально из дерева) городская церковь и два монастыря. При реконструкции ранних этапов истории города следует также учитывать, что по причине продолжающегося и до настоящего времени подъема земной поверхности в районе Выборга со скоростью около 20 см в столетие уровень воды в заливе был выше и, следовательно, береговая линия имела иные очертания.

Этап II

После разрушительного пожара 1477 г., в котором существенно пострадала и городская церковь, к этому времени уже выстроенная в камне, на исследованном участке разворачивается масштабное строительство. Практически всю восточную часть (к востоку от скального выступа) занимает бревенчатое основание и нижняя часть большой постройки с развалом каменной печи в северо-восточном углу и устроенным между крайними восточными бревнами водоотводным желобом (рис. 2). Ширина постройки по линии З–В составляла около 6,5 м, а длина ее — свыше 6,2 м, поскольку концы бревен западной и восточной стен скрыты в стенках раскопа. Приблизительная площадь этого деревянного сооружения — около 45–50 м². Зафиксированная на предыдущем этапе улица, состоявшая во втором ярусе из тонких бревен, продолжается в том же направлении до скалы, площадь поверхности которой в раскопе уменьшилась. Длина улицы составляла 7,5 м, а ширина — 2,2 м. Западнее, по линии С–Ю в раскопе 2006 г. открыты два состыкованных бревна с желобом на поверхности общей длиной 5,5 м — видимо, основание забора из досок. К востоку от них, в северо-западном углу исследованной раскопками территории (северная часть раскопа 2011 г.), открыт бревенчатый частокол, отделявший эту часть в самостоятельный участок, который уходил под будущий каменный «дом купеческой гильдии». Бревна частокола сгорели полностью на этом уровне земли, что указывает на силу произошедшего пожара. В южной части раскопа 2011 г. открыто бревенчатое основание еще одной большой постройки с развалом камней от печи в юго-западном углу. Строение состояло из двух частей, восточная из которых имела пол из досок. Это, по-видимому, была жилая часть дома, поскольку именно в ней находилась печь. Длина бревна северной стены постройки — 5,5 м. Длина дома по линии С–Ю не определяется, так как южный край постройки скрыт за стенкой раскопа. Исходя из сложившихся представлений о домостроительстве средневекового Выборга, согласно которым постройки в плане близки к квадратным, можно предполагать, что площадь дома составляла около 25 м².

Рис. 2. Выборг, ул. Выборгская, д. № 8, раскопы 2004 г. (горизонт 8) и 2006 г. (горизонт 5), совмещенный план. Условные обозначения (для рис. 2, 4, 5): *a* — бревна, доски; *b* — камни; *v* — кирпичи, кирпичный бой; *z* — зола, уголь; *d* — глина; *e* — раствор; *ж* — отметки глубин; *з* — перекоп; *u* — гумусированный песок с гравием; *к* — песок мелкозернистый; *л* — гумус темно-коричневый; *м* — гумус темно-серый; *н* — навоз; *o* — щепа, древесный тлен

Fig. 2. Vyborg, Vyborgskaya street, building No. 8, excavations of 2004 (horizon 8) and 2006 (horizon 5), combined plan. Legend (for Fig. 2, 4, 5): *a* — wooden logs and boards; *b* — stones; *v* — bricks and broken bricks; *z* — ash, coals; *d* — clay; *e* — grouting compound; *ж* — depth marks; *з* — backfill; *u* — humic sand with gravel; *к* — fine-grained sand; *л* — dark brown sand; *м* — dark gray sand; *н* — dung; *o* — wood chips and decay

Расположенный в южной части раскопа 2011 г., к востоку от дома, участок также заново застроился. Здесь над обгоревшими досками пола постройки предыдущего горизонта в этой же выемке скалы вскрыто основание еще одного дома с полом из досок площадью около 10 м². Восточнее расчищены отдельные бревна, а в юго-восточной части — южные концы бревен основания большой постройки, а также четыре обрубка подкладочных бревен у их торцов. Такие же мощные бревенчатые основания зафиксированы нами и при раскопках в восточной части города у перекрестка улиц Титова и Сторожевой башни. Необходимость их установки на раннем этапе застройки будущей городской территории вызвана высотными перепадами поверхности материковой скалы. Рассматриваемые постройки существовали недолгое время, так как находившееся в южной части раскопа 2011 г. двухкамерное строение пострадало в пожаре, о чем свидетельствуют обгоревшие доски пола и интенсивно окрашенная в черный цвет поверхность земли. На относительную кратковременность рассмотренного этапа указывают и находки монет, относящиеся к последней трети XV — первой трети XVI в., из которых самые ранние были чеканы в 1470–1500 гг., а самые поздние — в 1494–1535 гг.

На этом основании верхнюю хронологическую границу этапа II можно соотнести с пожаром конца 1530-х гг., вызвавшим необходимость очередного строительства. Уже сами размеры построек свидетельствуют о значительных изменениях, произошедших в экономическом развитии Выборга в последней четверти XV — первой трети XVI в. Они были связаны, в первую очередь, с энергичной деятельностью правителя Швеции и наместника Выборга Эрика Аксельсона Тотта по упрощению политического и экономического положения Выборга в Балтийском регионе и попытками сделать город посредником в торговле Руси с Западом, подобным Таллину. Масштабные фортификационные работы, к которым относится строительство городской стены в середине 1470-х гг., вызвали небывалую потребность в продуктах питания и тягловой силе. Этим можно объяснить возведение больших построек, предназначенных, видимо, для содержания домашнего скота и лошадей. Подтверждением служат и находки в слое большого количества поплавок и грузил от рыболовных сетей.

Этап III

На расчищенной после пожара конца 1530-х гг. площадке в южной части раскопа 2011 г. возвели новую, более крупную постройку. Ее несколько сдвинули к востоку, чтобы освободить место в юго-западном углу раскопа для нового бревенчатого дома с печью-каменкой (рис. 3, 1). Внутри сохранившейся нижней части сруба в один венец выделяется бревенчатый каркас для печи. В раскоп попала лишь северо-восточная часть дома. Длина видимой в раскопе части нижнего бревна восточной стены сруба составляла 4 м, а северного, большая часть которого скрыта в западной стенке раскопа, — 2,5 м. Следовательно, размеры дома не могли быть меньше 16 м².

Строительство нового жилого дома изменило планировку рассматриваемого участка и надолго определило его дальнейшую историю. Дом, неоднократно перестроенный, оставался на том же месте, что свидетельствует о некоторой стабилизации планировки. Ко второй четверти XVI в. в результате активной строительной деятельности уровень дневной поверхности здесь поднялся выше поверхности скалы, после чего территория стала единым межевым участком средневековой

Рис. 3. Выборг, ул. Выборгская, д. № 8, южная часть раскопа 2011 г., горизонт 5:
1 — уровень 1, основание жилого дома с хозяйственной постройкой, вид с ЮЮВ;
2 — уровень 3, основание жилого дома с пристроенным «крыльцом» и хозяйственной постройкой, вид с СВ

Fig. 3. Vyborg, Vyborgskaya street, building No. 8, southern part of 2011 excavation, horizon 5:
1 — level 1, foundation of a residential building with a household outbuilding, view from SSE;
2 — level 3, foundation of a residential building with a “porch” and a household outbuilding, view from NE

городской застройки. С восточной стороны к жилому дому было пристроено «крыльцо» с высоко поднятым на толстых подкладочных бревнах полом из широких досок размерами 2×2 м. В 1 м к востоку было построено здание хозяйственного назначения с основанием из толстых бревен, состоявшее из двух частей — северной и южной (рис. 3, 2).

К северу от двухкамерной постройки был выкопан колодец, к которому была проложена вымостка из тонких, одинаковых в диаметре бревен. Она выходила на улицу шириной около 6 м (рис. 4). В слое у вымостки и улицы было много навоза. Улицу, которая, видимо, вела от доминиканского монастыря к городской церкви, еще нельзя относить к городским магистралям, определившим в конце средневековья — начале нового времени облик Выборга. Она просуществовала сравнительно недолго.

Размеры двухкамерной постройки приблизительно можно определить по длине сохранившихся нижних бревен западной стены и срединного бревна, делящего это сооружение на северную и южную половины. Это отличает ее от конструкции более ранней двухкамерной постройки, где деление происходило на восточную (видимо, жилую — с полом из досок) и западную (хозяйственную) части. В обоих случаях были зафиксированы развалы камней в углах срубов, соответственно в юго-восточном (второй этап) и юго-западном (рассматриваемое сооружение). Обе постройки, как и все деревянные строения рассматриваемого и более ранних строительных этапов, были ориентированы по линии ССЗ–ЮЮВ, в то время как жилой дом в южной части раскопа — по линии С–Ю. Длина западной стены сооружения составляла не менее 5 м, а длина центрального, разделявшего его на две половины бревна была также 5 м. Таким образом, площадь строения составляла не менее 25 м^2 . Эти размеры соответствуют площади сооружения предыдущего уровня, уничтоженного пожаром, о чем свидетельствуют обгоревшие доски, лежавшие непосредственно под нижними бревнами рассматриваемой бревенчатой конструкции. В западной части объединенного раскопа, на расстоянии около 1 м к северу от дома с печью, расчищено основание небольшого квадратного сруба, размерами $1,8 \times 1,8$ м, заполненного внутри глиной. Это, вероятнее всего, нижняя часть печи. Печь с такой конструкцией основания не могла использоваться для обогрева помещения и, предположительно, служила для приготовления пищи или выпечки хлеба. У северо-западного угла сруба найдена хлебная лопатка. При дальнейшей расчистке этого сооружения выяснилось, что оно являлось восточной частью платформы из бревен в один слой, большая часть которой скрыта за юго-западной стенкой раскопа. Далее к северу фиксируются другие деревянные сооружения в виде выступающего из западной стенки раскопа северо-восточного угла еще одного сруба и вымосток из разных по толщине бревен в самой северной части раскопа. Расположение открытых нижних частей бревенчатых построек в одну линию по западной стенке раскопа подтверждает предположение о вероятном нахождении рядом

Рис. 4. Выборг, ул. Выборгская, д. № 8, раскопы 2004 г. (горизонт 6) и 2006 г. (горизонт 4), совмещенный план — улица, бревенчатая платформа и колодец. Условные обозначения см. на рис. 2

Fig. 4. Vyborg, Vyborgskaya street, building No. 8, excavation areas of 2004 (horizon 6) and 2006 (horizon 4), combined plan — street, wooden platform and a well. Legend see on Fig. 2

с современной улицей Выборгской в это время еще одной городской магистрали, зафиксированной на карте Выборга 1639 г. Можно предположить, что и жилой дом в южном углу раскопа, и находившиеся к северу от него бревенчатые сооружения выходили своим западным краем на магистральную городскую улицу, проходившую в этой части города вблизи современной улицы Выборгской в направлении к городской церкви.

Строительный этап III соответствует началу экономически благополучного и мирного правления Густава I Ваза (1521–1560 гг.). На исследованном участке он отмечен масштабными строительными работами, в очередной раз изменившими планировку квартала. Они оставили мощный, толщиной до 30 см слой плотной темно-коричневой земли с большим количеством щепы, существенно сократив площадь скального выступа до небольшого участка по границе раскопов 2004 и 2006 гг. Этот строительный этап связан с необходимостью восстановления построек, сгоревших в разрушительном пожаре, очевидным свидетельством которого являются полностью сгоревшие бревна частокола в северо-западной части раскопа и обгоревшие доски пола большой постройки. На пожар также указывает и интенсивно окрашенная в черный цвет поверхность земли, на которой были возведены новые строения. Пожар, как уже отмечалось, можно соотнести с большим пожаром конца 1530-х гг., в котором сгорела третья часть города.

Этап IV

Через непродолжительное время планировка участка опять подверглась изменениям. По дендрохронологическим датам бревенчатой конструкции северо-западной части раскопа 2011 г. и бревнам платформы в его северо-восточной части эти работы начались со второй половины 1530-х гг., когда бревна были срублены, и завершились в 1550-х гг. Этот последний в средневековой истории Выборга этап подлинного расцвета домостроительства и в материальной культуры также длился недолго, так как в Выборге в 1563 г. начались большие работы по строительству новых укреплений Вала (Горнверка, Рогатой крепости) и укреплению городской стены. Работы, в целом, длились 25 лет — до 1588 г. Они не оставляли ресурсов для развития собственно города, поэтому дома в нем практически не ремонтировались, а экономика переживала глубокий кризис, сопровождаемый практически полным прекращением торговой деятельности.

Сделанные в культурном слое монетные находки подтверждают предположение о непродолжительности этапа IV. Старшая из монет была чеканена не ранее 1523 г., а самая поздняя — в 1592 г. При этом следует учитывать, что время бытования одновременно всех 11 монет укладывается в интервал между 1523 и 1568 гг.

В понимании причин этой масштабной реконструкции на четвертом этапе застройки могут помочь известные мероприятия государственной власти по всемерному укреплению городской экономики и упорядочению городского строительства в Швеции, активно начатые Густавом Вазой уже в начале своего правления. В Выборге это могло отразиться в радикальном изменении квартальной и межевой застройки, в результате которого улица на рассматриваемом нами участке была перенесена с центральной части за западный край исследованной площади, где она видна лишь в северо-западном углу раскопа 2011 г. Большая ее часть не вошла в площадь раскопа. Мостовая из одинаковых по толщине тонких бревен перекрыта,

как в случае и с более ранними уличными мостовыми, продольным бревном. Таким образом, наше предположение о возможном наличии улицы за западной стенкой раскопа, на которую могли выходить открытые в этой части бревенчатые постройки, подтвердилось. Улица была ориентирована, как и сохранившиеся нижние части построек, по линии С–Ю.

На месте более ранней широкой улицы в восточной половине участка (раскоп 2004 г.) построили большую конюшню площадью не менее 90 м². Она занимает всю площадь раскопа 2004 г. (рис. 5). Южный край конюшни зафиксирован в раскопе 2012 г. Южнее конюшни, у южной стенки раскопа 2012 г. выявлен фундамент большого двухкамерного дома, камни которого положены на основание из толстых бревен. В раскопе 2012 г. выявлена только часть фундамента северной стены постройки длиной 4,2 м и северная часть ряда камней фундамента стены дома, делящей его на две части (рис. 6). Мы интерпретируем эту постройку как здание купеческой гильдии на том основании, что народная традиция в Выборге сохранила за стоящим на этом участке домом № 10 наименование «церковь», что может относиться именно к гильдии, так как здания гильдий использовались также и для богослужений. Состав находок не противоречит этому предположению: наряду с обломками западноевропейских тарелок, мисок и кувшинов, торговыми пломбами, монетами, замками и столовыми ножами, рукояти которых украшены фигурными бронзовыми окончаниями, здесь найдены бронзовые книжные застёжки. Вероятно, что и конюшня построена для приема торговых компаньонов выборгских купцов.

В восточной части раскопа 2012 г. открыт северо-западный угол каменного фундамента еще одного дома, который опирался на квадратные балки, уложенные под камнями фундамента по линии З–В и, в свою очередь, лежащие на перпендикулярных бревнах, дополнительно укрепленных в земле деревянными сваями. Это новое здание купеческой гильдии и примыкающую к нему с северной стороны большую конюшню можно рассматривать как материальное свидетельство перемен, к которым привели меры короля Густава Ваза по укреплению городской экономики и, в частности, торговли.

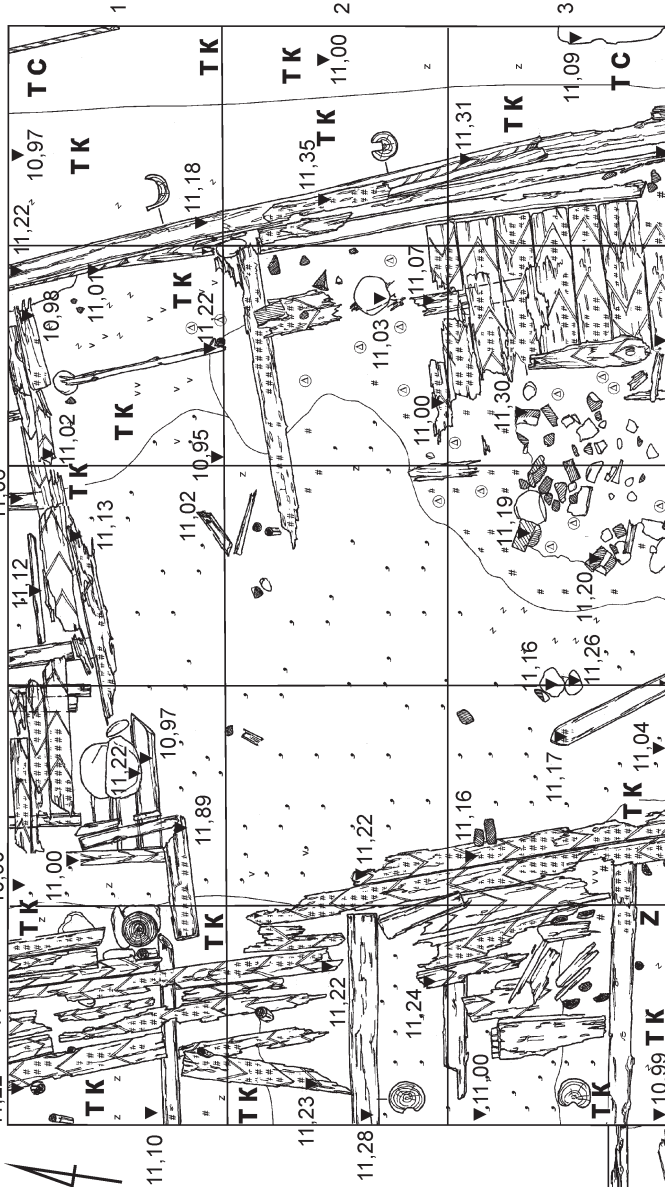
Изменения коснулись и территории восточнее жилого дома в юго-западном углу раскопа 2011 г. На месте пристройки-«крыльца» вдоль восточной стены дома была проложена узкая «дорожка» из тонких бревен. За этой дорожкой была поставлена новая большая постройка, от которой сохранились бревна основания и часть досок пола. Севернее дома фиксируется квадратное основание «печи» с глиняным заполнением. Среди развала камней печи-каменки собственно жилого дома много обломков кирпичей, которые стали массово использоваться в Выборге в XVI в. В культурном слое почти по всей раскопанной площади наблюдается большое количество навоза, представленного также в чистом виде слоями и линзами толщиной до 20 см.

Монетные находки, сделанные в культурном слое этапа IV, подтверждают наши наблюдения о достаточно быстрой по времени смене построек. Все 15 найденных монет датируются временем от 1521 до 1592 г. и относятся ко времени правления Густава I Ваза (1521–1560), Эрика IV (1560–1568) и Юхана III (1568–1592). Время их одновременного нахождения в употреблении определяется интервалом 1560–1568 гг., что означает завершение к этому времени строительных работ, функциональное использование всех построенных сооружений и наличие полноценной городской жизни на данном межевом участке.

1 2 3

А Б В Г Д Е Ж З

0 5 M

Камни фундамента

Рис. 6. Выборг, ул. Выборгская, д. № 8, раскоп 2012 г., горизонт 5, предполагаемый фундамент дома купеческой гильдии, вид с З

Fig. 6. Vyborg, Vyborgskaya street, building No. 8, 2012 excavation, horizon 5, presumed foundation of the House of the Merchants' Guild, view from W

Этап V

Этап V на значительной площади раскопа представлен остатками сгоревшей конюшни, поэтому большая часть обнаруженных предметов из цветного металла представлена спекшимися кусками меди. При этом следует учесть, что выявленные за пределами сгоревшей конюшни монеты Густава II Адольфа (1611–1632), Ивана IV Грозного (великокняжеский период, 1533–1547) и Федора Иоанновича (1584–1598) могли выпасть в культурный слой как до, так и после пожара.

В связи с тем, что обнаруженные на непосредственно предшествующем пожару уровне культурного слоя монеты датируются временем не позднее 1590-х гг., уничтоживший конюшню и другие постройки пожар можно связать с разрушительным бедствием 1594 г. или с последующими крупными пожарами 1612, 1613, 1627 и 1628 гг. В 1594 г. от огня, в частности, пострадали кафедральный собор, ратуша, городская школа и даже строящиеся укрепления Рогатой крепости (Горнверка).

Рис. 5. Выборг, ул. Выборгская, д. № 8, раскопы 2004 г. (горизонт 5) и 2006 г. (горизонт 3), совмещенный план — конюшня. Условные обозначения см. на рис. 2

Fig. 5. Vyborg, Vyborgskaya street, building No. 8, excavation areas of 2004 (horizon 5) and 2006 (horizon 3), combined plan — horse barn. Legend see on Fig. 2

Рис. 7. Выборг, ул. Выборгская, д. № 8, раскоп 2011 г., горизонт 2, основание хлева в южной части раскопа и каменная вымостка перед домом второй половины XVII в., вид с ЮВ

Fig. 7. Vyborg, Vyborgskaya street, building No. 8, 2011 excavation, horizon 2, foundation of a cattle barn in the southern part of the excavation area, and stone pavement in front of the building dated to the second quarter of the XVII c., view from SE

Все найденные выше слоя пожара монеты относятся уже ко времени правления Густава II Адольфа (1611–1632), Кристины (1632–1654) и Карла XI (1660–1697).

Пожар 1628 г. начался на территории Рогатой крепости (Горнверка), охватил весь город и распространился вплоть до района Сииканиеми на другом берегу пролива. Он положил конец нерегулярной средневековой планировке города. Следующий разрушительный пожар произошел в 1652 г. В нем сгорел практически весь город до Замкового острова (около 300 домов). Пожар способствовал регулярной планировке города и строительству каменных жилых домов, которое началось в масштабах всего города только в первой половине 1660-х гг. Сгоревшие в пожаре 1652 г. строения расчистили территорию для прокладывания новых улиц. Тогда же жителям было вменено в обязанность мостить улицы камнем. Возможно, что и открытая нами в раскопах 2006 и 2011 гг. при каменном доме мостовая относится к этому времени. Следовательно, каменный дом, двор которого мы исследовали, был уже построен. Подтверждением служит и расположение дома наискосок по отношению к современным улицам, отвечающим «регулярности», начало которой было положено во всем Шведском королевстве в 1640-е гг. Поэтому его строительство принято относить ко времени, предшествующему осуществлению плана регулярной застройки Выборга. Материалы наших раскопок позволяют датировать его строительство концом 1620-х или самым началом 1630-х гг.

Один из больших пожаров первой половины XVI в. уничтожил также все постройки этапа V в раскопе 2011 г., в котором фиксируются лишь сгоревшая нижняя часть жилого дома в юго-западном углу раскопа и черный от углей слой земли вплоть до колодца в северной части раскопа.

Этап VI

На следующем этапе фиксируется начало восстановления этого дома уже на каменном фундаменте. В это же время на участке строится хлев с хорошо сохранившимся полом, который полностью расчищен в раскопе 2011 г. (рис. 7). Ведущий к нему с северной стороны вход — мостки из двух ярусов бревен — зафиксирован в раскопе 2006 г. Хлев, как и другие постройки конца этого этапа, был разрушен во время осады Выборга в июне 1710 г. Это произошло в один из дней самой ожесточенной бомбардировки города, когда лишь на исследуемый небольшой участок попали и разорвались три мортирные бомбы.

Тем самым закончился шведский период в истории Выборга. В начале российского периода на участке были поставлены отдельные деревянные постройки, которые, в свою очередь, также погибли в огне, который можно соотнести по монетным находкам с городским пожаром 1738 г. Дальнейшая история участка связана уже с каменным строительством.

Заключение

Раскопки, проведенные на этом центральном по расположению в городе участке, близком к основным общественным зданиям (церковь, ратуша), продемонстрировали, что при хорошо налаженных внешних торговых связях и наличии в быту импортной посуды, обуви, предметов книжной культуры и других распространенных в европейских городских центрах изделий в городе вплоть до второй четверти — середины XVII в. преобладали деревянные жилые дома, а важную роль в экономике играли содержание домашних животных и рыболовство.

Литература

Сакса 2009 — Сакса А. И. Средневековый Выборг: начало городской истории (по итогам раскопок 1999–2006 гг.) // Носов Е. Н. (отв. ред.), Кирпичников А. Н., Платонова Н. И. (ред.). Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье: Доклады Международного российско-литовского семинара (4–8 декабря 2006 г., Санкт-Петербург). СПб.: Нестор-История, 2009. С. 139–146.

Сакса 2011 — Сакса А. И. Раскоп на ул. Выборгская, 8. К проблеме ранней истории средневекового Выборга // Гайдуков П. Г. и др. (ред.). Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 56-го заседания (7–9 апреля 2010 г.). М.; Псков: ИА РАН, 2011. С. 105–113.

Сакса 2014 — Сакса А. И. Археологические раскопки в Выборге: исследование средневекового межевого участка на улице Выборгская, 8 («дом купеческой гильдии» начала XVII века) // Ситников А. Г. и др. (ред.). Тр. IV (XX) ВАС в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. 3. С. 323–327.

Сакса 2015 — Сакса А. И. Средневековый Выборг как восточное продолжение городской цивилизации побережья Балтики // Беляев Л. А. и др. (ред.). Города и веси Средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Н. А. Макарова. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 256–271.

Сакса 2017 — Сакса А. И. «Дом купеческой гильдии» (Гильдия Святого Духа) в Выборге: к вопросу о локализации // Мусин А. Е. (ред.). В камне и бронзе: Сб. ст. в честь Анны Песковой. СПб.: ИИМК РАН; НКТ, 2017. С. 511–524 (Тр. ИИМК РАН. Т. 48).

Тюленев 1995 — Тюленев В. А. Исследования древнего Выборга. СПб.: ИИМК РАН, 1995. 83 с.

Saksa 2016 — Saksa A. I. The early stages of the history of Vyborg: The results of Archaeological Research 1998–2012 // Uino P., Nordqist K. (eds.). New Sites, new Methods: Proceedings of the Finnish-Russian Archaeological Symposium. Helsinki, 19–21 November, 2014. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys Rekisteriöity yhdistys; Finska Fornminnesföreningen Registrerad förering; The Finish Antiquarian Society, 2016. P. 246–261 (Iskos. 21).

VYBORG: THE CONSTRUCTION HISTORY OF A BOUNDARY AREA NEAR BUILDING No. 8 ON VYBORGSKAYA STREET

A. I. SAKSA

Keywords: *Vyborg, medieval town, boundary area, construction history, development stages, building horizon, buildings.*

The paper presents the results of excavations carried out in 2004, 2006, 2011 and 2012 in the area adjacent to the so called House of the Merchants' Guild on Vyborgskaya street. This is the very center of the historical part of Vyborg: the building is situated 120 m south of the ruins of the Cathedral dating from the XV–XVIII cc. Up to 10 horizons of wooden structures were exposed within an area of 310 m² in the 3 m thick cultural deposit. Thanks to the good preservation of the cultural layer and foundations of wooden constructions, it was possible to trace the building history of this part of the medieval town from the 1420's through the seizure of Vyborg by Peter the First's army in 1710. The rich collection of finds sheds light on the everyday occupations of people who lived in this part of Vyborg and on the trade connections they had with other towns of the Baltic shore.

РЕЦЕНЗИИ

ОТКРЫТИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ г. ПСКОВА (НА ПОРОГЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕНСАЦИИ)

Рец. на: Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века
(в 2 томах)

Е. Н. НОСОВ, Н. В. ХВОЩИНСКАЯ

Том 1: Раннегородской некрополь древнего Пскова (по материалам раскопок Среднего города). СПб.: Нестор-История, 2012. ISBN 978-5-4469-0369-6. 300 с., ил.

Том 2: Камерные погребения древнего Пскова (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря). СПб.: Нестор-История, 2016. ISBN 978-5-4469-0826-4. 624 с., ил.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-19-191-201

Заметным событием в археологии Древней Руси стало открытие, раскопки и издание материалов псковских некрополей X — начала XI в. Это двухтомный фундаментальный труд большого коллектива авторов с подробным, разносторонним анализом погребального обряда и инвентаря, а также с детальной публикацией отчетных материалов и общих наблюдений о характере и топографической приуроченности раннесредневековых захоронений в Пскове.

С начала своего появления к середине XIX в. древнерусская археология формировалась на материалах раскопок погребальных памятников сельского населения — тысячах разнообразных курганов, разбросанных по территории Восточной Европы. Широко привлекались богатые денежно-вещевые клады, всегда вызывавшие интерес широких слоев населения, членов историко-краеведческих обществ, административных властей. Только в нескольких случаях исследователи могли судить о материальной культуре и погребальном обряде по могильникам самих жителей городских центров, сохранившимся лишь благодаря их особому расположению за стенами укреплений (Гнёздово, как кладбище древнего Смоленска, Чернигов), или по случайно встретившимся захоронениям, не получившим полноценной документации. Такова картина в отношении уникальных находок в Киеве.

В большинстве же случаев при раскопках городов, широко начавшихся с конца 1930-х гг., погребений горожан вообще не находили. Характерный пример Новгород — центр Северной Руси. Близ него открыты пригородные могильники — Нередицкий, Деревяницкий и несколько разрозненных захоронений

(Алексеевская слобода, Прость). Можно предполагать, что начиная с XII в. кладбища в городе располагались при церквях и ранние захоронения скрыты пластами более поздних, но где же были сотни могил языческого периода жизни города начиная по крайней мере с рубежа IX и X вв., не ясно, но они же были? Несколько сопок, находившихся близ Новгорода и фактически оставшихся неизученными, не способствуют прояснению общей картины (Волотово, Ушеско, Родионово, Хутын, Деревяницы, Воцкое).

В настоящее время во многих древнерусских городах ведутся масштабные археологические раскопки, предваряющие современное строительство, но, к сожалению, материалов о древних городских кладбищах почти нет. На этом общем фоне в Пскове случилась поистине сенсация. В начале 1970-х гг. под мощными слоями городских отложений был открыт городской некрополь, а в начале 2000-х гг. была исследована еще одна группа уникальных камерных захоронений древнего населения, несомненно входившего в число горожан, но выделявшаяся своим статусом. Оба памятника находились в черте современного города. В ходе работ материалы по отдельным погребениям публиковались, но, разбросанные по разным изданиям, они не давали целостной картины и представления об особенностях некрополей средневекового Пскова.

Первый том издания посвящен материалам некрополя, раскапывавшегося с 1974 г. по 1998 г. на территории Среднего города. Захоронения были выявлены на двух участках площадью 9268 и 1225 м² под культурным слоем мощностью от 0,8 м до 6,1 м в слое песка. Для их обнаружения была отработана определенная методика. Инженерно-геологические изыскания и результаты гидрогеологической съемки показали, что некрополь располагался на возвышенности между Псковой и Великой. Всего исследовано 80 захоронений, из которых 71 было совершено по обряду кремации и 9 — по обряду ингумации. Во введении представлен обзор литературы и история изучения некрополя.

В условиях интенсивной жизни города площадь могильника начала застраиваться уже в середине — второй половине XI в. (Т. 1: 47). Многие детали при нивелировке насыпей бесследно исчезли, а значительная часть погребений была сильно потревожена. Однако то, что удалось раскопать и зафиксировать, имеет большое научное значение для характеристики раннегородских кладбищ.

Судя по характеру погребального инвентаря и керамике, представленной лепными и раннегончарными сосудами, могильник в целом можно датировать X — началом XI в. Все захоронения находились под курганными насыпями, от части которых сохранились пóлы, ровики с перемычками и погребенная почва на площадке (Т. 1: 46). В некоторых случаях были выявлены каменные обкладки, и один раз — деревянная оградка. Насыпи имели преимущественно круглую форму, но иногда встречались овальные курганы. Для проведения общей систематизации и единообразия в описании материала Н. Н. Малышевой был разработан список признаков, характерных для рассматриваемого могильника, — отдельно для кремаций и ингумаций (Т. 1: 47–50).

подавляющая часть захоронений была совершена по обряду кремации (71) из них 37 — на стороне и 10 — на месте, в остальных случаях сохранность погребений не позволяет сделать однозначные выводы о способе помещения костей. Поражает многообразие способов помещения кальцинированных костей в насыпь

(Т. 1: 58–70). Все это напоминает могильники культуры длинных курганов, в которых представлены практически все виды захоронений, выявленных в данном псковском могильнике, пожалуй, кроме трупосожжений, произведенных на месте. Этот тип обряда не был столь распространен в эпоху культуры длинных курганов. В остальном характер погребального обряда имеет параллели в памятниках второй половины I тыс. н. э., в частности различный способ помещения остатков кремации в одной насыпи (см. погребения 20, 22 и 23) (Т. 1: 131–136), достаточно большой процент урновых захоронений, а также бедность погребального инвентаря, не считая керамики. Кстати, керамика, на наш взгляд, выступает не всегда как сопровождающий инвентарь, а скорее как черта самого ритуала: урна — это вместилище для праха, а сосуды в обломках могли являться результатом обрядовых действий (разбивание сосудов во время тризны). В целом же вывод о том, что основу населения первоначального города составили потомки носителей культуры длинных курганов, представляется вполне вероятным (Т. 1: 88). Судя по датировке погребений, могильник относится ко времени исчезновения культуры длинных курганов и смены обряда трупосожжения трупоположением.

В свое время один из авторов данной рецензии пытался продемонстрировать некоторые конкретные свидетельства перехода от одного обряда к другому на материалах могильника Безьва в бассейне р. Желчи в восточном Причудье. Это достаточно компактный микрорегион, в котором известны погребальные памятники от ранней стадии культуры длинных курганов вплоть до жалыников XIII–XIV вв. В период перехода от кремации к ингумации не было какого-либо заметного притока нового населения и культурные изменения происходили внутри небольшого постоянно живущего коллектива. На материалах раскопок могильника Безьва удалось показать, что насыпи культуры длинных курганов стали использоваться для впускных захоронений по обряду ингумации в XI–XII вв., что косвенно доказывает, что население в древнерусское время воспринимало могильники культуры длинных курганов как свои родовые кладбища (Хвощинская 1997: 123–137).

В псковском некрополе зафиксировано девять трупоположений, шесть — в погребальных ямах, три из которых, по мнению исследователей, являются камерами. Ингумации не составляют единой компактной группы, а встречаются в разных частях могильника. Возможно, из них два захоронения № 5 и 71 были как-то связаны с курганами, в которых ранее были помещены остатки кремации. На плане В. М. Горюновой, составленном для распределения керамических форм разных хронологических пластов, погр. № 5, 8, 13 объединены контурами одного кургана. Судя по их описанию в каталоге, основным захоронением было детское трупосожжение № 8 в урне в ямке под насыпью (Т. 1: 121–122). К этому же кургану, видимо, относилось погр. № 13, обнаруженное в песке под погребенным дерном, перекрывавшим насыпь (Т. 1: 125), а в полу кургана было впущено еще одно детское захоронение, но уже по обряду трупоположения (Т. 1: 119, 120). Сочетание погребений с разным характером погребального обряда в одной насыпи перекликается с той ситуацией, которая была нами зафиксирована в бассейне р. Желчи.

Несомненный интерес представляет погребальный инвентарь захоронений псковского городского некрополя. При его анализе использовался не только материал, «соотносимый авторами научных отчетов с конкретными захоронениями (собственно погребальный инвентарь), но и предметы, происходящие из

разрушенных погребений и обнаруженные в переотложенном состоянии в нижних слоях культурных напластований на территории исследуемого памятника» (Т. 1: 70). Последняя группа вещей отбиралась особо тщательным образом с учетом стратиграфии, места обнаружения и хронологии. Нельзя не согласиться с Н. Н. Малышевой, что, несмотря на малочисленность погребального инвентаря в целом, выделяется группа погребений, связанная с более зажиточной городской средой. Среди сопровождающих вещей встречаются как предметы широко распространенных североевропейских типов, которые могли использоваться не только скандинавами (оружие, пряжки, наконечники ремня, гребни и др.), так и изделия, связанные с собственно скандинавской культурой, например, с типом одежды (парные женские овальные фибулы, кольцевидные булавки для скалывания мужского плаща) или культовые предметы: набор амулетов из погр. № 57, гривны с молоточками Тора и отдельные привески-молоточки. Известно, что вещи скандинавских типов частично делались непосредственно на территории Древней Руси. Тому пример находки в Гнёздово и на Рюриковом городище (глиняные формочки с оттиском скандинавских украшений, неудачные отливки, вещи, используемые в качестве моделей, и др.). Судя по всему, во Пскове тоже были свои мастера, которые изготавливали изделия по скандинавским образцам. По мнению Т. А. Пушкиной, дугообразная фибула из захоронения 15 «не имеет точных аналогий и производит впечатление неумело сделанной вещи» (Т. 1: 75). Интересно, что прекрасный экземпляр кольцевидной булавки с классической иглой, уплощенной и орнаментированной к острию из погр. № 46, по оформлению кольца также не имеет прямых аналогий в Скандинавии (Т. 1: 242, табл. XXVIII, 1). Скорее всего, эти изделия сделаны местными ремесленниками по мотивам североевропейских древностей, но со своеобразными чертами, подчеркивая индивидуальность мастера. Касаясь скандинавских находок, надо отметить, что один предмет авторами раскопок и интерпретаторами оказался не опознанным. Это изделие из захоронения 17 и обозначено как рамка бронзовой пряжки (Т. 1: 225, табл. XI, 4). В действительности это кольцо еще одной обыкновенной кольцевидной булавки (на табл. XI, 4 она расположена правильно, а на табл. LVII, 3 — неверно). Перемычка предназначена для крепления иглы. Булавки с такими простыми кольцами преобладают на поселениях в Швеции. Встречаются они и на памятниках Восточной Европы (в Ладогe, Гнёздове, на Рюриковом городище). Это застежки являлись «дешевым» вариантом широко распространенного типа украшений.

К числу удачных решений коллектива рецензируемой работы было привлечение в состав авторов В. М. Горюновой, одного из ведущих отечественных специалистов по лепной и раннегончарной посуде Северной Руси — знатока керамики Новгорода, Рюрикова городища, Ладоги. В результате керамический материал был детально проанализирован, сделаны важные наблюдения об особенностях комплекса посуды псковского некрополя.

Второй том, довольно объемистый, представляет детальное издание восьми камерных захоронений, исследованных в начале 2000-х гг. на Старовознесенской возвышенности. Если говорить о древней топографии Пскова, то курганы с камерными захоронениями находились в 1,5 км от древнего псковского городища, расположенного при слиянии рек Псковы и Великой, и примерно в 1 км от средневекового городского кладбища, охарактеризованного в первом томе издания. Исследователи считают, что данный некрополь располагался у магистральной

дороги, которая вела из Пскова на юг (Т. 2: 11) и, в частности, к древнейшей переправе через р. Великую в районе д. Выбуты. Многовековая устная традиция связывает это селение с княгиней Ольгой.

Том предваряется историко-топографическим очерком (авт. Е. А. Яковлева); *первая часть* посвящена собственно изданию полевой документации с каталогами вещей (статьи по отдельным погребениям написаны авторами раскопок по единому принципу); во *вторую часть* вошли исследовательские статьи по отдельным деталям погребального обряда и по определенным категориям сопровождающего инвентаря; в *третьей части* отражены результаты изучения естественно-научными методами материалов камерных погребений.

Е. А. Яковлева, оценивая топографическую обособленность и сконцентрированность камерных захоронений в Пскове, справедливо отмечает, что этим данный погребальный комплекс отличается от известных могильников с камерными погребениями как на территории Древней Руси, так и Скандинавии, где камеры, как правило, расположены среди других по обряду захоронений (Т. 2: 25). Здесь же могильник, состоявший из одних камерных погребений, как бы противопоставлен синхронному ему городскому некрополю, где, кстати, зафиксировано три камерных погребения, расположенных в разных местах среди захоронений других типов и, по сравнению с погребениями Старовознесенского могильника, отличались в целом бедностью погребального инвентаря. В свою очередь характер сопровождающего инвентаря в Старовознесенском некрополе свидетельствует, что этот могильник был оставлен элитарной частью раннесредневекового населения Пскова. Богатство захоронений превосходит все ожидания и поражает воображение. Даже в разграбленных еще в древности могилах сохранились предметы и украшения или их фрагменты, свидетельствующие о роскошном убранстве костюма погребенного и богатых дарах, помещенных в могилу. В состав погребального инвентаря входят золотые и серебряные украшения, многие из которых представляют редкие изысканные вещи, фрагменты шелковых тканей, золотые нити и пр. Погребения сопровождалась ларцами, ведрами, деревянной посудой с серебряными и металлическими оковками.

Следует обратить внимание, что детские камерные захоронения (№ 5 — мальчик 11–12 лет; № 7 — девочка от 3 до 7/8 лет) по богатству инвентаря ничем не уступают взрослым захоронениям, а погребение девочки, может быть, даже превосходило отдельные захоронения взрослых. Данный факт является еще одним подтверждением особого социально-культурного статуса людей, оставивших Старовознесенский некрополь, и показывает исключительное богатство семьи, в которой родилась похороненная девочка. Чтобы не быть голословными, перечислим незначительную часть предметов, которые сопровождали ее в последний путь: очелье, обшитое златотканой тесьмой с золотым кольцом, еще одно золотое кольцо с бусиной, серебряные браслет и фибула, деревянная чаша с серебряными чернеными оковками, ларец, украшенный разноцветными стеклянными пластинами, весы и т. д. (Т. 2: 314–322). Судя по материалам рядовых древнерусских могильников, а также этнографическим данным, дети и старые люди, как правило, сопровождалась более скромным погребальным инвентарем, нежели мужчины и женщины в расцвете сил, что было обусловлено их социальным положением. К. А. Михайлов, специально изучавший материалы камерных захоронений на территории Восточной Европы,

также подчеркивал богатство камерных детских погребений, исследованных в могильниках Киева, Шестовицы и Тимерёва. По его мнению, поскольку дети сами по себе никакого статуса еще не достигли, они получают набор взрослого погребального инвентаря как бы «авансом», в силу того положения, которое занимает род погребенного в обществе (Михайлов 2016: 170). В связи с этим отметим еще один интересный факт. В обоих детских погребениях среди погребального инвентаря найдены весы. В археологической литературе уже давно доказано, что нельзя примитивно интерпретировать захоронения с весами и гирьками как погребения купцов (Пушкина 1991: 233–234). Детские погребения в Старовознесенском некрополе тому еще одно подтверждение. Несомненно, ни мальчик, ни девочка купцами не были. Можно предположить, что весы положили к ним в могилу как символ социальной значимости рода. При интерпретации статуса погребенных в камерных гробницах в свое время А. С. Грэслунд высказала мнение о том, что в камерах хоронили не просто княжеских дружинников, а скандинавов (воинов и купцов), занимавшихся международной торговлей, и членов их семей (Gräslund 1980: 79–82, 86), в русской литературе ее мнение поддержал Ю. Э. Жарнов (Жарнов 1991: 217–218). С большим основанием можно предполагать, что дети происходили из купеческих семей, поэтому их сопроводили весами в качестве символа родовых занятий.

По данным антропологических определений и характеру сопровождающего инвентаря в срубных гробницах Пскова были похоронены четыре женщины, два мужчины, два мальчика (один сопровождал погребение мужчины и находился вне стен камеры) и одна девочка. Ясно, что изученные восемь камер — это только какая-то небольшая часть погребального комплекса. Тем не менее подобная случайная выборка показывает, что Старовознесенский некрополь является кладбищем богатых семей, входивших в элитарную часть местного общества. Вполне логично предположить, что эта группа древних псковичей входила в состав ближайшего княжеского окружения и социально и территориально обособлена от простых псковичей. И тогда встает вопрос: а где во времена Ольги находился княжеский двор в Пскове?

Важные результаты достигнуты псковскими археологами в изучении устройств камер и самого погребального места. Раскопки, проведенные на современном научном уровне с привлечением полного арсенала естественно-научных методов, техническая оснащенность экспедиции позволили в значительной степени пополнить наши знания о деталях погребальной обрядности как в сооружении погребальной конструкции, так в организации ее внутреннего пространства. Хотя сохранность камер была различна, удалось установить, что в обширную по размерам яму впускали срубы, имевшие пол и потолок (см. статью Е. А. Яковлевой — Т. 2: 484–505). Но наиболее интересными являются наблюдения, сделанные над особенностями размещения погребенных в пространстве погребального сооружения: женщина в камерном погр. № 1, судя по характеру расположения костей, полусидела на возвышении; в камере № 3 удалось реконструировать деревянное ложе-кровать; мальчик, сопровождавший захоронение мужчины в камере № 4, был помещен в лодку (бревна пола были выдвинуты за пределы сруба и на них поставлена лодка-долбенка); а девочка в камере № 7 лежала в сундуке. Такое разнообразие в размещении тела умершего вполне вписывается в камерный погребальный обряд на территории собственно Скандинавии, где помимо упомянутых вариантов гробовищами могли служить не только сундуки, но и кузова небольших повозок, и одиночные сани (Gräslund 1980: 149–153).

Нельзя не подчеркнуть, что благодаря тщательности полевых изысканий были реконструированы деревянные предметы, уже почти истлевшие (например, блюда, на одном из которых находились куриные кости; лодка-долбленка и пр.). Успешно проведенные рентгенограммы позволили до расчистки определить расположение многих хрупких предметов, тем самым обеспечить им сохранность и четко зафиксировать их взаиморасположение, что чрезвычайно важно для последующей реконструкции, особенно, например, деталей костюма.

Вторая часть тома состоит из 11 статей, в которых проводится научно-исследовательский анализ полученных раскопками материалов.

Реконструкция одежды на материалах археологии — один из наиболее сложных и спорных вопросов. Текстиль в погребениях сохраняется, как правило, очень плохо, часто — фрагментарно. Для восстановления одежды нужны определенные ключевые детали костюма (окантовка ворота, рукавов, подола; швы, разрезы и пр.). Иногда даже крупные куски тканей без определяющих элементов трудно идентифицировать с конкретными частями одежды. В свою очередь ношение металлических элементов часто можно трактовать по-разному, а поэтому реконструкция одежды носит гипотетический характер. Только в редких случаях исследователи получают в руки материалы, которые позволяют достоверно восстановить важные узловые элементы древнего костюма. Именно такая удача выпала на долю псковских археологов. Скандинавские исследователи много сделали для реконструкции женского костюма начала II тыс. н. э., однако некоторые детали до сих пор требуют уточнения. В этой связи особое значение приобретает находка из камерного погр. № 3, где в качестве сопровождающего инвентаря в берестяном коробе находился комплект женской одежды, в который были завернуты две скорлупообразные фибулы (Т. 2: 136, 137). Следует особо отметить скрупулезную работу Е. А. Зубковой и О. В. Орфинской по анализу и реставрации, проведенную на высоком научном уровне с применением современных методик исследования тканей (Т. 2: 374–379, 389, 390). В результате мы получили достоверные сведения о двух изделиях, составляющих «запасной» костюм погребенной (рубаха и верхняя сарафанообразная одежда с бретелями). Исследователи не только предложили общую реконструкцию костюма, но и в деталях описали технологический процесс ее пошива, а также дали полную характеристику роскошных редких византийских шелковых тканей с узором, которые были использованы при отделке сарафанообразного одеяния.

Вторая важная находка была связана уже с мужским костюмом в камерном погр. № 6, где удалось обнаружить крупные фрагменты тканей от двух комплектов однотипной верхней одежды, застегивающейся на грибовидные пуговицы. Один костюм находился на погребенном, а второй лежал в качестве «сменной» одежды около стены камеры. По материалам этого погребения достаточно определенно восстанавливается запашная одежда типа кафтана с поперечными шелковыми галунами. Количество пуговиц соответствовало количеству галунов на кафтане (Т. 2: 379–381). Исследовательницы в деталях проследили систему застежек. Во втором томе данному сюжету посвящена еще одна статья — К. А. Михайлова, который рассматривает мужской костюм из псковского некрополя на широком фоне ранне-средневековых европейских аналогий, привлекая при этом многочисленный изобразительный материал (Т. 2: 415–427). Одним из наиболее дискуссионных вопросов является вопрос о происхождении древнерусского кафтана. Не секрет, что

кафтан как одежда возник в кочевнической среде, однако, изучив особенности кроя верхней одежды у различных групп кочевников, автор пришел к определенному выводу, что на территории Древней Руси данный тип одежды появился опосредованно, через Византию и Болгарию (Т. 2: 423–427). Взяв за основу «всаднический кафтан», византийцы видоизменили его, придав ему элегантность. И этот, уже «измененный вариант кафтана X в., возможно, в его византийском исполнении, и был воспринят в Древней Руси, а впоследствии попал в Бирку» (Т. 2: 427). Судя по археологическим находкам, на Руси он распространился с середины — второй половины X в. (Там же).

В нескольких статьях второй части второго тома рассматриваются конкретные категории погребального инвентаря (керамика, оружие, торговый инвентарь, изделия из стекла и янтаря) и отдельные уникальные предметы. К последним, в частности, относятся серебряная трапецевидная подвеска и расписная доска из погребальной камеры № 6. Подвеска представляет собой редкий экземпляр с изображениями, выполненными в технике черни. На одной стороне подвески находился родовой знак Рюриковичей — двузубец, между отрогами которого изображен ключ, а на другой стороне помещено схематичное изображение хищной птицы, голова которой увенчана крестом. В своей статье Т. Е. Ершова и А. В. Яковлева подробно рассматривают данную подвеску в контексте находок подвесок с двузубцами и монет, имитирующих дирхемы с изображениями птиц, разбирают семантику отдельных деталей и приводят мнение широкого круга исследователей по интересующим сюжетам (Т. 2: 395–414). Авторы датируют подвеску около 951–961 гг. и полагают, что «птица с крестом» могла быть изобразительным символом княгини Ольги в период ее «регентства» после 945 г. (Т. 2: 412). Мужчина, погребенный в камере № 6, видимо, являлся представителем княжеской власти и ему были делегированы определенные полномочия. Конечно, интерпретация знаков и изображений, как правило, выходит за рамки строго научных взглядов, и в ней всегда есть элемент красивой фантазии, но сама вещь достойна этого.

Второй предмет из этого же погребального комплекса не менее интересен, тем более он воссоздан буквально из ничего (см.: Н. М. Ткачева. Т. 2: 428–440). На стол в лабораторию была принесена вырезка грунта со дна могильной ямы, представлявшая собой «песчано-органический конгломерат неправильной формы». «На поверхности монолита прослеживался древесный тлен, местами на его поверхности и на песке <...> просматривались отдельные небольшие участки полихромии». «Древесная основа в процессе тысячелетнего пребывания в условиях влажного грунта истончилась настолько, что толщина ее не достигала и 1 мм» (Т. 2: 428). Благодаря поистине ювелирной работе реставраторов удалось выявить и сохранить фрагмент изображения, выполненного на деревянной основе в технике темперной живописи. Ошеломляюще выглядит расшифровка самого живописного сюжета. По мнению автора статьи, восстановленное изображение можно реконструировать как часть христорогамы (монограмма Иисуса Христа) — одного из самых ранних символов христианства, который появился в период правления императора Константина Великого (306–337 гг.). Если это так, то данная находка вместе с находками свечей и крестиков, представляющими христианские символы в некрополе, свидетельствует, что люди, похороненные еще по языческому обряду в камерах, идеологически находились на пути к христианской вере. Такой дуализм, видимо, был неизбежен в переходный период от язычества к христианству. Рассматривая художественные

традиции живописного стиля на сохранившейся части псковской доски, Н. М. Ткачева делает вывод, что наиболее близкие аналогии можно найти в скандинавском искусстве (Т. 2: 437, 440). С. А. Салмин в статье, посвященной оружию, высказал предположение, что фрагмент расписной доски из погр. № 6 мог быть остатками щита (Т. 2: 472).

При подробном изучении бус из погр. № 1 и 7 Старовознесенского могильника Я. В. Френкель сделал вывод, что хронологически они укладываются в последнюю четверть X в., то есть соотносятся с последними погребениями Бирки. В свою очередь сам набор стеклянных бус («по внешним характеристикам довольно скромный и невыразительный») с сопутствующими им украшениями связан «именно с Северной Европой (а не с североевропейскими чертами древнерусской элитарной субкультуры)» (Т. 2: 458, 459). Также по многочисленным однотипным украшениям псковский некрополь сопоставим с погребениями Киевского и Гнёздовского могильников и, в меньшей степени, с Шестовицкими и Тимерёвскими камерными захоронениями. Одним словом, насколько можно понять автора, в псковском некрополе, как в Киеве и Гнёздове, в наиболее чистом виде проявляются собственно скандинавские черты.

Третья часть второго тома посвящена естественно-научным исследованиям материалов из погребений Старовознесенского могильника. Здесь представлены статьи, касающиеся химического состава металла и техники изготовления украшений и бытовых предметов (Н. В. Ениосова); антропологического изучения костных останков (Д. В. Пежемский); геолого-геоморфологических и палеоландшафтных особенностей территории и окрестностей могильника (О. М. Татарникова, Е. А. Яковлева); дендрохронологического анализа (М. И. Кулакова) и археоботанического исследования (А. А. Гольева).

Для общих выводов интересны наблюдения, сделанные Н. В. Ениосовой и Д. В. Пежемским. Подробно рассмотрев химический состав и технику изготовления изделий некрополя, Н. В. Ениосова отмечает разнообразие сплавов в псковской выборке, которое «отражает разнообразие технологий и технологических приемов» при изготовлении вещей (Т. 2: 557). Прежде всего, достаточно значительная серия различных типов украшений по технике изготовления и набору декоративных приемов выполнена в скандинавской производственной традиции. Среди скандинавского круга древностей автор выделяет отдельные предметы (круглую фибулу и подвески-личины), которые «по морфологическим и стилистическим признакам отличались от украшений, известных в Скандинавии и на территории Древней Руси», и предполагает, что они сделаны готландскими мастерами, видимо, по специальному заказу (Т. 2: 557, 558). Будучи тонким знатоком скандинавских древностей на пространстве всей территории Европы и сравнивая между собой различные группы памятников, Н. В. Ениосова приходит к тому же выводу, что и Я. В. Френкель, — «по составу находок комплексы камер Старовознесенского некрополя более схожи с аристократическими погребениями Киева и Гнёздова третьей четверти X — начала XI в.» (Т. 2: 558). Это сходство прослеживается также в присутствии в них украшений славянских мастеров, выполненных в технике зерни и скани. Как показывают материалы последних исследований, их могли делать и в Верхнем Поднепровье (Там же). Кроме того, третьей общей чертой камерных погребений Верхнего, Среднего Поднепровья и Пскова является «наличие „восточных“»

вещей, причем в их число входят поясные накладки из Волжской Болгарии или Прикамья, прикамские кресала, а также пуговицы и серебряные оправы деревянных ковшей, имеющие параллели в кочевнических древностях Юга Восточной Европы» (Там же).

Последнее, на что мы хотим обратить внимание, — выводы Д. В. Пежемского относительного антропологического типа похороненных в псковском некрополе людей. Несмотря на плохую сохранность костного материала, автору удалось сделать интересные наблюдения. По материалам захоронений восстанавливаются женщины с массивной скелетной системой и черепом (Т. 2: 566). После длительной реставрации удалось подробно изучить череп из богатейшего погр. № 1 и сделать пластическую реконструкцию внешнего облика женщины с крупными чертами лица (Т. 2: 567). Как отмечает Д. В. Пежемский, некоторые исследователи, в частности С. Л. Санкина, склонны интерпретировать данный антропологический тип как «скандинавский» (Т. 2: 568). Однако его собственные изыскания привели к выводу, что морфологические особенности черепа из камерного погр. № 1 имеют сходство не только с черепами с территории Швеции, но с материалами, полученными при исследовании некоторых погребальных памятников Северо-Запада России и Прибалтики. На основе современных палеоантропологических разработок Д. В. Пежемский делает вывод, что физическое сходство черепов связано с тем, что данный антропологический тип сформировался на основе древнего расового пласта, распространенного в Северной Европе и на севере Восточной Европы еще в эпоху бронзы (Т. 2: 574, 575).

Подводя итоги, можно сделать некоторые заключения. В настоящее время нам кажется, что крайне значимые открытия псковских археологов и уровень проведенных исследовательских работ оказались пока еще не до конца оценены в научной среде. В черте современного города в результате в основном охранных раскопок выявлено два одновременных могильника, один из которых являлся рядовым кладбищем средневековых горожан, а другой был оставлен обособленной, достаточно состоятельной общиной, этнически близкой скандинавской культуре. Основываясь на выводах Я. В. Френкеля и Н. В. Ениосовой, по составу и характеру украшений псковские камерные гробницы составляют единый ряд с камерами Верхнего и Среднего Поднепровья.

Входящие в погребальной инвентарь вещи европейского уровня, имеющие широкий диапазон происхождения (от Северной Европы до Востока и Византии), говорят о дальних международных связях. А учитывая, что из восьми погребений в пяти имелся торговый инвентарь, предположение С. Грэлунд, что в камерах хоронили скандинавов (воинов и купцов), занимавшихся международной торговлей, и членов их семей, для псковского некрополя выглядит вполне правдоподобно. Следует также отметить, что в материальной культуре этой общины чрезвычайно сильно прослеживается влияние Византии. Неслучайно, несмотря на языческий обряд, в захоронениях встречаются очевидные символы христианства: три крестика (две подвески, один нашивной) и христограмма на доске. Для восьми захоронений это довольно значительный процент вещей, связанных с христианской символикой, учитывая, что половина погребений была разграблена и комплект погребального инвентаря дошел до нас не полностью. Кстати, в пользу христианизации данной группы населения говорит и сам обряд ингумации.

Поскольку погребения в камерах составляют компактную группу и среди них нет других типов захоронений, мы считаем, что данная община была несколько обособлена, но она жила среди славянского населения Пскова, и в ее повседневной материальной культуре это не могло не отразиться. Так, керамика в камерных захоронениях ничем не отличается от форм сосудов городского псковского некрополя. Е. А. Яковлева усматривает в устройстве гробниц черты русского домостроительства (Т. 2: 502). Несомненно, люди, оставившие этот могильник, пользовались услугами местного населения. К. А. Михайлов, изучая следы грабителей, пришел к выводу, что разграбления произошли в древности, «вскоре после сооружения; тела и костюм погребенных еще не успели разрушиться» (Т. 2: 511, 512). Думается, что, глядя на пышные похороны, бедное местное население и грабило эти набитые сокровищами гробницы.

Литература

Жарнов 1991 — Жарнов Ю. Э. Женские скандинавские погребения в Гнёздове // Авдусин Д. А. (ред.). Смоленск и Гнёздово. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 200–225.

Михайлов 2016 — Михайлов К. А. Элитарный погребальный обряд Древней Руси. СПб.: Дом Бранко, 2016. 271 с.

Пушкина 1991 — Пушкина Т. А. Торговый инвентарь из курганов Смоленского Поднепровья // Авдусин Д. А. (ред.). Смоленск и Гнёздово. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 226–243.

Хвощинская 1997 — Хвощинская Н. В. К вопросу формирования древнерусской культуры на западе Новгородской земли // Кирпичников А. Н., Рябинин Е. А., Сакса А. И. (ред.). Славяне и финно-угры. Археология, история, культура: Доклады российско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 123–138.

Gräslund 1980 — Gräslund A.-S. The Burial Customs. A study of the graves on Björkö. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Anticivitetens Akademien, 1980. 94 p. (Birka IV).

AD MEMORIA

ПАМЯТИ Э. Б. ВАДЕЦКОЙ (1936–2018)

18 августа на 83-м году ушла из жизни Эльга Борисовна Вадецкая, ведущий научный сотрудник-консультант Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН, доктор исторических наук. Ее значение для археологии Сибири, ее научное наследие еще ждут своих исследователей. Но и при жизни Эльги Борисовны ее научные достижения заслужили справедливо высокую оценку. К счастью, об этом признании своего незаурядного вклада в науку она узнала еще при жизни.

Эльга Борисовна Вадецкая родилась 1 января 1936 г. Случилось это в Киргизии, на берегах соленого горного озера Иссык-Куль. Можно сказать, что событие имело место «в экспедиции» — родители новорожденной находились на Тянь-Шане в командировке. Далее было возвращение семьи в Москву, рождение сестры, война, эвакуация в Поволжье, где родилась самая младшая сестра... После окончания школы в 1954 г. Эльга Борисовна поступила на исторический факультет Московского университета, кафедру археологии которого успешно окончила в 1960 г. Окончательным выбором и смыслом всей ее жизни стала археология. Своими учителями Эльга Борисовна считала С. В. Киселёва и Л. Р. Кызласова. А работа в Сибири, в экспедициях Ленинградского отделения Института археологии АН СССР определила судьбу, личную жизнь, место работы. Здесь на нее оказал огромное влияние М. П. Грязнов. Эльга Борисовна своей научной биографией воплотила синтез двух школ отечественной археологии — московской и ленинградской/петербургской.

Уже в 1966 г. была закончена и успешно защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Древние изваяния эпохи бронзы на Енисее». В сферу интересов Эльги Борисовны вошла вся палитра древних культур Южной Сибири от энеолита до средневековья, что отразилось в исследованиях двух крупнейших новостроечных экспедиций — Красноярской и Сибирской, последнюю из которых Эльга Борисовна возглавляла около 10 лет (1979–1989 гг.). В рамках Сибирской экспедиции и на основе ее работ сформировалась информационная и концептуальная база докторской диссертации Э. Б. Вадецкой «Таштыкская эпоха в древней истории Сибири», успешно защищенной в 1999 г. В этой работе особенно проявились эрудиция автора, широкое использование данных этнографии и естественных наук.

Эльгу Борисовну отличало особое отношение к науке, граничащее с фанатизмом. Это не значит, что она замыкалась в «башне из слоновой кости». Она очень интересовалась окружающей жизнью, ее волновало будущее страны. Эльге Борисовне были интересны люди, которые встречались в ее жизни, сопровождали

ее в экспедициях. Она высоко ценила профессионализм коллег (часто даже вопреки сложившимся личным, не самым гармоничным отношениям) и художников, с которыми много работала, — Л. Н. Баранова, С. В. Горюнкова и др. При активной помощи Э. Б. Вадецкой, благодаря ее дружеским профессиональным советам, комментариям и наставлениям защитили кандидатские диссертации И. П. Лазаретов, А. В. Поляков, Н. Н. Николаев, Н. Ю. Смирнов, С. В. Панкова, А. И. Поселянин. Ее консультациями и советами пользовались многие коллеги из разных городов России и из других стран. При этом Эльга Борисовна была бескомпромиссна в отстаивании интересов науки, принципиальна в ключевых вопросах, прямодушна в оценках, аргументированна в доказательствах. Признание научных заслуг Э. Б. Вадецкой нашло отражение в двух энциклопедических изданиях Сибири — Красноярском и Хакаском словарях.

Э. Б. Вадецкая, 2008 г.

E. B. Vadetskaya, 2008

Вспоминая Эльгу Борисовну, можно сказать, что она дитя муз — истории и литературы. Но если история — это Клио, то литература — это и Каллиопа, и Эвтерпа, и Мельпомена, и Талия, и Эрато. Если духовная связь с Клио у Э. Б. Вадецкой очевидна, то с «общей литературной музой» отношения были более сложными. Это и происхождение, и воспитание в литературной семье, это и дружба с литературоведом и филологом А. А. Морозовым и палеонтологом (основателем новой отрасли палеонтологии — *тафономии*) и писателем И. А. Ефремовым, это и собственное творчество, сочетающее науку и литературу, это и выбор литературы, как смысла жизни, ее сыном Алексеем, продолжателем литературных традиций семьи. И через литературу, через героиню романа «Туманность Андромеды» Веду Конг — воплощенный образ Эльги Борисовны, археология становится мостом между прошлым и будущим. Всегда стремившаяся к совершенству, многократно перепроверявшая в своих текстах и стиль, и сведения, в последние недели своей жизни Эльга Борисовна ждала переиздания своих ранних книг — «Древние идолы Енисея» и «Сказы о древних курганах», где в увлекательной форме рассказала о древностях Южной Сибири.

Эльга Борисовна неоднократно высказывала сожаление о том, что весь ее научный арсенал, даже опубликованный в виде 8 монографий и более 200 статей, ее архив недостаточно востребован учениками и коллегами. Нам остается только попытаться хотя бы частично исполнить этот долг перед ней и в память о ней.

С. В. Красниенко

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ	—	Археологические вести. СПб.
АИ	—	Археологические изыскания. СПб.
АН	—	Академия наук
АСГЭ	—	Археологический сборник ГЭ. Л./СПб.: Изд-во ГЭ
АЭАЕ	—	Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
БР	—	Берёзовский разрез
БС	—	Балтийская система высот
ВАС	—	Всероссийский археологический съезд
ВДИ	—	Вестник древней истории, М.
ГАИМК	—	Государственная академия истории материальной культуры. Пг. / Л.
ГАН	—	Государственные академии наук
ГИМ	—	Государственный исторический музей, М.
ГРМ	—	Государственный Русский музей. Л./СПб.
ГУ	—	Государственный университет
ГЭ	—	Государственный Эрмитаж. Л./СПб.
ЗИИМК	—	Записки ИИМК РАН. СПб.
ЗИН	—	Зоологический институт АН СССР/РАН. Л./СПб.
ИА	—	Институт археологии
ИАЭТ	—	Институт археологии и этнографии СО АН СССР/РАН. Новосибирск
ИИМК	—	Институт истории материальной культуры АН СССР/РАН. Л.; М./СПб.
ИНИОН	—	Институт научной информации по общественным наукам. М.
КАТЭК	—	Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс
КСИА	—	Краткие сообщения ИА АН СССР/РАН. М.; Л.
КСИИМК	—	Краткие сообщения ИИМК АН СССР. М.; Л.
Л.	—	Ленинград

ЛГУ	— Ленинградский ГУ
ЛОИА	— Ленинградское отделение ИА АН СССР
М.	— Москва
МГУ	— Московский ГУ им. М. В. Ломоносова
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
ММК	— Материалы международной конференции
ММНК	— Материалы международной научной конференции
МНК	— Международная научная конференция
МНН	— Мифы народов мира
НГОМЗ	— Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НИИ	— Научно-исследовательский институт
НКТ	— Невская книжная типография
НОА	— Научно-отраслевой архив
Пг.	— Петроград
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РА/СА	— Российская / Советская археология. М.
РАИМК	— Российская академия истории материальной культуры. Пг.
РАН	— Российская академия наук
РСКК	— раннескифский культурный комплекс
САИ	— Свод археологических источников. М.; Л.
Сб.	— сборник
СО	— Сибирское отделение АН СССР/РАН
СПб.	— Санкт-Петербург
СПбГУ	— Санкт-Петербургский ГУ
СЭ	— Советская этнография. М.
ТАС	— Тверской археологический сборник. Тверь: Тверской государственный объединенный музей
ТД	— Тезисы докладов
Тр.	— Труды
ФНИ	— Фундаментальные научные исследования
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
BAR IS	— British Archaeological Reports. International Series. Oxford
BSPF	— Bulletin de la Société préhistorique française

IJO	—	International Journal of Osteoarchaeology
IHMC	—	Institute for the History of Material Culture RAS. St. Petersburg
JAA	—	Journal of Anthropological Archaeology
Jahrb. RGZM		Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Mainz
JFA	—	Journal of Field Archaeology
l-klā	—	leidykla (издательство)
LEU l-klā	—	Lietuvos edukologijos universiteto leidykla
LIMC	—	Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Zürich und München: Artemis
MGUI	—	Modified General Utility Index
PBF	—	Prähistorische Bronzefunde. München; Stuttgart
PPNB	—	Pre-Pottery Neolithic B
PZ	—	Prähistorische Zeitschrift. Berlin; New York
RAS	—	Russian Academy of Sciences
VBF	—	Violinbogenfibel (смычковые фибулы)

Научное издание

**ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН № 19**

Корректор Е. А. Гольдич
Верстка Е. В. Новгородских

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Подписано в печать 22.12.2018. Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 24. Тираж 300 экз. Заказ 1038

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
Отпечатано в ООО «Невская Книжная Типография»
197101, Санкт-Петербург, Каменноостровский пр., дом 21, литера А,
помещение 9-Н, комната 19
Тел. +7(812) 643-0319
Тел./факс: +7(812) 380-7950
E-mail: spbcolor@mail.ru